

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

ОСМАНСКАЯ

ИМПЕРІЯ

И РОССІЯ

ТОМ ТРИДЦАТЫЙ

2019

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРІЯ
И РОССІЯ

ТОМ ТРИДЦАТЫЙ

Под общей редакцией
Т.Ю. Кобищанова

Посвящается Фериде Мустафовне Аџамба,
профессору ИСАА МГУ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Goldman**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жаңғиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курюкин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Маргинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov**
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin**
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy**
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko**
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya**
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov**
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun**
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy**
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov**
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov**
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina**
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin**
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer**
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov**
Ph.D. in Economics, Docent, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov**
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov**
Ph.D. in History, Director of the 'Kremlin-9' Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan**
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila**
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Наследники Византии

После взятия в 1453 г. Константинополя, а вслед за ним — оставшихся обломков Византии, наследником павшей империи объявила себя держава-победительница: государство Османов. Османские султаны приняли титул шахиншаха («царя царей», *Basilius Basileon*), считая себя законными преемниками византийских императоров и римских цезарей. Религиозная подоплека случившегося представлялась завоевателям закономерной. Мусульманский Рим пришел на смену Риму христианскому точно так же, как последний в свое время сменил Рим языческий. Османское «Вечное государство» (*Девлети эбед-и-муддет*) продолжило имперскую традицию римского «Вечного города» и стремилось объединить в своих пределах все его бывшие владения.

Однако спустя несколько десятилетий о своем если не политическом, то духовно-идеологическом наследии Второму Риму заявила еще одна молодая держава: Московская Русь. После того как династия Рюриковичей в 1472 г. породнилась с семьей Палеологов — последних императоров Византии, в кругах русских интеллектуалов стали продвигаться идеи преемства власти великих князей от византийских императоров. В XVI столетии эти представления нашли воплощение в концепции «Москва — третий Рим» и в обрядах венчания и помазания на царство. Так же как и у османов, произошедшие события имели религиозное обоснование: в российском контексте подразумевалась утрата Византией права на главенство в христианском мире после заключения Флорентийской унии 1439 г.

Вдохновленные осознанием исключительности своей исторической миссии обе державы продолжили начавшийся еще в XIV столетии процесс расширения границ. В динамике и векторах развития Османской и Российской империй прослеживаются

определенные параллели. Возникнув во второй половине XIII в. в виде маленького бейлика в Северо-Западной Анатолии и невеликого княжеского удела Северо-Восточной Руси, эти государства стали быстро расти в последующем столетии за счет собирания окрестных земель. Во второй половине XV в. экспансия как Стамбула, так и Москвы вырвалась на обширные пространства. К концу XVI столетия во владениях султанов проживало до 25 млн человек, во владениях русских царей — до 10 млн. Геополитические амбиции двух империй привели к первому столкновению их сил: сперва в ходе войны 1568–1570 гг. под Астраханью и в Волго-Донских степях, а затем в 1572 г. в битве при Молодях под Москвой, где крупный отряд янычар поддерживал поход крымского хана.

Это была первая из 12 войн между двумя государствами. Логика имперской экспансии сомкнула границы обеих претендовавших на наследие Византии держав, а религиозно-идеологическая традиция придала этой схватке особый судьбоносный смысл. Подсчитано, что за три с половиной века с 1568 по 1918 г. Россия и Османская империя 69 лет находились в состоянии войны, в среднем один вооруженный конфликт от другого отделял 25-летний перерыв. Противоборство шло с переменным успехом в первые полтора столетия, начиная с победы Ивана IV над войсками Селима II в 1569 г. и вплоть до поражения Петра I от армии Ахмеда III во время Прутского похода 1711 г. Последовавшие пять войн, пришедшиеся на период с 1735 по 1829 г., ознаменовались превосходством русского оружия. Начиная с середины XIX в. и по 1918 г. Османская империя дважды в коалиции с другими странами одолевала Россию, а в 1877–1878 гг. потерпела поражение, сражаясь с ней в одиночку.

Эпическое вооруженное противоборство двух держав заслоняет многостраничную летопись российско-османского сотрудничества. История знала и примеры военного взаимодействия север-

ного и южного гигантов: в 1798–1799 гг. их вооруженные силы совместно вели борьбу против революционной Франции в Греции и Италии, а в 1833 г. российский экспедиционный корпус стеной встал на защиту Стамбула от наступавших войск Мухаммада Али Египетского.

Еще более долгую историю имеют торговые русско-османские отношения. Как это происходило повсеместно в средневековой дальней торговле, важнейшей номенклатурой перевозимых товаров являлись предметы роскоши. Особую роль играли изделия из меха, помимо своей основной функции выполнявшие в Османском государстве роль государственных наград. Немецкая исследовательница Хедда Райндл-Киль в статье «Статус, почести и предметы роскоши» демонстрирует, какое значение имели поставки мехов из России как для высших слоев стамбульской элиты, так и в целом для иерархизированного османского общества. В XVIII в. в сложившемся товарообмене открылось новое направление: османские правители начали направлять ценные дары своему северному соседу, перестраиваясь на новую парадигму дипломатических отношений.

Смене османского геополитического восприятия посвящена и статья профессора Стамбульского университета Махира Айдына. На основе детальной проработки турецких архивов автор демонстрирует эволюцию образа России: с XV–XVI в., когда «страна шуб», «неверная Московия» мало занимала умы османских чиновников и интеллектуалов, и вплоть до XIX столетия, когда Россию стали воспринимать в Стамбуле как особо значимую для Османской империи державу. Куда большее внимание к южному соседу проявляли в XVI–XVII вв. московские власти. Одним из основных источников информации для них являлись так называемые «распросные речи» лиц, вернувшихся в Россию из турецкого плена. Исследованию этих документов, а равно и челобитных бывших пленников по-

священа работа профессора Сорбонны А.С. Лаврова. При анализе «распросных речей» интересны как ответы репатриантов, так и то, что конкретно интересовало допрашивавших. Особое внимание автор уделяет культурным трансфертам между российским и османским обществами и той роли проводников сложившихся практик и представлений, которую играли в них полоняники.

Не все россияне попадали в османские пределы против своей воли. Паломники, стремившиеся поклониться святым местам христианства, выступали в качестве еще одной точки соприкосновения различных религий и культур. Вернувшись обратно, некоторые из них оставляли записи своих хождений. Паломнический жанр русскоязычной словесности зародился в XI в., приобрел популярность в XVII столетии и достиг расцвета в XVIII в. Этой последней эпохе и посвящена работа профессора ИСАА МГУ С.А. Кириллиной. Воспринимая османский мир сквозь призму православной традиции, пилигримы в ходе долгих странствий крайне редко меняли свое мышление и мировоззрение. Российское общество, в результате, лицезрело Османское государство, населявших его мусульман и христиан глазами этих «очарованных странников».

Совершенно иначе, нежели из столиц, виделись российско-османские отношения с приграничья, периодически превращавшегося в зону боевых действий. Статья профессора РАН И.В. Зайцева доносит до нас голоса простых участников осады Азова и Очакова в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Песни народного жанра *тюркю* немудрены и малоинформативны, однако достоверно доносят до нас дух эпохи, настроения, страхи и чаяния османских солдат, оказавшихся лицом к лицу с грозным северным противником. Войне и миру на стыке христианского и мусульманского миров посвящено также исследование польских востоковедов: профессора Варшавского университета Дариуша Колодзейчика и

Мариуша Качки, открывших для исторической науки ценнейший свод источников — Хотинский архив Колчак-паши. Этот крупнейший из дошедших до наших дней провинциальных османских архивов содержит обширное собрание как военно-политических, так и административных, торговых и бытовых документов, большинство из которых еще не введено в научный оборот.

Хотин наряду с Каменец-Подольским, Будой, Эгером стали крайними форпостами турецкого продвижения на северо-запад. В целом, несмотря на мощный натиск на Европу, османское общество и государство были слабо информированы о том, что происходит за западными и северными границами. Вплоть до конца XVIII в. султан не имел в Европе своих представителей, туда лишь эпизодически выезжали османские посольства. Напротив, в Стамбуле и ряде других торговых центров империи действовали постоянные дипломатические миссии европейских стран, включая Россию. Послы, посланники, консулы и их подчиненные выполняли разнообразные обязанности, включая шпионаж. Одним из наиболее ярких резидентов в османской столице был, безусловно, Алексей Вешняков, анализу политологических и историофилософских трактатов которого посвящена работа профессора ИСАА МГУ К.А. Панченко. Не вызывает сомнений, что постоянно общавшийся с восточнохристианским клиром Вешняков мечтал о том, как российские монархи примут в свои руки наследство древней Византии. В 1730–1740-е гг. резидент настойчиво призывал руководство предпринять последний поход на Константинополь. Впрочем, в Санкт-Петербурге его позиции в то время не разделяли.

Идея возрождения Византийского царства пережила ренессанс в 80-е гг. XVIII в. Так называемый «Греческий проект» императрицы Екатерины II, в частности, подразумевал расчленение Османской империи на несколько государств под покровительством

России. Одним из таких протекторатов должен был стать Египет, куда был направлен с миссией консул Конрад Тонус. К тому времени несколько европейских держав уже вступили в «игру за Суэц», призом в которой должен был стать кратчайший торговый путь из Европы в Азию. В свете возросших внешнеполитических амбиций России Тонус представил императрице проект трансконтинентальной торговли между Балтикой и Дальним Востоком через Египет. Этому плану и его месту среди аналогичных авантюр того времени посвящена статья доцента ИСАА МГУ Т.Ю. Кобищанова. Екатерининский проект раздела Османской империи провалился, одной из его жертв пал и Конрад Тонус. Россия надолго свернула свою активность на Ближнем Востоке.

Арабо-османский мир стал возвращаться в фокус внимания российской политики только начиная со второй трети XIX в. Немалая роль при этом отводилась Сирии как возможному театру боевых действий в случае успешного наступления Кавказской армии. В действиях разведки на Ближнем Востоке в 80-е гг. XIX в. отечественный ученый Е.М. Копоть видит этап перехода к новому уровню сбора и анализа данных, при котором акцент смещался от исключительно военных вопросов к социальной этнологии и поиску потенциальных союзников России в регионе. В Сирии таковыми считались прихожане Антиохийского патриархата. Османская разведка и дипломатия также активизировали действия во второй половине XIX — начале XX в. Равно как в Санкт-Петербурге делали ставку на проживавших во владениях султана православных единоверцев, в Стамбуле своими естественными сторонниками считали российских мусульман, причем не только Кавказа и Крыма, но и Поволжья и Средней Азии. Показательным в этой связи стало путешествие по России летом 1913 г. видного турецкого ученого и государственного деятеля Махмуда Эсад-эфенди. Политическому

аспекту этого визита посвящена статья отечественного историка В.В. Хутарева-Гарнишевского. Приведенные архивные документы свидетельствуют о том, насколько российские столичные и провинциальные власти, контрразведка и жандармерия оценивали реальность панисламистской и пантюркистской угроз.

Параллельно с «практической» этнографией, зачастую служившей политическим интересам, развивалось российское научно-теоретическое востоковедение, включая османистику, тюркологию и арабистику. Одним из его наиболее заметных представителей XIX–XX вв. был А.Е. Крымский (1871–1942 гг.). Совместная работа целого коллектива ученых из Казани, Киева, Нижнего Новгорода и Москвы Р.М. Валеева, О.Д. Василюк, С.А. Кирилиной и А.М. Абидулина посвящена тюркологическим и османистическим исследованиям Крымского, которые он вел в Бейруте, Москве и Киеве. Тесная взаимосвязь эволюции ориенталистики и восточного направления политики Российской империи очевидна. Однако классические труды университетского и академического востоковедения, столпами которого, наряду с А.Е. Крымским, были В.В. Бартольд (1869–1930), В.А. Гордлевский (1876–1956), И.Ю. Крачковский (1883–1951), пережили свое время, до сих пор сохраняя научную ценность.

К началу XX в. Россия и Османская империя были связаны друг с другом неизмеримо большим числом социально-политических, торгово-экономических и культурно-религиозных нитей, нежели в предыдущие столетия. Если на заре взаимодействия, в XV–XVI вв., Османское государство во всех отношениях значительно превосходило российское, то спустя 400 лет соотношение сил было противоположным. Противоборство с северным соседом стало для Стамбула вопросом выживания.

Параллели исторической судьбы двух наследников Византии вновь проявились на последнем этапе их существования. В сере-

дине XIX в. обе державы пережили этап кардинальных преобразований (для Османской империи ими стали реформы Танзимата 1839–1876 гг., для Российской — реформы Александра II 1861–1874 гг.), сменившийся неизбежным периодом реакции. Последний, в свою очередь, закончился революционным политическим переустройством начала XX в. (с 1905 г. — в России, с 1908 г. — в Османской империи). Наконец, в 1914 г. Санкт-Петербург и Стамбул сошлись в смертельной схватке Первой мировой войны — самой кровопролитной из всех, что им довелось вести за всю свою историю. Ни одному из соперников не удалось пережить конфликт. Торжество османских представителей, участвовавших в подписании Брестского мира 3 марта 1918 г., было недолгим. 30 октября того же года Мудросское перемирие зафиксировало капитуляцию Порты перед Антантой.

После катастрофически закончившейся для обеих держав войны общность судеб России и Турции не исчезла. Их значительно уменьшившуюся территорию на протяжении еще нескольких лет терзали внешние интервенции и внутренние конфликты. Режимы, возникшие на руинах рухнувших империй, стремились подчеркнуть свой разрыв с историческим прошлым, проводили лаяцистскую политику и первоначально совместно действовали против стран Антанты. Наступившее в 1930–1980-х гг. противостояние сменилось на современном этапе новой фазой российско-турецкого сотрудничества.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

Т.Ю. Кобищанов

Ответственный редактор номера, член редакционного совета

EDITORIAL

Heirs of Byzantium

After the conquest of Constantinople in 1453, and the last remnants of the Byzantium in the following years, a new victorious power declared itself to be the heir to the fallen Empire. It was the Ottoman State. The Ottoman sultans embraced the title of Kaysser (Caesar) as well as Shahan Shah («King of Kings», Basilius Basileon), considering themselves to be the legal successors of the Byzantine Emperors and Roman Caesars. The religious connotation for what had happened seemed absolutely logical to the conquerors. An Islamic Rome emerged to replace the Christian one, just like the latter once replaced the Pagan Rome. The Ottoman «Eternal State» (*Devleti ebed-i-muddet*) continued the imperial tradition of the Roman «Eternal City» and tried to embrace the entirety of the latter's former territories within its own borders.

Yet several decades later another young and powerful state declared itself to be an heir — if not politically, then at least spiritually and ideologically — to the Second Rome: Muscovite Russia. After the Rurikid dynasty entered into an arranged marriage with the Palaeologoi (the family of the last Emperors of Byzantium) in 1472, Russian intellectual circles started spreading the idea of the Russian Grand Princes' succession from the Byzantine Emperors. In the 16th century these ideas found their incarnation in the «Moscow — Third Rome» doctrine, as well as in the coronation and anointing rituals. Just like with the Ottomans, these events had a religious dimension: within the Russian context, Byzantium lost its primacy in the Christian world after the Union of Florence in 1439.

Inspired by perception of their unique historic mission, both states continued to expand their borders (a process that began as early as the 14th century). The dynamics and vectors in the development of both —

the Ottoman and the Russian empires — clearly exhibit certain parallels. Starting out in the second half of the 13th century as a small beylik in northwestern Anatolia and an insignificant principality of north-eastern Russia, these states began to quickly expand in the following century, bringing the surrounding regions under their sway. In the second half of the 15th century the expansion of both — Istanbul and Moscow — takes on a new scale. By the end of the 16th century up to 25 million people populated the dominion of the Ottoman sultans, and up to 10 million people — the realm of Russian czars. The geopolitical ambitions of the two empires brought about the first clash of their forces: first — during the war of 1568–70 near Astrakhan and in the Volga-Don steppes, and then in 1572 during the Battle at Molodi, near Moscow, where a numerous detachment of the Janissaries supported the campaign of the Crimean Khan.

This was the first of the 12 wars between the two states. The logic of imperial expansion brought together the borders of both states, each of which saw itself as the true successor to Byzantium. The religious and ideological tradition fired this clash with predestined purpose. Within three centuries, between 1568 and 1918, Russia and the Ottoman Empire spent 69 years at war; on average, the military conflicts took place once every 25 years. For the first 150 years the struggle went on with fairly even success for both parties, starting with Ivan IV's victory over Selim II's forces in 1569, down to Peter I's defeat by Ahmed III's army during the Prut Campaign of 1711. The following five wars which took place between 1735 and 1829 ended in victory for Russian arms. Starting from the middle of the 19th century and up to 1918 the Ottoman Empire — being part of international coalitions — managed to claim victory over the Russians in two wars, and in 1877–1878 it suffered another defeat from Russia after a one-on-one warfare.

The epic armed struggle of the two states often blocks out the long chronicle of Russian-Ottoman cooperation. History knew military alliances between the northern and the southern giants: in 1798–99 their forces fought together against revolutionary France in Greece and Italy, and in 1833 a Russian expeditionary corps stood as a wall of steel, defending Istanbul from the advancing forces of Muhammad Ali of Egypt.

Russian-Ottoman trade relations boast an even longer history. As in any long-distance medieval trade, the most important nomenclature of traded goods were objects of luxury. A special role was occupied by fur goods, which — aside from their direct function — were also state awards in the Ottoman Empire. The German scientist Hedda Reindl-Kiel in her article «Status, Honor and Luxuries: Some Remarks on Material Exchange between Russia and the Ottoman Empire» demonstrates the importance of Russian furs for the top circles of the Istanbul elite, as well as for the entire hierarchical Ottoman society. In the 18th century the exchange of goods found a new direction: Ottoman sultans began to send precious gifts to their northern neighbor, adjusting to a new paradigm of diplomatic relations.

The article of Mahir Aydin, the Professor of the Istanbul University, deals with the change in the geopolitical perspective. Based on a detailed survey of Turkish archives, he demonstrates the evolution of Russia's image: from the 15th–16th centuries, when the «land of fur coats» and the «*heathen Moscovia*» did not really trouble the minds of Ottoman statesmen and intellectuals, down to the 19th century when Russia was finally seen as a state of special significance. Far closer attention towards their great southern neighbor was paid in the 16th–17th century by Moscow authorities. One of their main sources of information were the so-called «Questioning Words» by those who made their way back to Russia from Turkish captivity. The

Sorbonne Professor Alexander S. Lavrov's article is dedicated to the study of these documents, as well as the humble petitions of former prisoners. In the «inquisitive speeches», both the answers of the repatriates, as well as the questions of the inquirers are of great interest. The author's special attention is given to cultural transfers between Russian and Ottoman society, and the role of conductors of practices and perceptions, taken on by the prisoners of war.

Not all Russians found themselves on Ottoman territory against their will. Pilgrims, who wanted to visit and venerate Christian holy sites, also found themselves at the crosshairs of various religions and cultures. Coming back, some of them left written accounts of their pilgrimages. The pilgrimage genre emerged in Russian literature in the 11th century, gaining new popularity in the 17th and full fruition by the 18th. The article by the Professor of the Institute of Asian and African Studies of the MSU — Svetlana S. Kirillina — is dedicated to that last era of pilgrimage literature. Perceiving the Ottoman world through the prism of Orthodox traditions, the pilgrims — after long travels — rarely changed their line of thought or mindset. As a result, Russian society saw the Ottoman state and its Muslim and Christian population through the eyes of these «enchanted wanderers».

A totally different form of Russian-Ottoman relations was shaped on the frontiers — in territories that often turned into battlegrounds. The article by the Professor of the Russian Academy of Science — Ilya V. Zaytsev — allows us to hear the voices of the rank-and-file participants of the sieges of Azov and Ochakov during the Russo-Turkish War of 1735–1739. The songs of the folk genre «turkü» are simple and not that informative, yet they clearly resonate with the spirit of the age, the mood, the fear and the hopes of Ottoman soldiers, who found themselves face to face with the fearsome northern enemy. War and peace on the frontiers of the Christian and Islamic

worlds is also the subject of the studies of Polish orientalists: the Professors of the Warsaw University Dariusz Kołodziejczyk and Mariusz Kaczka are responsible for the re-discovery of one of the most valuable historical sources — the Hotin Archives of Kolchak-Pasha. This vastest of the surviving provincial Ottoman archives contain a large number of military, political, administrative, trade and everyday life documents, the majority of which were not known to the academic community.

Hotin, along with Kamenets-Podolsk, Buda, Eger became the furthest outposts of the Turkish advance to the Northwest. Overall, despite the strong attack on Europe, the Ottoman society and state were poorly informed about what actually went on beyond its western and northern borders. Until the late 18th century, the Sultan did not have his own representatives in Europe: Ottoman embassies undertook rather irregular missions across the borders. On the contrary, regular diplomatic missions of European countries (including Russia) were stationed in Istanbul and other main trade centers of the Empire. The ambassadors and consuls, along with their subordinates, took on a series of responsibilities, including espionage. One of the most interesting diplomatic residents in the Ottoman capital was, undoubtedly, Alexei Veshnyakov; the article by the Professor of the Institute of Asian and African Studies of the MSU — Konstantin A. Panchenko — is dedicated to the analysis of this unique diplomat's political and historic-philosophical treatises. It is without doubt that Veshnyakov — being in constant contact with the Eastern Christian clergy — dreamt of the day when the Russian monarchs would take Byzantium's ancient inheritance into their own hands. In the 1730–1740's the resident strongly advocated for Russian leadership to undertake the final onslaught on Constantinople. Although, his views were not met with support in St. Petersburg at the time.

The idea of resurrection of the Byzantine state was reinvigorated in the 1780s. Catherine II's so-called «Greek Project» considered the disintegration of the Ottoman Empire into several states under Russian sovereignty. One of such protectorates-to-be should have been Egypt. A Russian mission was sent there under the consul Conrad Tonus. By that time several European states entered the «Suez game», the prize for which was supposed to be the shortest trade route from Europe to Asia. In light of Russia's growing foreign policy ambitions, Tonus proposed a trans-continental trade project to Catherine II, a proposition that would build a new route between the Baltic and the Far East through Egypt. This plan and its place among similar enterprises of the time is the subject of the Associate Professor of the Institute of Asian and African Studies Taras Y. Kobishchanov. Catherine's project on the partition of the Ottoman Empire failed, with one of the victims turning out to be Conrad Tonus. Russia was forced to refrain from any activity in the Middle East for a long time.

The Arab-Ottoman world made a comeback into the focus of Russian foreign policy only in the second third of the 19th century. A significant role was given to Syria, as a possible battleground — should the advance of the Russian Caucasus Army prove successful. The Russian researcher Eugeni M. Kopot' perceives the actions of the Russian intelligence in the Middle East during the 1880s as an entirely new level in the methodology of data gathering, where the accent shifted from exclusively military issues to the issues of social ethnology and the search for Russia's potential allies in the region. In Syria, the adherents of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch were seen as such. Ottoman intelligence and diplomacy also picked up the pace with its activities in the second half of the 19th and early 20th centuries. Just like St. Petersburg chose to bet on its Orthodox co-religionists, living under the sway of the Sultan in Istanbul, the Ottomans perceived as their natural

allies the Russian Muslims — not only in Crimea and the Caucasus but also in Central Asia and the Volga Region. The visit of the notable Turkish academic and statesman Mahmud Esad-Efendi in the summer of 1913 was of special significance with exact regard to this political subject. The political aspect of this visit is the theme of the article by the Russian scholar Vladimir Hutarev-Garnishevsky. The cited archive documents are a clear testimony to how the Russian authorities (both in the capital and in the provinces), counter-intelligence and gendarmerie evaluated the reality of the pan-Islamic and pan-Turkic threats.

Parallel to «practical» ethnography, which often served for political interests, proper academic Oriental Studies continued to evolve in Russia: this field included Ottoman, Turkic and Arabic studies. One of its most notable representatives in the 19th-20th centuries were E.A. Krymskii (1871–1942). The joint article by a collective of scholars from Kazan, Kiev, Moscow and Nizhny Novgorod — R.M. Valeev, O.D. Vasylyuk, S.A. Kirillina and A.M. Abidulin — is dedicated to Krymskii's Turkic and Ottoman studies, which he conducted in Beirut, Moscow and Kiev. The close ties between the evolution of Oriental Studies and the eastern front of Russian Imperial foreign policy is clear enough. Yet the classical works of university and academic Oriental Studies, whose pillars — alongside A.E. Krymskii — were V.V. Bartold (1869–1930), V.A. Gordlevskii (1876–1956), I.Y. Krachkovskii (1883–1951), survived the test of time and still retain their academic value.

By the early 20th century Russia and the Ottoman Empire were bound to one another by far more socio-political, trade-economic, cultural and religious ties, than in the previous centuries. If at the dawn of Russian-Ottoman contacts in the 15th-16th centuries the Ottoman State was superior to Russia in literally everything, 400 years later the situation changed to the exact opposite. The struggle against the northern neighbor for Istanbul was now a question of life and death.

The parallels in the historic destiny of both successors to Byzantium manifested themselves in the last phases of their existence. In the middle of the 19th century both empires lived through a period of radical transformations (for the Ottoman Empire these were the reforms of Tanzimat in 1839–1876, for Russia — the reforms of Alexander II in 1861–1874); these reforms, in turn, were supplanted by reactionary waves. The latter period, in turn, ended with revolutionary political changes of the early 20th century (the revolution of 1905 in Russia, and the revolution of 1908 in the Ottoman Empire). Finally, in 1914 St. Petersburg and Istanbul engaged in mortal combat during the First World War — the bloodiest struggle history had seen. Neither of the parties was destined to survive the conflict. The triumph of the Ottoman participants, who took part in the signing of the Treaty of Brest on March 3rd 1918, was not meant to last long. On October 30th the Mudross Truce fixated Porta's capitulation before the Entente Alliance.

After the war and its catastrophic end for both states, the historic ties of Russia and Turkey were not broken. Their diminished territories were tormented for several years by external and internal conflicts. The regimes that took on the power in the fallen empires sought to emphasize their breakup with the historic past, led a policy of laicity, and — initially — fought together against the Entente countries. The political struggle of the 1930–1980s finally gave way to the current era of Russian-Turkish cooperation.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Taras Y. Kobishchanov

Editor of the Issue, Editorial Board Member

СОДЕРЖАНИЕ

С ЮГА НА СЕВЕР: РОССИЙСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ ОСМАНОВ

- Махир Айдын.** Восприятие России Турцией (1475–1918) 22
- В.В. Хутарев-Гарнишевский.** «Прежние цели теперь не имеют значения». Путешествие в Россию турецкого министра-панисламиста Махмуда Эсада летом 1913 г. в освещении царской полиции.....42

НА СТЫКЕ ДВУХ МИРОВ

- Hedda Reindl-Kiel.** Status, Honor and Luxuries: Some Remarks on Material Exchange between Russia and the Ottoman Empire.....80
- Д.Р. Колодзейчик, М.А. Качка.** Хотинский архив Колчак-паши: история, содержание, примеры использования..... 112
- И.В. Зайцев.** Османские народные песни-тюркю XVIII в. об Озю (Очакове) и Азаке (Азове) 134

С СЕВЕРА НА ЮГ: ОСМАНСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ РОССИЯН

- А.С. Лавров.** Расспросные речи и челобитные «полоняников» как источник о рабстве в Османской империи в XVII в..... 146
- С.А. Кириллина.** «Благочестивые путешествия» в Иерусалим: российские паломники-писатели XVIII столетия..... 164
- К.А. Панченко.** Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. 186
- Т.Ю. Кобищанов.** «Игра за Суэц» и российский проект трансконтинентальной торговли через Османскую империю 208
- Е.М. Копоть.** Российская военная разведка в Азиатской Турции и Сирии во второй половине XIX в. 266
- Р.М. Валеев, О.Д. Василюк, С.А. Кириллина, А.М. Абидулин.** Тюркологические и османистические исследования А.Е. Крымского: Бейрут–Москва–Киев 294

CONTENTS

THE OTTOMAN EMPIRE AND RUSSIA

Editor Taras Y. Kobishchanov

FROM SOUTH TO NORTH: PERCEPTION OF RUSSIA BY OTTOMANS

- Mahir Aydin.** The Image of the Russian State According to Turkish Archival Documents (1475–1918) 22
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky.** «Former Goals Have Lost their Significance». Trip to Russia of a Turkish Panislamik-Minister Mahmud Esad in the Summer of 1913 as Depicted by Tsar’s Police.....42

ON THE BORDER OF TWO WORLDS

- Hedda Reindl-Kiel.** Status, Honor and Luxuries: Some Remarks on Material Exchange between Russia and the Ottoman Empire.....80
- Dariusz Kołodziejczyk, Mariusz Kaczka.** The Hotin Archive of Kolchak Pasha: its History, Contents, Examples of Use 112
- Ilya V. Zaytsev.** The 17th C. Ottoman Folk Songs-Türkü Dedicated to Özü (Ochakiv) and Azak (Azov)..... 134

FROM NORTH TO SOUTH: PERCEPTION OF THE OTTOMAN EMPIRE BY RUSSIANS

- Alexander S. Lavrov.** Questioning Words and Captives’ Petitions from the Muscovite State as a Source on Slavery in the Ottoman Empire in 17th C.....146
- Svetlana S. Kirillina.** «Pious Journeys» to Jerusalem: Russian Pilgrims-Writers of the Eighteenth Century..... 164
- Konstantin A. Panchenko.** Alexey Veshnyakov’s Geopolicy: Thoughts of a Russian Resident in Istanbul in 1740s..... 186
- Taras Y. Kobishchanov.** The «Suez Game» and the Russian Project of Transcontinental Trade Via the Ottoman Empire..... 208
- Eugeniy M. Kopot’.** Russian Military Intelligence’ Focus in the Arab-Ottoman World in the Second Half of the 19th C..... 266
- R.M. Valeev, O.D. Vasilyuk, S.A. Kirillina, A.M. Abidulin.** Turkological and Ottoman Studies of A.E. Krymsky: Beirut – Moscow – Kiev..... 294

DOI: 10.35549/HR.2020.62.16.001

Махир Айдын

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ ТУРЦИЕЙ (1475—1918)*

1) Россия как государство

Россия и Турция были неплохо, хотя и опосредованно осведомлены друг о друге на протяжении веков. Осведомленность русских об Анатолии существовала со времен Византийской империи, а представление турок о России было сформировано под влиянием крымских татар. Можно сказать, что отуречивание Анатолии и формирование Российского государства совпали по времени.

Собирание русских земель Москвой в XIV—XV вв. непосредственно отразилось на складывавшемся в османском обществе восприятии России. Слово «Москва» употреблялось по отношению как к столице, так и к стране и даже к народу. Архивные документы подтверждают, что почти до конца XVIII в. в османской традиции термин «Москва» использовался, чтобы отличать Россию от других славянских стран¹.

* Перевод данной работы выполнен к.и.н., преподавателем кафедры новейшей истории Стамбульского университета Мустафой Танрыверди, mustafatanriverdi@mail.ru

¹ *Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi* (BOA) — Османский архив при кабинете президента Турецкой Республики, далее: BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 3, h. 323 (1559); BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 85, h. 219 (1630); BOA, *HAT*, nr. 1415—57856 (1783).

Кроме того, в документах можно также встретить выражение «Московский вилайет (провинция)» в значении: «Страна русских». Это словосочетание не было связано собственно с Москвой как городом². Чтобы отличать столицу от Московского государства, отдельно писали «Вилайет москвичей»³. Были и другие термины, употреблявшиеся применительно к Москве. Их можно представить следующим образом:

	Год	Описание
1	1564	Moskov Canibi (Московская сторона)
2	1567	Moskov Tarafı (Округ Москвы)
3	1579	Moskov Memleketi (Московская область)
4	1585	Moskov Diyarı (Московский край)
5	1738	Moskov Ukraynası (Московская Украина)
6	1787	Moskov Memleketleri (Области Москвы)
7	1792	Rusya Memleketleri (Области России)

В XVI в. по отношению к стране в османских источниках начинает употребляться слово «rus» («Русь»)⁴. В 1741 г. применительно к Велико-россии и Малороссии используются обозначения «Великая Русь» и «Малая Русь»⁵.

В XVIII в. в качестве названия страны в документооборот входит термин «Россия». С этого времени начинается более точное разграничение в употреблении слов «страна, народ, столица» и их значений, которое будет использоваться до последних дней существования Российской империи. Например, использование названия «Российское государство» можно встретить в документах 1774 г.⁶ Подобных примеров множество, в рамках данной работы ограничимся лишь одним из них⁷.

Россия, по мере расширения границ в 1552–1878 гг., захватила значительные территории тюркского мира и Османской империи. Этот

² BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 3, h. 801 (1560); nr. 6, h. 317 (1564); BOA, A.DVN.SMHM. nr. 35–176.

³ BOA, A.DVNS.MHM. nr. 16–26 (1571).

⁴ BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 3, h. 949 (1560); nr. 3, h. 962; nr. 5, h. 466 (1565).

⁵ BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 34 (1741).

⁶ BOA, VSD. nr. 11–37.

⁷ BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 39 (1743); nr. 2, h. 74 (1769); nr. 2, h. 78 (1775); BOA, A.DVNS.NMH. nr. 2–99–86 (1746); BOA, C.HR. nr. 52–2566; nr. 59–2914; BOA, İ.HR. nr. 20184 (1889).

факт, сперва возмутивший турок, с течением времени стал приниматься как существующая реальность.

2) Русский народ

Понятие «Рус» в османо-турецком вокабуляре вначале включало в себя не только русских, а славян вообще. В этом аспекте слова «рус», «русский народ», «русские пленные» лишь частично соответствовали значению «народ России»⁸. До начала XIX в. для обозначения собственно русского населения использовали слова «Moskov» (Московия) и «Moskovlu» (московиты). Приведем несколько примеров:

	Год	Описание
1	1577	Moskov (Московия)
2	1689	Moskov keferesi (московский неверный)
3	1713	Moskovlu (московит)
4	1732	Moskovlu taifesi (московский народ)
5	1812	Moskov lisani (московский язык)

Применительно к русскому этносу единый термин не использовался, с учетом того, что в его состав включались казаки, выделявшиеся османами в отдельную группу⁹. Так, в 1736 г. в перечне населения Московии встречаются три этнонима: «москов», «рус» и «казак»¹⁰. В данном контексте «москов» обозначал население Великой Руси, «рус» — других славян, и последнее слово «казак» использовалось для обозначения русских казаков. Параллельно османами широко использовался термин «москов» для обозначения как страны (Московия), так и народа (московиты) турками¹¹.

Во второй половине XVIII в. в архивных документах начинает встречаться слово «Rusyalı», то есть «человек из России»¹². Этноним «Rusyalı» так же, как и «москов», означал «русский народ»¹³, но помимо этого упо-

⁸ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 6, h. 37 (1564); nr. 7, h. 1778 (1567–1569).

⁹ BOA, A.DVNS.NMH. nr. 2/99/86; BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 36 (1743); 1746; nr. 2, h. 45 (1746).

¹⁰ BOA, AE.SMHD.I, nr. 89–6089.

¹¹ BOA, VSD. nr. 48–5 (1780).

¹² BOA, VSD. nr. 63–160 (1763).

¹³ BOA, A.DVN.KRM. nr. 1–54 (1778); BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 79 (1776).

треблялся в значении «Русское государство»¹⁴. В дальнейшем данное понятие использовалось редко.

После того как Турция стала терять земли на севере Черного моря, османский взгляд на Россию изменился. Уже с начала XIX в. в официальном документообороте получило распространение слово «Россия», став единственным обозначением Российского государства¹⁵. Причиной стало принятие османской идеологией северного соседа как многонациональной империи, в которой проживает в том числе и тюркоязычное население¹⁶.

3) Русский царь

В XV в. Турция воспринимала Россию как *бейлик*, то есть княжество. Однако в середине следующего столетия статус правителя Московии в глазах османских властей ощутимо повысился. В документе от 1564 г. Иван IV (1533–1584) упомянут как «*Moskov Kralı Sar Yuvan*», то есть «московский король царь Иван»¹⁷, по аналогии с хорошо знакомым османам австрийским монархом. Слово «царь» для обозначения русских государей в османском документообороте практически не использовалось, и на протяжении 130 лет, с 1566 по 1696 г., русских владык именовали в Стамбуле «королями Московии»¹⁸.

8 февраля 1587 г. султан Мурад III (1574–1595) следующим образом обращался к русскому царю: «Пусть хорошо закончатся все дела короля Москвы, которому подчиняется христианская знать и который управляет ею, объединяет всех своих единоверцев и помогает им в делах: “*En yüce onur sahibi, övgü ve gurur ülkesinin efendisi olan Moskov Kralı'nın, her yaptığı işin sonu güzel olsun*”»¹⁹.

¹⁴ BOA, C.HR. nr. 5853 (1777).

¹⁵ BOA, Y.PRK.EŞA. nr. 13–54 (1891); BOA, Y.EE. nr. 7–9; Y.MTV. nr. 188–127 (1899); *Türkistan*, s. 93, 108.

¹⁶ *Türkistan*, s. 135 (1870), s. 170 (1892).

¹⁷ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 6, h. 318 (1564) «*Moskov Kralı Sar (Tsar) Yuvan*».

¹⁸ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 5, h. 1312 (1566); nr. 7, h. 2540 (1567–1569); BOA, A.DVN.SMHM. nr. 16–3 (1571); nr. 49–391; nr. 62–5; BOA, A.DVN.SNMH. nr. 7–61; BOA, *Name Defteri*, nr. 5, s. 226–230 (1696); BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 83, h. 41 (1627).

¹⁹ «*Kıdvetü'l-ümerai'l-kiramü'l-İseviye umdetü'l-küberai'l-fiham fi'l-milleti'l-Mesibiye musallibi mesalih cemahirü't-taifeti'n-Nasraniye sahib-i ezyalü'l-haşmeti ve'l-vakar sahib-i vilayeti'l-mecd ve'l-iftihar Moskov Kralı hutimet avakibehu bi'l-hayr*». BOA, A.DVN.SMHM nr. 62–5.

По мнению стамбульских властей, в 20–50-х гг. XVIII в. северным соседом все еще управляли цари и царицы²⁰, хотя в России уже использовался императорский титул. Только в 1763 г. в османских документах появляется обращение «*haşmetli*»²¹, то есть «великолепный», а в 1776 г. — «*Rusya İmparatoriçesi*», то есть «Императрица России»²². Титул «король Москвы» можно встретить даже в источнике 1791 г.²³, очевидно, его употребляли по старой привычке. В 1741 г. об Анне Иоанновне (1730–1740), которая названа «*Moskov Çariçesi*», «царица Москвы», очевидно, не зная о ее недавней кончине, написано так: «гордость христианских цариц, избранный представитель великой души христианства, наш приятель, великолепная Анна, которая помогает христианскому населению в своих делах и объединяет его, почитаемая и достойная уважения и хвалы, пусть Бог способствует ее делам, укажет ей правильный путь и пусть она добьется успехов»²⁴. Только в XIX в. в османских документах применительно к России начинают использоваться термины «великая» и «империя», что соответствовало официальному именованию государства²⁵.

Можно сказать, что не только Турция по-своему использовала титулы, но и Россия старалась употреблять их в соответствии с терминологией, принятой в османском обществе. В Болгарии во время войны 1828–1829 гг. в брошюрах, раздававшихся российскими войсками местному населению, император Николай I назван «султаном России»²⁶.

4) Посланники и послы России в Стамбуле

Отношения между Россией и Турцией установились в 1475 г., после присоединения к Османской империи Крыма, и первоначально осуществ-

²⁰ BOA, AE.SMHD.I. 99–6951; BOA, AE.SAMD.III. nr. 62–6224; BOA, İE.HR. nr. 7–658; nr. 12–1189; nr. 11–1037; BOA, Name Defteri, nr. 2, h. 6 (1733); nr. 2, h. 24–25 (1737); BOA, C.HR. nr. 52–2566.

²¹ BOA, C.HR. nr. 849 (1763).

²² BOA, Name Defteri, nr. 2, h. 79 (1776).

²³ BOA, İE.HR. nr. 8–751.

²⁴ BOA, C.HR. nr. 61–3036; BOA, Name Defteri, nr. 2, h. 34 (1741) «*Mefbareti'l-melikâti'l-azîmâti'l-İseviyye, muhtâratü'l-muhaddêrâti'l-fahîmâti'l-Mesîhiyye, muslibatü masâlibi cemâhiri't-tâyifeti'n-Nasrâniyye, sâhibetü ezyâli'l-haşmeti ve'l-vakâr, sâhibetü delâ'ili'l-mecdi ve'l-i'tibâr haşmetlü dostumuz Anna hatema'llâhü avâkıbebâ bi'l-hayri ve'r-reşâd ve elheme ileyhâ seb'ile's-savâbi ve's-sedâd*».

²⁵ BOA, Yıldız Sadaret Hususi Maruzat, nr. 259–1 (1892).

²⁶ BOA, NAT. nr. 42606-B.

влялись через крымского хана. Темой первых контактов стали вопросы, касавшиеся притеснения русских купцов в Азове (Азаке) и Феодосии (Кефе). Это был главный повод приезда посольств Михаила Плещеева в Стамбул в 1497 г. и Андрея Кутузова в Феодосию в 1501 г. С ответным визитом в Москву отправился турок из Феодосии Алагез.

Вплоть до середины XVI в. в Стамбуле не обращали особого внимания на Московскую Россию. Отношения с этим государством велись сначала через *вали* (наместника) Феодосии, а потом через крымских ханов²⁷. Первая информация о русском посланнике в османских источниках встречается только в 1560 г.²⁸ Следующая запись относится к 1571 г., когда Андрей Кузьминский привез письмо султану от царя Ивана IV с пожеланием дружбы²⁹. В третий раз информация о посланнике из России встречается в турецких документах от 1584 г.³⁰, в четвертый — в 1595 г.³¹

Во второй четверти XVII в. османы стали придавать более важное значение отношениям с Россией. Соответственно возросла и роль русского посланника. На первый план выходили следующие вопросы: для Москвы — позиция Порты относительно Смоленской войны 1632–1634 гг. с Речью Посполитой, а для Стамбула — нападения казаков в Азовском и Черном морях и на Босфоре. В 1627 г. представитель султана отправился в Москву, откуда вернулся в сопровождении российского посланника³².

О том, какое внимание османские власти стали придавать прибытию посланника из России, мы можем судить по относящимся к 1630 г. указаниям Порты властям Азова (Азака) по подготовке встречи русского дипломата. Азовским чиновникам надлежало:

- а) предоставить посланнику проводника;
- б) защищать его в опасных переходах;
- с) оберегать посланника и его слуг от нападений, совершаемых с целью грабежа продовольствия;
- д) не оскорблять посланника;
- е) содействовать его быстрому продвижению по дорогам и водным путям.

²⁷ Akdes Nimet Kurat, *Rusya Tarihi*, Ankara 1987, s. 117–119.

²⁸ BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 3, h. 1266 (1560).

²⁹ BOA, A.DVNS.MHM. nr. 16–3 (1571); nr. 19–387 (1572).

³⁰ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 53–681.

³¹ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 73–198.

³² BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 83, h. 41 (1627); BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 83, h. 40 (1627).

В этом документе также было сказано, чтобы посланник сообщил Порте, если будет чем-то не доволен³³.

Посланников, приехавших в Стамбул, бесплатно обеспечивали продовольствием³⁴. Во время пребывания в столице дипломату выделялся янычар, выполнявший функцию охранника³⁵. Обычно посланник размещался в *хане* (постоялом дворе) в Чемберлиташе, недалеко от султанского дворца Топкапы, но иногда для него выделялся отдельный особняк³⁶. По данным османских документов можно видеть даты приездов царских представителей в Стамбул, а также названия территории (Великороссия и Малороссия), из которой пожаловал посланник:

	Год	Откуда прибыл
1	1641	Московия
2	1647	Малая Московия
3	1668	Большая Московия и Малая Московия
4	1672	Малая Московия
5	1680	Малая Московия
6	1682	Московия

1700 г., когда в Стамбуле на постоянной основе обосновался российский представитель, стал переломным для работы дипломатической миссии. В 1704 г. в качестве резиденции посланника сняли дом недалеко от Тавуккапы³⁷, а в 1706 г. зданием посольства России стал особняк Хасан-паши, смотрителя Аджу-кале³⁸. В 1712 г. посол России переехал на площадь Ипподрома (тур. Ат Мейданы), близ султанского дворца³⁹, а в 1719 г. — в здание в районе Галата⁴⁰. Российское посольство находится там до сегодняшнего дня.

После того как Россия стала империей, статус и роль ее представителя увеличились. С 1740 г. их уже называют не посланниками, а послами⁴¹.

³³ ВOA, *Mühimme Defteri nr. 85*, h. 219 (1630–1631).

³⁴ ВOA, *İE.HR. nr. 2–171*.

³⁵ ВOA, *İE.HR. nr. 2–172; nr. 2–192; nr. 2–196; nr. 2–228; nr. 2–232; nr. 2–238; nr. 3–241*.

³⁶ ВOA, *İE.HR. nr. 2–171*.

³⁷ ВOA, *İE.HR. nr. 7–697*.

³⁸ ВOA, *İE.HR. nr. 7–709, nr. 12–1196*.

³⁹ ВOA, *AE.SAMD.III. nr. 74–7485*.

⁴⁰ ВOA, *İE.HR. nr. 10–963*.

⁴¹ ВOA, *C.HR. nr. 59–2914*.

При этом в Россию из Стамбула отправляли лишь временных послов. Так, в 1741 г. с миссией в Санкт-Петербург отбыл Мехмет Эфенди⁴². Начиная с 1774 г. значение и роль российских представителей при Порте еще более возросли. Например, в 1782 г. слова посла «я напишу в свое государство» не на шутку встревожили султана⁴³. А в 1789 г. царский представитель был настолько уверен в себе, что открыто демонстрировал пренебрежительное отношение к государственным деятелям в Стамбуле⁴⁴.

В XIX столетии, по мере того как Османская империя теряла свою силу, а Россия становилась все более могущественной, менялось и поведение российских дипломатов. В 1853 г. посол А.С. Меншиков позволял себе игнорировать даже министра иностранных дел Турции. Позднее, в 1860—1870-е гг. посол Н.П. Игнатъев открыто поддерживал панславянское движение и влиял на назначения глав османского правительства.

Последней деталью, которую бы хотелось упомянуть в разговоре о российских послах, является условие их заключения в тюрьму. До XIX в. османы заточали официальных представителей тех государств, с которыми воевали, в тюрьму «Едикуле». Это правило действовало и по отношению к русским послам. Следует отметить, что во время нахождения в тюрьме им там старались обустроить вполне приемлемый быт⁴⁵.

5) Граница с Россией

Граница Османской империи с Россией с течением времени менялась. Когда турецкая экспансия достигла севера Черного моря, там на границе с Россией располагались два ханства. Первым было Крымское ханство, перешедшее под покровительство османов в 1475 г. и остававшееся под их контролем до 1774 г. Второе — Золотая Орда — распалось в 20—50-е гг. XV в.⁴⁶, и ее территория со временем перешла к России. С обеих сторон границы татары и казаки постоянно нападали друг на друга, что сильно влияло на безопасность двух империй.

Отношение к границе с Россией со стороны Бахчисарая и Стамбула было различным. Османскую позицию можно охарактеризовать турец-

⁴² ВOA, AE.SMHD.I. nr. 35—2085.

⁴³ ВOA, HAT. nr. 1429—58520 (1782).

⁴⁴ ВOA, AE.SABH.I. nr. 11—996.

⁴⁵ ВOA, C.HR. nr. 182—9056 (1772); ВOA, C.DH. nr. 67—3315 (1787).

⁴⁶ Годом окончания существования Большой Орды, претендовавшей на статус наследника Золотой Орды, считается 1502 г.

кой идиомой *Али-Дженгиз ойуну* («Игра Али-Чингиз»), в значении «обманываться, не замечая чего-то, не обращая внимания». Крымское ханство в отношении границы преследовало свой интерес, временами привлекая помощь Стамбула, временами игнорируя его.

К 1564 г. относится первое упоминание «Московской границы»⁴⁷. Примерно с этого же времени в источниках встречаются сведения, что «московские разбойники напали на границу»⁴⁸ или что «казаки атаковали территорию Молдавии»⁴⁹. Особое значение в северо-восточном приграничье имели два османских города-крепости: Феодосия и Азов. Весной 1595 г. больше 2 тыс. казаков напали на Азовскую крепость. Несмотря на то что они не смогли разрушить ее стены, они убивали и брали в плен рыбаков. Инцидент обострил вопрос о точном пролегании осmano-российской границы и обеспечении ее охраны со стороны крымского хана⁵⁰.

Подобная неопределенность на границе продолжалась вплоть до 1768 г. В это время путь из Стамбула до Феодосии был свободен, а после Азова делался опасен⁵¹. Борьба за нижнее течение Дона обострялась в 1637–1642 гг., 1695–1696 и 1736–1739 гг.⁵² В 1740 г. был создан совет для определения границы⁵³. На следующий год эта граница в османских документах уже называлась «московской»⁵⁴. Самой серьезной приграничной проблемой были нападения казаков. Так, в 1766 г. в результате казачьего набега было сожжено и разграблено несколько деревень, в плен попало около 5 тыс. человек⁵⁵.

Новая реальность наступила в последней четверти XVIII в., после того как в 1774 г. Крым стал независимым, а в 1783 г. был присоединен к России, и Черное море стало зоной соприкосновения двух держав. Если еще за 100 лет до того османские власти не допускали даже мысли увидеть иностранное судно в Черном море, то теперь у них не было иного выхода, кроме как принять новую ситуацию⁵⁶. Всего за 60 лет, с 1768 до 1828 г., Россия дошла до Эрзурума на востоке и до Эдирне на западе. Это разру-

⁴⁷ BOA, *Mühimme Defteri nr. 6*, h. 317 (1564).

⁴⁸ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 30–641.

⁴⁹ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 49–311.

⁵⁰ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 73–198.

⁵¹ BOA, *Mühimme Defteri nr. 85*, h. 219 (1630–1631).

⁵² BOA, *Name Defteri, nr. 5*, s. 226–230 (1696); BOA, AE.SMST.II. nr. 72–7606; BOA, İE.HR. nr. 19–1710.

⁵³ BOA, C.HR. nr. 72–3587.

⁵⁴ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 57–178.

⁵⁵ *Türkistan*, s. 203, 204 (1766).

⁵⁶ BOA, A.DVN.KRM. nr. 1–19 (1776).

шило безопасность османских владений на Балканах, на Кавказе, на востоке Анатолии и даже на берегах Босфора.

Создание российского черноморского флота сначала было встречено в Стамбуле с удивлением⁵⁷. Позже, когда этот флот доказал свою силу, многие османские судовладельцы, даже этнические турки, стали вывешивать на своих кораблях русский штандарт, чтобы приобрести определенные привилегии⁵⁸. Некоторые из них под российским торговым флагом привозили сахар, рис и кофе в Стамбул и другие порты Черного, а также Азовского и Эгейского морей⁵⁹.

Граница между Российской и Османской империями стала не просто рубежом, связывающим два государства. Россия постепенно отодвигала эту границу на юг, захватывая османскую территорию. На Балканах Россия вела политику объединения православных христиан, распространяя на них свое влияние. В результате такой политики русские солдаты в 1878 г. дошли до Стамбула.

б) Войны с Россией

Изначально война с Россией не рассматривалась в Стамбуле как долгосрочный конфликт, поскольку османы предоставили защиту северных границ своим вассалам, — Дунайским княжествам и Крымскому ханству, — и в большей степени были сосредоточены на борьбе с Австрией.

Экспансии Российского и Османского государств в середине XVI в. сделали их столкновение неизбежным. В 1559 г. попытка российского нападения на Азов оказалась преждевременной⁶⁰. Тем не менее Москва направляла отряды казаков, черкесов и ногайцев в нижнее течение Дона⁶¹. Небольшие суда, спускавшиеся по рекам в Черное море, угрожали Азову⁶². Мерами противостояния этому со стороны Турции стали сбор разведывательной информации⁶³, и предупреждение находившихся по соседству с Азовом крымского хана и правителей Силистры и Феодосии⁶⁴.

⁵⁷ BOA, AE.SABH.I. nr. 8—701.

⁵⁸ BOA, C.HR. nr. 82—4061; BOA, C.BH. nr. 105—5067.

⁵⁹ BOA, C.İKTS. nr. 36—1773.

⁶⁰ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 3, h. 102 (1559).

⁶¹ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 3, h. 954; nr. 3, h. 985 (1560); nr. 3, h. 1544; nr. 3, h. 1453.

⁶² BOA, *Mühimme Defteri* nr. 3, h. 961 (1560).

⁶³ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 3, h. 1265 (1560).

⁶⁴ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 3, h. 1047, 1268, 1390 (1560).

Информация об этом содержится в указе от 17 июня 1560 г., направленном крымскому хану Девлет Гераю (1551–1577). В документе была дана следующая оценка ситуации и действий России⁶⁵:

- а) Россия повсюду направила своих «дьяволоподобных» («*şeytanın başı*») солдат;
- б) российских солдат повсеместно преследовали неудачи;
- с) из-за суровой зимы бараны, которых они вели с собой, погибли;
- д) из-за отсутствия дождей последовал голодный год;
- е) в этой ситуации вы, крымчаки, хотите грабить территории России;
- ф) напад на Россию, вы можете получить в ответ нападение в своем тылу;
- г) нападая на Россию, предварительно подумайте о возможных подвоях с ее стороны.

В этой обстановке крымский хан Девлет I Герай планировал напасть на Россию в 1565 г. Однако султан Сулейман I (1520–1566), готовивший атаку на Мальту и Венгрию, велел отложить поход на Москву и ограничиться наблюдением за действиями российских войск⁶⁶. Россия, не готовая сражаться с Османской империей один на один, в 1568 г. искала поддержку у Австрии, Испании и Польши⁶⁷. Ослушавшись указаний из Стамбула, хан в 1571 г. напал на Москву, захватил городские предместья и подверг их 18-дневному разграблению⁶⁸. А уже через 110 лет крымский хан Мурад Герай (1678–1683) определил условия Бахчисарайского договора, который был подписан с Россией⁶⁹. По Стамбульскому договору 1700 г. Азов и близлежащие крепости были оставлены России. Таким образом, Москва добилась своей цели, к которой стремилась 150 лет, избавившись от необходимости платить дань Крыму⁷⁰.

В XVIII в. Россия и Турция четыре раза оказывались в состоянии войны: в 1710–1713, 1735–1739, 1768–1774 и 1787–1791 гг., при этом только первый из этих конфликтов окончился успешно для Стамбула. Для России наиболее результативной стала война 1768–1774 гг., которая открыла ей доступ к Черному морю и в итоге привела к присоединению Крыма, прекратив двухсотлетние грабежи со стороны татар.

⁶⁵ BOA, *Mühimme Defteri nr. 3*, h. 1265 (1560).

⁶⁶ BOA, A.DVN.SNMH. nr. 6–868, nr 6–906.

⁶⁷ BOA, A.DVN.SNMH. nr. 7–2540.

⁶⁸ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 16–26.

⁶⁹ BOA, İE.ML. nr. 25–2415.

⁷⁰ BOA, AE.SMST.II. nr. 72–7606.

Османский султан Мустафа III (1757–1774) так сравнивал русских и турецких солдат⁷¹:

- a) русские солдаты ради своего государства способны на многое;
- b) с целью дать сражение они могут преодолеть путь продолжительностью 300–400 часов;
- c) зимой или летом, в тепле или холоде, голодные и мучимые жаждой они не знают препятствий;
- d) для победы используют любую тактику;
- e) желая показать свое численное преимущество, они кладут шапки поверх камней или на кустарники;
- f) в бой идут с громким криком, что вызывает панику у турецких солдат;
- g) турецкие солдаты, слыша эти выкрикивания, принимают их за чистую монету и стараются спрятаться, где только возможно;
- h) турецкие солдаты не проявляют даже половины той храбрости, что показывают русские.

Наиболее болезненной и тяжелой для османских властей стала потеря Крыма: в первый раз султан, который носил титул Халифа правоверных, оказался в такой необъяснимой ситуации, как утрата мусульманской территории. В результате еще около 30 лет османы жили под лозунгом «Пока Крым не вернется, мечи будут оголены»⁷². Это представление продолжало существовать какое-то время, служа утешением для мусульманского простонародья⁷³.

В XIX в. Турция воевала с Россией еще четыре раза: в 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 гг. Из этих конфликтов только Крымская война окончилась для Стамбула удачно, но даже из нее Османская империя не сумела извлечь значительной выгоды. Первая мировая война 1914–1918 гг. вновь столкнула две империи и в конечном счете привела к их краху.

7) Мирные договоры с Россией

Между Османской империей и Россией на протяжении первых веков их взаимодействия, начиная с правления Василия III (1505–1533)⁷⁴, не

⁷¹ BOA, VSD. nr. 63–169 (1772), 13 сентября 1772.

⁷² BOA, VSD. nr. 63–169 (1772).

⁷³ BOA, VSD. nr. 79–72 (1789).

⁷⁴ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 58–203.

было мирных договоров, хотя отношения были вполне дружественными. В 1567 г. в письме, отправленном из Стамбула Ивану IV, подчеркивалось желание османов сохранять добрососедство, если царь продолжит проявлять по отношению к империи свои добрые намерения⁷⁵. Спустя два года было отправлено еще одно письмо, которое, по существу, повторяло первое⁷⁶. Однако уже в 1569 г. между государствами разразился конфликт, сопровождавшийся боевыми действиями в низовьях Дона и Волги, а также участием османских войск в 1572 г. в походе крымского хана на Москву.

В 1585 г. в послании царю Федору I (1584–1598) султаном были даны следующие условия сохранения мирных отношений⁷⁷:

- а) наша дружба с Россией длится уже 80 лет;
- б) мы знаем, что вы хотите остаться с нами в приятельских отношениях;
- с) мы относимся к каждому государству доброжелательно;
- д) если будете показывать свои дружеские намерения, то увидите их и от нас;
- е) помешайте нападениям казаков на Азов.

Это время «добрых дружеских отношений» длилось недолго, прерываясь на периоды напряженного противостояния, переходившего в вооруженные конфликты. По их итогам в течение почти 240 лет от Бахчисарайского договора 1681 г. до Брест-Литовского мира 1918 г. между Османской империей и Россией было подписано 11 мирных договоров. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на их анализе. Упомянем лишь три этапа истории, когда дружеские отношения между державами были на пике.

Первым из них был военно-политический союз 1799–1802 гг., когда обе державы вместе воевали в составе второй антифранцузской коалиции. Другим этапом сближения стала помощь, оказанная в 1833 г. Россией во время восстания правителя Египта Мухаммада Али (1805–1849). Третьим же стали подчеркнута дружеские отношения, существовавшие с конца XIX в. и вплоть до Первой мировой войны. Во время летнего отдыха Николая II (1894–1917) в Ливадии туда с ценными подарками прибывал и османский чрезвычайный посол, встречу с ним царский двор проводил на высочайшем уровне⁷⁸.

⁷⁵ BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 7, h. 169 (1567–1569).

⁷⁶ BOA, *Mühimme Defteri*, nr. 7, h. 2744 (1567–1569).

⁷⁷ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 58–203.

⁷⁸ Mahir Aydın, «Livadya Sefaretleri ve Sefaretnameleri», *Belgeler* (1992), с. XIV, sy. 18, s. 321–357.

8) Торговля с Россией

Основой российско-османской торговли на протяжении веков являлись предметы роскоши и другие дорогостоящие товары. Одной из главных статей импорта в Стамбул была покупка шуб из России, которую в то время называли «страной шуб». Из османских владений активно везли соль⁷⁹.

За шубами из Стамбула в Москву отправлялось немало придворных купцов. Особенно часто эти покупки совершались в 1566—1731 годах⁸⁰, объем сделок исчислялся в тысячах золотых. Дорога в Москву, а потом обратно в Стамбул была длинной и рискованной⁸¹, обеспечения мер безопасности в пути Порта требовала от должностных лиц в России и Речи Посполитой⁸².

Кроме этих товаров из России в Османскую империю шли олово, парусина и железо, последние две статьи импорта имели наибольшее значение⁸³. В Турции недостаточно было мест добычи железа, кроме того, «железо из Москвы» было чистым, без примесей, поэтому с 1783 по 1816 г. его было куплено более 50 тонн⁸⁴. «Московская ткань» — особо плотная парусина — приобреталась для нужд флота⁸⁵. Например, в 1833 г. было куплено 300 рулонов ткани на 42 тыс. куруш (пиастров)⁸⁶. Еще одной важной статьёй торговли была покупка из России краски индиго⁸⁷.

9) Образ России

Долгое противостояние с христианской Россией отразилось, в числе прочего, и в доминировании отрицательных коннотаций при ее упоминании в османских документах. В частности, мы встречаем следующие опреде-

⁷⁹ BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 37 (1743).

⁸⁰ BOA, A.DVN.SHMH. nr. 5—1311; nr. 5—1312; nr. 7—2730; nr. 7—2746; nr. 35—178; nr. 58—508; BOA, C.IKTS. nr. 31—1546.

⁸¹ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 6, h. 1245 (1565); BOA, A.DVN.SHMH. nr. 5—1314.

⁸² BOA, A.DVN.SMHM. nr. 35—176; nr. 58—506; nr. 58—507; nr. 7—2744.

⁸³ BOA, *Mühimme Defteri* nr. 3, h. 623 (1559); BOA, A.DVN.SHMH. nr. 5—1312; BOA, VSD. nr. 37—64 (1768).

⁸⁴ BOA, C.BH. nr. 113—5481; nr. 64—3021.

⁸⁵ BOA, C.BH. nr. 48—2289.

⁸⁶ BOA, C.BH. nr. 91—4381.

⁸⁷ BOA, A.DVN.SMHM. nr. 26—866.

ления: несправедливая⁸⁸, вероломная⁸⁹, низкий враг⁹⁰, враг религии⁹¹, враг веры и государства⁹², неверующая⁹³, неверная интриганка⁹⁴, злоумышляющая⁹⁵, проклятая⁹⁶, проклятая и безбожная⁹⁷, недостойная доверия⁹⁸, неудачливая⁹⁹, враг народа и государства¹⁰⁰, лживая Московия¹⁰¹, заслуживающая смерть неверная¹⁰², государство, заслуживающее разрушения¹⁰³.

Конечно, эти характеристики были предназначены не для дипломатической или торговой переписки, а исключительно для внутреннего употребления, создавая и поддерживая образ врага. Так, например, Петру I (1682–1725) было дано прозвище «человек с низким поведением»¹⁰⁴. Применительно ко второй половине XVIII в. многие из этих бранных эпитетов можно объяснить осознаваемой османами слабостью по сравнению с Россией¹⁰⁵. Использовались они во внутренних источниках, культивируя у обычных людей образ врага. Напротив, чтобы скрепить чувство принадлежности к стране и религии, люди, читая

⁸⁸ BOA, VSD. nr. 63–169 (1772); BOA, C.HR. nr. 3977; nr. 5853 (1777).

⁸⁹ BOA, C.HR. nr. 9047 (1787); BOA, VSD. nr. 63–169 (1772).

⁹⁰ BOA, VSD. nr. 37–256 (1768).

⁹¹ BOA, *Mübinme Defteri* nr. 3, h. 954 (1560); BOA, A.DVN.SMHM. nr. 16–26 (1571); BOA, HAT. nr. 443-B (1783).

⁹² BOA, A.DVN.SMHM. nr. 167/177/869–870 (1769); BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 74 (1769); BOA, VSD. nr. 59–26 (1788)

⁹³ BOA, *Mübinme Defteri* nr. 5, h. 466 (1565); nr. 6, h. 97 (1564); BOA, *Name Defteri*, nr. 5, s. 226–230 (1696); nr. 2, h. 21 (1736); nr. 2, h. 22 (1736); nr. 2, h. 73 (1768); BOA, AE.SABH.I. nr. 104–7108; BOA, A. A.AMD.KRM. nr. 1–71 (1784); BOA, DVN.SMHM. nr. 7–2722 (1567); BOA, A.DVN.SNMH. 5/83–84/38 (1689); BOA, AE.SMHD.I.nr. 89–6089; BOA, A.DVN.KRM. 1–19 (1776); BOA, C.HR. 2–77; BOA, HAT. nr. 346-A (1783).

⁹⁴ BOA, C.MTZ. nr. 691 (1768).

⁹⁵ BOA, A.DVNS.NMH. nr. 5/83–84/38 (1689); *Türkistan*, s. 198 (1689).

⁹⁶ BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 26 (1737); nr. 2, h. 28 (1738); nr. 2, h. 77 (1770); BOA, A.DVNS.MHM. nr. 167/22/158 (1768).

⁹⁷ BOA, A.DVNS.MHM. nr. 16–26 (1572).

⁹⁸ BOA, İE.AS. nr. 59–5397; BOA, C.HR. nr. 77–3814; BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 20 (1736); BOA, VSD. nr. 37–87 (1768).

⁹⁹ BOA, *Mübinme Defteri* nr. 3, h. 1265 (1560).

¹⁰⁰ BOA, A.DVNS.MHM. nr. 19–387 (1572).

¹⁰¹ BOA, HAT. nr. 1415–57856 (1783).

¹⁰² BOA, *Mübinme Defteri* nr. 3, h. 1265 (1560); BOA, A.DVNS.MHM. nr. 16–26 (1571); BOA, VSD. nr. 63–169 (1772); BOA, A.DVNS.NMH. nr. 2/70–71/76 (1769); *Türkistan*, s. 208 (1777).

¹⁰³ BOA, *Mübinme Defteri*, nr. 7, h. 75 (1567–1569).

¹⁰⁴ *Türkistan*, s. 62 (1696).

¹⁰⁵ BOA, A.DVNS.NMH. nr. 2/70–71/76 (1769).

молитву, давали присягу на Коране, мече, хлебе и соли¹⁰⁶. Таким образом в народе поддерживалось чувство мести¹⁰⁷.

С другой стороны, не имея возможности противостоять России, османские власти не скупались на похвалы крымским татарам, мотивируя их на борьбу. При этом использовались такие выражения, как «герои династии Чингисхана», «солдаты-татары, несущие врагу смерть»¹⁰⁸, «охотники на врага»¹⁰⁹, «проливающие вражескую кровь»¹¹⁰. После потери Крыма надеялись еще и на помощь кубанских татар¹¹¹.

В 1857 г. Россию уже воспринимали как особо значимую для Османской империи державу. Для открывшейся в Петербурге первой постоянной дипломатической миссии из Парижа были специально доставлены столовые принадлежности и кареты¹¹². С другой стороны, в Стамбуле надеялись, что Россия создаст баланс сил в Египте, Иране и Афганистане, выступив против Англии¹¹³.

10) Заключение

Когда мы посмотрим из Турции на Россию, то ключевым словом для более чем 400-летних отношений является «Москва». Данное понятие вначале обозначало «страну Россия», потом «русский народ» и в конце концов — собственно город. Соответственно, произошло выделение этих значений в отдельные слова: «русский», «Россия» и «Москва». В различные исторические периоды в османских документах использовались следующие выражения: московская пенька¹¹⁴ (1599), московский царь¹¹⁵ (1712),

¹⁰⁶ BOA, A.DVNS.MHM. nr. 19–387 (1572); BOA, VSD. nr. 63–169 (1772); BOA, C.AS. nr. 23–1004; nr. 98–4467; *Türkistan*, s. 208 (1777).

¹⁰⁷ BOA, A.DVN.KRM. nr. 1–64 (1778); BOA, AE.SABH.I. nr. 104–7108; BOA, C.HR. nr. 50–2348; nr. 63–3114; nr. 77–3814; BOA, C.AS. nr. 23–1004; nr. 50–2348; BOA, VSD. nr. 68–106 (1790).

¹⁰⁸ BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 20 (1736).

¹⁰⁹ BOA, A.DVN.SNMH. nr. 5/83–84/38 (1689); BOA, A.DVNS.MHM. nr. 167/22/158 (1768).

¹¹⁰ BOA, *Name Defteri*, nr. 2, h. 14 (1735).

¹¹¹ BOA, AE.SABH.I. nr. 104–7108.

¹¹² BOA, A.AMD. nr. 75–91; nr. 80–48.

¹¹³ BOA, *Yıldız Sadaret Hususi Maruzat*, nr. 177–50 (1869).

¹¹⁴ BOA, TSM.A. nr. 2923.

¹¹⁵ BOA, YB.04. nr. 6–9.

Московская сторона¹¹⁶ (1728), московский подарок¹¹⁷ (1742), неверный из Москвы¹¹⁸ (1774), московская царица¹¹⁹ (1775), Венеция-Москва¹²⁰ (1780), москвич-интриган¹²¹ (1789), Московское направление¹²² (1789), пленник в Москве¹²³ (1791), Российское государство¹²⁴ (1791), московский народ¹²⁵ (1809), москвит¹²⁶ (1811), город Москва¹²⁷ (1812), русский генерал¹²⁸ (1812), русский солдат¹²⁹ (1813), город Москва¹³⁰ (1813), король Москвы¹³¹ (1824), московский корабль¹³² (1828), город Москва¹³³ (1899).

Мы видим, что только с 1812 г. термин «Москва» начинает использоваться как топоним, обозначающий город. В остальных случаях это было условное обозначение Российского государства, царя или народа. С конца XVIII в. в источниках начинают встречаться слова «Россия» и «русский», хотя сохранялась и традиция именовать соседнюю страну по названию ее бывшей столицы.

Подытоживая настоящее исследование, следует отметить, что негативное представление о России в османской общественно-культурной традиции основывалось на трех причинах:

- а) Россия увеличивала свою территорию за счет земель Турции и тюркского мира;
- б) существовало предубеждение против России, базировавшееся на ее религиозной «неверности»;
- в) негативное отношение к России формировалось под влиянием политики европейских держав.

¹¹⁶ ВOA, D.MKF. nr. 27981.

¹¹⁷ ВOA, TSMA. nr. 5761.

¹¹⁸ ВOA, CAS. nr. 1147—50976.

¹¹⁹ ВOA, D.BŞM. nr. 4495.

¹²⁰ ВOA, D.BŞM.ZCR. nr. 20278.

¹²¹ ВOA, HAT. nr. 1380—54377.

¹²² ВOA, CAS. nr. 1117—49495.

¹²³ ВOA, HAT. nr. 187—8863.

¹²⁴ ВOA, HAT. nr. 186—8730.

¹²⁵ ВOA, HAT. nr. 1278—49566.

¹²⁶ ВOA, HAT. nr. 1276—49527.

¹²⁷ ВOA, HAT. nr. 1004—42118.

¹²⁸ ВOA, HAT. nr. 1162—45982.

¹²⁹ ВOA, HAT. nr. 1194—46916.

¹³⁰ ВOA, HAT. nr. 1182—46677.

¹³¹ ВOA, HAT. nr. 1200—47116.

¹³² ВOA, HAT. nr. 1011—42436.

¹³³ ВOA, ВЕО. nr. 1419—106362.

В рамках данной статьи мы не будем комментировать вышеуказанные причины.

«*Ülkelerin ırmakları, krallarına göre akmaz*» («Реки стран не протекают согласно приказам королей») — такова турецкая пословица. Она означает, что мудрые правители не пытаются изменить историческое прошлое, так как нельзя повернуть уже утекшую воду реки вспять. Россия и Турция были великими соседями, и мы надеемся, что отношения будут продолжаться в дружеском русле. Говоря в заключении о двух странах, я позволю себе воспользоваться словами московского князя Владимира, сказавшего в 985 г. о мире с болгарями: «Пусть этот мир будет длиться до тех пор, пока камень не поплывет по воде, а листок не утонет».

REFERENCES

1. Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi (BOA) — Османский архив при кабинете президента Турецкой Республики.
2. *Aydın Mahir*. Livadya Sefaretleri ve Sefaretnameleri. Belgeler. 1992. C. XIV. Sy. 18. S. 321–357.
3. *Kurat Akdes Nimet*. Rusya Tarihi. Ankara, 1987.
4. *Osmanlı Devleti ile Kafkasya*. Türkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındaki Münasebetlere Dair Arşiv Belgeleri. Ankara, 1992.

Ключевые слова:

Россия, Турция, Москва, Московия, Стамбул

Mahir Aydin

THE IMAGE OF THE RUSSIAN STATE ACCORDING TO TURKISH ARCHIVAL DOCUMENTS (1475–1918)

The Turkish-Russian relations have been being built for a long period of time. These relations of two neighboring empires were complex and can be characterized as by the chain of wars as well as by good neighborly relations in peacetime. Both formed the image of the neighboring power reflected in the historical records.

This article aims the analyses of the Turkish archival documents which let single out the image of the Russian state and its transformation through the different periods of state-to-state relationships. As the basis of the classification for the creating of the overall image of Russia the following categories were assumed: the name of the state, the names for the ethnic groups, the form of address to the governor, the relationship to the ambassadors, border location, wars between two countries, peace treatments, the trade and the general idea about Russia. Correspondingly, the foreword and nine parts describing the above-mentioned categories can be marked out in the work.

The records of the Turkish State Archives have served as the source basis for the work. Neither historical publications nor diplomatic correspondence were used in the research.

Key words: Russia, Turkey, Moscow, Moscovia, Istanbul.

Mahir Aydin — D. Sc. (History), Professor, Istanbul University History Department.

 Махир Айдын

доктор исторических наук, профессор, преподаватель кафедры
новейшей истории Стамбульского университета

DOI: 10.35549/HR.2020.27.64.002

В.В. Хутарев-Гарнишевский

«ПРЕЖНИЕ ЦЕЛИ ТЕПЕРЬ НЕ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЯ»

Путешествие в Россию турецкого
министра-панисламиста Махмуд Эсада летом 1913 г.
в освещении царской полиции

Поражение Турции в Первой Балканской войне временно сняло остроту традиционного конфликта с Россией. Внешнеполитические условия менялись, и северный сосед более не представлял для османского правительства непосредственной угрозы, в отличие от молодых балканских государств. Да и нараставшие противоречия между великими державами создавали для турок уникальный шанс выбора, к какой стороне примкнуть ради сохранения единства своей империи. В этой ситуации можно было пойти на сколь угодно резкие внешнеполитические повороты, вплоть до тактического налаживания отношений с Россией. Во время вспыхнувшей летом 1913 г. Второй Балканской войны турецкая армия присоединилась к своим недавним противникам грекам и сербам и вознамерилась отобрать у Болгарии недавно потерянный Адрианополь. В этом вопросе русские власти совершенно не противодействовали туркам, даже отнеслись благосклонно, что вызвало легкое недоумение последних. В своих воспоминаниях один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс» крупный военачальник Ахмед Джемаль-паша привел мнение по этому поводу болгарского посла Тошева: «Русские считают Константинополь своим

законным наследием. Вследствие этого они полагают, что когда Константинополь попадет им в руки, ему должна будет придана возможно большая территория. Если Адрианонополь к тому времени окажется в руках турок, они сумеют захватить и его, чтобы, в случае нападения со стороны Болгарии, располагать достаточным плацдармом для развития военных действий»¹.

Россию в 1912–1913 гг. в крайней степени волновала судьба Константинополя и проливов в свете неумных appetitов Болгарии, Греции и Сербии, не желавших прислушиваться к покровителю православных и славянских народов в лице Петербурга. В случае нейтрализации и введения международного управления проливами, как предлагало британское правительство, Россия рисковала получить вместо ослабленной Турции английский контроль над проливами и над экспортом русских товаров через них, не говоря уже о превращении Черного моря в «проходной двор». Как передача этой территории одному из балканских государств, Болгарии или Греции, так и регламентация порядка их использования некими международными соглашениями не гарантировали появления за ними интересов и контроля других великих держав². Как это ни парадоксально, но в годы Балканских войн сохранение Константинополя и проливов за Османской империей вполне соответствовало русским национальным интересам.

Турецкие власти решили воспользоваться удачным моментом для налаживания связей со своими потенциальными сторонниками в России — панисламистами и пантюркистами. По мнению турецкого историка Мустафы Туна, вплоть до Первой мировой войны панисламистская и пантюркистская угроза для России была фикцией, вымыслом русских спецслужб. Несмотря на то, что в мире панисламизм был катализатором интеллектуальных процессов самоидентификации мусульманских народов, сопровождавшимся ростом антиколониальных отношений, российская специфика была иной³. Русские панисламисты, за исключением радикальной их части, отнюдь не стремились к отделению от империи, требуя национально-культурной и религиозной автономии. Исключе-

¹ Записки Джемаль-паши, 1913–1919 гг. / Пер. с англ. Б.Т. Руденко. Тифлис, 1923. С. 38.

² Георгиев А.В. Балканские войны и Россия // История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 329.

³ Tuna Mustafa Özgür. Imperial Russia's Muslims. Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914. Cambridge, UK: Cambridge university press, 2015. P. 213.

ние представляли разве что крымские татары и недавно присоединенные народы Средней Азии, ранее обладавшие своей многовековой государственностью.

Правительство младотурков также не спешило давать российским панисламистам надежды на отделение. Срастание панисламизма и пантюркизма с сепаратизмом могло дорого стать для Турции, если бы выяснилось, что она организационно или финансово поддерживает подобные настроения. Вместе с тем именно российская панисламистская интеллигенция была проводником идей и основным агентом влияния Турции в России. Поддержку турок получал панисламизм, рассматривавшийся как духовное единство всех мусульманских народов под эгидой Османов, наподобие духовного объединения католиков всего мира во главе с Папским престолом в Риме. Однако пантюркизм как государственно-политическое объединение всех тюркских народов, проживающих на территории Османской и Российской империй, Китая и Ирана, оценивался как неосуществимая утопия и мечты неопытного подростка. Несмотря на то, что на практике турки негласно оказывали поддержку отдельным российским панисламистам, перешедшим на пантюркистские позиции, таким как князь Юсуф Акчурин или Абдуррашид Ибрагимов, их держали не более чем в роли паровоза на запасном пути.

Первым крупным официальным лицом новой турецкой администрации в России побывал глава правительства Хусейн Хильми-паша. Это произошло еще до Балканских войн — весной 1910 г. Он посетил Санкт-Петербург, Москву, Казань, Самару, Харьков и Варшаву. 29 марта 1910 г. был официально принят императором Николаем II и премьер-министром П.А. Столыпиным в Царском Селе, а впоследствии встретился с депутатами Государственной думы во главе с ее председателем А.И. Гучковым, политиками, высокопоставленными военными, журналистами «Нового времени» и «Вақыт», а также иностранной прессой, «Le Figaro» и «The Times». Однако в регионах, в первую очередь Нижнем Новгороде, русские власти настойчиво ограждали его от контактов с российскими мусульманами, за исключением представителей вполне лояльного властям консервативного петербургского и московского исламского «духовенства». В Казани турецкий гость смог встретиться с местными миллионерами татарами Каримовыми, посетить медресе и мечети, но только в неотступном сопровождении губернатора Г.Б. Петкевича и чинов полиции, что снизило политическую эффективность встреч с русскими панисламистами до нуля. После

Самары Хильми-паша хотел поехать также в Астрахань, Оренбург и Среднюю Азию, в чем ему было уверенно отказано⁴.

Дело в том, что это было время активной борьбы царского МВД с панисламистами, которая проводилась Департаментом полиции МВД под контролем и по личному поручению премьера Столыпина. Репрессии были направлены не только против отдельных политических организаций панисламистов, но даже против членов мусульманской фракции Государственной думы. Для понимания «накала страстей» и видения руководством полиции сути панисламистского движения того периода можно обратиться к циркуляру директора Департамента полиции Н.П. Зуева от 18 декабря 1910 г. Согласно этому документу, руководство сыска расценивало панисламизм как «фанатическое движение, всемерно поддерживаемое младотурецкими и младоперсидскими комитетами», главный принцип которого — «объединение всего мусульманского мира в политическом и экономическом отношениях под эгидой Турции с конечной целью в будущем — образования всетюркской республики», а первостепенной задачей российских панисламистов считалось «сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан»⁵. Масло в огонь подливали и тесные контакты многих панисламистов с руководством оппозиционных конституционных демократов, в частности с их лидером П.Н. Милюковым. Сама мусульманская партия «Итти-фак эль-муслимин» и все панисламистское и пантюркистское движение рассматривались как однозначно революционные⁶. При подобных обстоятельствах миссия Хусейна Хильми-паши с точки зрения контактов с русскими панисламистами была обречена на провал. С одной стороны, с рядом ключевых персоналий ему пообщаться удалось, но программа визита выполнена не была. Во многом этому помешал его официальный характер, предполагавший значительную скованность в перемещениях и встречах. Однако среди российских мусульман поездка произвела фурор — чуть ли не впервые в истории непосредственно к ним приехал высокопоставленный оттоманский паша, причем в ка-

⁴ *Türkoğlu İsmail. Hüseyin Hilmi Pasha and sir Mahmud Esad's Volga-Ural Travels // Tatarica. Research Journal of Kazan Federal University. 2014. № 3. P. 141–143.*

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 240 (Особый отдел. 1910 г.). Д. 74. Л. 142.

⁶ *Рожанов Ф.С. Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года). Издание Департамента полиции. СПб., 1913. С. 333–342.*

честве гостя, а не с целью подписания очередного дипломатического соглашения с царским правительством.

В 1913 г. обстоятельства изменились. По вышеизложенным причинам отношения России и Турции несколько потеплели, а во главе полиции стоял не жесткий националист и государственный Столыпин, а близкий к партии октябристов славившийся своими умеренно-либеральными взглядами генерал В.Ф. Джунковский. Именно в этот момент 13 июля 1913 г. в Россию приехал руководитель канцелярии султана и министр кадастра Махмуд Эсад-эфенди. Описание и программа его визита представляют значительный интерес как в силу его неофициального характера, так и насыщенностью программы пребывания в империи. Турецкий гость прибыл в Одессу и путешествовал по стране частным образом — ни русский посол в Константинополе, ни МИД не были оповещены о визите. МВД узнало о нем лишь благодаря донесению собственной константинопольской агентуры. В разговоре со всеми российскими официальными лицами министр подчеркивал, что находится в статусе туриста, путешественника, а не как официальное лицо султанского правительства. Да и сами встречи с представителями русской администрации длились недолго, от 30 минут до часа, и состояли, как правило, в неформальном чаепитии и обсуждении впечатлений министра от посещения достопримечательностей и созерцания русского быта. По краткости и растерянному тону отчетов ряда начальников губерний чувствовалась совершенная неподготовленность чиновников к общению с высокопоставленным турецким гостем. Наиболее показательным в этом плане является отчет уфимского губернатора П.П. Башилова, уложившийся в семи предложениях.

Между тем Махмуд Эсад подготовился к поездке самым основательным образом. Путешествуя по России один без сопровождения, он тем не менее прекрасно ориентировался в неизвестных ему городах, быстро находил все намеченные пункты — мечети, мусульманские учебные и просветительские заведения, редакции периодических изданий, дома наиболее состоятельных предпринимателей из числа мусульман. Особенно впечатляет скорость его перемещения по Казани, где он за один день успел объехать несколько мечетей, татарских магазинов, кладбище, благотворительные учреждения, даже православные храмы и монастыри, редакции двух газет, пообщаться с местной интеллигенцией и купечеством, встретиться с губернатором, дать несколько интервью и провести деловой ужин. Такой насыщенный график требовал, безусловно, длительной проработки и совершенно не схож с туристической

Махмуд Эсад-эфенди

поездкой любознательного университетского профессора, за коего себя выдавал министр.

Подготовить такую поездку без штата помощников было бы проблематично. Кто же ему помогал? В этом контексте представляет интерес круг общения Махмуда Эсада в России. За исключением Уфы, где он ex officio провел встречи с консервативно настроенными муфтием и представителями Духовного собрания мусульман, министр встречался почти исключительно с лидерами местных панисламистов и просвещенной мусульманской общественностью. Они были осведомлены по телеграфу о времени и месте его прибытия, сопровождали его по городу, в гостиницу, в публичные заведения, на вокзал или пристань, а иногда — до следующей точки маршрута. Для столь высокой координации и оповещения необходимо было иметь налаженную турецкую агентурную сеть в разных регионах России, что делает далеко не беспочвенными подозрения руководства политического сыска в излишней интимности негласных связей российских панисламистов с турецкими властями.

Так кем же был нежданный гость? Махмуд Эсад-эфенди — одна из наиболее примечательных личностей в османском обществе и правительстве начала XX в. Историк, богослов, правовед, юрист, педагог, администратор, наконец, политический деятель — один из лидеров панисламистского движения, начальник личной канцелярии султана Мехмеда V, министр. Махмуд Эсад родился в 1856 г. в семье наиба Мухаммеда Эмина-эфенди. Начальное образование получил на земле своих предков в городе Сейдишехир Конийского вилайета и в самой Конье. Окончил

медресе в Стамбуле, где его учителем был известный педагог Эльбасанлы Абдулкерим-эфенди, который преподавал ему хадисоведение, Коран, основы логики, мусульманского богословия и права⁷. В 1881 г. Махмуд Эсад сначала получил диплом медресе, а позднее после сдачи экзамена при ученом совете шейх-уль-ислама стал титулярным профессором. Он одновременно преподавал в медресе при мечети Фатих в Стамбуле, учил османскому языку в Высшем военном училище Гальхане, а также продолжал получать образование — изучал французский язык и точные науки в военном училище, а также мусульманское право в Стамбульском университете⁸.

В 1885 г. Махмуд Эсад был назначен председателем Бидайетского суда в Афьоне, продолжив преподавательскую карьеру в высшей школе в Измире, где он читал курс физики, химии, геологии и биологии. Уже к 1890-м гг. он вполне сформировался как ученый с энциклопедическими познаниями в богословии, гуманитарных и точных науках. В 1896 г. он становится юрисконсультom Казначейства в Стамбуле, преподает экономику и право в университете, читает собственный курс истории ислама на литературном факультете.

В этот период Махмуд Эсад-эфенди близко сдружился с известным турецким журналистом и писателем-романистом европейского уровня Ахмедом Мидхатом-эфенди, выходцем из эмигрировавших из России черкесов. Писатель, один из наиболее просвещенных турок конца XIX в., прекрасно знакомый с европейской культурой и литературой, был видным просветителем, основал школу Медресе-и- Сулейманийе. Ахмед Мидхат живо интересовался и русской литературой. Именно он впервые опубликовал сделанные его коллегой и подругой русским востоковедом О.С. Лебедевой переводы на турецкий язык произведений Лермонтова, Пушкина, Толстого. Свой интерес к России он передал и Махмуд Эсаду.

В 1906 г. административная карьера Эсада-эфенди набирает обороты. Сначала он получает пост инспектора вилайета Румелия, а в 1908 г. — инспектора министерства финансов. В правительстве великого визиря Хусейна Хильми-паши в 1909 г. он сначала получает должность министра кадастра и землеустройства, а вскоре параллельно занимает пост заме-

⁷ *Köse Murtaza*. Osmanlı Son Dönem Hukukçularından Seydişehirli Mahmut Esadın Hayatı, Eserleri ve İlmî Kişiliği // *İslam Hukuku Araştırmaları Dergisi*, sayı: 2, 2003. S. 207–217.

⁸ Mahmud Esad Efendi [энциклопедическая статья] // Электронный ресурс *Biyografya*. URL: <https://www.biyografya.com/biyografi/15722>

стителю министра юстиции. На новых должностях Махмуд Эсад быстро достигает внушительных результатов, фактически с нуля создает в Турции эффективную систему и службу кадастра. Заложенные им правовые механизмы до сих пор являются основой для современного турецкого землеустройства⁹.

Поездка Махмуд Эсада является не только редким для той эпохи примером того, что сейчас называется «народной дипломатией», то есть прямого обращения к общественности страны, а не к ее властям. По сути, это была брифинг-инспекция сил и настроений российских панисламистов. Однако миссия Махмуда Эсада выходила за пределы смотра сил сторонников. Он приехал дать панисламистам четкие рекомендации о тактике дальнейшей общественной и политической работы в России и избрал для этого весьма оригинальный способ. Он не мог не понимать, что беседы иностранного министра с мусульманскими массами в мечетях или медресе могут вызвать негатив у местных властей, а прямые рекомендации, преподанные пусть даже и в частных беседах, могут быть рассмотрены в качестве вмешательства во внутренние дела империи, если не как покушение на ее суверенитет. Министр дал несколько интервью российским панисламистским газетам, в которых подчеркнуто поддержал и одобрил ряд тенденций в жизни мусульман, расставив приоритеты. Виртуозно был решен и вопрос о том, чего желала бы и как их рассматривает Османская империя. Конечно, выдвигать подобные требования и пожелания было рискованно. Поэтому вопрос был поставлен иначе: почему, по мнению министра, российские мусульмане стремятся к сближению России с Турцией. Эта формулировка давала полную свободу высказывания, особенно для тех, кто умел читать между строк.

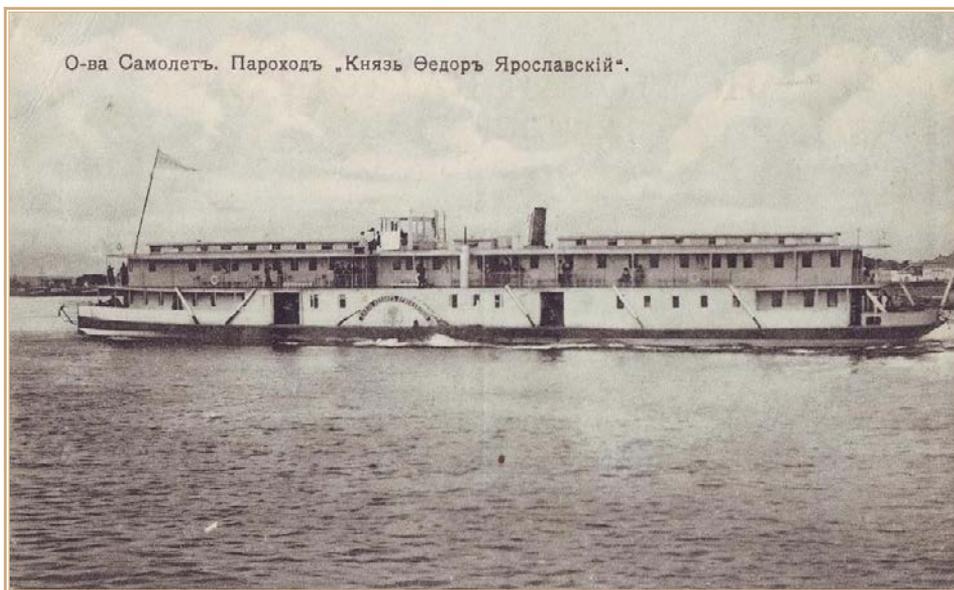
В своих интервью Махмуд Эсад на первое место ставит обретение мусульманами (читай: панисламистами, ибо интервью давались их изданиям) ведущих позиций в культуре, образовании и общественной жизни регионов с компактным проживанием мусульманского населения. Он подчеркивает важность лидерства мусульманских купцов и промышленников в региональной экономике, приветствуя и появление среди татар миллионеров. При этом министр четко дает понять,

⁹ *Yıldırım Mehmet, Curabaz Bilal*. Historical Development of Turkish Cadastre: Cadastral works during Ottoman Empire, Legislative Regulations and Reflections to Republic of Turkey / International Federation of Surveyors (FIG). 2018. URL: http://fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig2018/papers/fig10a/FIG10A_yildirim_curabaz_9341_abs.pdf

что Турция находится в данный момент в плачевном материальном и внешнеполитическом положении и не заинтересована в обострении традиционного конфликта с Россией, а наоборот, даже стремится сблизиться с северным соседом. Поэтому он говорит о необходимости мусульман быть лояльными к своему правительству и временно отойти от политической деятельности, давая понять, что в борьбе с царем рассчитывать на турецкую помощь не придется. Эта идея была подана крайне деликатно: министр как будто радуется тому, что российские мусульмане не занимаются политикой, не находятся в оппозиции и всецело преданы русскому престолу. Конечно, один из выдающихся представителей младотурецкой партии «Единение и прогресс» не мог не знать о наличии нескольких исламистских партий в России, даже мусульманской фракции в Государственной думе, не говоря уже о радикальных общественных объединениях российских мусульман, пользовавшихся широчайшей поддержкой турецких властей и имевших свои штаб-квартиры в Константинополе. Но он как будто не замечает этого. Вообще подобная смысловая инверсия, замена действительного желаемым, характерна для всех его интервью.

Эти пожелания касались краткосрочных целей и задач. Касательно долгосрочных Махмуд Эсад был не столь добросердечно настроен к царскому правительству. Он подчеркивал необходимость дружбы России и Турции в изменившихся внешнеполитических условиях, когда «время многое изменило» и «прежние цели теперь не имеют значения». Но при этом главной задачей альянса он видел в сближении Турции с российскими мусульманами, иначе говоря — возможности легальных прямых контактов и прямого влияния, по сути, во вмешательстве во внутреннюю политику России под культурно-религиозными предлогами. Министр называет российских мусульман турками (в других переводах интервью — тюрками), подчеркивая, что между ними и непосредственно самими турками «есть братство по крови, по происхождению, по языку и по религии». То есть речь шла *de facto* о едином народе, разделенном лишь государственными границами.

Этот потенциально крайне опасный посыл был замечен российскими спецслужбами. И начиная с визита в Казанскую губернию, министра неотступно сопровождали филёры полиции и жандармерии, а о содержании встреч с мусульманами пытались узнать или через своих секретных сотрудников, если они имелись в данной среде, или путем направления на официальные приемы чинов общей полиции. Эффективность последней меры, правда, вызывает определенные сомнения.

Пароход «Князь Федор Ярославский». Открытка начала XX в.

В современной историографии поездка Махмуд Эсада привлекала внимание отечественных историков татар и турецких исследователей, однако во всех научных публикациях рассматривалась исключительно с точки зрения культурных контактов Турции с российскими мусульманами. Политический аспект не рассматривался историками. Исследования опирались в основном на материалы прессы, лишь фрагментарно привлекая архивные данные. Наиболее интересным исследованием можно назвать статью турецкого историка Измаила Тюркоглу из стамбульского Университета изящных искусств имени Мимар Синана. Он проанализировал материалы турецкой и российской прессы о визитах Хусейна Хильми-паши и Махмуд Эсада-эфенди в Россию в 1910 и 1913 гг., не привлекая архивных и иных документальных источников. Вывод статьи состоит в том, что оба визита способствовали налаживанию духовных, социальных и религиозных контактов между татарами Волго-Уральского региона и турками¹⁰. Также можно отметить статью профессора Альфины Сибгатуллиной, также опирающуюся в основном на публикации в татарских газетах «Кояш», «Юлдуз» и «Вақыт», но одновременно использующую некоторые архивные материалы¹¹. В расширенном виде свои выводы профессор изложила и в моногра-

¹⁰ *Türkoğlu İ.* Op. cit. P. 150.

¹¹ *Сибгатуллина А.Т.* Пребывание Махмуда Эсада в России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 8. С. 77–84.

фии, посвященной контактам российских мусульман с турецкими в конце XIX — начале XX в.¹² Взгляд Сибгатуллиной всецело обращен на культурные связи, она отмечает, что Махмуд Эсад проникся глубокой симпатией к российским мусульманам, а главными результатами его визита стали открытие им весной 1914 г. Осmano-русского общества, приобретение ценной библиотеки об исламе умершего профессора Н.Ф. Катанова и инициатива по введению образования для мусульманских девушек в Стамбульском университете. В обеих публикациях, к сожалению, отсутствует даже упоминание о панисламистах, равно как и подробные сведения о биографии Махмуд Эсада. Также можно отметить и ее совместную статью с историком Алпер Алп из университета Гази в Анкаре, с той лишь разницей, что она несколько меньше по объему, но имеет сноску на архив Республики Татарстан¹³.

В предисловии к данной публикации мы уже обратили внимание на политический аспект визита, именно сквозь призму которого предлагаем читателю ознакомиться с публикуемыми материалами Особого отдела Департамента полиции МВД, хранящимися в фонде 102 Государственного архива РФ. Представленные материалы состоят из донесений губернаторов, начальников жандармских управлений и охранных отделений, руководителя русской заграничной агентуры в Константинополе. Свою задачу публикатор видит в том, чтобы не только сделать эти материалы общедоступными для исследователей, но и раскрыть специфический охранительно-полицейский аспект визита Махмуд Эсада-эфенди в Российскую империю, посмотреть на него не сквозь призму развития культурных взаимоотношений России, а через сыскную лупу обеспечения политической безопасности. Донесения раскрывают не только характер визита, подробно описывают последовательность и продолжительность встреч министра с мусульманскими общественными, культурными и политическими деятелями, предпринимателями, но и раскрывают технологию розыска и наблюдения. В ряде случаев чины сыска ограничивались наружным филёрским наблюдением, но некоторые оговорки дают понять, что среди панис-

¹² Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 167–187.

¹³ Сибгатуллина А.Т., А. Алп «До сих пор вы славились своим верноподданничеством и с этим прекрасным качеством не расставайтесь!» (О путешествии Махмуд Эсада эфенди в 1913 г. по России) // «Гасырлар авазы — Эхо веков». 2008. № 2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/10/09/

ламистов у жандармерии были свои люди. Приводятся также сделанные переводчиком с восточных языков при Казанском губернском жандармском управлении штабс-ротмистром Е.Ф. фон Трентовиусом переводы интервью Махмуд Эсада, опубликованные в татарских газетах. Документы публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации. Написание имени Махмуд Эсада-эфенди унифицировано по современным нормам, так как в разных документах он упоминается по-разному, как Махмуд Эссад, Эссед, Эсьад, Эсгат, Махимуд, равно как и приставка «эфенди» также пишется то с одной, то с двумя буквами «ф». Данная публикация расширяет представление о русско-османских отношениях в 1910-е гг.

ДОКУМЕНТЫ

**Выдержка из донесения заведующего агентурой в Турции
К.Д. Кречунеско заведующему Особым отделом
Департамента полиции М.Е. Броецкому. 21.08.1913**

Совершенно секретно. Заведующий агентурой в Турции. 21 августа 1913 года. № 313. Гор. Константинополь.

Милостивый государь, Митрофан Ефимович!

С открытием военных действий на Балканах с осени прошлого года Турция всецело поглощена вопросом о сохранении большей части своей территории, а также и событиями, возникающими внутри страны среди разных национальностей. Вследствие сего деятельность панисламизма за все это время проявлялась за пределами Турции лишь в сборе пожертвований для надобностей последней и привлечении на войну для нее же добровольцев. Ныне, ввиду близости окончания войны, комитетом «Единение и прогресс» («Иттигад ва таракки») в конце июля сего года были командированы эмиссары, главным образом на Кавказ и Туркестан для восстановления с тамошними мусульманами прежней связи, разъяснения причин Балканской войны в желательной для Турции форме и приготовления мусульман к протесту пред Великими державами в случае принятия последними насильственных мер к изгнанию турок из Адрианопольского вилайета.

Обращает на себя внимание также выезд в Россию в конце июля сего года заведывающего личной канцелярией султана, Махмуда Эсада, который посетил города: Киев, Бахчисарай, Ак-мечеть, Оренбург, Уфу и Казань и предполагает посетить также Нижний Новгород, Москву и С.-Петербург. Цель его путешествия турецкие газеты объясняют желанием ознакомиться с научной целью с образом жизни и культурой русско-подданных мусульман, но одновременно та же пресса опасается, чтобы его сношения с русскими мусульманами не возбудили бы подозрений русского правительства.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 112–112 об.

**Отчет Уфимского губернатора министру внутренних дел
о визите Махмуд Эсада в Уфу. 04.07.1913**

Конфиденциально. Уфимский губернатор. Его высокопревосходительству Н.А. Маклакову. 4 июля 1913 года. № 10886.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Сего числа по дороге из Оренбурга в Москву в Уфе на несколько часов останавливался профессор оттоманского университета Махмуд Эсад, министр кадастра (как это значится на его визитной карточке¹⁴). Он был у Оренбургского мурфтия. А затем в сопровождении одного из членов Оренбургского духовного собрания посетил меня.

По-русски он не говорит, а потому мы разговаривали по-французски. Разговор имел своим предметом впечатления Махмуда Эсада, как туриста, от его путешествия. Я ему показал местный музей и проводил на парходную пристань. Никаких демонстративных проявлений сочувствия мусульман приезд этого лица в Уфу не вызвал.

Об изложенном докладываю вашему высокопревосходительству для сведения. Пользуюсь этим случаем, чтобы просить Вас принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности *Вашего покорного слуги Петра Башилова*.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. Л. 184–184 об.

**Донесение начальника Уфимского губернского
жандармского управления в Департамент полиции МВД
о визите Махмуд Эсада в Казань. 01.08.1913**

Секретно. Начальник Уфимского губернского жандармского управления. 1 августа 1913 года. № 1502. г. Уфа. В Департамент полиции по особому отделу¹⁵.

По сообщению газеты «Вакт» 13 июля сего года из Константинополя выехал в Одессу турецкий министр кадастра Махмуд Эсад эфенди, причем министр этот предполагает из Одессы отправиться в Киев, Севастополь, Царицын, Самару, Оренбург, Уфу, Казань, Нижний Новгород, С. Петербург, Финляндию, Швецию и Германию. Донося об этом для сведения, присово-

¹⁴ Внизу подлинного документа сноска: «Mahmoud Essad. Ministre du Cadastre. Professeur à l'Université Ottomane».

¹⁵ Штамп: «Особый отдел. 7 авг. 1913. № 23994».

купляю, что упомянутое выше лицо прибыло в гор. Уфу 31 июля сего года, где ныне и проживает у местного купца Хакимова¹⁶. В район сообщено.

Генерал-майор Устинов¹⁷

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 234. Т. 1. Л. 93

**Отчет Казанского вице-губернатора министру внутренних дел
Н.А. Маклакову о наблюдении за визитом Махмуд Эсада
в Казань. 03.10.1913**

Министерство внутренних дел. Казанский губернатор. По канцелярии. 3 октября 1913 г. № 22347 г. Казань¹⁸

Господину министру внутренних дел.

3-го августа сего года я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства по телеграфу о прибытии в Казань турецкого министра Махмуд Эсада. В настоящее время считаю долгом представить Вашему высокопревосходительству следующие сведения о пребывании Махмуд Эсада.

¹⁶ Отец и сын Хакимовы были крупнейшими башкирскими предпринимателями Уфимской губернии, просветителями-панисламистами и меценатами. Городская усадьба Хакимовых, в которой предположительно проживал Махмуд Эсад, сохранилась — это объект культурного наследия (памятник архитектуры) «Дом Хакимова», находящийся в г. Уфе на улице Мустая Карима (быв. Бекетовской). Здание было куплено в 1895–1896 гг. А.А. Хакимовым и перестроено. Абдуллатиф Абдулхакимович Хакимов, купец, потомственный почетный гражданин, владел домами и магазинами в Уфе и Бугульме, землями в Бирском и Бугульминском уездах. Построил в 1908 г. на Бекетовской улице соборную мечеть, содержал панисламистские медресе «Галия», «Хакимия», издавал газету «Мусульманский мир». Старший сын Мухаммет-Назиб Хакимов, миллионер, купец первой гильдии, торговал хлебом и мануфактурными товарами, в 1908–1916 гг. депутат Уфимской городской думы, член правлений различных банков, с 1915 г. председатель Благотворительного общества о бедных мусульманах Уфы.

¹⁷ Устинов Владимир Семенович (род. 12.07.1855), окончил Ставропольскую классическую гимназию и Николаевское кавалерийское училище, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В корпус жандармов поступил в 1886 г. из 45-го драгунского Северского полка, служил начальником Тобольского губернского жандармского управления с 23.01.1905, Тамбовского с 29.06.1906, Терского областного с 05.04.1909, наконец, Уфимского ГЖУ с 30.03.1913 г. Генерал-майор с 06.12.1912. Награжден орденами Св. Анны 2, 3 и 4 ст., Св. Станислава 1, 2 и 3 ст., Св. Владимира 3 и 4 ст. Православный, женат, имел дочь.

¹⁸ На полях пометка рукой: «IV Отд. Для срочного исполнения. 7/X 913». Вверху штамп: «Особый отдел. 7 окт. 1913. Вход. № 28721».

Махмуд Эсад прибыл в г. Казань 3 августа в 6 час. утра из г. Уфы на пароходе Якимова «Амур»¹⁹. О предполагаемом приезде его в Казань были получены телеграфные извещения из Уфы от члена духовного магометанского собрания Мухаммедова проживающими в Казани мусульманами Галимзяном Галеевым²⁰, Мухаметзяном Каримовым²¹ и редактором-издателем газеты «Юлдуз» Максудовым²². Причем в телеграммах Махмуд Эсад был назван «Махмудогадом». Это недоразумение разъяснил мусульманам сотрудник газеты «Кояш» Садрутдинов, вспомнивший напечатанное в газете «Тарджиман» о предпринятом в Россию путешествии турецкого министра Махмуд Эсада.

Для высокого путешественника Галимзян Галеев распорядился заранее приготовить квартиру в номерах «Бристоль» по Большой Проломной улице²³, содержимых купцом Мукминовым. На встречу Махмуд Эсада выехали на Устье купец Мухаметзян Каримов, редактор газеты «Кояш» Закир Садрутдинов, бывший учитель Галеевского медресе Шакир Шарифов и сын муллы Салихзян Галеев — ученик Казанского ком-

¹⁹ Пароход «Амур» принадлежал товарно-пассажирскому пароходству Торгового дома наследников А.В. Якимова, существовавшему в Уфе в 1867–1914 гг. Построен в 1908 г. на Воткинском заводе. Мощность 360 лошадиных сил, скорость 18 км в час, вместительность 62 — 400 пассажиров, грузоподъемность 250 тонн.

²⁰ Галеев (Баруди) Галимзян Мухаметзянович (1857–1921), мусульманский богослов, просветитель и общественный деятель, один из лидеров российских панисламистов. Основатель медресе «Мухаммедие», казанского журнала «Религия и нравственность», член правления «Мусульманского благотворительного общества» в Казани. Участник 2-го и 3-го Всероссийских мусульманских съездов, член правления панисламистской партии «Иттифак эль-муслимин». С 1908 г. находился в ссылке в Вологодской губернии, вернулся накануне приезда Махмуд Эсада в Казань. При Временном правительстве избран Оренбургским муфтием.

²¹ Каримов Мухаметзян Мингазетдинович (род. 1853), купец, просветитель, получил богословское образование, ученик имама Марджани, с братом Шарифзяном стал соучредителем «Торгового дома братьев Каримовых». Совладелец типографии, книжных, парфюмерных и галантерейных магазинов в Казани, Уфе, Оренбурге, Нижнем Новгороде, сибирских городах. Публиковал и распространял мусульманскую литературу: издано 1763 татарские книги общим тиражом более 20 миллионов экземпляров. Финансировал (издавал) газеты «Кояш» («Солнце»), «Тавыш» («Голос»), «Юлдуз» («Звезда»), основал и содержал первую публичную татарскую библиотеку в Казани.

²² Максудов (Максуди) Ахмедхади Низамутдинович (1868–1941), панисламист, татарский литературовед, редактор и просветитель, преподаватель. Брат члена Государственной думы и ЦК партии «Иттифак эль-муслимин» Садретдина Максудова. В 1906–1918 гг. главный редактор газеты «Юлдуз», гласный Казанской городской думы, инициатор открытия публичной библиотеки, сподвижник семьи Каримовых. Автор учебников и самоучителей русского, татарского и арабского языков.

²³ Современная улица Баумана.

мерческого училища. Там же находился и помощник полицмейстера Здановский.

Выехавшие на Устье поименованные казанские мусульмане встретили министра Махмуд Эсада обычными приветствиями и пригласили его в приготовленную квартиру, куда он и отправился вместе с купцом Каримовым в экипаже последнего. Через несколько минут по приезде в номера «Бристоль» Махмуд Эсад с редактором газеты «Кояш» Садрутдиновым отправился с визитом к купцу Каримову, где оставался минут 20 и кушал чай: оттуда с тем же Садрутдиновым Махмуд Эсад отправился на мусульманское кладбище и посетил там могилу татарского поэта Тукаева²⁴, сделав на памятнике следующую надпись на турецком языке: «Я во время путешествия по России был здесь; пусть Бог будет доволен тобою. 3 августа 1913 года. Махмуд Эсад». Затем Махмуд Эсад записал в свою памятную книжку эпитафию, имевшуюся на памятнике Тукаева, и далее посетил могилу татарского писателя ахуна Багаутдинова, умершего в 1889 году. На кладбище кроме сторожа никого посторонних не было.

С кладбища Махмуд Эсад отправился во вторую мечеть, которую обозревал лишь снаружи, затем поехал в первую мечеть, где оставался минут 5 и встретился здесь с попечителем мечети Гильмутдином Ибрагимовым²⁵; других посетителей в мечети не было. Далее Махмуд Эсад заехал в мусульманский родовспомогательный приют и пробыл там минут 10, затем осматривал Галеевское медресе, где встретился с муллой Галимзяном Галеевым; отсюда Махмуд Эсад заезжал в типографию бр[атьев] Каримовых и в магазин их же. Из магазина Каримовых Махмуд Эсад заезжал в мою квартиру, но меня не застал, заходил в рядом лежащий Фуксовский сад, любясь видом окрестностей Казани, в Державинский сад и затем направился в квартиру начальника губернии, где осматривал снаружи башню Сумбеки, а при выходе из дворца встретился со мною и заходил вместе со мною в кафедральный Благовещенский собор. Из кафедрального собора Махмуд Эсад на несколько минут заезжал в номер «Бристоль», а затем отправился в редакцию газеты «Кояш», в книжный магазин

²⁴ Тукай Габдулла Махамедгарифович (1886–1913), выдающийся татарский поэт и публицист, близок к панисламистскому изданию «Аль-Ислах» («Реформа»). Умер за несколько месяцев до приезда Махмуд Эсада.

²⁵ Ибрагимов Гильмутдин (род. 1846), казанский купец второй гильдии, торговец хлебом и бакалейей, основатель торгового дома. Его сын Валиулла Ибрагимов (род. 1882) стал татарским «конфетным королем», основателем ряда кондитерских фабрик в Казанской губернии.

«Миллят», в редакцию газеты «Юлдуз», где познакомился с сотрудниками Абдул-Бари Батталом, Ибрагимом Кушаевым и Гарифом Латыповым, в типографию «Миллят»²⁶, где познакомился с управляющим типографией Мухамедом Идрисовым²⁷, к мулле Галимзяну Галееву, где встретился с бывшим учителем Галеевского медресе Шакиром Шарифовым и муллой Абдрахманом Галеевым²⁸; в доме Галеева Махмуд Эсад осматривал обширную и довольно редкую мусульманскую библиотеку Галеева.

Из дома Галеева Махмуд Эсад отправился к братьям Каримовым — Мухаметзяну и Шарифзяну, где ему был предложен завтрак. На завтраке кроме хозяев присутствовали: редактор газеты «Кояш» Садрутдинов, бывший мулла Абдул Апанаев²⁹ и помощник полицмейстера Здановский. За завтраком Махмуд Эсад рассказывал, что он ежегодно путешествует по Европе, но в Россию приехал первый раз, чтобы лично познакомиться с бытом единоверцев-мусульман; своим путешествием очень доволен и получил самые лучшие впечатления о России, восхищался удобствами путешествия на пароходах и отмечал, что таких удобств он не встречал нигде в Европе, и, наконец, высказывал пожелание об установлении более тесных, дружественных отношений между русскими и турками, как ближайшими соседями, имеющими много общих интересов.

После завтрака Махмуд Эсад в сопровождении редакторов газет «Кояш» и «Юлдуз» Садрутдинова и Максудова отправился в Казанский женский Богородицкий монастырь, где настоятельница предложила им угощение. В монастыре Махмуд Эсад осматривал собор, часовню, выстроенную средствами ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Феодоровны, помещение настоятельницы монастыря и монастырские мастерские. Затем Махмуд Эсад направился в городской музей, где оставался около часа времени, и далее в Спасо-Преображенский мужской монастырь.

²⁶ «Миллят» («Нация»), типография и книжное товарищество, принадлежало Торговому дому «Идрисов, Галеев и Ко». Здание построено Ибрагимом Сулеймановичем Идрисовым в 1908 г., сохранилось и является объектом культурного наследия. Современный адрес: г. Казань, ул. Нариманова (быв. Большая Мещанская), д. 62.

²⁷ Идрисов Мухаммед Ибрагимович (1882–1949), сын И. С. Идрисова, татарский полиграфист, типограф, художник-иллюстратор и каллиграф. Впервые в Казани осуществил многоцветную печать.

²⁸ Галеев Абдрахман, мулла пятой соборной мечети, панислаμισ.

²⁹ Апанаев Абдулла Абдулкаримович (1862–1919), сын фабриканта, мулла, имам-хатыб Юнусовской мечети в Казани, в 1902–1906 гг. председатель Мусульманского благотворительного общества, просветитель, редактор газеты «Азат». Соучредитель и член ЦК панисламистской партии «Иттифак эль-муслимин». Расстрелян большевиками в качестве заложника.

Из мужского монастыря Махмуд Эсад ездил с визитом к сотруднику и секретарю газеты «Кояш» Фатыху Амирханову, где встретился с редакционными сотрудниками Гильмутдином Нугайбиковым и Загидом Нурхановым. Здесь путешественнику был предложен чай, за которым происходила беседа о турецкой войне. Махмуд Эсад высказывал убеждение, что Адрианополь останется в руках Турции, что турецкое правительство при затруднительности в деньгах обратится к пожертвованиям, которые дадут возможность продолжать войну с расчетом на окончательный успех и что среди мусульман во всяком случае найдутся средства, чтобы избежать внешнего займа. В беседе был затронут и религиозный вопрос вследствие указания на издание петербургского писателя Мусы Бигеева³⁰, который в своей книге подробно рассматривает установление мусульманского поста. Махмуд Эсад одобрил означенное издание и заявил, что к нему теперь привлечено очень большое внимание в Турции вследствие того, что шейх-уль-ислам воспретил распространение этого издания в Турции. Беседа закончилась передачей личных впечатлений Махмуда Эсада о России, где ему все понравилось, причем путешественник высказал, что если бы он был помоложе, то непременно бы поселился в России, где совершенно гарантируется спокойная жизнь каждому обывателю, чего далеко нет на его родине.

От Амирханова Махмуд Эсад заезжал в парикмахерскую Лосева, в редакцию детского журнала «Ак-Юл»³¹, где познакомился с женой редактора — курсисткой Высших С. Петербургских женских медицинских курсов Агеевой, а затем в квартиру Каримовых, где встретился с секретарем газеты «Юлдуз» Батталовым³², редактором журнала «Ак-Юл» Фахрелем-Исламом Агеевым³³ и жителем г. Казани Абдуллою Хисметуллиным, готовящимся к поступлению в университет. Здесь велась приблизительно такая же беседа, как и в квартире Амирханова.

Махмуд Эсаду в доме Галеева был предложен ужин, на который он отправился из дома Каримовых. На ужине были: Мухаметзян Каримов,

³⁰ Бигеев Муса Ярулович (1873–1949), мусульманский богослов, писатель, просветитель, переводчик, один из лидеров джадидизма, панисламист, участник Всероссийских мусульманских съездов, автор устава и член партии «Иттифак эль-муслимин». В 1917 г. имам соборной мечети Петрограда.

³¹ «Ак Юл» («Светлый путь»), казанский детский журнал, выходивший в 1913–1916 гг. два раза в месяц.

³² Батталов Абдулбари Абдулович (1880–1969), татарский историк, писатель, журналист, деятель националистического движения. Сотрудник газет «Вақыт» и «Юлдуз». Политический эмигрант.

³³ Агиев Фахрелислам Нигматулович (1887–1938), татарский писатель, автор детских рассказов и сказок. Главный редактор журнала «Ак-Юл».

Закарий Садрутдинов, мулла Абдул Галеев, мулла Гариф Амирханов, его сын Ибрагим Амирханов, мулла Бурдан Багаутдинов, мулла Кашаф Тарджиманов, бывший учитель Галеевского медресе Шакир Шарифов. На ужине также находился и пристав 2 части г. Казани Сиротин. За ужином велась беседа о пользе благотворительных обществ, о мусульманской гастрономии и т. п.

В 9 час. вечера 3 августа после ужина Махмуд Эсад в сопровождении Каримова и на его лошади отправился на Устье, на пароходную пристань общества «Самолет» и в 10 час. вечера на пароходе «Князь Федор Ярославский»³⁴ отбыл из Казани в г. Нижний Новгород. Махмуд Эсада отправились сопровождать Закарий Садрутдинов, сын муллы Ибрагим Амирханов и редактор газеты «Юлдуз» Гадий Максудов. Эти лица сопровождали путешественника до г. Чебоксар, откуда они вернулись в Казань. Выдающихся по интересу бесед на пароходе не было.

Получив сведения о приезде Махмуд Эсада в г. Казань, я распорядился с самого момента прибытия его на пристань установить за ним совершенно негласное наблюдение как через агентов общей полиции, так и жандармской, переговоривши об этом предварительно с подполковником Прогнаевским³⁵. Это наблюдение сопровождало Махмуд Эсада всюду как во время пребывания в Казани, так и во время следования его на пароходе в г. Нижний Новгород, до самого Нижнего Новгорода. Широкие массы мусульманского населения о приезде Махмуд Эсада не были оповещены и поэтому общения с массами у прибывшего путешественника не было. Но я не исключаю возможность, что Махмуд Эсад, может быть, преследовал какую-нибудь и свою определенную цель, путешествуя по России и, в частности, заезжая в г. Казань, являющуюся

³⁴ Пароходное общество «Самолет» было основано в 1853 г. контр-адмиралом В.А. фон Глазенапом и действовало до национализации в 1918 г. Основные пассажирские и грузовые маршруты проходили по рекам Волга, Кама, Ока и Шексна. «Самолет» было одной из крупнейших пароходных компаний России, его ангар насчитывал 42 судна. Пароход «Князь Федор Ярославский» был построен в Бельгии сталелитейной и машиностроительной компанией «Джон Коккериль» (S.A. Cockerill Sambre) и спущен на воду на реке Самбре в 1899 г. В Российской империи принадлежал пароходному обществу «Самолет» и ходил по Волге. Эксплуатировался в СССР под названиями «Тов. Урицкий» в 1918–1919 гг. и «Глеб Успенский» в 1919–1961 гг.

³⁵ Прогнаевский Михаил Васильевич (род. 06.07.1870), подполковник (1911 г.), окончил Кубанскую войсковую гимназию и Тифлисское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. В корпусе жандармов с 1904 г., помощник начальника Казанского губернского жандармского управления в Тетюшском, Свияжском и Чебоксарском уездах в 1906–1908 гг., прикомандирован к Казанскому ГЖУ с 1908 г. Православный, женат, есть дочь.

центром умственной мусульманской жизни. Некоторые основания к такому предположению создаются у меня из факта общения его в г. Казани с лицами, принадлежащими к новаторскому течению у мусульман в России.

С Махмуд Эсадом я встретился лично около дворца, когда он отправлялся в кафедральный собор, и на мой вопрос о цели посещения Казани путешественник ответил: «Приехал в Казань проехаться, отдохнуть и сделать Вам визит», а при прощании Махмуд Эсад пояснил: так как он в Константинопольском университете читает историю религии и имеет здесь (в Казани) много знакомых из числа бывших своих слушателей, то был очень рад повидаться с ними, тем более, что новые течения в религии его очень интересуют. При этом Махмуд Эсад особенно подчеркнул то обстоятельство, что он есть министр кадастра, как это значится и на его визитной карточке, но министр кадастра в Турции не имеет портфеля и не входит в состав кабинета, а потому всякие перемены в составе турецкого кабинета его не касаются. На карточке путешественника действительно значится: «Махмуд Эсад, министр кадастра, профессор Оттоманского университета».

Местная мусульманская пресса отметила приезд в Казань Махмуд Эсада целым рядом статей, точные переводы которых я считаю долгом представить вашему высокопревосходительству.

В ученом мире Махмуд Эсад известен следующими своими трудами, изданными на турецком языке: «Права государств» (4 тома), «Наука об экономии» (3 т.), «Основы законовещения», «Сущность основ законовещения», «История ислама», «Мистер Карлейль и мусульманский шариат», «История естественная», «Солнце» и «Луна» (по астрономии), «История искусств».

Несомненно, Махмуд Эсад по своим убеждениям принадлежит к так называемому новаторскому движению.

И. д. губернатора, вице-губернатор Петкевич³⁶

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 120–122 об.

³⁶ Петкевич Георгий Болеславович (1873–1937), дворянин, коллежский советник, казанский вице-губернатор в 1908–1913 гг., и. д. губернатора до 14.10.1913, воронежский губернатор в 1914–1915 гг., директор департамента духовных дел и инославных исповеданий МВД в 1915–1916 гг. При советской власти завхоз Никольского собора в Ленинграде, расстрелян. Жена Вера Игнатьевна урожденная Горемыкина (1888–1975), дочь Кира (1911–1995) замужем за оперным певцом и переводчиком князем Михаилом Петровичем Волконским (1891–1961).

**Донесение начальника Казанского губернского
жандармского управления в Департамент полиции МВД
о визите Махмуд Эсада в Казань. 10.08.1913**

Совершенно секретно. Вр. и. д. начальник Казанского губернского жандармского управления. 10 августа 1913 г. № 8631. В Департамент полиции по Особому отделу.

В дополнение к донесению моему от 5 сего августа за № 8382 имею честь доложить Департаменту полиции, что о цели путешествия турецкого министра кадастра профессора Махмуд Эсад эфенди по России пока выяснено следующее: по его словам, он путешествует для изучения положения мусульман России, чтобы «показать остальным туркам к ним дорогу». Так объясняют путешествие Эсада эфенди и татарские газеты. Из бесед с теми татарами, которые имели общение с министром, можно вынести заключение, что он знакомился на местах с настроением, национальным подъемом и уровнем туркофильства русских мусульман, как среди общественных деятелей и молодежи, так и среди купечества и духовенства, видимо задавшись целью определить, насколько мусульмане России могут так или иначе при нужде помочь Турции. В этом духе высказывался студент Бейрутского университета Ибрагим Амирханов (сын казанского муллы), сопровождавший министра от Казани до Чебоксар, когда последний выехал в Нижний Новгород. Кроме Амирханова министра сопровождали также до Чебоксар редакторы: газеты «Юлдуз» Гады Максудов (брат бывшего члена 3-й Государственной думы) и «Кояш» (газета бр. Каримовых) Закария Садретдинов. По словам упомянутого выше Амирханова, цель путешествия турецкого министра заключалась также и в завязывании связей среди мыслящей части русского мусульманства, установлении с нею дружеских отношений, создании идейного общения и вообще в попытке объединения ее с соответствующей частью турецкого общества. Возможно, что министр-профессор имел еще и другие, более серьезные поручения турецкого правительства, как, например, поручение султана или шейх-уль-ислама обратиться за помощью к русским мусульманам в настоящую трудную для Турции минуту, но для утверждения такого предположения в данное время нет никакого материала и оснований.

Эсад эфенди, находясь в Казани, был все время в общении с татарскими националистами. Между прочим, он посетил состав сотрудников «Кояша», живущих на даче около «Швейцарии» (предместье Казани), и провел с ними в беседе около двух часов. Там находился также и литератор Фатых Амирханов. Далее он посетил также редакцию газеты «Юлдуз»,

где беседовал с Фахрельисламом Агеевым (редактор-издатель татарского детского журнала) и Абдуллою Гисматуллиным (имевшим близкое отношение к Киевскому съезду мусульманской учащейся молодежи в 1913 г.). О своих беседах и лицах, беседовавших с ним, министр делал какие-то заметки в своей записной книжке. По всем данным можно думать, что о лицах, с которыми ему следовало повидаться, он знал заранее. В Нижнем Новгороде его на пристани встретил Исмагил Каримов (сын казанского купца), видимо, предупрежденный по телеграфу о приезде туда Эсада эфенди. По пути в Нижний Новгород на пароходе о[бщест]ва «Самолет» министр был в общении только с тремя названными выше лицами, провожавшими его до Чебоксар (почти полпути до Нижнего), и беседовал с ними до 2-х часов ночи главным образом о постановке школьного дела мусульман и о положении мусульманского духовенства. Он больше слушал, сам же разговорчивостью не отличался.

После отъезда Эсада эфенди из Казани на страницах татарских газет появились довольно интересные статьи. В них, между прочим, высказывается, что министр-профессор считает татар стоящими в культурном отношении выше турок, а Казань — культурным центром российских мусульман. Тяготения крымских татар к Турции он «не одобряет», а Гаспринского считает звездой мусульман всего мира. Действиями известного муллы Ишмухамеда Диньмухамедова он возмущается. Муфтия Султанова — считает человеком старого закала. О положении Турции министр высказывается в том духе, что он сейчас всеми силами будет стараться реформировать все на европейский лад. Об Адрианополе он заявил, что турки будут защищать его с оружием в руках и уступят его только будучи побежденными в бою. Требования арабов, по его словам, будут удовлетворены. Эсад эфенди также сказал, что в Турции появилась идея «идти в народ» и она постепенно начинает прививаться благодаря деятельности Юсуфа Акчурина.

Что касается татарской массы в Казани, то она узнала о прибытии турецкого гостя только уже после его отъезда. На «Сенном базаре» хотят видеть в этом посещении Казани турецким министром близость крупных событий в Турции.

До прибытия в Казань Эсад эфенди побывал на Кавказе, в Оренбурге, Сентовском посаде и Уфе. Предполагает из Нижнего Новгорода проехать через Москву и Петербург в Германию. На будущий год он собирается посетить Хиву, Бухару и Самарканд.

Подполковник *Прогнаевский*

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 99–100 об.

**Донесение начальника Нижегородского губернского
жандармского управления в Департамент полиции МВД
о визите Махмуд Эсада в Финляндию. 12.08.1913**

Секретно. Начальник Нижегородского губернского жандармского управления. 12 августа 1913 г. № 3098. г. Н. Новгород. По розыску. В Департамент полиции по Особому отделу.

Пароходом О[бщест]ва «Самолет» в 9 час. 25 мин. утра 5 сего августа в Нижний Новгород прибыл из Казани с наблюдением оттоманский министр земледелия Мухаммед Эсад эфенди. По выходе из парохода эфенди был встречен купцом татаринцом Темербулат Акчуриным, после переговоров³⁷ с которым отправился в гостиницу «Россия». Туда же в скором времени приехал и названный Акчурин. Через 20 мин. наблюдаемый поехал к местному губернатору, вероятно, с визитом, а затем вместе с Акчуриным в мечеть. Спустя час эфенди был проведен в номера Пальчикова на Магометанской площади, откуда в 6 час. по полудни был замечен выход Акчурина без наблюдаемого. Акчурин, взяв из гостиницы «Россия» вещи наблюдаемого, отвез их в свой магазин, находящийся на ярмарке по Театральной улице. В 9 час. 30 мин. вечера эфенди был встречен близ мечети вместе с Акчуриным и двумя неизвестными татарами, по-видимому, муллами, с которыми проведен на вокзал. Отсюда поездом № 7 в 10 час. 30 мин. вечера выехал в Москву и там 6-го августа был сдан для дальнейшего наблюдения филёрам Московского охранного отделения.

Донося об изложенном, присовокупляю, что наблюдение было установлено за эфенди согласно циркуляра Департамента полиции от 4-го ноября 1911 г. № 109554. Филёры Осипов и Безкоровайный пробывали в командировке 2 суток, израсходовав 24 руб. 60 к., счета на каковую сумму мною будут представлены в III-е делопроизводство Департамента полиции.

Полковник *Глобачев*

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 101–101 об.

³⁷ Так в тексте.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в Департамент полиции МВД о визите Махмуд Эсада в Финляндию. 17.08.1913.

Секретно. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге. 17 августа 1913 г. № 16698. С.-Петербург. В Департамент полиции по Особому отделу³⁸.

Вследствие распоряжения Департамента полиции от 8 августа с. г. за № 889 сообщенного мне начальником Московского охранного отделения телеграммой от 9 сего августа за № 289771 (копия при сем прилагается), за прибывшим в С. Петербург из Москвы оттоманским министром Махмудом Эсад эфенди 55 лет было установлено наружное наблюдение. Названное лицо прибыло в С. Петербург 8-го сего августа и остановилось на жительство в гостинице «Франция» в д. № 6 по Морской улице, предъявив в прописку национальный паспорт от 4/17 сентября 1912 г., визированный в Константинополе 11-го июля 1913 г. за № 3025.

Махмуд Эсад эфенди 13-го августа без наблюдения выбыл в г. Гельсингфорс; об учреждении за ним наблюдения в названном городе мною сообщено телеграммой от 13-го августа за № 761 начальнику Финляндского жандармского управления. Список лиц, выясненных наружным наблюдением за Махмудом Эсад эфенди в Петербурге, при сем прилагается.

ПРИЛОЖЕНИЕ: список и копия телеграммы за № 289771.

За начальника отделения помощник его, подполковник *Еленский*³⁹.

СПИСОК

лиц, выясненных наблюдением за сношениями оттоманского министра Махмуда Эсада эфенди, 55 лет с 8 августа 1913 г.⁴⁰

Место жительства: д. № 6 Морская улица, гостиница «Франция».

³⁸ Штамп: «Особый отдел. 19 авг. 1913. Вход. № 25077».

³⁹ Еленский Владимир Иезекиилевич (род. 22.06.1866), окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училище, поступил в корпус жандармов в 1905 г. из корпуса пограничной стражи. Полковник (1915 г.), помощник начальника Петроградского охранного отделения с 18.05.1910, наблюдал за членами Государственной думы, вел слежку за Г.Е. Распутиным. С 30.07.1915 начальник Могилевского губернского жандармского управления. Православный, женат. Награжден орденами Св. Станислава 2 и 3 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 3 и 4 ст.

⁴⁰ На стандартном бланке «Списка лиц», в котором записывались результаты наружного наблюдения. Фактически же, маршрут передвижения наблюдаемого по городу.

Эсад эфенди прописан прибывшим 8-го августа 1913 г. из Москвы, — по национальному виду в Стамбуле 4/17 сентября 1912 г., визирован в Константинополе 11 июля 1913 г. за № 3025.

Бигеев Муса Зертелев⁴¹, 38 лет, мещанин г. Челябинска, литератор — Басков пер., д. 32, кв. 19⁴² — Состоял у наблюдаемого в качестве переводчика.

Турецкое посольство — Дворцовая набережн[ая], д. 8 — VIII-9⁴³. Наблюдаемый заходил сюда на 2 ч. 30 м., 11⁴⁴ — Заходил наблюдаемый на 2 ч. 40 м.

10-го августа наблюдаемый, выйдя из дома в 8 час. утра, отправился осматривать г.г.⁴⁵ Кронштадт и Петергоф, откуда возвратился в 10 час. вечера.

Пулковская обсерватория. — Станция Александровская Варшавск[ой] жел[езной] д[ороги]. — VIII-11. На 2 ч. Заходили наблюдаемый с переводчиком.

Александровский дворец. — Царское село. — VIII-11. Наблюдаемые и переводчик осматривали Александровский дворец.

Публичная библиотека. — VIII-12. На 45 м. заходил наблюдаемый с переводчиком.

Ресторан Федорова. — Екатерининская ул., д. № 8. — VIII-12. Сюда наблюдаемый с переводчиком заходили на 50 м.

Эрмитаж. — Миллионная ул. — VIII-13. На 1 ч. 20 м. заходил наблюдаемый с переводчиком.

Суворовский музей. — Кирочная ул. — VIII-13. Наблюдаемый с переводчиком заходили сюда на 30 м.

Петропавловская крепость. — VIII-13. Сюда наблюдаемый с переводчиком заходили на 40 минут.

Магометанская мечеть. — VIII-13. На 10 м. заходил наблюдаемый с переводчиком.

13-го августа 1913 г. наблюдаемый по Финляндской жел[езной] дор[оге], с поездом в 8 ч. 20 м. вечера, выехал в г. Гельсингфорс.

Наврузов Мухаммед Шишвалев, 26 [лет], кр[естьянин] Казанской губ[ернии], Спасского уезд[а], Алексеевской вол[ости], магометанин. — Невский пр., д. № 77, кв. 9 — VIII-13. Проведен Наврузов, провожавший на Финляндском вокзале наблюдаемого, уезжавшего в г. Гельсингфорс.

Заведывающий наблюдением *Корнилов*

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 106–109

⁴¹ Имеется в виду, что с ним встречался Махмуд Эсад.

⁴² Точный адрес не ясен, напечатано поверх 19 — 17.

⁴³ Дата — 9 августа.

⁴⁴ 11 августа.

⁴⁵ Города.

**Донесение начальника Финляндского жандармского
управления в Департамент полиции МВД
о визите Махмуд Эсада в Финляндию. 19.08.1913**

Секретно. Начальник Финляндского жандармского управления. 19 августа 1913 г. № 2975. Гельсингфорс. В Департамент полиции по Особому отделу⁴⁶.

Согласно телеграммы начальника С. Петербургского охранного отделения от 13-го сего августа за № 761 в г. Гельсингфорсе 14-го сего августа в 9 час. утра встречен и подчинен наблюдению прибывший поездом 7 из С. Петербурга оттоманский министр Мухамед Эсад эфенди, которого на перроне встретил приказчик⁴⁷ восточного магазина, принадлежащего Сарту Таджику Исамухамедову, помещающегося в доме № 5 по Михайловской улице, и вместе с ним пошли в гостиницу «Фенния» в д. № 21 по Михайловской улице, через 30 мин. вышли в вышеупомянутый татарский магазинчик, откуда через 40 мин. вышли и пошли осматривать город, между прочим, заходили в Финляндский банк, в Финский музей и ездили на Звериный остров и в пригородную местность «Теле», а в 5 час. 30 мин. вечера возвратились в магазин. В 7 час. 30 мин. вечера вместе с наблюдаемым вышли, кроме сопровождавшего его весь день приказчика, еще три приказчика татарина и все пошли в д. № 2 по Хагазунской улице в квартиру Таджика Исамухамедова, который в настоящее время находится в г. Риге. В 9 час. 10 мин. вечера наблюдаемый вышел в сопровождении одного из приказчиков и возвратился в гостиницу «Фенния», а провожавший его приказчик, пробыв 1 час в гостинице, возвратился обратно. 15-го августа в 8 час. утра вышел из гостиницы и пошел на вокзал и в 8 час. 10 мин. уехал в Або, куда прибыл в 1 час 47 мин. дня. На вокзале его встретило человек 30–35 татар, проживающих в г. Або, с вокзала в сопровождении четырех человек, встретивших его, пошел в Железнодорожную гостиницу, через несколько минут вышли и все вместе пошли в мечеть на Купеческой ул., откуда в начала четвертого часа вышел и поехал на магOMETанское кладбище, затем, погуляв по городу и посетив некоторые магазины, возвратился в гостиницу, где записался в книге для приезжающих — «Махмут Эссэ» и прошел в общую залу, пообедал и вернулся в номер. В 7 час. 30 мин. вечера в поезде железной дороги поехал в порт.

⁴⁶ Штамп: «Особый отдел. 21 авг. 1913. Вход. № 25443».

⁴⁷ Так в тексте.

Откуда в 8 час. 30 мин. вечера на пароходе уехал в Стокгольм. На пароходе предъявил паспорт, выданный 12 сентября 1912 года губернатором гор. Стамбула на имя Махмут Эссе де Эффенди.

Наблюдаемый кроме вышеупомянутых лиц ни с кем из местных жителей Гельсингфорса и Або сношений не имел.

Полковник *Еремин*.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 110–110 об.

Выдержка из перевода статьи журналиста казанской газеты «Кояш» («Солнце») Кэрим Сэида от 25 августа 1913 г. № 199

Махмуд Эсад эффенди (в связи с его пребыванием в Петербурге)

Я поехал. Сказали — просит. Поклонившись, я подал руку и по знаку сел напротив (Махмуда Эсада эффенди). Познакомились и начали разговор. Поговорив немного, я спросил (Махмуда Эсада эффенди) о цели путешествия его по России. Он ответил: (Моя цель) в общем — ознакомиться с Россией, входящей в состав европейских государств, а в частности — поближе познакомиться с тюрками севера (т.е. русскими мусульманами).

(Ваши) впечатления.

Хорошие. Я доволен. Я обрадовался прогрессивному движению тюрков севера.

Какой тут прогресс, когда в цивилизованном мире не упоминается даже наше имя.

Тюрки севера стоят далеко впереди в отношении торговли и ремесел в сравнении с тюрками юга (т.е. османлисами⁴⁸); в особенности же казанские татары. Так, в нашем Константинополе не найдешь таких крупных богачей и таких больших фирм; в Казани однако имеется, говорят, несколько миллионеров (конечно, речь идет о мусульманах). В течение особенно последних 10 лет тюрки севера, окрыленные надеждой, двинулись прямой дорогой. Это обстоятельство является признаком блестящего будущего (татарского народа). Фундаментом прогресса служат ведь торговля и ремесла. У народа бедного и неторгового цивилизация привиться не может, у вас же (это все говорит Эсад эффенди) в настоящее время увеличилось число школ, учеников, и эти последние начали учиться в разных русских школах. Эти ученики лелеют на будущее приятные надежды. Вот только крымские татары чуть было себя не погубили несчастной (жалкой) иммиграцией.

⁴⁸ Один из синонимов турок-османов.

С горечью передавалось, что Махмуд Эсад эфенди, когда был в Оренбурге, то будто бы высказал Фатиху эфенди (Каримову) — редактору газеты «Вакт», мысль, что русские мусульмане отстали в области ремесел. А мне вот (т.е. пишущему эти строки) он к слову «ремесла» добавил еще слово «торговля» (и сказал совершенно обратное). Полагая, что, вероятно, казанские впечатления заставили его изменить свой взгляд, я, однако, с ним не завел об этом речи. Хотя у нас и процветает торговля (сказал автор этой статьи), но прогресса нет: наши купцы, не видевшие школы, по всей вероятности, довольствуются только насыщением своих желудков. Эсад эфенди дал на это такой ответ: «Сударь мой, все со временем образуется».

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 171–171 об.

Интервью Махмуд Эсада. Перевод републикации в казанской татарской газете «Кояш» («Солнце») № 217 от 15 сентября, № 218 от 16 сентября

Махмуд Эсад эфенди и русские мусульмане.

Слова Махмуда Эсада эфенди, сказанные им, когда он путешествовал по России, переводились из наших газет турецкими, в которых они затем и печатались. Теперь же турецкие представители газет, расспросив лично у Махмуда Эсада эфенди о виденном им в России, сами с его слов начали писать. В числе прочих редакторов и сотрудников турецких газет посетил вернувшегося в Константинополь Махмуда Эсада эфенди и [господи]н Бедри Камиль. Он имел с ним разговор о путешествии турецкого министра по России, о которой Бедри Камиль подробно расспрашивал. Содержание этой беседы Эсада эфенди и Бедри Камиля, напечатанной в газете Сабах, сводится к нижеследующему.

Сначала (говорит М. Эсад эфенди) я пароходом из Константинополя отправился в Одессу, откуда по железной дороге поехал в Киев, Симферополь, Бахчисарай, Севастополь и (снова пароходом) в Новороссийск.

Экономическая жизнь.

Во время моего путешествия по Крыму я обратил серьезное внимание на экономическую, торговую и трудовую сторону жизни русских мусульман, что для них играет первостепенную роль. Мусульмане Крыма отстали в экономическом отношении, хотя и не стоят совершенно в стороне от экономической жизни полуострова. Если крымские татары

не обеспечили себе положение экономической борьбой, то в отношении трудоспособности они, несомненно, отвоевали себе (достойное) место.

Буфет киевского вокзала содержит, как это, впрочем, наблюдается и на вокзалах других больших русских городов, касимовский татарин. Сдержатели русских гостиниц (буквально номеров) и их служащие очень часто мусульмане. И русские мусульмане, в силу создавшегося обычая, считают этот род занятий как бы своей привилегией. Среди мусульман много купцов и лавочников, причем русские мусульмане не смотрят косо на такого рода труд, как это сплошь и рядом бывает у нас.

Причина убыли народонаселения Крыма.

Перед Крымской войной 1854–55 годов в Крыму было более миллиона мусульман. В настоящее же время нет и 200 тысяч. Во время названной кампании мусульмане подверглись порядочным притеснениям. После войны улемеы были так недалновидны, что подали народу мысль к эмиграции. С этого все беды для крымских татар и начались. Многие из них, правда, остались. Те же, которые эмигрировали в надежде хорошо устроиться, не нашли счастья на новых местах. Турки тех земель, куда эмигрировали татары, жили еще хуже, чем эти последние. Особенно же трудно было обеспечить свое существование и утвердиться на земле, им совершенно неизвестной. Эмигранты бросали свои дома, эмигрировали потихоньку, то семьями, то в одиночку, направляясь все в Турцию, где частью становились чиновниками, частью же занялись торговлей.

Большим толчком к эмиграции послужили те обстоятельства, что народ был побежден в экономической борьбе, что его земли остались не обработанными, вследствие соперничества других племен, и наконец, то обстоятельство, что пришлось землю закладывать без надежды на выкуп ее в будущем. Кроме этих, только что приведенных обстоятельств, следует еще указать, как на причину массовой эмиграции крымских татар, на близость Турции и огульную агитацию (буквально — распространение мысли) за жизнь под владычеством мусульманского государства, что и явилось импульсом для крымских татар к переселениям по ту сторону моря. Сверх всего этого жизнь в Турции рисовалась легкой, что все в общем и сбило совершенно с толку легковерных крымских мусульман, покинувших свои гнезда, куда на их место явились евреи, греки и немцы.

Рвение к просвещению и цивилизации.

Хотя среди крымских мусульман и есть люди мыслящие и интеллигентные, но число их весьма ограничено. Эти единицы для пробуждения

своего народа прилагают по мере возможности свои силы и старание. Из них следует, прежде всего, упомянуть об Измаиле беке Гаспринском⁴⁹, заслуги которого перед крымскими мусульманами никогда не должны быть забыты. Эта личность займет почтенное место в истории турецкой литературы и цивилизации за свою деятельность в Крыму. Измаил бек Гаспринский в течение более чем 30 лет посвятил всю свою жизнь своим соотечественникам, которых выводил к прогрессу материальному и умственному. Работая при этом в весьма неблагоприятных условиях, он, тем не менее, достиг блестящих результатов и обильно пожал плоды, им посеянные.

В Ялте некто Мухаммед эфенди, окончивший школы правоведения (написано в скобках — юридический факультет), отдавая всего себя на служение идее прогресса своего народа, значительно затормозил эмиграцию. Это лицо занялось разными полезными делами, как организацией товариществ, открытием банка. Чтобы поднять экономическую сторону жизни своего народа и влить в эту жизнь светлую струю. Помимо этого он давал своим соотечественникам самые разнообразные советы, чтобы удержать их от продажи своих земель. Труд (этих двух господ) и усилия ими приложенные не остались бесплодными. А все же о будущности крымских мусульман нельзя сказать ничего утешительного.

Вторая часть путешествия.

Из Новороссийска я железной дорогой (говорит Эсад эфенди) отправился в Царицын, а оттуда пароходом поехал в Самару. Из Самары я направился в Оренбург. А затем посетил города Уфу, Казань и Нижний Новгород.

Цивилизация народностей.

Во время этой части своего путешествия я столкнулся с сильным мусульманским элементом, весьма цивилизованным в отношениях: торговом, экономическом и религиозном. Здесь всюду пришлось встречаться с купцами, мугаллимами и улемами, которые сеют свет просвещения

⁴⁹ Гаспринский Исмаил (1851–1914), крымско-татарский писатель, философ, переводчик и общественный деятель. Издатель и главный редактор общероссийской мусульманской газеты «Терджиман» («Переводчик»), выходившей в 1883–1918 гг., множества других изданий, выходивших в разных странах мира. Последователь Джамалуддина аль-Афгани, идеолог мусульманского просвещения и нового метода обучения — джадидизма, один из основоположников пантюркизма. Гласный Бахчисарайской городской думы и городской голова Бахчисарая в 1879–1884 гг. Основатель и член ЦК мусульманской партии «Иттифак эль-муслимин».

среди мусульманского народа как в Казани и ее окрестностях, так и значительно еще дальше — вплоть до границ далекого Китая. Повсеместно наблюдается серьезное старание и огромное желание народа прогрессировать. Казань и ее окрестности являются центром цивилизации, где сильно сказывается прогресс мусульман. Жаль только, что мы (т.е. турки) до настоящего времени ничего об этом не знали.

Потом разговора Эсада эфенди и Бедри Камиля коснулся нижеизложенных вопросов: в чем состоит занятие русских мусульман. По течению таких рек, как Волга, Кама, в руках мусульман земли мало, и там они занимаются торговлей и ремеслами. В стороне же от названных рек они занимаются земледелием. Мусульмане Поволжья владеют типографиями, литографиями самыми усовершенствованными, мыловаренными заводами и другими торговыми и промышленными предприятиями. Среди названных мусульман много людей богатых и имеется даже несколько миллионеров.

В каком положении семейная жизнь. Семейная жизнь покоится на крепком фундаменте. И чтобы быть кратким, можно сказать нижеследующее про мусульман Казани, Оренбурга и их окрестностей. Там строго чтутся религиозные обряды, они высказывают большое рвение к прогрессу и не наблюдается того печального явления, которое так часто можно видеть на Востоке, а именно обезьянничать с других в речи и манерах. Их добронравие, аккуратность, рвение к прогрессу может привести в восхищение человека. Эти добрые их качества, нрав и характер не остаются без должного вознаграждения. Чтобы не быть голословным, приведу вам один мною слышанный пример: 25 лет назад в Уфе был только один приход, одна мечеть и школа с тахитим 7 учениками. В настоящее время уфимские мусульмане вместо одного прихода имеют уже пять, а в каждом из них по мечети, по мэктебэ (по школе), в которых свыше 1000 шакирдов, т.е. учеников. У этого народа девушкам дается также образование, что достойно быть отмеченным, как явление прекрасное. Эти мусульмане прилагают большое старание подготовить из мусульманок матерей открытого образа мыслей, т.е. вполне просвещенных. Все девушки мусульманки грамотны и довольно порядочное количество их продолжает курс в высших учебных заведениях.

Прогресс и политика.

Какие политические течения у русских мусульман. Какие у них чаяния. Мусульманское население России политикой совершенно не интересуется. Вся цель их жизни — устроить жизнь, как с экономической

стороны, так и обеспечить ее в отношении цивилизации, науки и просвещения. Политических же тенденций, повторяю, у них нет. И хорошо, что нет, так как эти почтенные люди строят свою будущность на прочном фундаменте. Как относится русское правительство к мусульманскому населению. Русское правительство призывает мусульман к цивилизации и оказывает им в этом отношении поддержку. Кроме благодарности за это русскому правительству ничего другого нельзя выразить. Русское правительство, подобно тому, как это делало бы всякое предусмотрительное правительство, присматривает за общественной жизнью. Это, однако, нисколько не обременительно для народа, почему и критиковать его за это будет неуместно. В данном случае правительство осуществляет свои права.

Русские и отношение между 2-мя государствами, т.е. Россией и Турцией.

Приходилось ли Вам во время Вашего путешествия сталкиваться с русскими. Какое впечатление они на Вас произвели. Я имел случай говорить со многими русскими и нашел, что они люди светские и с характером. Русские — это люди, любящие хорошее обращение. Во всех местах, где мне пришлось побывать, я был несказанно обрадован, видя чистосердечные отношения между русскими и мусульманами. Заметили ли Вы, что русские были фанатичны и отличались религиозной нетерпимостью. Русские очень упорно держатся своих религиозных убеждений. У низших классов пока еще существует фанатизм, который в одно прекрасное время может перейти во вражду, но этого мне видеть нигде не пришлось, да я думаю, что на этот счет беспокоиться и не стоит. С течением времени люди сближаются друг с другом, и в России между живущими там мусульманами и русскими отношения с течением времени, без сомнения, будут становиться все более дружественными.

Что думают русские мусульмане по поводу турецко-русских отношений. Их истинное желание, чтобы царила дружба между Турцией и Россией, так как этот народ (т.е. русские мусульмане) любит Турцию и букв[ально] тюркизм и хочет по мере возможности быть с турками в умственной, политической и общественной связи. Это желание вполне естественно, если вспомнить, что между этими народами существует родство по вере, крови и языку. Они сознают, что чем лучше будет отношение России с Турцией, тем лучше будут отношения между ними как русскими подданными и Турцией. Поэтому все сильно желают, чтобы эти два государства были тесно связаны друг с другом чистосердечной и

истинной дружбой. Как на это смотрят русские. Я заметил, что и русские желают быть с Турцией в добрососедских отношениях. Времена сильно изменились, в настоящее время сильно упало значение тех мер, которые были пригодны в свое время.

Вопрос языка.

Какие Вы подметили тенденции в вопросе об языке. В Крыму литературный язык, по-видимому, имеет склонность приблизиться к османскому. Нельзя отрицать, что особенно стараниями Измаила бека Гаспринского в течение последних 30 лет в этом вопросе (буквально — блоке) произошло большое изменение. На Кавказе происходит то же явление. Произойдет ли то же самое в Казани. Ваш вопрос в настоящее время является вопросом злободневным среди русских мусульман, и мнение общества по этому вопросу расходится. Одни держатся того взгляда, что каждая народность дала толчок к развитию своей собственной литературы, другие же в целях букв[ально] тюркизма стоят на создании общей для всех литературы. Создать каждому народу свою специальную литературу — это значит сблизить интеллигенцию с народом. Если же изменится язык, то такое сближение до поры до времени будет затруднено. Мы, однако, отрицаем, что разница в языке и непонимание в X написанного в Y, сможет отчудить одно племя от другого. Сторонники же осуществления одной общей литературы с этими-то данными и считаются. Посетили ли Вы в Финляндии какие-либо города. После того, как я из Нижнего Новгорода отправился в Москву, Петербург и осмотрел эти города, я поехал дальше в центр Финляндии — в Гельсингфорс и затем в Або. О Петербурге и Москве, кроме как о достопримечательностях этих городов, говорить, по-моему, не о чем. А вот в Финляндии я получил большое удовлетворение от положения мусульман, которых я встречал там сотнями. Они по большей части занимаются продажей мануфактурных и других товаров и в тех местах, которые я проезжал, были организованы (мусульманами) общества. Там же у них имеются мечети и духовенство, а в жизни они достигли высшей степени цивилизации. Так как Финляндия, в сравнении с Россией, управляется на гораздо более свободных началах, то в ней, по-видимому, жизнью больше довольны. Особенное значение играет то обстоятельство, что между финнами и мусульманами существует кровное родство. Финны почитают это родство и выражают любовь тюркам (написано в скобках — татарам). Экономическое положение тамошних тюрков (татар) находится в положении достойном восхищения. Среди тех мусульман есть богачи: так я встретился с таким типом, который 32 года

тому назад приехал в Финляндию только с полтинником, а в настоящее время владеет капиталом в 100 тысяч лир (написано в скобках — лира — 8 руб. 64 коп.). По моему мнению, живущая в Финляндии колония тюрок изо дня в день будет приобретать все больше значения.

Ездили ли Вы затем еще куда-нибудь.

Я посетил город Стокгольм — столицу Швеции. Здесь я встретился с мусульманином по имени Омар Каиф, который уже 14 лет в Стокгольме занимается торговлей и который обеспечил себе надежное положение. По собранным справкам оказалось, что другие мусульмане, хотя и приезжали сюда, но не могли примениться к местным обстоятельствам и не могли там устроиться.

Какое впечатление у Вас осталось об этом путешествии.

Успех в нынешнее время всецело зависит от степени цивилизации, науки, просвещения и экономического положения. Всякий успех, не основанный на этих принципах, будет проблематичным и даже может быть губельным. Религия для мусульман является огромной силой. Я видел, что люди, понявшие смысл мусульманства и применившие к своей жизни правила ислама, подготовились (к восприятию) верного прогресса. Я лично с удовольствием увидел, что эта истина оценена в настоящее время мусульманским миром, который в этом отношении пошел по истинному пути.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 173 об. — 177⁵⁰

⁵⁰ В Департамент полиции был также направлен краткий вариант интервью, опубликованный в № 1296 и 1297 газеты «Вақыт». ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243 (Особый отдел 1913 г.). Д. 74. Л. 124–127.

REFERENCES

1. *Georgiev A.V.* Balkan Wars and Russia [Balkanskije vojny i Rossija]. History of Russian Foreign Policy [Istorija vneshnej politiki Rossii]. The end of the XIX — the beginning of the XX century (From the Russian-French Union to the October Revolution) [Konec XIX — nachalo XX veka (Ot russko-francuzskogo sojuza do Oktjabr'skoj revoljucii)]. Moscow: International Relations, 1997. P. 329.
2. *Köse M.* Osmanlı Son Dönem Hukukçularından Seydişehirli Mahmut Esadın Hayatı, Eserleri ve İlmî Kişiliği. İslam Hukuku Araştırmaları Dergisi, sayı: 2, 2003. P. 207–217.
3. Mahmud Esad Efendi (encyclopedic article). [<https://www.biyografya.com/biyografi/15722>]. electronic resource: Biyografya.
4. Notes by Jemal Pasha, 1913–1919 [Zapiski Dzhemal'-pashi]. Trans. from English B.T. Rudenko. Tiflis, 1923. P. 38.
5. *Rozhanov F.S.* Notes on the history of the revolutionary movement in Russia (until 1913) [Zapiski po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii (do 1913 goda)]. Edition of the Police Department. St. Petersburg, 1913. P. 333–342.
6. *Sibgatullina A.T.* Contact Muslim Turks of the Russian and Ottoman empires at the ruezhe of the 19th–20th centuries [Kontakty tyurok-musulman Rossiyskoy i Osmanskoy imperiy na rubezhe XIX–XX vv]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2010. P. 167–187.
7. *Sibgatullina A.T.* Stay of Mahmud Esad in Russia [Prebyvanie Mahmuda Esada v Rossii]. Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. Story. International relationships [Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2009. No. 8. P. 77–84.
8. *Sibgatullina A.T., A. Alp.* Until now, you have been famous for your loyalty and do not part with this wonderful quality! (On the journey of Mahmud Esad efendi in Russia in 1913) [[Do sikh por vy slavilis svoim vernopoddannichestvom i s etim prekrasnym kachestvom ne rasstavaytes! (O puteshestvii Mahmuda Esada efendi v 1913 g. po Rossii)]. [http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_].2008.

9. State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 102. Op. 240. D. 74.
10. *Tuna M.Ö.* Imperial Russia's Muslims. Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914. Cambridge, UK: Cambridge university press, 2015. P. 213.
11. *Türkoğlu İ.* Hüseyin Hilmi Pasha and sir Mahmud Esad's Volga — Ural Travels. Tatarica. Research Journal of Kazan Federal University. № 3. 2014. P. 141–143.
12. *Yildirim M., Curabaz B.* Historical Development of Turkish Cadastre: Cadastral works during Ottoman Empire, Legislative Regulations and Reflections to Republic of Turkey. [http://fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig2018/papers/fig10a/FIG10A_yildirim_curabaz_9341_abs.pdf] International Federation of Surveyors (FIG). 2018.

Ключевые слова:

панисламизм, татарский национализм, Махмуд Эсад-эфенди, русско-турецкие отношения, политический сыск.

Wladimir Hutarev-Garnishevsky

«FORMER GOALS HAVE LOST THEIR SIGNIFICANCE»

Trip to Russia of a Turkish Panislamik-Minister Mahmud Esad in the Summer of 1913 as Depicted by Tsar's Police

The origin of Political Islamism, one of the most radical ideologies of the 20th C., goes back to the second half of the 19th C. ideas of Pan-Islamism. In Russia those ideas began to gain momentum in 1905—1906, being opposition and a part of the revolutionary movement, they then developed into an extensive cultural, educational and political movement, with the Ottoman Empire as the spiritual and ideological landmark. The Ottoman authorities fully supported both moderate and radical Pan-Islamists and Pan-Turkists.

Published here are the analytic reports and supervision materials by domestic police intelligence and governors focused on the Ottoman Minister Mahmud Esad Efendi's trip to Russia in 1913. He visited almost every Pan-Islamic hub in the European part of Russia met with eminent Pan-Islamists — politics, entrepreneurs and Muslim Publishers. That visit on the edge of the inevitable World War I was an «inspection» of the pro-Ottoman forces of Russian Society. At that moment, the Ottoman Empire was still hesitant about which side to take — the Triple Alliance or the Entente — whether to act against Russia or to avoid direct military confrontation.

Russian Authorities were caught off guard by that unexpected informal visit of Mahmud Esad. Only in the middle of the journey, after Orenburg and Ufa, the real goal — to investigate Pan-Islamic disposition and provide informal tactical guidelines for further social and political activity — was clear to the Ministry of Internal Affairs. From that moment, Mehmed Esad was kept under constant surveillance by officials where possible and by police spies. Surveillance reports and Mahmud Esad's interview about his journey are the sources of great interest not only for the investigation of the Russian-Ottoman relations of that time but also for examining Pan-Islamism and Tatar Nationalism in Russia. In the article are published the documents of the special police counterintelligence unit of the Ministry of Internal Affairs from the 1913 State Archive of the Russian Federation (GARF).

Key words: Pan-Islamism, Ottoman Minister Mahmud Esad Efendi, Tatar Nationalism, Russian-Ottoman Relations, Political Investigation.

Wladimir Hutarev-Garnishevsky — Ph.D. in History, Senior Lecturer at the Moscow State Institute of Culture.

Хутарев-Гарнишевский
Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Московского государственного института культуры

DOI: 10.35549/HR.2020.20.13.003

Hedda Reindl-Kiel

STATUS, HONOUR AND LUXURIES

Some Remarks on Material Exchange between Russia and the Ottoman Empire

In the early 18th century, a Russian ambassador to the Sublime Porte asked, before going to the royal audience, to be given a furred robe of honour (instead of a regular *kaftan* of silk) because of his role ‘in the eternal peace agreement’. Under Ottoman protocol his request was refused, being deemed “against the law”, and he was promised instead the gift of a horse from the royal stables.¹ At first glance, the diplomat’s wish seems odd, as in general

¹ Archives of the Turkish Prime Ministry/Başbakanlık Osmanlı Arşivi (henceforth: BOA), A.E.SAMD III, 21812. According to the catalogue of the BOA the document is dated 19 Rebi’ I 1143 H (2 October 1730). The text side of the scripture bears no date, and the verso is not included in the electronic rendering, probably, because it is empty. (The BOA does not allow researchers to see original documents.) October 2nd was however the date of Ahmed III’s abdication. Furthermore, it is not conceivable that the royal palace could conduct business as usual four days after the Patrona Halil rebellion. The document originally might have been among papers from the reign of Ahmed III and is therefore dated to the ruler’s last day in office. It may, however, well be possible that it had been issued at a slightly earlier time.

In the Ottoman context, ‘eternal peace’ refers only to the lifetime of the reigning sultan; see Dariusz Kołodziejczyk, *Ottoman-Polish Diplomatic Relations 15th-18th Century: An Annotated Edition of ‘Abdnames and Other Documents*. Leiden et al.: Brill, 2000, p. 117.

furs were prime gifts by the Russian court to the Ottoman sultan, and envoys would add one or two as their personal present. We will return to the background for the legate's request later.

In Ottoman society class distinctions were officially drawn only along religious lines, and Christians and Jews had *qua lege* a status which was inferior to that of Muslims. Within the Muslim community formal divisions were virtually non-existent, even though some groups, such as the ruling elite, members of the *'ulema* (body of scholars) and descendants of the Prophet (*seyyids* and *şerifs*), were always a bit "more equal than others". Despite all the egalitarian tendencies, Ottoman authorities were extremely hierarchical in their thinking, and conspicuous consumption was a means to emphasise an elevated status.

The Ottoman court was exemplary for this system of hierarchies, underscoring it with fixed eulogies for each rank and the calibrated provision of outfits and equipment such as swords and noble horses. In the early 16th century, only the viziers of the dome and other members of the *divan* (the state council), such as the *defterdars* (ministers of finance) and the military judges (*kaz'asker*) of Rumelia and Anatolia as well as the agha (general) of the janissaries (who was not a member of the *divan*), would at the beginning of every winter season each receive one robe of brocaded Italian velvet lined with sable and one of plain red velvet padded with lynx.² For high-ranking members of the royal court furs did not automatically belong to the general accoutrement supplied by the monarch.³ The ruler could, however, choose to pamper them with gracious gifts of sable-lined robes.⁴ Recipients of these noble furred garments were also ladies of the royal family, scholars, architects and higher-ranking governors with strong ties to the ruler, such as, in 1507, Firuz Beğ, the governor of Bosnia.⁵ The latter had started his career in the Ottoman royal palace and, during his tenure in Bosnia, he was considered to be a candidate for the grand vizierate.⁶ The court and the ruling elite

² Atatürk Kitaplığı, İstanbul, Muallim Cevdet 71, fols. 43a, 75b, 95a, 117b, 149b, 177a.

³ Members of the *divan* and courtiers of a certain rank received clothing on a regular basis, in the records usually called *'adet* ("custom"), cf. Muallim Cevdet 71, fols. 13a, 76a, 95a, 250a. This was actually a part of an individual's salary, a payment in kind.

⁴ Muallim Cevdet 71, fols. 13a/b, 16a/b, 44a, 47a, 53b, 76a, 77a/b, 78b, 79b, 95a, 119b, 151a, 181b, 214b.

⁵ Muallim Cevdet 71, fol 116a (8 Receb 913/13 November 1507).

⁶ Cf. Marino Sanuto, *I Diarii*. Vol. X, ed. Guglielmo Berchet. Venezia 1883, col. 21 (letter of Nicolò Zustignan, 23 December 1509). For his career see Hedda Reindl, *Männer um Bāyezīd. Eine prosopographische Studie über die Epoche Sultan Bāyezīds II. (1481-1512)*. (= Islamkundliche Untersuchungen 75), Berlin: Klaus Schwarz, 1983, pp. 190-199.

followed a relatively fixed ritual regarding when to wear which sort of furs. The greatest say in this respect had, of course, the sultan himself.⁷

In the Ottoman view, gifts of garments by the royal court were robes of honour (*hil'at*, pl. *hila'*), indicating the sultan's special esteem for the recipient. Robes of honour, the classical gifts of Ottoman rulers, were a legacy of Central Asian nomadic culture⁸ as well as of earlier pre-Islamic and Islamic states.⁹ The term for robe of honour, *hil'at*, from the Arabic root *khl'* (to undress), points to an original practice of presenting a garment formerly worn by the donor. In the Ottoman context it was rare, though, for the ruler to give away one of his own robes.¹⁰

It seems that older, partly pre-Islamic aspects remained valid for a long time, especially for clothing. Underneath the Islamic gloss, an archaic magic imagery must have been very much alive for many centuries. We may deduce that such a conception existed from surviving royal garments preserved up from the 15th/16th centuries in the Topkapı Sarayı or in royal mausolea (*türbes*).¹¹ Even if we could link the preservation of the palace robes only to such a mundane factor as the costliness of their fabrics,¹² the *türbe* textiles still imply another dimension.

⁷ See Zeki Tekin, "Osmanlılarda Kürk Kullanımı", Hasan Celal Güzel, Kemal Çiçek, Salim Koca (eds.), *Türkler*. 10, Ankara: Yeni Türkiye, 2002, pp. 644-655. Cf. also Hülya Tezcan, "Furs and skins owned by the Sultans", Suraiya Faroqhi — Christoph K. Neumann (eds.), *Ottoman Costumes: From Textile to Identity*. Istanbul: Eren, 2004, p. 64.

⁸ Cf. Thomas T. Allsen, "Robing in the Mongolian Empire", Steward Gordon (ed.), *Robes and Honor. The Medieval World of Investiture*. New York: Palgrave, 2001, pp. 305—313, and Steward Gordon, "A World of Investiture", *ibidem*, pp. 1—19.

⁹ For the Sasanian model, which had an obvious influence on Islamic royal culture in early times, see Jenny Rose, "Sasanian Splendor. The Appurtenances of Royalty", Steward Gordon (ed.), *Robes and Honour. The Medieval World of Investiture*. New York: Palgrave, 2001, pp. 35—56. Norman A. Stillman, "Khil'a", *The Encyclopaedia of Islam*, second edition. V. Leiden 1986, pp. 6—7.

¹⁰ The same is true for Abbassid times, cf. Monika Springberg-Hinsen, *Die Hil'a. Studien zur Geschichte des geschenkten Gewandes im islamischen Kulturkreis*. Würzburg: Ergon Verlag, 2000, p. 21. In the Ottoman context, one example is reported by Silâhdar Fındıklı Mehmet Ağa, *Nusretnâme*. I. Sadeleşiren İsmet Parmaksızoğlu, Istanbul: MEB, 1962, p. 144. Another case can be found in the travelogue of Maximilian Brandstetter (1608), see Karl Nehring, *Adam Freiherrn zu Herbersteins Gesandtschaftsreise nach Konstantinopel. Ein Beitrag zum Frieden von Zsitvatorok (1606)*. (= Südosteuropäische Arbeiten 78) München: R. Oldenbourg, 1983, p. 126.

¹¹ Tahsin Öz, *Türk Kumaş ve Kadifeleri*. 2 vols., Ankara 1950 and Istanbul 1951. For recent examples in the *türbe* complex of the Hagia Sophia, see Sibel Alpaslan Arça, "Ayasofya Haziresi'ndeki Şehzadeler Türbesi ve Yeni Buluntular Işığında Osmanlı Defin Geleneği", *Ayasofya Müzesi Yıllığı / Annual of Hagia Sophia Museum* 13 (2010), pp. 303—346.

¹² Since clothing clearly showed the social rank of a person, the garments of a deceased monarch could not just be passed over to someone of minor standing. Considerations of

In the fifteenth and sixteenth centuries, Ottoman Muslims had the practice of covering the coffin¹³ and afterwards the grave of a deceased with his clothes.¹⁴ All these practices only make sense if the society conceived garments as magically bearing the aura of the wearer.¹⁵ It is precisely this notion that made a robe of honour a befitting royal gift, apt to transmit the charisma of royal sacredness to the recipient.

It is rather paradoxical that the Ottoman robe of honour (*bil'at*), an item about which we have masses of historical records, has been researched so little in its cultural and art historical context. Indeed, closer analysis in the form of a monograph remains a *desideratum*. Similar to the documentation on food distribution, records on robes of honour are abundant in the Ottoman Archives.¹⁶ So in view of the ample material available, it is astonishing that not a single monograph has so far appeared on this topic, and even more so to find how limited the literature is in this field. One reason may be that in inverse proportion to the plentiful archival material, surviving artefacts seem to be rather rare, making research in the field of art history difficult.

---

this kind also played a role at Western courts, cf. Claudia Schnitzer, *Höfische Maskeraden: Funktion und Ausstattung von Verkleidungsdivertissements an deutschen Höfen der frühen Neuzeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999, p. 30.

¹³ For Ottoman pictorial evidence, see the miniature of Prince Mustafa's funeral in Istanbul, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi [Library of the Topkapı Sarayı Museum], Hünername II, H. 1524, fol. 171a. (Reproduced: Charlotte Maury (ed.), *À la cour du Grand Turc: Cafitans du palais de Topkapı*. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2009, p. 20, ill. 1). Theodore Spandounes, writing in the first quarter of the 16th century, reports that the vestments and turbans of individuals buried in mausolea were changed every day "as though they [the dead] were still alive"; Theodore Spandounes, *On the origin of the Ottoman Emperors*. Donald M. Nicol (transl., ed.), Cambridge: Cambridge University Press, 1997, pp. 141–142.

¹⁴ Salomon Schweigger, *Ein neue Reyßbeschreibung auß Teutschland Nach Constantinopel und Jerusalem*. Nürnberg 1608, reprint (= *Frühe Reisen und Seefahrten in Originalberichten Bd. 3*), Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1964, pp. 108–109. Petri della Valle, *Eines vornehmen Römischen Patritii Reiss-Beschreibung in unterschiedliche Theile der Welt: Nemlich In Türckey/ Egypten/ Palestina/ Persien/ Ost-Indien/ und andere weit entlegene Landschafften/ Samt Einer außführlichen Erzählung aller Denck- und Merckwürdigster Sachen/ so darinnen zu finden und anzutreffen; Nebenst den Sitten/ und Gebräuchen dieser Nationen und anderen Dingen/ dergleichen zuvor niemals von anderen angemercket und beschrieben worden*. Genff: Johann-Herman Widerholds, 1674, p. 21.

¹⁵ During early modern times, similar imaginings were circulating also in the West; for a good example see Froben Christoph Graf von Zimmern, *Zimmerische Chronik*. I, ed. Karl August Barack, second edition, Freiburg i.Br. et al.: Mohr, 1881, p. 512.

¹⁶ These garments appear in quite a number of different registers, mainly ordered either under the aspect of cost (*mesarifat*) and supply (*ibracat*), under that of ceremonies (*teşrifat*) or of gift giving (*in'amat*). General royal expenditure registers, which were kept on a daily basis, contain, particularly in earlier times, a considerable amount of information about robes of honour.

Recently, Amanda Phillips identified a common feature of surviving or depicted contemporaneous Ottoman robes of honour: their overlong pseudo-sleeves falling from the shoulders almost to the ground.¹⁷ This at first glance rather useless characteristic had in fact a fairly mundane function: when someone wanted to show respect by kissing the wearer's hand, the latter could present his sleeve and thus save his hand from unsavoury kisses. In addition, the pseudo-sleeves marked him as a personage who was frequently honoured by having his hands or sleeves kissed. Actually, all court dignitaries of higher levels would wear kaftans with this special cut, revealing the sleeves of the dress worn underneath. To wear a number of different layers was namely an integral part of Ottoman ceremonial clothing.¹⁸

At least since the beginning of the 16th century, but probably from much earlier times onwards, sable and ermine furs (and to some extent diamonds) were not only paraphernalia of the monarch but also of the ruling elite, making their owners' status as deputies of the sultan, "the shadow of God on earth", visible to everyone. Therefore, it was in a way a responsibility of the ruler to have garments lined with such furs in store.

For practical reasons the overlong pseudo-sleeves remained unlined with fur. Ottomans would wear their coats normally with the furry side inwards, and people who turned the fur to the outside became the target of scorn and derision. Towards the end of the 18th century, the poet Sürûrî¹⁹ wrote a famous satirical poem lampooning his superior, the *kadı* of Eski Zağra (Stara Zagora in today's Bulgaria), Sünbülzade Vehbî, a renowned poet himself²⁰: ".../his inner fur wore to the outside again vile Vehbî//being drunk he had donned his fur reversed, the hound/he turned into a bear,²¹ so the gypsies made him dance"²²

¹⁷ Amanda Phillips, "Ottoman Hil'at: Between Commodity and Charisma", Marios Hadjianastasis (ed.), *Frontiers of the Ottoman Imagination: Studies in Honour of Rhoads Murphy*. Leiden-Boston: Brill, 2015, pp. 111-138.

¹⁸ Charlotte Jirousek, "Ottoman influences in Western dress", Suraiya Faroqhi — Christoph K. Neumann (eds.), *Ottoman Costumes: From Textile to Identity*. Istanbul: Eren, 2004, p. 233.

¹⁹ On Sürûrî see E. J. W. Gibb, *A History of Ottoman Poetry*. IV. Ed. Edward G. Browne. London: Luzac, 1905, pp. 265-278.

²⁰ On Sünbülzade Vehbî see Gibb, *A History of Ottoman Poetry*. IV, pp. 242-265.

²¹ The Turkish word *ayı*, 'bear', is still used as an invective with the meaning 'boor' or 'lump'.

²² For the Ottoman-Turkish text see Elif Ayan, "Sürûrî ve Hezliyyât'ı (İnceleme-Tenkitli Metin-Sözlük)", Unpublished MA Thesis (Yüksek Lisans Tezi) Hacettepe University, Institute for Social Sciences, Ankara 2002, p. 197, no. 16. The translation is mine. I am very grateful to my friend Kemal Beydilli, who years ago made this poem known to me, and who has now provided me with the thesis of Elif Ayan.

In all likelihood, given the obligation of the ruler to provide the appropriate accoutrements, it had not been predominantly political considerations which spurred the Ottoman court to enter into diplomatic relations with Muscovy towards the end of the 15th century²³ but the desire for luxury goods: sable furs, and to a lesser degree walrus tusks (the latter an understudied topic). Muscovy was namely a major source for this kind of ivory. Later (especially in the 17th century) walrus tusks on the arctic shores were sometimes treated as part of the *iasak*, a tax in kind taken from the native tribes of Siberia.²⁴

Furs were so important for the ruler and his viziers that the Ottoman court established a special class of ‘court merchants’, the *hassa tacirleri*, who would procure the precious pelts from Muscovy. This group operated under the special protection of the sultan, who would press every button of diplomacy to make the business work. For roughly the second half of the 16th century, this trade for the court is well documented.²⁵ It is, however, perfectly possible that the establishment of the *hassa tacir* institution dates back to much earlier times.²⁶

²³ For a list of embassies between the Ottoman Empire and Muscovy, see Faik Reşit Unat, *Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri*. Second edition, Ankara: TTK, 1987, pp. 245-248.

²⁴ Raymond H. Fisher, *The Russian Fur Trade, 1550-1700*. Berkeley — Los Angeles: University of California Press, 1943, p. 51.

²⁵ See Alexandre Bennigsen — Chantal Lermercier-Quelquejay, “Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la second moitié du XVIe siècle”, *Cahiers du Monde russe et soviétique* X/3 (1970) pp. 363-390. Mihnea Berindei, “Contribution à l’étude du commerce ottoman des fourrures moscovites: La route moldavo-polonaise, 1453-1700”, *Cahiers du Monde russe et soviétique* XII/4 (1971), pp. 393-409.

²⁶ A somewhat enigmatic document (dated mid-Şa’ban 915 H/23 November-2 December 1509) kept in the Archives of the Topkapı Sarayı (Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi — henceforth: TSMA —, D. 9860) in Istanbul, gives a list of items “taken from the Cossacks” by a *kadı*, the warden of a castle, a provincial officer (*‘azab ağası*), and a police superintendent (*subaşı*). The record does not give the names of the individuals involved, and as to the place where the Ottoman officials confiscated the goods, we are left in the dark as well. The document does not tell us anything about the background of the story either. The paper lists primarily furs, among them 126 sable and 58 ermine pelts, but also 321 ‘pairs’ of Russia leather (*bulgarî*), a number of horse tacks such as stirrups, bridles, crupper straps and saddlebags, two fabrics, *çekme*, (in Ottoman context this name stands normally for a cotton material with stripes or a similar simple pattern; but here a linen might have been meant) and *kirpas-i kendir* (hemp canvas), but also knives. Possibly, this is an inventory of merchandises brought by Ottoman merchants from Muscovy and robbed by Cossacks, which Ottoman authorities succeeded in getting back. As the almost contemporary customs register of Caffa does not mention costly sable and ermine furs as normal trade articles (see Halil İnalçık, *The Customs Register of Caffa, 1487-1490*. Cambridge, Mass.: The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1995), and since the document ended up in the royal palace, it is highly probable that at least a significant part of the goods listed were destined for the Ottoman court.

It seems that it was not finished furs but raw pelts which Ottoman merchants were bringing from Moscovy, as a law court ruling of 1631 suggests. It prohibits the employment of unexperienced personal for the tanning (in the parlance of furriers: “dressing”) of raw sable pelts.²⁷ The whole processing of furs, sometimes including dyeing, appears to have been done in Ottoman lands. Among the collection of fur plates (*tahta*)²⁸ sent by Bayezid II in 1510 as gifts to the Sultan of Egypt Qansawh al-Gawrī (r. 1501-1516), one variety was ‘blue weasel’ (*keremün-i kebud*), certainly a dyed fur.²⁹ In the 18th century — and this might be true also for earlier times — a group of Jewish dyers in the Ottoman capital had the exclusive right to tinge furs.³⁰

As the symbolism of sable was not confined to royalty, the luxurious fur saw a kind of ‘inflation’ in the centuries to come. The royal court bought the valuables of Hersekzade Ahmed Pasha, five times grand vizier between 1497 and 1516,³¹ after the latter’s death in 1517. Among his assets were three garments (*came*) lined with sable fur; for the showpiece (apparently of black sable) the agents of the court paid 12,000 *akçe*,³² a sum for which an unskilled labourer would have had to work almost seven years.³³

In November 1636, the favourite of Sultan Murad IV, Silahdar Mustafa Pasha, second vizier and an exceptionally rich man, had no less than 920 ‘pieces’ (=pelts) of sable processed into clothing, paying “the merchants” 7,000 *guruş* (= 840,000 *akçe*) for the fur.³⁴ Unfortunately, our record does

²⁷ BOA, A.İDVNSMHM. d. 85, p. 48, # 109 (10 Cemazi II 1040/14 January 1631).

²⁸ The term is used for a piece which is sewn together with several parts of fur matching in colour and derivation (see Tezcan, “Furs and skins owned by the Sultans”, p. 66), fairly similar to modern fur ‘plates’ (or ‘bodies’). However, unlike modern ‘plates’ or ‘bodies’, the Ottoman term does not indicate any fixed size.

²⁹ Muallim Cevdet 71, fol. 107b, (1 Rebi’ I 913/11 July 1507). Elias I. Muhanna, “The Sultan’s New Clothes: Ottoman-Mamluk Gift Exchange in the Fifteenth Century”, *Muqarnas* XXVII (2010), p. 195 # 48 (following Feridun Ahmed Beğ, *Mecmu‘a-yı Münşe‘ât al-Selâtin*. I, [Istanbul] 1848, p. 341), gives as date for the embassy 18 October 1507, but states that no gifts are mentioned. We do not know which hue the Ottoman names of colours exactly designated; but it is rather unlikely that the blueing of the white winter pelt of the weasel was meant, since this is a method to give a yellowed fur a whitish appearance. For Ottoman dyed furs, see Tezcan, “Furs and skins owned by the Sultans”, pp. 74-5 and figs. 3-5 (for extant specimens).

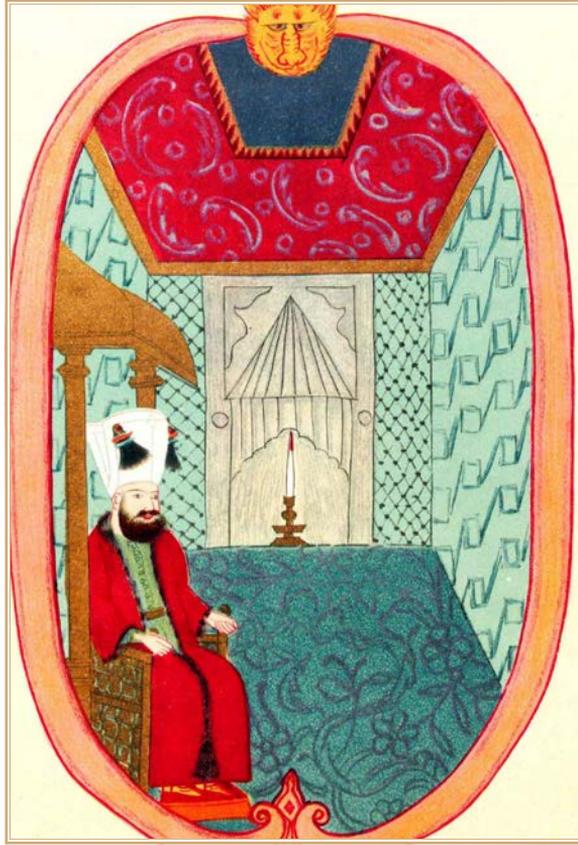
³⁰ BOA, C.BLD. 11/510 (27 Zilhicce 1881/15 May 1768).

³¹ For his career see Reindl, *Männer um Bāyezīd*, pp. 129-146.

³² The other two coats were worth 3,000 *akçe* each. TSMA D. 9576, fol. 5b.

³³ Cf. Şevket Pamuk, *İstanbul ve Diğer Kentlerde 500 Yıllık Fiyatlar ve Ücretler, 1469-1998 / 500 Years of Prices and Wages in Istanbul and Other Cities*. Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet İstatistik Enstitüsü, 2000, p. 69.

³⁴ TSMA, D. 3194, fol. 5b.

Султан в приемных покоях в кафтане с собольей оторочкой.

The sultan sitting in the audience chamber and wearing a sable lined kaftan.
(from: Franz Taeschner (ed.), *Alt-Stambuler Hof- und Volksleben. Ein türkisches Miniaturenalbum aus dem 17. Jahrhundert.* Hannover: Lafaire 1925, Ill. 8)

not reveal who these merchants were; but the wording suggests that, by this time, in the Ottoman capital precious furs were available on the free market.

After the Ottoman disaster before the gates of Vienna, in 1683, the field commander Merzifonlu Kara Mustafa Pasha was executed in Belgrade, and the authorities confiscated his possessions. Although he had to leave behind almost all his belongings when fleeing the battle field, fifteen sable fur coats (and six ermine coats) were taken.³⁵ After the death of Merzifonlu Kara Mustafa's brother-in-law, Kaplan Mustafa Pasha, in December 1680, a rather austere man who had twice been grand admiral of the fleet (in the rank of vizier) and displayed no obvious pretentiousness, no fewer than thirteen sable furs found their way into the royal treasury.³⁶

³⁵ TSMA, D. 26, fol. 23b.

³⁶ TSMA, D. 26, fol. 3b. Nine of the furs were *sammur-ı erkân*, official garments.

Of course, sable did not only serve as a lining but could just adorn the fringes of a coat. In 1636, Silâhdar Mustafa Pasha spent 40 *guruş* (4,800 *akçe*) for sable to have a fur collar on a light mantle which was decorated with gold (or silver) thread. In these years fashion seems to have favoured sable *kalpaks*,³⁷ a noble protection against the unpleasantly cold winters in a period known as the “Little Ice Age”³⁸ (in February 1621 even the Bosphorus had frozen over, and merchants from Caffa/Feodosiya could cross it with their carriages.³⁹)

The range of ostentatious display by means of sable fur was not restricted to clothing. The royal court would use the precious pelt for a variety of purposes. Sultan Süleyman the Magnificent is said to have soothed his slumbers with a bed cover with sable, a luxury which in later times was obviously shared by grandees, including the powerful Venetian-born *kapı ağası* (gatekeeper) Gazanfer Ağa (executed in 1603).⁴⁰

An Ottoman chronicle, Silâhdar’s *Nusretname*, gives a description of a royal audience to the Persian envoy, Abu’l-Masum Khan, in 1696. For this occasion not only the throne of the sultan but also two sitting daises (*taht*) were furnished with cushions padded with sable fur or adorned with jewels.⁴¹ An archival document from 1677 dealing with the costs of Persian satin (*dîba-ı ‘Acem*) for the backside (?) of the padding⁴² indicates that impressing foreign legates with sable-covered cushions was no novelty in 1696.

While a bed cover of sable is first and foremost comfortable, albeit extremely luxurious, there were times when this use of fur mainly had the function to overwhelm foreign visitors with pomp and opulence as visual manifestations

³⁷ TSMA, D. 3194.0001, fols. 53a, 58b.

³⁸ See Jean M. Grove, *The Little Ice Age*. London — New York: Methuen, 1988. For the climatically-induced worldwide crises of this period, see Geoffrey Parker, *Global Crises: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven — London: Yale University Press, 2013.

³⁹ Naimâ Mustafa Efendi, *Târih-i Na’imâ (Ravzatü’l-Hüseyn Fi Hulâsati Ahbârî’l-Hâfikayn)*. II. Ed. Mehmet İpşirli, Ankara: TTK, 2007, p. 459. See also Sam White, *The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2013, pp. 123-124, quoting further sources.

⁴⁰ TSMA, D. 2314.0014.00, fol. 2a. Gazanfer Ağa, born into the Venetian Michiel family, was captured by corsairs and sold into slavery in 1559. He and his younger brother became members of Selim II’s household and were of their own free will emasculated to serve the sultan *inter alia* in his *harem*. Gazanfer became *has oda başı* (head of the privy chamber) and *kapı ağası* and was able to keep this position until his execution forced by rebels in 1603. For his career see Maria Pia Pedani, “Safiye’s Household and Venetian Diplomacy”, *Turcica* 32 (2000), pp. 9-32, esp. 14-16 and 26-28.

⁴¹ Silâhdar Fındıklı Mehmet Ağa, *Nusretnâme*. I. Sadeleşiren: İsmet Parmaksızoğlu, İstanbul 1962, p. 244.

⁴² BOA, AESMMD. IV. 59/6893.

of power. Sable as an indication of royal magnificence and authority clearly gained momentum through the passions of the mentally unstable Sultan İbrahim (r. 1640-1648), whose main interests focused on women, fragrances, and in particular sable furs.⁴³ He urged the grandees of the empire to deliver sable pelts to the royal court,⁴⁴ and indeed, we have archival evidence that his demands did not fall on deaf ears. An undated document from his time (i.e. in the forties of the 17th century), kept in the Topkapı Sarayı Archives,⁴⁵ deals with tax revenues from Egypt, traditionally intended for the privy purse of the sultan. The tax revenues amounted in total to 157,500 *guruş* (18,900,000 *akçe*), of which 13,500 *guruş* (1,620,000 *akçe*) were destined for the domed royal pavilion, which had to be lined inside with sable fur, and another 39,000 *guruş* (4,680,000 *akçe*) for the apartments of two favourite (*haseki*) ladies of the royal *harem*, since these rooms also had to be covered with sable fur.

It was customary for this money to be sent together with a gift. In our case it was a jewelled sable-lined *kapanice* (long cloak) worth 40,500 *guruş*. Additionally, five eunuch slaves were dispatched (worth 1,500 *guruş*), and two dancing slave girls (worth 1,000 *guruş*). The last gift item was an aigrette.

Sable adorned the highest quality of robes of honour, which, in the 16th and 17th centuries, would be bestowed only to high-ranking Muslims. While during the 16th century furred robes of honour were rather rare, from the 17th century onwards they became increasingly popular. Now, not only viziers but also dignitaries of middle ranks would wear sable coats. A record of 1697 informs us that “according to ancient rules” (*kanun-i kadim üzere*) — in this context apparently meaning since the time of Sultan İbrahim (1640-48) — standard bearers would receive a sable coat at their promotion to this post.⁴⁶ At the beginning of the 18th century the term *erkân-ı kürk* (“pillars of the fur”) was already a synonym for the high ranks of state.⁴⁷

While up to the end of the 17th century the Ottoman court would not bestow furred robes of honour upon non-Muslim envoys from foreign lands, the aftermath of the Treaty of Karlowitz (26 January 1699) saw a new development. Before the Austrian ambassador Count Wolfgang zu Oettingen, who

⁴³ Joseph von Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches, größtentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven*. V, Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1829; reprint: Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1963 (henceforth: GOR), p. 355.

⁴⁴ Hammer, GOR V, pp. 336-7.

⁴⁵ TSMA, E. 3960/80.

⁴⁶ BOA, A{DVNSMHHM. d. 110/440 (from 10 Muharrem 1109/29 July 1697).

⁴⁷ Cf. Filiz Karaca, "Kürk", *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi* 26, Ankara 2002, pp. 568-570.

had come to Constantinople to ratify the peace agreement, went to the royal audience on 16 February 1700, he was vested in a robe of honour, which was lined with sable fur.⁴⁸ This fur must have sparked jealousy in the diplomatic circles of the Ottoman capital, and it aroused desires. The abovementioned wish of a Russian envoy to be given a furred robe of honour has to be seen against this background.⁴⁹ For legates from Christian lands, the quantity and quality of robes they received at the Ottoman royal court was a matter of prestige both for their own person and for their ruler. The representatives of European states saw the Porte's visible favouritism of Oettingen definitely as a diplomatic setback for their own standing. Ottoman niceties, such as a rich choice of (orthodox) Lenten fare (21 dishes) for Dmitri Mikhailovich Golitsyn⁵⁰ on 29 June 1701,⁵¹ which fell in the time of *Petrovskiy Post* (St. Peter's Fast), were too ephemeral to count. We can be sure that, in these years, all the European legates were keen on being clad in a sable furred robe of honour. Finally, in June 1721, the 'envoy of Muscovy', in all likelihood Alexey Ivanovich Deskov, (for his successor Ivan Ivanovich Nepluyev did not arrive in Istanbul until 8 September 1721⁵²) was to receive a broadcloth coat (*ferace*) lined with sable. The imperial treasury paid 850 *guruş* (102,000 *akçe*) for this garment.⁵³

Although the Ottoman court was in the beginning rather hesitant to bestow furs on Christian diplomats, in the second half of the 18th century, gifts of this nature became more and more frequent. An order from 23 September 1750 and another from 3 March 1758 explicitly proscribed the bestowing of

⁴⁸ Simpert Niggel, *Reisebeschreibung von Wien nach Konstantinopel*. Ed. Inga Pohlmann. Konstanz: Edition Isele, 2005, p. 75.

⁴⁹ It is certainly possible to identify the unnamed envoy as Emel'ian Ignat'evich Ukrainstev, but we cannot be sure.

⁵⁰ On him see Isabel de Madariaga, "Portrait of an eighteenth-century Russian statesman: Prince Dmitry Mikhaylovich Golitsyn", eadem, *Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia: Collected Essays*. London-New York: Longman, 1998, pp. 57-77. She does not, however, dwell at all on his diplomatic career, not to mention his time in the Ottoman capital.

⁵¹ National Library Saints Cyril and Methodius (Natsionalna Biblioteka Sv. Sv. Kiril i Metodii), Sofia: Orientalski otdel, D. 485, fols. 94b—95a. The list comprises no meat, but fish (noting five ways of preparation), a range of vegetables and processed fruits; while a sweet *kapak börek* (filled pastry in the shape of a dome) bears the addition: *zeyt yağı* (olive oil), which is very unusual for this dish in Ottoman cuisine. I am indebted to Konstantin Panchenko from Moscow State University, who enlightened me about the subtleties of orthodox ecclesial rules.

⁵² Fatih Ünal, XVIII. *Yüzyıl Türk-Rus ilişkilerinde Neplüyev (İstanbul'dan Orenburg'a)*. Ankara: Gece Kitaplığı, 2014, p. 32-3.

⁵³ BOA, İE.HLT. 4/364. An unskilled labourer had to work for this sum more than 15 years; cf. Pamuk, *İstanbul ve Diğer Kentlerde 500 Yıllık Fiyatlar ve Ücretler*, p. 71.

furs on Christian legates.⁵⁴ Yet, such prohibitions (particularly if issued repeatedly) usually indicate the existence of the very practice they forbid. Indeed, in the course of the second half of the 18th century, vesting important foreign diplomats with sable-furred robes of honour became an almost normal procedure. This development went hand in hand with a showy affluence and generosity of the Ottoman court, where in reality financial straits were no rarity. In 1795, even at the distribution of the traditional *aşure* (a sweet dish made of cereals, sugar and raisins, ritually eaten on the 10th of Muharrem, the first month of the Islamic lunar year) the personal chief cook of the Sultan (*aşçıbaşı-ı şehriyârî ağa*), who had been responsible for the preparation of the dish, received from the monarch a sable fur for officials (*erkân samur kürk*) as his reward.⁵⁵

The Ottoman court's craving for sable and ermine furs and walrus tusks is visible in the regular 'gifts' sent by the Princes of Moldavia and Walachia,⁵⁶ which clearly followed the 'wishes' of the Porte. The Prince (*voyvoda*) of Moldavia, when delivering the poll tax (*cizye*), would regularly supply the Ottoman court with costly walrus tusks as an add-on.⁵⁷ Apparently, at times, the Crimean Khans, Ottoman vassals as their Christian counterparts in Moldavia and Walachia, also embellished their present packs with walrus tusks.⁵⁸ The Polish king Jan Olbracht sent (probably in 1501) among other gifts various sable fur coats (*schube*) and four "fish teeth" (*dentes piscis*, i.e. walrus tusks).⁵⁹ One leg of the trade routes from Muscovy to the Ottoman capital led through the territories of Poland, Moldavia and Walachia, while another route ran through the Crimea and from Caffa/Theodosia by sea to Istanbul.

⁵⁴ BOA, D.TŞF 5/ 26 (1750); D.TŞF 5/ 63 (1758).

⁵⁵ BOA, A.TŞF 352, fol. 2 a (10 Muharrem 1210 (27 July 1795)).

⁵⁶ Cf. Mihai Maxim, «Nouveaux documents turcs sur les cadeaux protocolaires (*peşkeş*) et les insignes du pouvoir (*hükümet âlâmetleri*)», idem, *Romano-Ottomanica: Essays & Documents from the Turkish Archives*. Istanbul: The Isis Press, 2001, pp. 69-151. See also TSMA, D. 2352 0136 from 4 May 1704.

⁵⁷ BOA, D.BRZ d. 20614, pp. 86, 202, 282.

⁵⁸ BOA, D.BRZ d. 20614, p. 204. The name of the tributary tax called *tış / tıyış*, the Crimean khans received from Muscovy, is an abbreviation of *balık tışı* ('fish tooth'), obviously, because a part of the payment was given in kind, in the form of walrus tusks. See Serkan Acar, "Moskof Çarlarının Kırım Hanlarına Ödediği Bir Haraç Türü: Tış-Tıyış (Mors Dişi)", *Karadeniz Araştırmaları* XV/60 (2018), pp. 34-45, esp. 43.

⁵⁹ Uğur Ünal — Władysław Stępnik (eds.), *Yoldaki Elçi: Osmanlı'dan Günümüze Türk-Leh İlişkileri / Posel w drodze: Stosunki turecko-polskie od czasów osmańskich do dnia dzisiejszego*. Istanbul 2014, p. 12. On identifying "fish teeth" with walrus ivory, see Berthold Laufer, "Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal Ivory", *T'oung Pao*, Second Series 14/3 (1913), pp. 317-318, 333 and 337-338. Matthew Elliott Gillman, "A Tale of Two Ivories: Elephant and Walrus", *Espacio, Tiempo y Forma*, Serie VII, Historia del Arte (N. Época) 5 (2017), p. 86.

It seems that, in the 16th century, the Ottoman court favoured particularly the ivory of walrus tusks. In 1510, Sultan Bayezid II sent to his Persian antagonist, Shah İsmā‘il, nine walrus tusks (*dendan-ı mahî*), which indicated the sultan’s access to exotica from alien lands and thus emphasized his power and wealth. Among the small number of belongings seized in 1513 from the strangled favourite son of Bayezid II, Prince Ahmed, after Selim I (“the Grim”) had overcome him, were — in addition to a red mohair kaftan lined with ermine (*kakum*), underwear, linen, and some other accoutrements — two walrus tusks.⁶⁰ Shortly after Selim I’s accession to the throne, an inventory of the Sultan’s private valuables kept in the vicinity of his apartment (*der-nezd-i oda-ı hazret-i padişah*) was drawn up on 3 August 1512. The items listed had probably come from the possessions of his father, Bayezid II. Among a hotchpotch of precious and more ordinary objects we find (apart from green jade, ebony and rhinoceros horn) no less than 22 walrus tusks. Another entry lists under the heading “a bunch of huge hard stones” (*deste-i sabr*) another four walrus tusks and one “artistically fashioned jade” stone.⁶¹ The record does not mention any ivory from an elephant.

The use of walrus ivory in the Islamic world is attested since the 10th century AD, mainly for hilts and handles of swords, daggers and knives.⁶² The Ottomans maintained this tradition; but, particularly in the 16th century, they ascribed also apotropaic qualities to walrus tusks. Furthermore members of the royal family must have seen them as symbols of power, as the high quantity of specimens in the hands of rulers and pretenders illustrate.

A fragment of an inventory draft, obviously for several rooms of the royal treasury, set down during the time of Süleyman the Magnificent, in 1530-1, records a small collection of eye glasses (which had been almost certainly part of the assets of Selim I who needed to wear spectacles⁶³). One of them was framed with walrus ivory, while the others were mounted with mother of pearl, ivory from elephants and rhino horn.⁶⁴ The sultan had an impressive seventy walrus tusks at his disposal, and only three from elephants. To

⁶⁰ TSMA, E. 747. Çağatay Uluçay, “Yavuz Sultan Selim Nasıl Padişah Oldu”, *Tarih Dergisi* 11-12 (1954-55), p. 198 (the document number of the Saray Archives given there is no longer valid).

⁶¹ TSMA, D. 2873, fol. 2a.

⁶² Richard Ettinghausen, *The Unicorn*. (Studies in Muslim Iconography I.) Washington: The Lord Baltimore Press, 1950, pp. 121–124.

⁶³ Feridun Emecen, *Yavuz Sultan Selim*. İstanbul: Kapı Yayınları, 2017, p. 368 and 372.

⁶⁴ TSMA, D. 1023, fol. 2a/b.

find the right position for his prayer he could choose among five compasses showing the direction of Mecca; two of them were of walrus ivory. An ivory (of elephant) box housed seven lion's claws, three of them edged with silver,⁶⁵ while musk was stored inside two further walrus tusks.⁶⁶ All these items leave the impression that by now an Ottoman kind of *Wunderkammer*, albeit still in an embryonic stage, had started to take shape. Yet, Süleyman's successors evidently did not follow this path.

In Ottoman lands walrus ivory was sold by weight.⁶⁷ In 1543 a merchant, called Andreyra in the Ottoman document, was trading sable and weasel furs as well as "fish teeth" (walrus ivory) in the Ottoman capital.⁶⁸ We might identify him as the wealthy Ottoman court merchant (*hassa tacir*) Andreas Chalcocondyles.⁶⁹

Walrus ivory was preferably made into pommels and hilts of swords, daggers or knives. Time and again we find it mentioned in this function in Ottoman treasury registers. Other items made of walrus ivory, such as a comb in the possession of Silahdar Mustafa Pasha,⁷⁰ are rather rare. Unlike elephant tusks, walrus ivory has an inner core of granular osteodentine (the ossified pulpa), thus this part looks reddish and mottled. Ottoman artisans would integrate this element in their workmanship, while 16th-century Safavid masters would not put it on display.⁷¹ In the 17th and 18th century unprocessed walrus tusks hardly appear in Ottoman documents, in all likelihood because by now they had become commonplace as a regular material for luxury weapons and the like.

⁶⁵ TSMA, D. 1023, fol. 2b.

⁶⁶ TSMA, D. 1023, fol. 4a.

⁶⁷ In an Ottoman archival source of the 1540s the average weight of one *dendan-i mabi* is recorded as between one and two kilogrammes. Yet, our source gives only the total weight of several pieces together; thus we can provide here only average weights; BOA, D.BRZ d. 20614, pp. 53, 86, 202, 204, 282.

⁶⁸ On 17 Şevval 949 (24 January 1543) he presented the sultan with three loose (*avara*) pieces of sable fur from the back (*sirt*) and three large walrus tusks; BOA, D.BRZ d. 20614, p. 53. Three months later, when he received a robe of honour in return for his gift, "Andreyra" is labelled as a merchant of sable, *ibidem*, p. 80.

⁶⁹ Cf. Andrzej Dziubiński, "Polish-Turkish trade in the 16th to 18th centuries", Selmin Kangal (ed.), *War and Peace: Ottoman — Polish Relations in the 15th-19th Centuries*. Istanbul: Turkish Republic Ministry of Culture, General Directorate of Monuments and Museums, 1999, p. 40. Another, albeit weaker, candidate is a certain Andre or Andrian Karkokandella, also labelled as Greek; see M. Nekrasov, "XVI. Yüzyılda Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri", *Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl, 1491-1992: Ankara, 12-14 Aralık 1992*. Ankara: TTK, 1999, p. 94.

⁷⁰ TSMA, D. 3194, fol. 54a.

⁷¹ Matthew Elliott Gillman, "A Tale of Two Ivories: Elephant and Walrus", pp. 89-91.

The Ottoman archives apparently contain next to nothing about luxury exports to Muscovy, which for the greater part must have consisted of precious textiles.⁷² The reason might be that predominantly Russian, and not Ottoman, merchants conducted the main business. In this respect, Russian archives appear to yield more results. Ottoman merchants (mostly of Greek origin) often accompanied embassies of the Greek Orthodox Church to Moscow,⁷³ thus the archives of the Patriarchate in Istanbul might contain some information.

Probably, we have to consider not only regular traders bringing Ottoman luxury merchandise to Moscow but, to a large extent, also unofficial importers, such as envoys and their entourage. As merchants would usually (off the records) accompany official embassies,⁷⁴ they kept a low profile in the perception of Ottoman authorities. In this context, the provenances of some artefacts in the Moscow Kremlin collections are telling, as the names of the donors point to (predominately Greek) merchants from Constantinople.⁷⁵

The mingling of diplomacy and trade is evident in the following example: in 1742, a Russian aristocrat (a *beğzade* named Kanyun/Katayun in the document; maybe a distortion of Katanin?⁷⁶) living in the Ottoman capital sent his goods together with his personal secretary home to Russia. For this purpose he needed nine ox carts, three pairs of oxen and twelve cart horses up to the Ottoman border. As these transportation costs were to be offset against the taxes due from the local population, with an order to do so issued by the Porte,⁷⁷ it is more than likely that the nobleman belonged to the Russian embassy. Nine carts point to a multitude of goods which were certainly more than his personal property. Hence, a large part of the transported items might well have been luxury merchandise bought in Constantinople.

⁷² Cf. Nekrasov, “XVI. Yüzyılda Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri”, p. 93. See also the pioneering work of Mariya Vasil’evna Fekhnner, *Torgovlya russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI veke*. (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya 31) Moskva: Goskul’tprosvetizdat, 1956.

⁷³ Inna Wischnewskaja, “Pracht des Orients. Die Beziehungen des Moskauer Reiches mit Persien und dem Osmanischen Reich”, Ulrike Weinhold — Martina Minning (eds.), *Zwischen Orient und Okzident: Schätze des Kreml von Iwan dem Schrecklichen bis Peter dem Großen*. Berlin — München: Deutscher Kunstverlag, 2012, p. 140.

⁷⁴ M. Nekrasov, “XVI. Yüzyılda Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri”, p. 93.

⁷⁵ *The Tsars and the East: Gifts from Turkey and Iran in the Moscow Kremlin*. [issued in connection with an exhibition held May 9 — September 13, 2009, organized by the State Museums of the Moscow Kremlin and the Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution]. Washington 2009, pp. 64, 79, 80, 92, 98, 102.

⁷⁶ I thank Alexander Bauer for this indication.

⁷⁷ BOA, C.HR 79/3910 (from 22 January 1742).

To use diplomatic sojourns for commercial shopping tours was a tacitly tolerated common practice in premodern times. We find as early as 1577 the Polish envoy sending an agent to Ankara with 4,000 ducats to buy mohair “for his [own] supply”, which was not to be tarified at the border, when returning to Poland.⁷⁸

Possibly, Russian pilgrims travelling to the Holy Land⁷⁹ might also have quietly enriched their spiritual reward with mundane luxuries, which would offer them some prosperity after their return. If so, they did not behave fundamentally differently from Ottoman *hajjis*. The focal point of Ottoman pilgrimage, Mecca, was namely a hub for Indian merchandise, especially precious stones.⁸⁰ The huge fair held after the completion of the *hajj* would enable many pilgrims to engage in — admittedly petty — retail trade.⁸¹

It seems that in both regions, the Ottoman Empire and Muscovy, the ruling elite shared a common taste. A number of Ottomanizing objects manufactured in the workshops of the Moscow Kremlin⁸² suggest such concurrence. Interestingly, in the 16th century the upper echelons in both societies had a penchant for the same type of textile imports. Until the early 1540s court and high-ranking officials in Ottoman lands preferred Italian, in particular Venetian, silks and velvets, although deluxe Bursa materials seem to have been in vogue as well.⁸³ Around the same time, Grand Prince Vasili III from Muscovy used this very ‘language of things’ for ostentatious wedding gifts,

⁷⁸ BOA, A. {DVNSMHM. d. 31/164 (25 July 1577).

⁷⁹ See Svetlana A. Kirillina, *Ocharovannye stranniki: arabo-osmanskii mir glazami rossiiskikh palomnikov XVI-XVIII stoletii*. Moskva: Kliuch-S, 2010.

⁸⁰ Evliya Çelebi, *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi*. *Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 306, Süleymaniye Kütüphanesi Pertev Paşa 462, Süleymaniye Kütüphanesi Hacı Beşir Ağa 452 Numaralı Yazmaların Mukayeseli Transkripsiyonu — Dizin*, vol. 9, edited by Yücel Dağlı, Seyit Ali Kahraman and Robert Dankoff. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2005, p. 369.

⁸¹ Cf. Suraiya Faroqhi, “Red Sea Trade and Communication as Observed by Evliya Çelebi (1671-72)”, *New Perspectives on Turkey* 5-6 (1991), pp. 91–3; Gilles Veinstein, “Les pèlerins de la Mecque à travers quelques inventaires après décès ottomans (XVIIe — XVIIIe siècles)”, *Revue de l’Occident musulman et de la Méditerranée* 31 (1981), pp. 66–7; Gilles Veinstein, “Commercial Relations between India and the Ottoman Empire (Late Fifteenth to Late Eighteenth Centuries): a Few Notes and Hypotheses”, *Merchants, Companies and Trade: Europe and Asia in the Early Modern Era*. Sushil Chaudhury and Michel Morineau (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 99–100.

⁸² *The Tsars and the East*, pp.108-119.

⁸³ For preferences concerning fabrics in the Ottoman Empire see Hedda Reindl-Kiel, “The Empire of Fabrics: The Range of Fabrics in the Ottoman Gift Traffic (16th-18th Centuries)”, Barbara Karl — Thomas Ertl (eds.), *Inventories of Textiles — Textiles in Inventories: Interdisciplinary Studies on Late Medieval and Early Modern Sources and Material Culture*. Wien: V&R unipress, Vienna University Press, 2017, pp. 143-164.

and his son-in-law, Tsarevich Peter, a converted Chinghisid prince, obviously presented similar items to the grand prince.⁸⁴ Thus, the affluent elite of Muscovite and of Ottoman societies shared largely one single language of fashion.

We might understand the exquisite quality of Ottoman fabrics and objects in Russian collections of today⁸⁵ as an indication for the continuance of this approach. Although contacts were not rare between both royal courts, in the archives of Istanbul no evidence of Ottoman diplomatic gifts to Moscow before the 18th century has come to light. For the 16th century, this probably stems from the general approach of the Porte to non-Muslim rulers. In the 16th and in the first years of the 17th centuries the Ottoman court regarded sumptuous presents to a monarch as a means to enhance the recipient's glory and standing. This was, however, by no means what the Ottoman side had in mind vis-a-vis Christian rulers. Maintaining diplomatic relations with directly neighbouring countries was largely in the hands of governors of bordering provinces,⁸⁶ who would send modest gifts to the rulers of adjacent lands.⁸⁷ In the case of more distant Christian countries with diplomatic ties between the two courts, as in the state of affairs with Muscovy, it is highly probable that Ottoman envoys would present along with their letters small 'personal' gifts *in privatum*.⁸⁸ A perfect example of this approach are the two sets of underwear,⁸⁹ six handkerchiefs and a napkin which, in 1548 or 1549, Süleyman the Magnificent's wife Hürrem Sultan (Roxelane) dispatched to the new Polish king, Sigismund II Augustus.⁹⁰

⁸⁴ See Russell E. Martin, "Gifts for the Bride: Dowries Diplomacy, and Marriage Politics in Muscovy", *Journal of Medieval and Early Modern Studies* 38:1 (2008), pp. 133 and 137.

⁸⁵ Cf. *Iskusstvo Blistatel'noi Porty* [izdanie podgotovleno k vystavke "Iskusstvo Blistatel'noi Porty", Muzei Moskovskogo Kremliia, 16 dekabriia 2008 goda — 15 marta goda]. Moscow: Gosud. Istoriko-Kulturnyi Muzei-Zapovednik "Moskovskii Kremi", 2008, pp. 69-81.

⁸⁶ See Güneş Işıksel, *La diplomatie ottomane sous le règne de Selim II: paramètres et périmètres de l'Empire ottoman dans la troisième quart du XVIe siècle*. Paris et. al.: Peeters, 2016, pp. 8-14.

⁸⁷ See Hedda Reindl-Kiel, "Ottoman Diplomatic Gifts to the Christian West", Robert Born — Michał Dziewulski in collaboration with Kamilla Twardowska (eds.), *The Ottoman Orient in Renaissance Culture: Papers from the International Conference at the National Museum in Krakow, June 26-27, 2015*. Kraków: The National Museum, 2015, pp 95-116.

⁸⁸ Cf. Johann Gröblacher, "König Maximilians I. erste Gesandtschaft zum Sultan Bajezid II.", Alexander Novotny — Othmar Pichl (eds.), *Festschrift Hermann Wiesflecker zum 60. Geburtstag*. Graz: Historisches Institut der Universität, 1973, Beilage Nr. 1.

⁸⁹ A gift of underwear expressed cordial friendship and did not have any sexual connotations.

⁹⁰ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (The Central Archives of Historical Records in Warsaw), AKW, Dz. tur., k. 68, t. 110, nr 219; for a facsimile of Roxelana's letter see Uğur Ünal — Władysław Stępniaak (eds.), *Yoldaki Elçi: Osmanlı'dan Günümüze Türk-Leh İlişkileri / Posel w drodze: Stosunki turecko-polskie od czasów osmańskich do dnia dzisiejszego*. p.18.

In the course of the 17th century, the Porte's attitude changed and, furthermore, Russia's importance in the European theatre of politics increased. Perhaps, the documentation of 17th century Ottoman gifts still lies dormant in the vast uncatalogued holdings of the Ottoman Archives, or it might be hidden in miscellaneous expenditure registers. We simply do not know. The documents speak to us only from the 18th century onward.

After the Treaty of Niš (1739) which — following Austria's separate Belgrade peace — ended the Russian-Ottoman war (1735-1739), an opulent dispatch of gifts for Tsarina Anna Ivanovna was arranged. For a large part, the Ottoman protocol drew on the stocks of the (inner) imperial treasury (*hazine-i enderun*),⁹¹ which was — at least in theory — private property of the ruler. Just like the treasuries of high ranking dignitaries, this facility hosted not only valuables when not in use, but it was also a storage place for all kinds of (sometimes very ordinary) goods coming in as gifts, as inheritance, or otherwise. When the Pasha who owned such a treasury felt the obligation to shower a superior or a colleague with gifts, he would first inspect his treasury. Only if this first selection turned out to be inappropriate would he purchase complementary items. In doing so, he adopted the very approach taken by the royal court, which, as we already mentioned, served as a model household for the Ottoman ruling elite.

Given the possibility of finding artefacts of this dispatch surviving in modern Russian collections, we will list the inventory with its details in the hope that this might facilitate potential recognition, although some of the described objects are difficult to visualise.

The showpiece was a golden aigrette (*çilenk sorguç*) with 138 diamonded blossoms, twenty of them enamelled in diverse colours and the blossoms' leaves enamelled in green. The garlands were jewelled with another 120 diamonds, and another three diamonds hanging on strings adorned with 18 pearls from Hormuz. The piece was valued at an estimated 2,500 *guruş*. More than two times dearer were enamelled golden gala horse trappings (*kemer rabt*) in diverse colours with 224 small and medium-sized diamonds for decking the animal's forehead, head and neck, while its breast-band and belly were bejewelled with 294 small and medium-sized diamonds. The estimated price was 6,500 *guruş*. The assessments of the items as presented in the documents should, however, not be taken at face value; in all likelihood they are more highly valued than they would have been on the market. But they do give us a scale by which Ottoman protocol classed the diplomatic offerings for the Russian court.

⁹¹ BOA, D.BŞM.d. 2405, p. 2. Mal. Müd. 9054, p. 395.

Аудиенция у главный визиря, одетого в кафтан с оторочкой из меха горностая.

The grand vizier giving an audience and wearing an ermine lined kaftan.

(from: Franz Taeschner (ed.), *Alt-Stambuler Hof- und Volksleben. Ein türkisches Miniaturealbum aus dem 17. Jabrbundert*. Hannover: Lafaire 1925, ill. 52, image detail)

The dispatch of gifts next included a sword belt (*bilan*) of gilt silver, adorned with 33 small and medium-sized diamonds in reticulated enamelled gold-plated settings, and a [silver-brocaded?] band. Such sword belts were often used when riding a horse, allowing the rider to draw his weapon without causing him discomfort.⁹² Interestingly, no double-edged scimitar (*gaddare*) is mentioned in the list, although such weapons were frequent elements in Ottoman equestrian equipment.⁹³

⁹² For a photograph of such a sword belt see Hilmi Aydın, *Sultanların Silahları*. İstanbul: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2007, p.78; cf. also the miniatures, *ibidem*, pp. 19, 22, 25 and at the frontispiece.

⁹³ The inventory records, almost at the end, a golden sword covered with red velvet and set with diamonds, emeralds and rubies. Yet, the entry bears the remark: “it is no gift, it belongs to his [the Ottoman envoy’s] equipment”. The same remark applies to a quiver of red velvet with gilt silver platelets, which is listed next.

Of course, the gift package did not lack a saddle: it boasted six golden roses, which were set with 64 small and medium-sized red rubies and 53 emeralds, all stones in a table cut. The cantle of the saddle was of gilt silver, and its valances were of red velvet with silver or silver gilt (*sırma*) embroidery. The value was estimated at 1,000 *guruş*. A pair of stirrups was not absent either; they were of gilt silver, enamelled in dark blue and various other colours, and gemmed with 84 diamonds, 16 emeralds and 40 red rubies. The responsible Ottoman official estimated their value at 1,000 *guruş*, too.

In Ottoman eyes equestrian equipment for a monarch needed two items more: a ceremonial mace (*topuz*) with its case, and an ornamental caparison to cover the saddle (*zinpuş*). The mace with six sides was crowned with a medium-sized emerald; the handle and shaft were of plain jade inlaid with gold. The middle of the handle was adorned with 163 red rubies, 82 emeralds and 15 turquoises with gilt jade leaves. The corresponding case was made of red velvet with silver and pearl embroidery.

The caparison was made of heavy white Istanbul satin (*diba*) and embroidered with gilded silver thread. It had tassels of tiny corals and three roses, which were decked with silver *kalabdan* (very thin silver strip, wrapped with silk yarn but largely leaving the metal visible); it was lined with light satin (*atlas*) in a rose pattern.

All other items were part of the standard gift collection to Western monarchs. Four gold ornamented carpets (estimated at 1,000 *guruş*); 100 royal 'gold head' turban muslins (*altun baş hünkârî destar*) valued at 1,360 *guruş*; four divan covers (*ibram*) from Algiers, four pieces of multi-coloured heavy *zerbaft* (silk cloth with a gold thread woven in a lampas structure) in a flower pattern, and one silk carpet.

The next two items on the gift list were highly coveted in all Europe: The first one consisted of 150 *miskal* (≈ 721.5 g) ambergris, a substance produced in the intestines of the sperm whale. Having been exposed to air, light and sea water for a quite long time it acquires a pleasant scent. When added to a perfume it served as a fixative, enabling the scent to last longer on the skin.⁹⁴ Today, ambergris, although exorbitantly expensive, no longer plays a significant role in perfume industry.

The second item, 700 *dirhem* ($\approx 2,160$ g) pure balsam 'oil' (*dübn-i belsen-i halis*), was a remedy much sought-after in contemporary Europe. The Ger-

⁹⁴ See Hüsni Can Başer, "Hayvansal Kokular/Animalic Aromatics", *Kutsal Dumandan, Sibirli Damlaya: Parfüm / Sacred Incense to Fragrant Elixir: Perfume*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2005, p. 123. See also Aybala Yentürk — Nejat Yentürk, *Küçük Parfüm Terimleri Sözlüğü / Glossary of Perfume Terminology, ibidem*, p. 136.

man embassy's preacher Stefan Gerlach writes in his diary, which he kept during the years 1573-76, that in the Ottoman capital balsam was found only at the royal court and in the houses of viziers.⁹⁵ The substance came either from Cairo or from Mecca,⁹⁶ which was, as we have seen, a centre for luxury commodities from India and nearby South Arabia. Ottomans used balsam mainly for medical purposes, applied either as an ointment or orally, mixed into food. It was believed to help against poisoning.⁹⁷

Two different perfumes were destined to transport the fragrance of power from the Ottoman court to the Tsarina: 50 *miskal* ($\approx$ 240.5 g) 'royal perfume' (*'itr-ı şabî*) and 100 *miskal* ($\approx$ 481 g) sandalwood perfume (*'itr-ı sandal*).⁹⁸ It seems that the 'royal perfume' consisted (mainly?) of rose oil, as the Ottoman physician Ömer Şifâî (died probably in 1742) writes that rose oil is known in the vernacular as *'itr-ı şabî*.⁹⁹

A certain 'Abdi Ağa had an order to buy supplementary articles for the dispatch of, in particular, equine equipment. These included a solid silver bridle with globes (*top*), a girth (*tabkur*) with solid silver rings, a silver bit, a saddle-pad (*teğelti*) of velvet adorned with three rosettes of silver thread, a solid crupper strap (*kuskun*), a horse blanket (*yapuk*) of fiery red serge embroidered with yellow and white silver and gold thread and lined with yellow light satin (*atlas*), a large embossed silver bucket for watering horses, a pair of embossed silver hobbles (*köstek*), and an embossed silver band (? *narbend*), which I was not able to identify.

As textiles were usually an integral part of official Ottoman gift packages, 'Abdi Ağa purchased several fabrics. The first piece is somewhat difficult to visualise: it is described as *serenk* (a silk lampas weaving without metal thread) which had a *kılabdan* (a very thin gilded silver strip, wrapped with yellow silk yarn) embroidery on red fine satin (*atlas*). Further 14 pieces of multi-coloured floral heavy Istanbul satin (*diba*) were again adorned with *kılabdan*. Two bales of heavy Istanbul satin (*diba*) with a twill weave com-

⁹⁵ The diary was published by the author's grandson Samuel Gerlach in 1674: Stephan Gerlach, *Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch/ Der von zween Glorwürdigsten Römischen Kaysern/ Maximiliano und Rudolpho, Beyderseits den Andern dieses Nahmens/ Höchstseeligster Gedächtnüß/ An die Ottomanische Pforte zu Constantinopel Abgefertigten/ .....Gesandtschafft*. Frankfurt am Mayn: In Verlegung Johann-David Zunners. Gedruckt bey Heinrich Friesen, 1674, pp. 91 and 152.

⁹⁶ Gerlach, *Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch*, pp. 159 and 223.

⁹⁷ Gerlach, *Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch*, pp. 223 and 227.

⁹⁸ D.Ş.M. d. 2405, p. 2. Mal. Müd. 9054, p. 395.

⁹⁹ Esin Kâhya, "Ömer Şifâî", *Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi OTAM 4* (1993), p. 181.

pleted the assortment of fabrics. This latter textile is, however, somehow enigmatic, because in principle the structure of satin would rule out a twill weave.

In the context of domestic Ottoman traffic of offerings, carpets played, if any, only a secondary role. Things were different in the exchanging of gifts with European powers. The master of the Ottoman protocol was obviously well aware how much rugs and carpets were in demand among the European aristocracy.

Thus, ten Ushak prayer rugs (*seccade*)¹⁰⁰ were added to the package for the tsarina. The Ottoman ruling elite (and the royal court) would furnish their homes predominantly with Persian and Ushak carpets. The latter had a slightly Persianate design, and they must have been products of urban manufactures and not of a cottage industry.¹⁰¹ Hence, they were attractive not only in terms of design but also because they could be customised, with orders specifying sizes, designs and colours.

The court's swoop for ten small specimens instead for one or two big carpets did not mean that large Ushaks were not available; it had more to do with Ottoman and in general Middle Eastern traditions. According to standard practice, gifts were, even if given to an individual, meant for his whole household, and the head of the domestic unit would then distribute them among his family and retainers. Thus, the decision to send ten small rugs makes sense.

The master of the protocol must have found the quantity of perfume collected in the sultan's treasury insufficient, since 'Abdi Ağa bought 100 *miskal* (≈ 481 g) of a fragrance called *fitne*, which has here the (secular) meaning 'temptation', pointing in the logic of the time to a scent preferred by women. Unfortunately, neither the composition of this fragrance nor of another perfume named *'itr-ı argça* (?), of which 'Abdi Ağa bought in a quantity of 150 *miskal* (≈ 721.5 g), is known. The balsam available from the royal treasury was obviously also considered not enough, so 'Abdi had to procure another 300 *dirhem* (≈ 925.7 g) of it.

In contrast to the objects collected in the royal treasury, 'Abdi's purchases were noted without price quotes. In addition to items from the treasury and supplementary purchases, the royal workshops were involved in the ar-

¹⁰⁰ The term *seccade*, 'prayer rug' does not bear a religious connotation here, it refers only to the relatively small size.

¹⁰¹ Nazan Ölçer, "Turkish Carpets and their Collections in Turkey", *Turkish Carpets from the 13th-18th Centuries*. (Published in conjunction with the "Turkish Carpets from the 13th-18th Centuries" exhibition held at the Museum of Turkish and Islamic Arts, Istanbul, 26 September-12 November 1996.) Istanbul: Ahmed Ertuğ, 1996, pp. XII-XIII.

rangement of gifts for the tsarina. The corps of royal tentmakers (*mehteran-ı hayme-i hassa*) prepared a large tent encompassing 18 sections (*hazine*) and made of fiery-red broadcloth on the outside. Inside, applied on orange light satin (*atlas*) were rosettes (*şemse*), niches (*mibrab*) and inscriptions in heavy satin (*diba*) of various colours. Its outer shell was sea green. Its joint (connecting tent walls and roof) was of striped (or speckled) needlework. The inner shell was of red tent cloth from Diyarbakır. It had an oiled cloth cover with a twofold fringe. The tent rested on two poles (“columns”, *sütun*, in the document) with silver sleeves (joining the two parts of each pole). The poles were stained with red oil, bore golden and silver inscriptions and were adorned with *mukarnas* (stalactite vaulting). On the outside of the tent the top of each pole was decorated with a silver ball. The tent walls (inside red Diyarbakır tent cloth, outside verdigris or sea green) consisted of two parts.

The tent was furnished with an embroidered kilim (*cacım*) with felt and a cover of red twill, two pairs of walnut floor panels (*döşeme tahtası*) with gilded nails, two Persian felts, and four walnut banisters (probably of a pedestal for a sofa) inlaid with mother-of-pearl and crowned with four balls. Two mattresses with yellow light satin cover, filled with cotton must have been part of the couch. Three sofa coverings (*mak'ad*) of fiery-red serge, lined with yellow light satin (*atlas*), adorned with silver (or gold) brocaded (*kalabdan*) stripes and latticed fringes of light blue brocaded silk were to shroud the mattresses. Five cushions of *seraser*,¹⁰² which had medallions on white ground and were lined with fiery-red light satin (*atlas*), rounded off the seating furniture.

A number of packing materials completed the collection: two lined kilim covers, five large lined kilim sacks for mattresses, and 14 lined thin kilim mattresses (two to protect the tent walls, two for the oiled cover walls, four for the poles, four for the pedestals, and two for the floor panels). Two cotton sacks served to store the silver globes crowning the tent and the balls of the pedestal, and five white cases provided protection for the cushions against damage, while another four cases wrapped the poles.¹⁰³

All these carefully arranged presents did not, however, reach Anna Ivanovna, for she had died in October 1740. Her successor was Ivan Antonovich, an infant for whom his mother, Anna Leopoldovna, had the re-

¹⁰² *Seraser* is the most regal of all Ottoman fabrics. It is a silk weave with a thread consisting of an amalgam of silver and gold in the weft; Hülya Tezcan, *Atlaslar Atlası: Pamuklu, Yün ve İpek Kumaş Koleksiyonu/Cotton, Woolen and Silk: Fabrics Collection*. Istanbul: YKY, 1993, p. 33 and 34.

¹⁰³ MAD d. 9054, p. 396.

gency. It was eventually she who graciously accepted the gifts brought by the Ottoman envoy Mehmed Emnî Efendi.¹⁰⁴

As turbans were generally understood as a symbol of male Muslimhood, the presence of turban muslins as presents for a woman seems odd. Yet, in this gift package, the muslins did not have any religious connotation. The responsible Ottoman officials were just meeting a European demand. The famous 17th-century traveller Evliya Çelebi, who accompanied an Ottoman embassy to Vienna in 1665, notes in his travelogue that muslins were very much sought after by the locals.¹⁰⁵

Tents as diplomatic gifts had a long tradition among monarchs in the Islamic world. In 1510, for example, the Mamluk sultan Qansawh al-Gawrî had sent to Bayezid II among other costly items a beautifully adorned tent.¹⁰⁶ In 1576 the Persian Shah offered a jewel-embroidered tent to Murad III,¹⁰⁷ underlining through its sumptuousness the sultan's standing as the ruler of an empire. The custom of Muslim courts to bestow tents as state gifts to other Islamic monarchs¹⁰⁸ must certainly have played a role in shaping international fashions of tent-making.

After the Battle of Vienna, in 1683, the victorious forces of the Holy Roman Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth plundered the Ottoman camp and captured, next to precious weapons and jewellery, a great number of tents. A contemporary pamphlet speaks of '1,000 Turkish tents'. They were so comfortable and magnificent that the soldiers tore up their own textile shelters, wanting in future to use only the seized tents.¹⁰⁹ Many high-ranking Polish and German-Austrian aristocrats involved in the fight took a share in the opulent and costly tentage of the Ottoman top commanders. Subsequently, it became a matter of prestige among the high aristocracy to possess a 'Turkish tent' from the battle of Vienna.

¹⁰⁴ Münir Aktepe, *Mehmed Emnî Beyefendi (Paşa)'nın Rusya Sefâreti ve Sefâret Nâmesi*. Second edition, Ankara: TTK, 1989, pp. 62-65.

¹⁰⁵ Evliyâ Çelebi, *Seyahatnamesi*. 7. Kitap. *Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 numaralı yazmanın transkripsiyonu — dizini*. Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı, Robert Dankoff (eds). Istanbul 2003, p. 119.

¹⁰⁶ Marino Sanuto, *I diarii*. Vol. IX, ed. Federico Stefani. Venezia 1883, col. 547.

¹⁰⁷ Selânîkî Mustafa Efendi, *Tarih-i Selânîkî*. I, ed. Mehmed İpşirli, Istanbul: Edebiyat Fakültesi, 1989, p. 114. Gerlach, *Tage-Buch*, p. 192. Nurhan Atasoy and Filiz Çağman, *Turkish Miniature Painting*. Istanbul: 1974, plate 18.

¹⁰⁸ BOA, Mal.Müd. 7668, p. 20, mentions a "Persian tent" (*be-cibet-i harc-ı meremmat beray-ı muşamma'-gâr-ı hayme-yi 'Acem 'an yed-i Yusuf, hayme-duz, el-vaki' fi 2 Receb-i sene-i 932/14 April 1526*), which might have come to the Ottoman court as a state gift as well.

¹⁰⁹ *Türckis. Estats=und Kriegs=Bericht N 52*. Hamburg: Thomas von Wiering, s.d. [1683?].

The eagerness for such prestigious objects led many a nobleman to acquire a tent and pass it off as a piece of booty from an Ottoman war. Thus, many extant Ottoman tents in Polish, Austrian and German collections were wrongly labelled as spoils of Vienna. The Ottoman protocol did not let the European fervour for tents go unnoticed, and the old gifting tradition was certainly no obstacle to the inserting of tents into the catalogue of diplomatic offerings to the West.

In the course of the 17th century, the Ottoman approach to gifts for Christian rulers had changed from reluctance to munificence. At first glance, the new stance seems to reflect an awareness of one's own weakness in the face of strong adversaries. This interpretation falls, however, short, as it neglects the changes occurring in the Ottoman domestic gift traffic, where luxury objects increasingly played a greater role. In contrast to the image, presented to the West, of the fabulously rich empire holding all the treasures of the Orient, Ottoman offerings to Muslim powers in the east (such as Iran and India) now emphasised the own superiority in terms of technology and modernity.¹¹⁰

If we compare the selection of gifts the Ottomans sent to the Tsarina with the choice of objects destined for the German Kaiser (Charles VI),¹¹¹ we find a striking similarity. As, in general, gifts define the position of the donor in respect to the recipient, this package of offerings reveals the Porte's view of itself as an affluent state and its classification of Russia as an integral and powerful part of the Western world.

There is no doubt that jewelled equestrian equipment, carpets, luxury fabrics and a Turkish tent were highly appreciated at the Russian court for their intrinsic value, but in political terms the underlying message might have been more important: to be honoured as a powerful global player in the European theatre of politics. In a similar way, the significance of the Russian envoy asking for a sable-furred robe of honour did not lie so much in the material value of the gown but in the inferred reverence for him and his sovereign.

¹¹⁰ See Hedda Reindl-Kiel, "Der Duft der Macht: Osmanen, islamische Tradition, muslimische Mächte und der Westen im Spiegel diplomatischer Geschenke", *Wiener Zeitschrift zur Kunde des Morgenlandes* 95 (2005), pp. 241-2.

¹¹¹ See Reindl-Kiel, "Der Duft der Macht", pp. 247-8.

REFERENCES

1. *Acar, S.* Moskof Çarlarının Kırım Hanlarına Ödediği Bir Haraç Türü: Tiş-Tişiş (Mors Dişi). *Karadeniz Araştırmaları XV/60*, 2018. P. 34–45.
2. *Aktepe M.* Mehmed Emnî Beyefendi (Paşa)'nın Rusya Sefâreti ve Sefâret Nâmesi. Second edition, Ankara: TTK, 1989.
3. *Allsen T.T.* Robing in the Mongolian Empire. Steward Gordon (ed.), *Robes and Honor. The Medieval World of Investiture*. New York: Palgrave, 2001. P. 305–313.
4. *Arça S.A.* Ayasofya Haziresi'ndeki Şehzadeler Türbesi ve Yeni Buluntular Işığında Osmanlı Defin Geleniği. *Ayasofya Müzesi Yıllığı/Annual of Hagia Sophia Museum 13*, 2010. P. 303–346.
5. *Atasoy N., Çağman F.* Turkish Miniature Painting. Istanbul: R.C.D. Cultural Institute, 1974.
6. *Ayan E.* Sürürî ve Hezliyyât'ı (İnceleme-Tenkitli Metin-Sözlük). Unpublished MA Thesis (Yüksek Lisans Tezi). Hacettepe University, Institute for Social Sciences, Ankara, 2002.
7. *Aydın H.* Sultanların Silahları. İstanbul: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2007.
8. *Başer H. C.* Hayvansal Kokular/Animalic Aromatics. Kutsal Dumandan, Sihirli Damlaya: Parfüm. Sacred Incense to Fragrant Elixir: Perfume. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2005. P. 123–125.
9. *Bennigsen A., Lemercier-Quellejey C.* Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la second moitié du XVIe siècle. *Cahiers du Monde russe et soviétique X/3*. 1970. P. 363–390.
10. *Berindei M.* Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites: La route moldavo-polonaise, 1453–1700. *Cahiers du Monde russe et soviétique XII/4*, 1971. P. 393–409.
11. *Della Valle, P.* Eines vornehmen Römischen Patritii Reiss-Beschreibung in unterschiedliche Theile der Welt: Nemlich In Türckey/Egypten/Palestina/Persien/Ost-Indien/ und andere weit entlegene Landschafften. Samt Einer außführlichen Erzehlung aller Denck- und Merckwürdigster Sachen/ so darinnen zu finden und anzutreffen; Nebenst den Sitten/ und Gebräuchen dieser Nationen und anderen Dingen/ dergleichen zuvor niemals von

- anderen angemerket und beschrieben worden. Genff: Johann-Herman Widerholds, 1674.
12. *Dziubiński A.* Polish-Turkish trade in the 16th to 18th centuries. Selmin Kangal (ed.), War and Peace: Ottoman-Polish Relations in the 15th–19th Centuries. Istanbul: Turkish Republic Ministry of Culture, General Directorate of Monuments and Museums, 1999, P. 38–45.
  13. *Emecen F.* Yavuz Sultan Selim. İstanbul: Kapı Yayınları, 2017.
  14. *Ettinghausen, R.* The Unicorn. (Studies in Muslim Iconography I.) Washington: The Lord Baltimore Press, 1950.
  15. *Evliyâ Çelebi.* Seyahatnamesi. 7. Kitap. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 numaralı yazmanın transkripsiyonu — dizini. Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı, Robert Dankoff (eds.). İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2003.
  16. *Evliyâ Çelebi.* Seyahatnâmesi. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 306, Süleymaniye Kütüphanesi Pertev Paşa 462, Süleymaniye Kütüphanesi Hacı Beşir Ağa 452 Numaralı Yazmaların Mukayeseli Transkripsiyonu — Dizin, vol. 9. Yücel Dağlı, Seyit Ali Kahraman, Robert Dankoff (eds.). İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2005.
  17. *Faroqhi S.* Red Sea Trade and Communication as Observed by Evliya Çelebi (1671–72). New Perspectives on Turkey 5–6, 1991, P. 87–106.
  18. *Fekhner, M. V.* Torgovlya russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI. veke. (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya 31.) Moskva: Goskul'tprosvetizdat, 1956.
  19. *Feridun Ahmed Beğ.* Mecmu'a-yı Münşe'ât al-Selâtin. I. İstanbul, 1264 (1848).
  20. *Gerlach S.* Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch/ Der von zween Glorwürdigsten Römischen Kaysern. Maximiliano und Rudolpho, Beyderseits den Andern dieses Nahmens. Höchstseeligster Gedächtnuß. An die Ottomanische Pforte zu Constantinopel Abgefertigten/Gesandtschafft. Frankfurt am Mayn: In Verlegung Johann-David Zunners. Gedruckt bey Heinrich Friesen, 1674.
  21. *Gibb E. J. W.* A History of Ottoman Poetry. IV. Ed. Edward G. Browne. London: Luzac, 1905.
  22. *Gillman M.E.* A Tale of Two Ivories: Elephant and Walrus. Espacio, Tiempo y Forma, Serie VII, Historia del Arte (N. Época) 5, 2017. P. 81–105.
  23. *Gordon S.* A World of Investiture. Idem (ed.), Robes and Honor. The Medieval World of Investiture. New York: Palgrave, 2001. P. 1–19.
  24. *Gröblacher J.* König Maximilians I. erste Gesandtschaft zum Sultan Baijezid II. Alexander Novotny, Othmar Pichl (eds.), Festschrift Hermann Wiesflecker zum 60. Geburtstag. Graz: Historisches Institut der Universität, 1973. P. 73–80.

25. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches, größentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. V, Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1829; reprint: Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1963. [GOR].
26. *İnalçık H.* The Customs Register of Caffa, 1487–1490. Cambridge, Mass.: The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1995.
27. *Işıksel G.*, La diplomatie ottomane sous le règne de Selîm II: paramètres et périmètres de l'Empire ottoman dans la troisième quart du XVIe siècle. Paris et al.: Peeters, 2016.
28. Iskustvo Blistatelnoi Porty [izdanie podgotovleno k vystavke "Iskustvo Blistatelnoi Porty", Muzei Moskovskogo Kremliia, 16 dekabriia 2008 goda — 15 marta goda]. Moscow: Gosud. Istoriko-Kulturnyi Muzei-Zapovednik "Moskovskii Kreml", 2008.
29. *Grove J.M.* Grove, The Little Ice Age. London — New York: Methuen, 1988.
30. *Jirousek C.* Ottoman influences in Western dress. Suraiya Faroqhi, Christoph K. Neumann (eds.), Ottoman Costumes: From Textile to Identity. Istanbul: Eren, 2004, P. 231–251.
31. *Kâhya E.* Ömer Şifâî. Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi OTAM 4, 1993. P. 171–195.
32. *Karaca F.* Kürk, Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi 26. Ankara 2002, P. 568-570.
33. *Kirillina S.A.* Ocharovannye stranniki: arabo-osmanskii mir glazami rossiiskikh palomnikov XVI–XVIII stoletii. Moskva: Kliuch-S, 2010.
34. *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations 15th–18th Century: An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden et al.: Brill, 2000.
35. *Laufer B.* Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal Ivory. T'oung Pao, Second Series 14/3 (1913). P. 315–370.
36. *Madariaga I.* Portrait of an eighteenth-century Russian statesman: Prince Dmitry Mikhaylovich Golitsyn. Eadem. Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia: Collected Essays. London-New York: Longman, 1998. P. 57–77.
37. *Maurycy C.* (ed.) À la cour du Grand Turc: Caftans du palais de Topkapi. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2009.
38. *Maxim M.* Nouveaux documents turcs sur les cadeaux protocolaires (peşkeş) et les insignes du pouvoir (hükümet alâmetleri). Idem. Romano-Ottomanica: Essays & Documents from the Turkish Archives. Istanbul: The Isis Press, 2001, pp. 69–151.

39. *Muhanna E. I.* The Sultan's New Clothes: Ottoman-Mamluk Gift Exchange in the Fifteenth Century. *Muqarnas* XXVII, 2010. P. 189–207.
40. *Na'imâ Mustafa Efendi.* Târih-i Na'imâ (Ravzatü'l-Hüseyin Fî Hulâsati Ahbârî'l-Hâfikayn). II. Ed. Mehmet İpşirli, Ankara: TTK, 2007.
41. *Nehring K.* Adam Freiherrn zu Herbersteins Gesandtschaftsreise nach Konstantinopel. Ein Beitrag zum Frieden von Zsitvatorok (1606). München: R. Oldenbourg, 1983.
42. *Nekrasov M.* XVI. Yüzyılda Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri. Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl, 1491–1992: Ankara, 12–14 Aralık 1992. Ankara: TTK, 1999. P. 91–96.
43. *Niggel S.* Reisebeschreibung von Wien nach Konstantinopel. Ed. Inga Pohlmann. Konstanz: Edition Isele, 2005.
44. *Stillman N. A.* Khil'a. The Encyclopaedia of Islam, second edition. V. Leiden 1986. P. 6–7.
45. *Ölçer N.* Turkish Carpets and their Collections in Turkey. Turkish Carpets from the 13th-18th Centuries. [Published in conjunction with the "Turkish Carpets from the 13th-18th Centuries" exhibition held at the Museum of Turkish and Islamic Arts, Istanbul, 26 September-12 November 1996.] Istanbul: Ahmed Ertuğ, 1996, pp. VII-XXbbbII.
46. *Öz T.* Türk Kumaş ve Kadifeleri. 2 vols., Ankara 1950 - Istanbul 1951.
47. *Pamuk Ş.* İstanbul ve Diğer Kentlerde 500 Yıllık Fiyatlar ve Ücretler, 1469-1998/500 Years of Prices and Wages in Istanbul and Other Cities. Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet İstatistik Enstitüsü, 2000.
48. *Parker G.* Global Crises: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven — London: Yale University Press, 2013.
49. *Pedani M.P.* Safiye's Household and Venetian Diplomacy. *Turcica* 32, 2000. P. 9–32.
50. *Phillips A.* Ottoman Hil'at: Between Commodity and Charisma. Marios Hadjianastasis (ed.), *Frontiers of the Ottoman Imagination: Studies in Honour of Rhoads Murphey*. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 111–138.
51. *Raymond H.* The Russian Fur Trade, 1550–1700. Berkeley — Los Angeles: University of California Press, 1943.
52. *Reindl H.* Männer um Bâyezîd. Eine prosopographische Studie über die Epoche Sultan Bâyezîds II. (1481–1512). Berlin: Klaus Schwarz, 1983.
53. *Reindl-Kiel H.* Der Duft der Macht: Osmanen, islamische Tradition, muslimische Mächte und der Westen im Spiegel diplomatischer Geschenke. *Wiener Zeitschrift zur Kunde des Morgenlandes* 95. 2005. P. 195–258.
54. *Reindl-Kiel H.* Ottoman Diplomatic Gifts to the Christian West. Robert Born, Michał Dziewulski in collaboration with Kamilla Twardowska (eds.),

- The Ottoman Orient in Renaissance Culture: Papers from the International Conference at the National Museum in Krakow, June 26–27, 2015. Kraków: The National Museum, 2015, P. 95–116.
55. *Reindl-Kiel H.* The Empire of Fabrics: The Range of Fabrics in the Ottoman Gift Traffic (16th–18th Centuries), Barbara Karl, Thomas Ertl (eds.), *Inventories of Textiles — Textiles in Inventories: Interdisciplinary Studies on Late Medieval and Early Modern Sources and Material Culture*. Wien: V&R unipress, Vienna University Press, 2017, P. 143–164.
  56. *Rose J.* Sasanian Splendor. The Appurtenances of Royalty. Steward Gordon (ed.), *Robes and Honor. The Medieval World of Investiture*. New York: Palgrave, 2001 P. 35–56.
  57. *Russell E. M.* Gifts for the Bride: Dowries Diplomacy, and Marriage Politics in Muscovy. *Journal of Medieval and Early Modern Studies* 38:1, 2008. P. 119–145.
  58. *Sanuto M.* I diarii. Vol. IX, ed. Federico Stefani. Vol. X, ed. Guglielmo Berchet. Venezia, 1883.
  59. *Schnitzer C.*, Höfische Maskeraden: Funktion und Ausstattung von Verkleidungsdivertissements an deutschen Höfen der frühen Neuzeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999.
  60. *Schweigger S.* Ein neue Reyßbeschreibung auß Teutschland Nach Constantinopel und Jerusalem. Nürnberg 1608, reprint (= Frühe Reisen und Seefahrten in Originalberichten Bd. 3). Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1964.
  61. *Selânikî Mustafa Efendi.* Tarih-i Selânikî. I. Mehmed İpşirli (ed.). Istanbul: Edebiyat Fakültesi, 1989.
  62. *Silâhdar Fındıklı Mehmet Ağa.* Sadeleştiren İsmet Parmaksızoğlu. Istanbul: MEB, 1962.
  63. *Spandounes T.* On the origin of the Ottoman Emperors. Donald M. Nicol (transl., ed.), Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
  64. *Springberg-Hinsen M.* Die Hil'a. Studien zur Geschichte des geschenkten Gewandes im islamischen Kulturkreis. Würzburg: Ergon Verlag, 2000.
  65. *Tekin Z.* Osmanlılarda Kürk Kullanımı. Hasan Celal Güzel, Kemal Çiçek, Salim Koca (eds.), *Türkler*. 10, Ankara: Yeni Türkiye, 2002. P. 644–649.
  66. *Tezcan H.* Atlaslar Atlası: Pamuklu, Yün ve İpek Kumaş Koleksiyonu. Cotton, Woolen and Silk: Fabrics Collection. Istanbul: YKY, 1993.
  67. *Tezcan H.* Furs and skins owned by the Sultans. Suraiya Faroqhi, Christoph K. Neumann (eds.), *Ottoman Costumes: From Textile to Identity*. Istanbul: Eren, 2004. P. 63–79.
  68. *The Tsars and the East: Gifts from Turkey and Iran in the Moscow Kremlin*. [Issued in connection with an exhibition held May 9 — September 13, 2009,

- organized by the State Museums of the Moscow Kremlin and the Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution]. Washington 2009.
69. *Uluçay Ç.* Yavuz Sultan Selim Nasıl Padişah Oldu. *Tarih Dergisi* 11–12. 1954–55. P. 185–200.
70. *Ünal F.* XVIII. Yüzyıl Türk-Rus ilişkilerinde Neplüyev (İstanbul'dan Orenburg'a). Ankara: Gece Kitaplığı, 2014.
71. *Ünal U., Stępniaak W.* (eds.) Yoldaki Elçi: Osmanlı'dan Günümüze Türk-Leh İlişkileri. *Posel w drodze: Stosunki turecko-polskie od czasów osmańskich do dnia dzisiejszego*. Istanbul 2014.
72. *Unat F.R.* Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri. Second edition, Ankara: TTK, 1987.
73. *Veinstein G.* Commercial Relations between India and the Ottoman Empire (Late Fifteenth to Late Eighteenth Centuries): a Few Notes and Hypotheses. Merchants, Companies and Trade: Europe and Asia in the Early Modern Era. Sushil Chaudhury and Michel Morineau (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 95–115.
74. *Veinstein G.* Les pèlerins de la Mecque à travers quelques inventaires après décès ottomans (XVIIe — XVIIIe siècles). *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée* 31. 1981 P. 63–71.
75. *White S.* The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2013.
76. *Wischniewskaja I.* Pracht des Orients. Die Beziehungen des Moskauer Reiches mit Persien und dem Osmanischen Reich. Ulrike Weinhold, Martina Minning (eds.), *Zwischen Orient und Okzident: Schätze des Kreml von Iwan dem Schrecklichen bis Peter dem Großen*. Berlin — München: Deutscher Kunstverlag, 2012. P. 135–145.
77. *Yentürk A., Yentürk N.* Glossary of Perfume Terminology [Küçük Parfüm Terimleri Sözlüğü]. Sacred Incense to Fragrant Elixir: Perfume [Kutsal Dumandan, Sihirli Damlaya: Parfüm]. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2005. P. 135–140.
78. *Zimmern F.C.* Zimmerische Chronik. Karl August Barack (ed.). Second edition. Freiburg i.Br. et al.: Mohr, 1881.

Keywords:

Material culture; robes of honour; diplomatic gifts; sable fur; walrus tusks; tents.

Хедда Райндл-Киль

СТАТУС, НАГРАДА И РОСКОШЬ:

некоторые заметки по материальному обмену
между Россией и Османской империей

Одной из причин инициации и поддержания дипломатических контактов с Московией для Османских султанов было желание обладать определенными предметами роскоши — собольими мехами и моржовыми бивнями. При дворе меха служили маркерами статуса, особенно если мантии вручались первыми лицами как награда за какие-либо заслуги. Более того когда во дворце готовили покои к приему иностранных дипломатов, собольи меха использовались в качестве украшения интерьера, как и драгоценные камни.

В Турецких архивах нет документов об импорте товаров из Османской империи в Россию, дипломатические подарки Османского двора Московии также документально не зафиксированы. Только начиная с XVIII в. велась запись подарков-подношений ко двору в Санкт-Петербурге. Согласно этим документам Россия воспринималась Османской империей в качестве значимого политического игрока.

Ключевые слова: материальная культура, мантии за заслуги, дипломатические подарки, собольи меха, моржовые бивни, шатры.

Доктор Хедда Райндл-Киль — Боннский университет, институт восточных и азиатских исследований, факультет восточных и азиатских языков.

 Dr. Hedda Reindl-Kiel

University of Bonn, Institute of Oriental and Asian Studies, Department
of Oriental and Asian Languages

DOI: 10.35549/HR.2020.95.70.004

Д.Р. Колодзейчик, М.А. Качка

ХОТИНСКИЙ АРХИВ КОЛЧАК-ПАШИ: ИСТОРИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Через два дня после Ставучанского сражения 30 августа² 1739 г. Хотин был взят русскими войсками графа Миниха во время войны Османской империи против России и Австрии. Командир крепости, Ильяс Колчак-паша, попал в плен и был отправлен в Санкт-Петербург, а Хотинский архив перевезен в Москву. Только месяц спустя 29 сентября 1739 г. (18 сентября ст. ст.) был заключен Белградский договор, и Хотин было решено вернуть Османской империи, в границах которой он и оставался до 1806 г. (формально до Бухарестского договора 1812 г.)³. Колчак-паша также вернулся из плена и получил прежнюю должность в Хотине, где

¹ Авторы хотят выразить искреннюю благодарность Михаилу Васюционку, Илье Зайцеву, Светлане Кириллиной, Михаилу Михальскому и сотрудникам АВПРИ и Черніговського обласного історичного музею ім. В.В. Тарновського за їх допомогу в дослідженнях, а також Тарасу Кобищанову за запрошення надрукувати перші результати цих досліджень в «Історическому вестнику».

² Все даты даны по новому стилю.

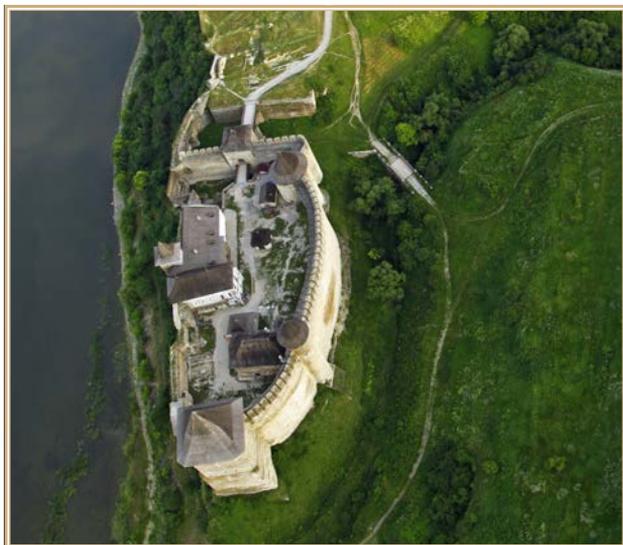
³ Heywood C., revised by Kołodziejczyk D. Hotin // The Encyclopaedia of Islam — Three, pt. 2012-1. Leiden-Boston, 2012. P. 144–146. Там же указаны важнейшие источники и литература, касающиеся истории Хотина и Хотинской округи в Османский период.

и умер вскоре после приезда в 1741 г.⁴ Но Хотинский архив остался в России и находится до сего дня в Москве, являясь самым крупным османским провинциальным архивом, который сохранился в мире.

С 1749 г. документы этого архива были переданы в Московский архив Коллегии иностранных дел, который в 1834 г. был переименован в Московский главный архив Министерства иностранных дел. Согласно сохранившейся информации, первую (и поныне единственную) опись коллекции сделал еще в XVIII в. «студент Александр Равич», о происхождении и жизни которого мы пока ничего не знаем. Судя по результатам его работы, Равич довольно хорошо владел османско-турецким языком. К сожалению, сделанная им подробная опись охватывает только семь из двадцати семи крупных единиц хранения (а именно дела № 3–9), из которых сегодня состоит фонд 26 в АВПРИ, существующий под названием «Архив Колчак-паши». Мы точно не знаем, когда московские архивисты начали прибавлять к этому архиву османские и крымско-татарские документы, взятые русскими в других османских крепостях Северного Причерноморья. Неизвестно также, ошибочно или намеренно они хотели объединить все эти документы в одном фонде. Но, как мы далее увидим, современный фонд 26 в АВПРИ состоит не только из бывшего Хотинского архива, но также из других меньших архивов османских крепостей и даже из отдельных документов.

Последняя крупная архивная реорганизация произошла в 40-х гг. XX столетия. В 1941 г. был создан Центральный государственный архив древних актов, где должны были находиться все документы, изданные до коллегиальной реформы Петра I (в 1992 г. он был переименован в Российский государственный архив древних актов — РГАДА). Документы, опубликованные позже, начиная приблизительно с 1720 г., были постепенно переданы в отдельный архив Министерства иностранных дел СССР, который ныне существует под названием Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и до сих пор подчинен МИД Российской Федерации. На деле все было не так просто: документы, которые еще в

⁴ Camariano N., Camariano-Cioran A. (eds.) *Cronica Ghiculeștilor: Istoria Moldovei între anii 1695–1754*. București, 1965. P. 518–519. В письме Яна Свирского, давнего доверительного корреспондента Колчака, отправленном Яну Тарле из Каменца 19 июля 1741 г., появляется утверждение, что паша был отравлен, но эта информация кажется сомнительной; см.: Центральный державний історичний архів України, м. Київ (далее — ЦДАУК). Ф. 254 (Тарло). Оп. 1. Спр. 559. Л. 174–174 об. В Википедии можно найти ошибочную информацию, что Колчак, боясь султанского наказания за сдачу Хотинской крепости, не вернулся в Османскую империю и, поступив на службу польскому гетману Йозефу Потоцкому, умер в Житомире в 1743 г.

Современный вид на крепость Хотин. Фото Крвистяна Трели (Krystian Trela)

середине XX в. считались важными для внешней политики СССР, даже если они были изданы в XVII в., были тоже перевезены в архив МИДа. Например, в рукописном реестре хранящихся в РГАДА русско-османских трактатов, сейчас доступном онлайн, мы находим отметки, что подлинник Бахчисарайского мирного договора, ратифицированного султаном Мехмедом IV в апреле 1682 г., был передан в архив МИДа 19 июня 1952 г. То же самое случилось с турецкими подлинниками Карловицкого и Константинопольского договоров. Сегодня этих документов в РГАДА не найти, хотя они все были изданы задолго до 1720 г.⁵

В то время как вышеупомянутые османские мирные грамоты были переданы в архив МИДа намеренно, другие документы попали туда случайно или ошибочно. Самым ярким примером является судьба двух шертных грамот⁶ крымских ханов: Джанибек Гирея, посланной царю Михаилу Романову в 1634 г. (первая треть месяца раджаба 1043 г. х.), и Ислама III Гирея, посланной царю Алексею Михайловичу в 1646 г. (1056 г. х.). Татарско-турецкий текст обеих грамот был опубликован в 1864 г. В.В. Вельями-

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 3 (Трактаты). Л. 1 об., 2 об.—3.

⁶ Шертные грамоты, тур.-тат. *şartname* [от араб. *şart* — «условие» (в тат. тоже «клятва, присяга») и перс. *name* — «письмо, грамота»] являлись документами татарских правителей регулируемыми межгосударственные отношения с соседями, в том числе с Москвой, и содержащими присягу хана сохранить мир. О типологии татарских мирных документов см. *Kołodziejczyk, D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. P. 279–300.*

нов-Зерновым и Х. Фейзхановым, вероятно, на основе копии. Можно предполагать, что уже к тому времени подлинники отсутствовали в коллекции шертных грамот, хранившейся в Московском архиве⁷. Неудивительно, что и современные исследователи не смогли их там найти: в этом не повезло и одному из авторов, который в 2009 г. напрасно их искал в РГАДА, но под указанными номерами дел нашел только их копии и русские переводы⁸. Об этих грамотах также не знал С. Фаиз [Фаизов], который долго занимался туграми и шертными грамотами крымских ханов⁹. В результате, с большим изумлением мы нашли обе эти грамоты в АВПРИ среди документов фонда 26 (именно в деле № 6), хотя они не указаны в описи Равича¹⁰. Вероятно, они туда попали в конце XVIII в. или в начале XIX в. Длина первой грамоты составляет 113,5 см, и она украшена сине-золотой тугрой с цветным орнаментом; у второй грамоты верхняя часть с тугрой утрачена (ее длина только 96 см), но внизу сохранились следы золотой ханской привесной печати (байсы) в виде трех отверстий¹¹.

До сих пор, в ходе трех визитов в АВПРИ в сентябре 2017 г., феврале 2018 г. и сентябре 2019 г., мы успели просмотреть двадцать один из двадцати семи дел фонда 26, а именно дела № 1–3, 6–7, 9–20, 23–24 и 26–27. Каждое «дело» состоит из примерно 100 документов, иногда сшитых вместе, а иногда — нет. Что касается дел, которых мы еще не успели просмотреть, документы дел № 4, 5 и 8 присутствуют в подробной описи Равича, и мы приблизительно знаем их содержание, хотя даже в таких случаях, как мы видели выше на примере дела № 6, можно встретить «сюрпризы» в виде позднейших добавок. В деле № 25, вероятно, сохра-

⁷ Материалы для истории Крымского ханства. Издалъ В.В. Вельяминовъ-Зерновъ [и Х. Фейзхановъ]. СПб, 1864. С. 100–104, 355–359 [100–104, 355–359]. В тексте первой грамоты не указана тугра, которая должна была находиться в подлиннике. Тоже заглавие издания второй грамоты (*şartname hattırun 'aynidür*) указывает, что оно сделано не на основе подлинника, а, вероятно, копии на столбцовой бумаге, которая и сегодня сохранена в РГАДА (см. ниже).

⁸ *Kołodziejczyk. D.* Указ. соч. Р. 337–339. См. тоже *Kołodziejczyk. D.* Попытки восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII века: *байса, Там ве Тавгач* // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101. Вышеупомянутые две шертные грамоты должны находиться под сигнатурами РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Крымом). Оп. 2 (Шертные грамоты крымских ханов). Д. 41, Д. 52.

⁹ Фаиз С. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М., Бахчисарай, 2002; Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М., 2003.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 6. Л. 314, 315.

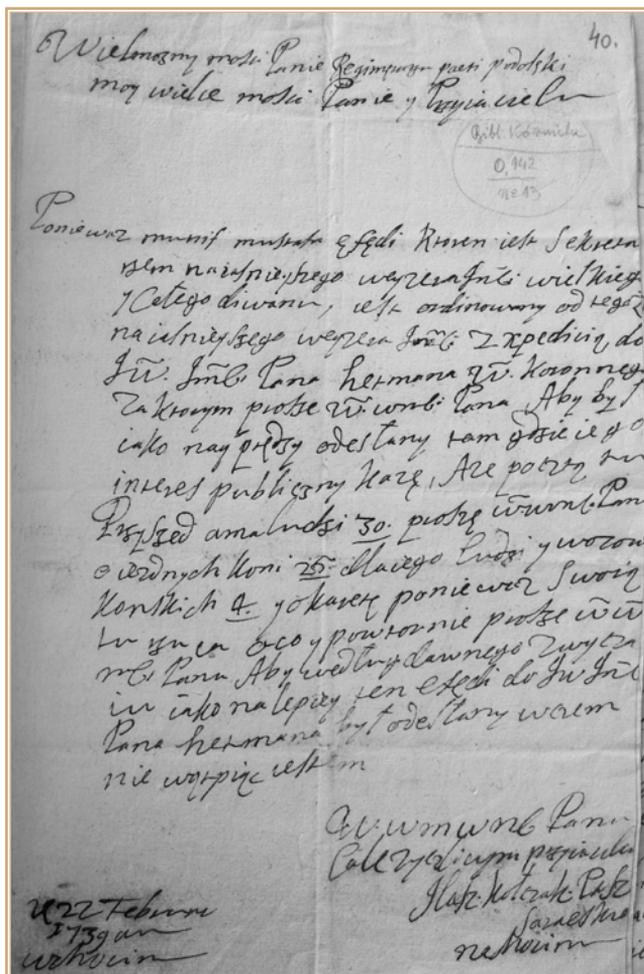
¹¹ О байсах см.: *Kołodziejczyk. D.* Указ. соч. С. 91–95.

нены остальные султанские *бераты*¹² для солдат подразделений *гюнюлли* (тур. *gönüllü*), которых Равич в описи насчитал 300¹³, из которых около 200 находится в делах № 24 и 26. Итак, мы пока ориентировочно знаем содержание 25 из 27 дел. На этой основе мы смогли идентифицировать следующие архивные блоки или их части, хранящиеся сегодня в фонде 26 в АВПРИ, которые не происходят из Хотинского архива и были в него добавлены уже в России:

1. Документы азацкого (азовского) архива 1655–1696 гг. (1065–1107 гг. х.), взятого при штурме крепости русскими войсками в 1696 г., находящиеся в деле № 1.
2. Документы, происходящие из архива Посольского приказа, находящиеся в деле № 11, в том числе письма татарских принцев царю Алексею Михайловичу, султанский паспорт послу Петру Андреевичу Толстому от 1711 г. и пр. (к этой категории можно добавить вышеупомянутые ханские шертные грамоты, сохранившиеся в деле № 6).
3. Документы, находящиеся в делах № 11 и 12, происходящие из архива украинских гетманов, в том числе недатированное письмо Кара Мустафа-паши, тогда еще третьего визиря, гетману Петру Дорошенко, письмо от 1677 г. османского сераскера Шейтан Ибрахим-паши казацкой старшине в Чигирине, уведомляющее об измене Дорошенко, который подчинился Московскому царю, и требовавшее, чтобы казаки подчинились новому османскому ставленнику Юрию Хмельницкому, а также разные письма османских чиновников и крымских ханов и принцев гетману Ивану Самойловичу и Ивану Мазепе.
4. Документы перекопского архива, взятого вместе с крепостью Перекоп (Ор) русскими войсками в мае 1736 г., в том числе письма янычарского аги при султанском престоле к старшему аге янычар в Перекопе, находящиеся в деле № 11.
5. Письма, направленные бывшему губернатору Очакова Яхйя-паше и его подчиненным в период, когда они находились в русском плену

¹² *Берат* — документ, дающий право заниматься какой-либо деятельностью. В данном контексте — султанские грамоты, определяющие денежные пожалования солдатам и офицерам.

¹³ Как выше указано, подробная опись Равича касается содержания только семи из двадцати семи дел согласно современному разделению, но к концу своей описи он упомянул, что в коллекции также сохранено 300 патентов данных гюнюлли, 195 донесений Колчак-паше от разных хотинских обывателей, 334 рапорта от хотинских судей и 1300 других турецких писем.

Письмо от 22 февраля 1739 г., собственноручно написанное Колчак-пашой командующему польскими силами в Подолии. Колчак-паша сообщает о прибытии османского посланника к великому коронному гетману Юзефу Потоцкому (1673–1751) и просит предоставить транспортные средства для посланника и его свиты.

Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Rkps 1874, No. 13, fol. 40r-v

после падения крепости в июле 1737 г. В этих письмах родственники и друзья уверяли адресатов о своей заботе о их здоровье и освобождении. Вероятно, Яхия-паша решил оставить свой «частный» архив или был принужден сделать это, когда уезжал из России, будучи освобожден вследствие Белградского договора; эти письма тоже находятся в деле № 11.

6. В конце концов, в деле № 11 сохранился фирман султана Махмуда I, датированный второй третью месяца сафара 1153 г. х. (8–17 мая 1740 г.) и поручавший присмотр над обменом (тур. *mübadele*) посольств на границе, когда османские послы направлялись в Санкт-Петербург, а русские — в Константинополь с целью взаимной ратифика-

ции Белградского договора¹⁴. Этот документ кажется самым поздним в фонде. Учитывая, что самым ранним является грамота Джанибека Гирея от 1634 г., хронологические рамки описи фонда, указанные как 1654–1737 гг., должны быть исправлены на 1634–1740 гг.

Согласно рукописным описям, доступным в архиве и путеводителе по фондам Архива внешней политики России, изданном в 1988 г. Историко-дипломатическим управлением МИД СССР¹⁵, фонд 26 должен содержать 2560 документов. Представляется, что их там больше, хотя до сих пор точное число документов никто не считал. Когда один из авторов первый раз попал в АВПРИ в 1992 г., каждый из этих документов считался отдельной единицей хранения; учитывая, что в одну неделю было разрешено заказывать не более 5 единиц, на просмотр всего фонда требовалось не менее 10 лет¹⁶. В то время заняться архивом Колчак-паши планировала проф. С.Ф. Орешкова, поэтому казалось, что нет смысла вести долгосрочную архивную разведку в фонде 26 из Варшавы, когда это могло быть легче сделано в Москве. Хотя планы проф. Орешковой пока не принесли результатов в виде публикации, именно в 90-х гг. XX в. в АВПРИ произошли перемены, благодаря которым фонд 26 стал более доступным. Документы были объединены в новые крупные единицы хранения, которых стало 27, и, хотя лимит заказов до 5 единиц в неделю не отменился, стало возможным просмотреть весь архив в несколько месяцев. Кроме того, все документы на польском языке, прежде рассеянные по всему фонду, были соединены в одном деле под № 2.

На решение возвратиться в колчакский архив и снова заняться его содержанием повлиял случай: в апреле 2016 г. польское Министерство культуры и национального наследия получило письмо С.Л. Лаевьского,

¹⁴ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 11. Л. 85–86. Чрезвычайные послы обеих сторон, Мехмед Эмин-паша и Александр Иванович Румянцев, покидали свои столицы в мае 1740 г., но сам обмен на границе произошел только в октябре 1740 г. Уже с декабря 1739 г. в Стамбуле находился Алексей Вешняков, который отправился туда сразу после Нисской конвенции. См.: Мухнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985. С. 39, 47–70.

¹⁵ Путеводитель по фондам Архива внешней политики России. Ч. I. Коллегия иностранных дел (1720–1832). М., 1988.

¹⁶ Эти прежние условия пользования еще упоминаются в книге автора, где подчеркнута ценность архива Колчака для исследования истории османско-польских и османско-русских отношений в XVIII в., при этом делается вывод, что это, скорее, задача для будущих поколений; см.: *Kołodziejczyk D. Zaproszenie do osmanistyki. Typologia i charakterystyka źródeł muzułmańskich sąsiadów dawnej Rzeczypospolitej: Imperium Osmańskiego i Chanatu Krymskiego*. Warszawa, 2013. S. 31–32.

директора Черниговского областного исторического музея им. В.В. Тарновського, с предложением сотрудничать в исследовании и издании коллекции «листів польських панів до хотинького паші», которые были обнаружены в Черниговском музее. Д. Колодзейчику, приглашенному министерством в качестве специалиста по османской истории, сразу стало ясно, что это часть Хотинского архива Колчак-паша. Эта гипотеза была полностью подтверждена в ходе визита в Чернигов в ноябре 2016 г. В сохранившемся в Чернигове томе обнаружено 275 сшитых вместе писем, написанных главным образом на польском языке. Почти все из них были направлены Колчак-паше в 1730–1738 гг. Судя по объему, Черниговская коллекция составляет около 10% сохранившегося в Москве Хотинского архива, а вместе с почти 400 письмами на польском языке, сохранившимися в АВПРИ в деле № 2, число документов на польском языке приближается к 700. С первого взгляда можно подумать, что документы, сохранившиеся в Чернигове, случайно потерялись во время перевозки архива, буквально «упали с воза», поскольку Чернигов находился по дороге из Хотина в Москву. Но это не так: в Черниговской коллекции находятся письма самого важного политического содержания, адресованные самому паше. В АВПРИ же остались прочие письма, среди которых Колчак-паше адресовано только 70, а прочие — его секретарю Петру Павловскому (о котором ниже). Таким образом, можно судить, что выбор был сделан сознательно и письма политического содержания, написанные на более доступном, чем турецкий, польском языке, были задержаны на месте по распоряжению приграничных российских властей, вероятно, генерал-губернатора Киевской губернии. Скорее всего, желали знать, кто из польско-литовских дворян вел переписку с хотинским пашой и какие дела обсуждались, тем более что большинство корреспондентов Колчака составляли члены так называемой Дзиковской конфедерации: сторонники претендента на польскую корону Станислава Лещинского и противники российского вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой¹⁷.

Вместе с Мариушем Качкой, который в апреле 2019 г. защитил в Европейском университете во Флоренции диссертацию (Ph.D.), озаглавленную: «*Pashas and Nobles: Paweł Benoe and Ottoman-Polish Encounters in the Eighteenth Century*», мы решили издать все письма на польском языке, адресованные Колчак-паше, которые первоначально находились в Хо-

¹⁷ О Дзиковской конфедерации см.: *Truchim S.* Konfederacja Dzikowska. Poznań, 1921; *Szklarska E.* Od Dzikowa do Kargowej. Pierwszy okres działalności konfederacji generalnej przy majestacie Leszczyńskiego // *Między barokiem a oświeceniem. Nowe spojrzenie na czasy saskie.* Red. K. Stasiewicz i S. Achremczyk. Olsztyn, 1996. S. 141–148.

тинском архиве. Чтобы это сделать аккуратно, надо было ознакомиться с историей и содержанием всего разделенного между Черниговом и Москвой архива, в котором, очевидно, большинство документов написано на турецко-османском языке. Помимо вышеупомянутых архивных блоков, которые первоначально не принадлежали Хотинскому архиву и только позднее были добавлены к фонду 26, в подлинном архиве Колчак-паши можно найти следующие типы документов:

1. фирманы османских султанов;
2. письма Колчаку, отправленные Мехмедом Эмином — его представителем (*kethüda*) при султанском дворе, Григорием Гикой — господарем Молдавии (1726–1733 и 1735–1739) и Валахии (1733–1735), крымскими ханами и принцами, османскими визирами и другими сановниками и т.д.;
3. документы, касавшиеся снабжения хотинской крепости и управления провинцией;
4. султанские грамоты (бераты), дающие тимары и денежные жалованья солдатам провинциальных отрядов, в том числе служившим в хотинском санджаке литовским татарам (липкам);
5. рапорты шпионов и информаторов Колчака, составлявшие сеть, охватывавшую не только Османскую империю, но и близлежащие страны;
6. прошения и жалобы, направленные в руки хотинского шариатского судьи (тур. *kadı*) и губернатора (*паши*).

Среди этих документов можно найти любопытные иллюстрации повседневной жизни османской пограничной провинции, в том числе информацию, касавшуюся лиц, о которых источники обычно молчат: крестьян и женщин. Например, жена некоего Халиля Чавуша, который служил в хотинском гарнизоне, просила пашу через Мехмеда Эмина принудить мужа прислать ей деньги на проживание и письмо (наверное, с уверением о заботе и любви) или «освободить ее через грамоту на развод» (*harclik ve kagıd göndüre yabud tatlik*)¹⁸. Другая женщина, новообращенная мусульманка Салиха, просила снабжать ее скотиной, что позволит ей прокормить четверых детей¹⁹. Можно предположить, что ее решение принять ислам стало следствием экономической нужды.

Драма шекспировских масштабов произошла в хотинском санджаке в 1730 г. Некий Устян, христианский подданный султана (тур. *zimmi*), вспо-

¹⁸ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 3. Л. 189–190. № 95.

¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 152.

минал в жалобе (тур. *'arzubal*), писанной на турецко-османском языке от его лица, вероятно, местным писарем, что три года назад он взял себе жену, вместе с которой вел до сих пор мирную жизнь (*halime münasib bir 'avret aldım ve eyyami devletinizde üç sene dir 'avret ile geçiniyorum*). Однако теперь появился мужчина с польской стороны, который утверждал, что является ее мужем, и грозил, что возьмет ее назад силой (*şimdi Lehli tarafından bir zimmi keferesi gelüb 'avretime sahib çıkub bu benim 'avretim idi ve malim kuvvetiyle ben bu 'avreti senden alurum deyüb*). Интересно, что Устьян предложил османскому судье спросить женщину, с кем из двоих мужчин она хочет жить (*mercudur ki 'avrete dahi kangımuızı ister deyü su'al olunub*), очевидно, будучи уверен, что она предпочтет его. Хотинский кади Эссеид Абдулазиз, именованный в заглавии письма «мой счастливый и благосклонный к беднякам эфенди» (*devletlü ve fukaralara merhametlü efendim*), к которому была направлена жалоба, решил передать ее Колчак-паше, а тот постановил поступить согласно шариату. К сожалению, мы не знаем, что это значило для Устьяна и его жены²⁰. Как это часто бывает, в судебных источниках содержится богатый материал, касающийся дела, но отсутствует само решение судьи. Для османской власти вышеописанный иск был непростым и неудобным: с одной стороны, нужно было поддержать собственного подданного, но с другой — хотинский паша постоянно получал приказы Порты жить в дружбе и добрососедских отношениях с поляками²¹. Так что возможно, что Устьян и его жена стали жертвами международного мира.

Что касается самого Колчака, почти вся его карьера связана с Хотинем. Он упоминается еще в описи Прутского похода Петра I. Согласно молдавскому летописцу Иону Некулче, Колчак был отурченнным сербом из Боснии, уже тогда имевшим офицерский ранг *bölükbaşı*. Своими успехами в разведке он способствовал османской победе 1711 г.²² Именно после русско-османской войны 1710—1713 гг., около 1714 г., Хотин был выделен из Молдавского государства и превращен в округ (*nahıe*) под прямым османским управлением. Не позже 1727 г. город являлся уже центром *санджака*, администра-

²⁰ Там же. Л. 120. Жалоба не датирована, но в приписке хотинского судьи указана дата с числом месяца реби I 1143 г. х., т.е. 14 сентября — 13 октября 1730 г.

²¹ Напр., см. приказ великого визиря Колчаку, чтобы тот соблюдал традицию хороших отношений с Речью Посполитой (*Lehli cumburinin Hotina hemduşi ve ittisali olmakdan naşi hemcüvarlık merasimine ri'ayet...*). АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 7. № 414.

²² *Neculce I. Letopiseşul Țării Moldovei și O samă de cuvinte*. Ed. I. Iordan. Bucureşti, 1955. P. 283—284. Деятельностью Колчака во время русско-османской войны 1710—1713 гг. занимается Александр Кулинич, аспирант Брянского государственного университета.

тивной единицы высшего уровня²³. Целью создания новой провинции было замещение Каменец-Подольского, утраченного в результате Карловицкого мирного договора 1699 г. В 1672–1699 гг. Каменец являлся центром османской разведки и военного присутствия на севере, делавшим возможным контроль над Молдавией, украинскими казаками, Польшей и даже Крымским ханством. После 1714 г. эти функции принял на себя Хотин, добавив задачу наблюдать за действиями России, постепенно приближавшейся к османским границам²⁴. Польско-османский мирный договор 1714 г. состоял лишь из двух пунктов, где в первом говорилось, что поляки должны соблюдать все, что касалось Польши в русско-османском договоре, заключенном в июне 1713 г. в Адрианополе. В этом же договоре в первом пункте царю было запрещено держать солдат в Речи Посполитой. Очевидно, что российская угроза стала основной заботой Порты, причем Польша уже считалась не субъектом, а, скорее, объектом международной дипломатии²⁵.

В молдавской летописи, посвященной правителям из семьи Гика, упоминается участие Колчака в сражениях и боевых операциях в Трансильвании во время габсбургско-османской войны в 1718 г., хотя там он ошибочно именуется агой левого крыла (*sol kol agasi*²⁶) или даже хотинским беем²⁷. Действительно, в османских документах той эпохи именно с 1718 г. (1130 г. х.) он фигурирует как Колчак Ильяс-ага, *ага гюнюллу* правого крыла (*göniüllüyan-i yemin agası Kolçak İlyas aga*)²⁸. Титул аги правого крыла подтвержден в его письмах польскому гетману и краковскому каштеляну Адаму Миколаю Сенявскому с 1721–1722 гг., которые Колчак собственноручно составлял на польском языке, подписываясь: *Ellasz Kolczak sawkuł na Chociniū*²⁹. Записанное по правилам польского правописания слово *sawkuł* происходит от турецкого *sag kol*, означающего правую

²³ Heywood C., revised by Kołodziejczyk D. Указ. соч. P. 145. В стамбульском архиве сохранился подробный реестр хотинской провинции с 1140 г. х. (1727/28 г.), где она уже названа санджаком. См.: Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Tahrir Defteri No. 899.

²⁴ Kołodziejczyk. D. Ottoman Podillja: The Eyalet of Kam”janec’, 1672–1699 // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. XVI. No. 1/2. P. 87–99.

²⁵ Kołodziejczyk. D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century). An Annotated Edition of ‘Ahdnames and Other Documents. Leiden–Boston–Köln, 2000. P. 160–161, 641–643.

²⁶ В подлинном греческом тексте летописи: *солкол-агаш*.

²⁷ Camariano N., Camariano-Cioran A. (eds.) Указ. соч. P. 220–223.

²⁸ Димитров С. А. Турецкие документы о состоянии хотинской округи (нахие) в первой половине XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С. Тверитиновой. [Т.] II. М., 1969. С. 151–155.

²⁹ Kraków, Biblioteka Książąt Czartoryskich. Rps 5855. № 18874–18875 (письма от 18 августа 1721 г. и 20 октября 1722 г.). Во втором письме вместо *sawkuł* написано *skkuł*.

Современный вид на крепость Хотин. Фото Крystяна Трели (*Krystian Treła*)

сторону, которую османы альтернативно обозначали словом арабского происхождения *yemin*. В эти годы Колчак еще не смог получить ранг командира хотинской крепости, поскольку мы знаем из вышеупомянутых документов и писем, что в 1718 г. в Хотине правил Мирза Мехмед-паша³⁰, а в 1721 г. Абди-паша³¹. Этот пост он получил позже. В его архиве сохранился недатированный документ великого визиря Невшехирли Ибрагим-паши, признающий за Колчаком ранг мирмирана и командование хотинской крепостью и санджаком (*bala 'avatif-i 'aliyye-i şebriyariden rutbe-i refi'e-i mirmirani ve Hotin kal'esi muhafazası şartıyla Hotin sancagı size tevcih ve ihsan olunub*)³². Зная, что Ибрагим-паша был великим визирем с 1718 до 1730 гг., а в 1728–1729 гг. Колчак держал пост бея Призренского санджака (в Косове) под условием дальнейшего исполнения службы в Хотине, можно предположить, что этот документ был издан в начале 1730 г., ибо уже в марте этого года он подписал письмо подольскому воеводе Стефану Гумецкому: *Iliasz Kołczak, pasza i seraskier chocinski*³³.

³⁰ Димитров С. А. Указ. соч. С. 153.

³¹ Biblioteka Książąt Czartoryskich. Rps 5855. № 18874.

³² АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 7. № 414.

³³ О назначении Колчака Призренским санджакбеем в 1140 г.х. (1727/28 г.), см. Râşid Mehmed Efendi, Çelebizâde İsmail Asım Efendi. Târîh-i Râşid ve Zeyli. Ed. A. Özcan, Y. Uğur, B. Çakır, A. Z. İzgöer. Vol. 3: 1134-1141 / 1722-1729. Istanbul, 2013. P. 1590. Действительно, письмо Флоряна Шиллинга Колчаку с 10 августа 1729 г. адресованное do beja preyzrzyńskiego. Чернігівський обласний історичний музей ім. В.В. Тарновського (далее — ЧОІМ). Інв. № Ал-333 (старый № 572). Л. 246. Письмо Кольчака Гумецкому с 21 марта 1730 г., где он уже пишет себя Хотинским пашей, сохранилось в: Kraków, Biblioteka Jagiellońska. Przyb. 84/52, fol. 89r.

Следующее назначение ожидало Колчака шесть лет спустя. В его архиве сохранился фирман султана Махмуда I, датированный второй третью месяца мухаррема 1149 г. х. (22–31 мая 1736 г.) и признающий за Колчаком ранг визиря (*rutbe-i vala-i vezaret*), с которым связано было право на ношение трех бунчуков³⁴. Уже 14 июня 1736 г., в отправленном с Каушан письме на польском языке украинский гетман-беженец Филип Орлик поздравлял Колчака с получением «трёхбунчужной, значит визирской преэминенции»³⁵ (*trzytulnej, a za tym i wezyrskiej preeminencji*)³⁶. Следует предполагать, что либо информация Орлика о назначении паши оказалась преждевременной, либо султанский фирман от 1736 г. является дубликатом ранее изданного и потерянного подлинника. Надо добавить, что через некоторое время, помимо хотинского санджака, Колчак ведал доходами находившегося в Эпире санджака Янины, хотя уже в 1732 г. Мехмед Эмин, его представитель (*kethüda*) при султанском дворе, предупреждал, что тот скоро может быть у него отнят³⁷.

Еще будучи офицером хотинского гарнизона, Колчак посредничал в сношениях между Сенявским и Абди-пашой, устраивая в Хотине аудиенции для слуг польского гетмана³⁸. Тот же Филип Орлик, проезжая инкогнито через Хотин по дороге в Стамбул в 1722 г., при помощи Колчака контактировал с осторожным Абди-пашой³⁹. Зная польский язык и развернув сеть агентов в Речи Посполитой, Колчак успешно выстроил свою позицию посредника. Достигнув ранг хотинского паши он располагал сетью корреспондентов числом почти 100 лиц.

Колчак сам умел писать по-польски, но его переписку в период нахождения в должности паши вел его секретарь Петр Павловский, который отвечал на письма, делал копии этих ответов и вел польскоязычную часть архива⁴⁰. Павловски происходил, очевидно, из польского мелкого

³⁴ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 6. № 357.

³⁵ Эминенция (от лат. «превосходство») — в Западной Европе почетный титул, прежде всего высших духовных лиц.

³⁶ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 206–206 об.

³⁷ Там же. Д. 6. № 359 (письмо от 17 мухаррема 1145 г. х., т.е. 10 июля 1732 г.); письма и документы, касающиеся янинского санджака, находятся тоже в Д. 4.

³⁸ Biblioteka Książąt Czartoryskich. Rps 5855. № 18874.

³⁹ Токаржевский Карашевич Я. (опр.) Діярія гетьмана Пилипа Орлика. Варшава, 1936. С. 83–93.

⁴⁰ Исключением является письмо региментару (т.е. заместителю гетмана) в подольском воеводстве, вероятно Стефану Ело Малиньскому (имя адресата отсутствует), написано Колчаком собственноручно 22 февраля 1739 г., уже после отъезда Павловского с Хотина (см. ниже). См. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Rkps 1874. № 13. S. 40. (см. илл. на с. 117).

дворянства. Он поддерживал интенсивные контакты в Речи Посполитой, прежде всего коммерческого и финансового характера. Благодаря его долгой службе османскому паше он создал собственную сеть агентов, так как польские шляхтичи нуждались в его посредничестве, когда обращались к Колчаку с мелкими делами. Его карьера закончилась внезапно когда в феврале 1738 г. он ушел в Польшу с метою достигнуть Киева. Тогда оказалось, что он уже издавна продавал информации россиянам⁴¹.

Сохраненная корреспонденция показывает, что польские шляхтичи обычно отправляли письма Колчаку-паше и Петру Павловскому в одном конверте, и содержание этих писем похоже. В случаях, когда в конверте отсутствовало отдельное письмо Павловскому, отправитель обычно добавлял привет секретарю в постскриптуме. Письма Колчаку обыкновенно написаны официальным языком и великолепным почерком, а Павловскому — проще, содержат разговорные выражения дружбы. Польские шляхтичи посылали Павловскому целые списки покупок и просили посредничества в случаях конфликтов с османскими торговцами. Например, Ян Свирски, приграничный судья, просил Павловского купить ему зеленый кофе в зернах, мыло, чубуки и табак⁴². Иногда эти письма выдержаны в весьма эмоциональном тоне, как в случае письма Михала Потоцкого. Последний, будучи расстроен поведением турецкого торговца, который постоянно изменял цены, писал Павловскому: «Не хочу уже этой лошади, даже если он мне ее даст за самые маленькие деньги, и я уже у него никогда ничего купить не буду»⁴³.

Говоря хорошо по-польски, Колчак не зависел от переводчиков и посредников. Зная об этом, польские дворяне часто посещали его крепость. Например, в 1734 г. Михал Потоцкий, волынский воевода, переслал Колчаку письма своего брата Йозефа Потоцкого, киевского воеводы, добавляя в письме, что брат ссылался на личные разговоры с пашой в Хотине⁴⁴. Карл фон Лезекен (Carl von Löseken), немецкий офицер на службе Речи

⁴¹ Ciesielski T. Rzeczpospolita wobec wojny wschodniej 1736-1739 // Polska wobec wielkich konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV-XVIII wieku. Red. R. Skowron, Kraków, 2009. S. 117.

⁴² АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 305 об.–306 (письмо из Каменца от 14 июня 1729 г.).

⁴³ *Nie chcę tedy i konia, choćby mi go już dawał i za najmniejsze pieniądze i nigdy u niego nic nie kupię.* АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 310 об. (письмо от 2 июля 1734 г.).

⁴⁴ *Że zaś więcej się referuje JM Pan wojewoda, brat mój na ustną konferencyję z Waszą Paszyńską Mością.* ЧОИМ. Инв. № Ал-333 (старый № 572). Л. 336–336 об. (письмо из Сатанова от 16 марта 1734 г.).

Посполитой, сообщал паше, что его друг собирался посетить его в прикордонной Крепости Святой Троицы и попутно познакомиться с пашой. По этому случаю жена Лезекена тоже решила вместе с другими дамами посетить Хотин и нанести визит Колчаку, о чем Лезекен его письменно предупредил⁴⁵. Как можно догадаться, дамы планировали по случаю посетить хотинские торговые лавки. Некоторые поляки, например Войцех Поплавски, жили в поместьях Колчака так долго, как того хотели, и часто имели возможность встречать его лично⁴⁶. Польские шляхтичи регулярно переходили границу и посещали Хотин, гуляли по улицам города-крепости и делали покупки. Личные контакты и взаимное доверие были облегчены тем, что Колчак-паша был сведущ в польском языке и знаком с польской культурой.

Конечно, большая часть переписки Колчака была связана с его должностью и служила для разрешения конфликтов. Среди его корреспондентов главную роль играли приграничные судьи и военнослужащие. Так, например, в 1737 г. Флорян Шиллинг (Szylling), комендант Каменец-Подольского, уведомил пашу, что османский подданный Мустафа, прибыв в этот город продавать апельсины и лимоны, не повел себя должным образом, как можно было бы ожидать от мусульманского купца, но вместо этого поступил «против скромности, обычаев и его веры», напившись в местной таверне. Будто этого было мало, в полночь он вломился в дом молодой польской дворянки и неприлично беспокоил ее. В конце концов он был взят под стражу, но Шиллинг освободил его ради «сохранения добрососедской дружбы»⁴⁷.

Удивительной является частота переписки Колчака. Его архив демонстрирует, что самые важные лица среди польско-литовских военных посылали ему письма еженедельно, а если не могли своевременно

⁴⁵ *Donoszę, że pewny mój przyjaciel w poniedziałek rano mnie w Okopach chce nawiedzić, który mieć pragnie honor widzenia Waszą Paszyńską Mość, więc jeżeli za źle mieć nie będzie, to tegoż dnia żonę moją i z damami drugimi kłaniać będzie w Chocimiu.* ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 208 об. (письмо из Крепости Святой Троицы от 3 сентября 1733 г.).

⁴⁶ ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 300 об.—301 (письмо от 9 июня 1735 г., в котором Поплавски выражает сожаление, что из-за своей болезни он уже несколько недель не видел Колчака; в том же письме он сообщает о трагической смерти своего сына).

⁴⁷ *Pomieniony Musztafa przyjechałszy tu z cytrynami i pomarańczami, przeciwko wszelkiej modestyji, zwyczajowi i wiary jego najsamprzód dużo się upił, a po tym o północy naszedłszy stancję Jej Mości Pani Porucznikowej Karwowskiej [...] pomienioną młodą damę [...] nieprzystojnie infestował [...] Dla konserwacji dalszej [...] sąsiedzkiej przyjaźni uwolniam tego Musztafę upraszając uniżenie, aby za jego popełnione wyżej wyrażone ekscesa zasłużoną otrzymał karę.* ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 194 об.—195 об. (письмо из Каменец-Подольского от 24 апреля 1737 г.).

отправить письмо, чувствовали, что надо извиниться. Колчак также поддерживал повседневные контакты с польскими солдатами, размещенными на границе, например, разрешая им собирать дрова в его лесах для постройки и отопления домов⁴⁸. Военнослужащие платили в ответ информацией: почти все письма Колчаку содержали сведения о российских войсках — их размещении, действиях и планах. Многие из этих писем были сразу переведены на турецкий, и эти переводы также ныне хранятся в архиве Колчака⁴⁹.

Сеть Колчака включала многих польско-литовских дворян. Одним из примеров является Йозеф Сципио (Józef Scipio del Campo), дворянин итальянского происхождения и будущий маршалок надворный литовский⁵⁰. Он регулярно передавал информацию о политико-военной ситуации в Речи Посполитой и России, взамен получая от Колчака сведения о ситуации в Османской империи и ходе войны с Ираном. Сципио даже — благодаря поддержке Колчака — использовал османскую почтовую службу, отправляя и получая письма через османских курьеров (*ulak*) в переписке с французским послом в Константинополе маркизом де Вильнев (Villeneuve)⁵¹. Хотин являлся крупнейшим узлом системы османских имперских дорог, правая ветвь (*sag kol*) которой вела от Константинополя в Очаков и Крым. Согласно данным, обнаруженным К. Гейлудом, османскому курьеру нужно было 208 часов, чтобы проехать примерно 1 тыс. 200 км от Хотина до Константинополя⁵², и, судя по сохранившимся османским документам, где указаны дни отправления и получения, эту дорогу, действительно, можно было проехать менее чем за 12 дней⁵³.

⁴⁸ ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 6–6 об. (письмо Фабяна Гедимины из Чернокозинцив от 1 мая 1736 г.).

⁴⁹ См., напр.: АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 9. Л. 93–94, 101–102.

⁵⁰ *Palkij H. Scipio (Scipio del Campo, Scypion) Józef // Polski Słownik Biograficzny. T. XXXVI. Warszawa-Kraków, 1995–1996. S. 81–83.*

⁵¹ ЦДАУК. Ф. 254 (Тарло). Оп. 1. Спр. 597. Л. 19–19 об. (письмо Сципио маркизу де Вильнев из Каменца от 13 марта 1734 г., вероятно, собственноручная копия, сделанная Сципио и переданная Яну Тарле).

⁵² *Heywood C. Some Turkish archival sources for the history of the menzilhane network in Rumeli during the eighteenth century (notes and documents on the Ottoman ulak, I) // Boğaziçi Üniversitesi Dergisi. Beşeri Bilimler — Humanities/ 1976–1977. Vols. 4–5. P. 39–55 (см.: сноска 22 на стр. 51).*

⁵³ *Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet kamieniecki 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 129.* Цитируемый документ был отправлен из Каменца, расположенного даже дальше на север, чем Хотин, 26 июня 1699 г., а примечание о получении в канцелярии великого визиря датировано 8 июля.

Роль Колчак-паши как патрона польских дворян, дворянок и даже духовных лиц особенно видна, когда российская армия вторглась в 1733 г. в Речь Посполитую с целью восстановить на троне избранного меньшинством шляхты Августа III⁵⁴. Боясь репрессий и конфискации, многие сторонники Станислава Лещинского нашли тогда убежище в османских землях. Один из них, Станислав Яблоновски, намеривался убежать в Хотин с женой и свитой и просил Колчака предоставить ему любую усадьбу вместе с деревней, которую он хотел взять в аренду⁵⁵. Целые дворянские семьи пересекли границу и временно жили в Хотине в ожидании улучшения ситуации. Лидер антироссийской оппозиции Михал Потоцкий отправил свою жену, серебро и драгоценности в Хотин на хранение⁵⁶. Равно и 470 волов и 20 кобыл его брата Йозефа были переправлены через Днестр на турецкую сторону «из страха перед московскими неверными» (*Moskov keferesi korkusundan bu tarafa geçirmekle*), как можем прочесть в переведенном на турецкий письме управляющего подольскими поместьями Потоцкого⁵⁷. Скот и лошади переправляли на турецкую сторону также Фабян Гедимин, Базыли Загвойски и другие⁵⁸. Интересно, что даже римско-католические священники искали и находили защиту в османских землях, очевидно, признавая османский *дар аль-ислам*⁵⁹ подходящим убежищем⁶⁰.

Сеть контактов Колчака выходила за рамки польско-османского приграничья и включала дипломатов. Одним из числа его пишущих по-поль-

⁵⁴ Об этих действиях см.: *Ciesielski T. Agresja rosyjska na Polskę 1733–1735. Walki na Ukrainie, Podolu i Wołyniu // Trudne sąsiedztwo. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjsko-ukraińskich w XVI–XX wieku.* Red. A. Szczepaniak. Toruń, 2007. S. 100–130.

⁵⁵ ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 262–262 об. (письмо С. Яблоновского Колчаку из Довжока (Длужка) от 6 июля 1735 г.).

⁵⁶ ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 133 (письмо М. Потоцкого Колчаку из Варшавы от 2 декабря 1735 г.).

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 6. Л. 142 (письмо недатированное, но содержит приписку хотинского судьи от 4 мухаррема 1147 г. х., т.е. 6 июня 1734 г.).

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 189–189 об. (письмо Ф. Гедимины Колчаку из Каменца от 19 апреля 1734 г.); Л. 276–276 об. (письмо Ф. Гедимины П. Павловскому от той же даты); ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 270–270 об. (письмо Б. Загвойского Колчаку из Мельца от 31 января 1734 г.); АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 283–283 об. (письмо В. Роговского П. Павловскому из Клишковцив от 21 мая 1734 г.).

⁵⁹ Дар аль-ислам (араб. «территория ислама») — шариатский термин, обозначавший земли, находившиеся под властью мусульман. Противопоставлялся *дар аль-харб* (араб. «территории войны»).

⁶⁰ ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 165 (письмо ксендза Станиковского Колчаку из Мельницы от 21 апреля 1734 г.).

ски корреспондентов был маркиз де Монти, французский чрезвычайный посол при польско-саксонском дворе. Монти, вероятно, знал, что секретари Колчака могли читать и писать на османско-турецком, польском языках и даже на латыни, но не на французском⁶¹. Так же как вышеупомянутый Йозеф Сципио, благодаря Колчаку Монти использовал систему османской почты, чтобы посылать новости и письма из Польши французскому послу в Константинополе маркизу де Вильнев. Эти письма сегодня сохранены в Национальной библиотеке Франции в Париже⁶². Судя по сборнику писем де Вильнева, он использовал много способов, чтобы писать обратно в Варшаву, но большинство его посланий маркизу де Монти тоже проходило через руки Колчака⁶³. Переписка между Вильневым и Монти сопровождалась мелкими подарками для паши. Так, например, в декабре 1733 г. Монти снабдил Колчака последними новостями из Польши в письме, к которому добавил золотую табакерку⁶⁴. Косвенно он ему обещал и благоволение своего правителя, намекая, что уведомил французского короля «о дружбе, которую ваше благородие оказывает всей французской нации, и об уважении, которое вы выражаете к императору [т.е. Людовику XV], так мудро [...] управляющему этой нацией»⁶⁵.

Сеть Колчака включала и дипломатов Речи Посполитой, которые путешествовали в Стамбул и обратно. Кажется очевидным, что польские дипломаты, которых дорога вела через Хотин, переписывались с местным пашой. Но частота и хронология этой переписки показывают, что

⁶¹ В одном из писем, хранящихся в Москве, маркиз де Вильнев просил Петра Павловского, секретаря Колчак-паши, писать ему в Константинополь на турецком, латыни или итальянском, но не на польском, так как ему трудно будет найти переводчика с этого языка. См.: АВПРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 386 (письмо из Константинополя от 23 сентября 1735 г.).

⁶² Paris, Bibliothèque Nationale de France. Département des Manuscrits. Français 7196 «Lettres reçues de M. de Monty, ambassadeur en Pologne (1731–1733)».

⁶³ См. примечание относительно одного из писем: *Parti le 28 novembre 1733 par de courier tartare [...] au Pacha de Choczin*. Bibliothèque Nationale de France. Département des Manuscrits. Français 7177 «Lettres au Roi, au cardinal de Fleury et à M. de Monty, ambassadeur en Pologne (1728–1737)». Fol. 337r.

⁶⁴ ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 318–318 об. (письмо Монти Колчаку из Гданьска от 10 декабря 1733 г.). Сохранилось также письмо Монти маркизу де Вильнев от той же даты, которое было послано вместе с письмом Колчаку. См.: Bibliothèque Nationale de France. Département des Manuscrits. Français 7196. Fol. 297–299.

⁶⁵ *Informuję o tym wszystkim Króla Jego Miłości Pana Mego Miłościwego, oznajmując oraz Jego Królewskiej Miłości o przyjaźni, którą Wasza Miłość Miłościwy Pan całej nacyji francuskiej sprzyjasz i o respekcie, który masz ku imperatorowi nad tymże narodem tak mądrze i z taką ku wszystkim rzetelnością panującemu*. ЧОИМ. Инв. № Ал-333. Л. 309–310 (письмо Монти Колчаку из Варшавы от июня 1733 г.).

дипломаты поддерживали контакты с Колчаком еще долгое время после возвращения, посылая ему новости в виде как печатных, так и рукописных бюллетеней. Взамен Колчак снабжал их паспортами, пересылал их письма в Стамбул или в Польшу, действуя как канал связи между Варшавой и Константинополем. Обмен состоял не только из новостей, но тоже из товаров. В ноябре 1734 г. польский резидент в Стамбуле Ян Стадницки отправил в Польшу 5 турецких лошадей и просил Колчака предоставить паспорта людям, которые их везли⁶⁶. Подобным образом отец Яна, Йозеф Стадницки, посылая сыну в османскую столицу дополнительных слуг, обращался к Колчаку с просьбой предоставить им паспорта⁶⁷. Отправленные письма сопровождались небольшими подарками, прежде всего золотыми и серебряными изделиями и другими предметами роскоши. Некоторые из этих писем показывают поразительное знакомство отправителей с семьей хотинского паши. Например, Йозеф Сераковски, посол Речи Посполитой в Стамбуле в 1732–1733 гг., добавлял в постскриптуме почти каждого письма приветы двум сыновьям Колчака⁶⁸.

В этой короткой статье мы хотели показать огромный потенциал, скрытый в так называемом «архиве Колчак-паши». На основе хранящихся там документов можно исследовать разноплановые сюжеты — от международной политики до трансграничных связей и повседневной жизни в пограничной османской провинции. Конечно, чтобы лучше познакомиться с этим архивом, требуется больше времени и больше научных работников, готовых исследовать его богатство.

⁶⁶ ЧОІМ. Інв. № Ал-333. Л. 58 (письмо Яна Стадницкого Колчаку из Перы от 19 ноября 1734 г.).

⁶⁷ АВГРИ. Ф. 26 (Архив Колчак-паши). Д. 2. Л. 143–144 (письмо Йозефа Стадницкого Колчаку из Немирова от 9 августа 1733 г.).

⁶⁸ ЧОІМ. Інв. № Ал-333. Л. 10–10 об. (письмо Й. Сераковского Колчаку из Жабча от 18 июля 1733 г.).

REFERENCES

1. *Camariano N., Camariano-Cioran A. (eds.) Cronica Ghiculeștilor: Istoria Moldovei între anii 1695–1754.* Bucharest, 1965.
2. *Ciesielski T. Agresja rosyjska na Polskę 1733–1735. Walki na Ukrainie, Podolu i Wołyniu // Trudne sąsiedztwo. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjsko-ukraińskich w XVI–XX wieku.* Red. A. Szczepaniak. Toruń, 2007. P. 100–130.
3. *Ciesielski T. Rzeczpospolita wobec wojny wschodniej 1736–1739 // Polska wobec wielkich konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku.* Red. R. Skowron, Kraków, 2009. P. 109–124.
4. *Dimitrov S.A. Turetskie dokumenty o sostoianii khotinskoj okrugi (nakhie) v pervoi polovine XVIII v. // Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentralnoi Evropy.* A. Tveritinova (ed.). Vol. II. Moscow, 1969. P. 140–160.
5. *Faiz [Faizov] S. Tugra i vseleennaia. Mokhabbat-name i shert-name krymskikh khanov i printsev v ornamental'nom, sakral'nom i diplomaticheskome kontekstakh.* Moscow — Bakhchisarai, 2002.
6. *Faizov S.F. Pis'ma khanov Islam-Gireia III i Mukhammed-Gireia IV k tsariu Alekseiu Mikhailovichu i koroliu Ianu Kazimiru 1654–1658. Krymskotatarskaia diplomatika v politicheskom kontekste postpereiaslavskogo vremeni.* Moscow, 2003.
7. *Heywood C. Some Turkish archival sources for the history of the menzilhane network in Rumeli during the eighteenth century (notes and documents on the Ottoman ulak, I) // Boğaziçi Üniversitesi Dergisi. Beşeri Bilimler — Humanities/ 1976–1977. Vols. 4–5. P. 39–55.*
8. *Heywood C., revised by Kołodziejczyk D. Hotin // The Encyclopaedia of Islam — Three, pt. 2012–1.* Leiden–Boston, 2012. P. 144–146.
9. *Kołodziejczyk D. Ottoman Podillja: The Eyalet of Kam"janec', 1672–1699 // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. XVI. No. 1/2. P. 87–99.*
10. *Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents.* Leiden–Boston–Köln, 2000.

11. *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet kamieniecki 1672–1699. Warsaw, 1994.
12. *Kołodziejczyk D.* Popytki vosstanovleniia mongol'skoi traditsii v Krymskom khanstve nachala XVII veka: *baisa, Tat ve Tavgach* // *Zolotoordynskoe obozrenie*. Golden Horde Reviw. 2015. No. 3. P. 91–101.
13. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden–Boston, 2011.
14. *Kołodziejczyk D.* Zaproszenie do osmanistyki. Typologia i charakterystyka źródeł muzułmańskich sąsiadów dawnej Rzeczypospolitej: Imperium Osmańskiego i Chanatu Krymskiego. Warszawa, 2013.
15. *Materialy dlia istorii Krymskago khanstva*. V.V. Vel'iaminov-Zernov [and Kh. Feiz'khanov] (eds.). St. Petersburg, 1864.
16. *Mikhneva R.* Rossiia i Osmanskaia imperiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh v seredine XVIII veka (1739–1756). Moscow, 1985.
17. *Neculce I.* Letopisețul Țării Moldovei și O samă de cuvinte. I. Iordan (ed.). Bucharest, 1955.
18. *Palkij H.* Scipio (Scipio del Campo, Scypion) Józef // *Polski Słownik Biograficzny*. T. XXXVI. Warsaw–Cracow, 1995–1996. P. 81–83.
19. *Putevoditel' po fondam Arkhiva vneshnei politiki Rossii*. Pt. 1. Kollegiia inostrannykh del (1720–1832). Moscow, 1988.
20. *Râșid Mehmed Efendi, Çelebizâde İsmail Asım Efendi.* Târîh-i Râșid ve Zeyli. Ed. A. Özcan, Y. Uğur, B. Çakır, A. Z. İzgöer. Vol. 3: 1134–1141 / 1722–1729. Istanbul, 2013.
21. *Szklarska E.* Od Dzikowa do Kargowej. Pierwszy okres działalności konfederacji generalnej przy majestacie Leszczyńskiego // *Między barokiem a oświeceniem. Nowe spojrzenie na czasy saskie*. K. Stasiewicz and S. Achremczyk (eds.). Olsztyn, 1996. P. 141–148.
22. *Tokarzewski Karaszewicz J.* (ed.). *Diiarii het'mana Pylypa Orlyka*. Warsaw, 1936.
23. *Truchim S.* Konfederacja Dzikowska. Poznań, 1921.

Ключевые слова:

Хотин, Колчак-паша, османско-польские отношения, российско-османские отношения, османские архивы, сеть контактов (networking)

Dariusz Kołodziejczyk, Mariusz Kaczka

THE HOTIN ARCHIVE OF KOLCHAK PASHA: ITS HISTORY, CONTENTS, EXAMPLES OF USE

In August 1739, Hotin was captured by Russian troops during the war fought by the Ottoman Empire simultaneously against Russia and Austria. The fortress' commander, Ilyas Kolchak Pasha, a Muslim convert from Bosnia, was imprisoned in St. Petersburg while the entire provincial archive was transported to Russia. Today it is held in Moscow and contains almost three thousand documents in Ottoman-Turkish and in Polish, while its small section has also been discovered in Chernihiv. Since the eighteenth century, many other Ottoman documents have been incorporated into the so-called Kolchak Pasha archive in Moscow, including documents from Azov and Perekop, from the archives of Ukrainian Cossack hetmans, and even from the archive of Russian tsars, including two original oath-letters (şartnames) sent by the Crimean khans in 1634 and 1646. Needless to say, most of the documents origin from Hotin, from the time when the post of its governor was occupied by Kolchak Pasha. The present article traces the history of this collection, its composition, and offers some glimpses into everyday life of the sancak of Hotin in the 1730s. Its final part is devoted to the Polish language section of the archive and to the network of Kolchak's correspondents in Poland-Lithuania, mostly consisting of opponents to August III, brought to the Polish throne in 1733 with the armed support of Russia. Apart from mutually providing information, both sides exchanged gifts and small favors, while Polish nobles sent their wives to go shopping in Ottoman Hotin, thus rendering the border between «Christianity» and «Islam» much more transparent than it has often been assumed.

Key words: Hotin, Kolchak Pasha, Ottoman-Polish relations, Ottoman-Russian relations, Ottoman archives, networking.

Dariusz Kołodziejczyk — Ph.D., professor at the University of Warsaw (Institute of History) and at the Institute of History at the Polish Academy of Sciences, president of CIEPO (Comité International des Études Pré-ottomanes et Ottomanes).

Mariusz Kaczka — Ph.D., research fellow at the Max Planck Institute for European Legal History.

 Дариуш Колодзейчик

Ph.D., профессор Исторического института Варшавского университета и Института истории Польской академии наук, президент СІЕРО (Comité International des Études Pré-Ottomanes et Ottomanes)

 Мариуш Качка

Ph.D., научный сотрудник Института Европейской юридической истории им. Макса Планка.

DOI: 10.35549/HR.2020.57.22.005

И.В. Зайцев

ОСМАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ-ТЮРКЮ XVIII в. ОБ ОЗЮ (ОЧАКОВЕ) И АЗАКЕ (АЗОВЕ)

Русско-османские военные столкновения в XVIII–XIX вв. не могли не отразиться в устном народном творчестве двух народов. По подсчетам исследователей, о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. нам известно не менее 44 русских песенных текстов, о Крымской войне 1853–1856 гг. — 25, о войне 1877–1878 гг. сложено не менее 30¹.

Столь же обширен и корпус турецких песен². Например, очень ярко и по-своему турецкий народ откликнулся на военные события в Крыму в середине XIX в. Среди этих откликов были, прежде всего, поэтико-героические поэмы-дестаны: «Дестан-и Сивастопол» Гюльзари, «Кырым Дестани» Безми и др. Трабзонский купец Ахмед Рыза, который оказался в Крыму во время войны, написал поэтическое произведение «Манзуме-и Сивастопол», рассказывающее об осаде города. Взятию Севастополя было посвящено и несколько османских тарихов-хронограмм. Помимо

¹ См. некоторые из них: Былины. Исторические песни. Баллады. М.: Эксмо, 2008.

² См. указатель изданий в обзорной статье: *Duman Halûk Harun, Güreşir Salih Koralp. Yeni Türk Edebiyatı'nın Kaynakları: Savaş ve Edebiyat (1828–1911) // Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol.4/1. Winter 2009.*

таких авторских откликов, война вызвала к жизни и немало безымянных произведений, сложенных безвестными участниками сражений³.

Народная османская литература, вызванная к жизни Русско-турецкими войнами XVIII в., также хорошо известна. Песни о военных действиях под Азовом и Очаковом, равно как и целая серия подобных «песен о городах» (Адакале, Багдаде, Варне, Плевне и пр.), довольно давно привлекли внимание турецких ученых-фольклористов. В 1987 г. Хамди Хасан опубликовал в Анкаре тексты этих песен по рукописям Восточного института и Исторического архива Боснии и Герцеговины в Сараеве, а в 2012 г. Фикри Сойсал перепечатал их без изменений в Диярбакыре⁴. Однако у нас эти образцы турецкого народного творчества, насколько мне известно, не изучались и не переводились.

Мы публикуем в этой статье две песни (одну в новой редакции), которые посвящены военным действиям у Азака (русского Азова) и Озю (русского Очакова) во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Точно датировать фольклор сложно, однако время создания сборников, в которых эти песни сохранились, а также упоминания отдельных обстоятельств и имен указывают именно на эту эпоху. Однако это не означает, что основа этих песен не могла сложиться и несколько ранее — еще в XVII в., а потом и в Петровскую эпоху, когда Азов был ареной противостояния двух держав.

Обе песни принадлежат жанру *тюркю*. Этот вид народной поэзии считается очень древним⁵. Как правило, это восьми- или одиннадцатисложная песня с трехстрочной или четырехстрочной строфой с припевом⁶.

Тюркю об Азове впервые было опубликовано в 1987 г. Хамди Хасаном в Анкаре по рукописи Исторического архива Боснии и Герцеговины в Сараеве. Вот ее текст.

Özi gibi kale yokdur
 İçinde tımarlı çoktur

³ Зайцев И.В. Турецкая народная песня об осаде Севастополя 1854–55 гг. и ее русский перевод (1912 г.) // Альминские чтения: место Крымской (Восточной) войны в европейских военных конфликтах XIX в. Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. Симферополь–Бахчисарай, 2014. С.33–36.

⁴ Hamdi Hasan. Saray-Bosna Kütüphanelerindeki Türkçe Yazmalarda Türküler. Ankara, 1987. С.133–135; Soysal Fikri. Tarihi Olaylar Işığında Rumeli Olay Türküleri. Diyarbakir, 2012. С. 21–22, 53–54.

⁵ История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2 / Под ред. Э. Ихсаноглу. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 23.

⁶ Боролина И.В., Оганова Е.А. Турецкая ашыкская поэзия. Учебное пособие. М.: Гуманитарий, 2010. С. 7.

Kör vezirden imdad yokdur
 Biz esiriz biz esiriz
 A kardaşlar ferman kulıyuz

Özi'nin kevresi dağlar
 Otu biter suyu çağlar
 Bütün Osmanlı durmuş ağlar
 Biz esiriz biz esiriz
 A kardaşlar ferman kulıyuz

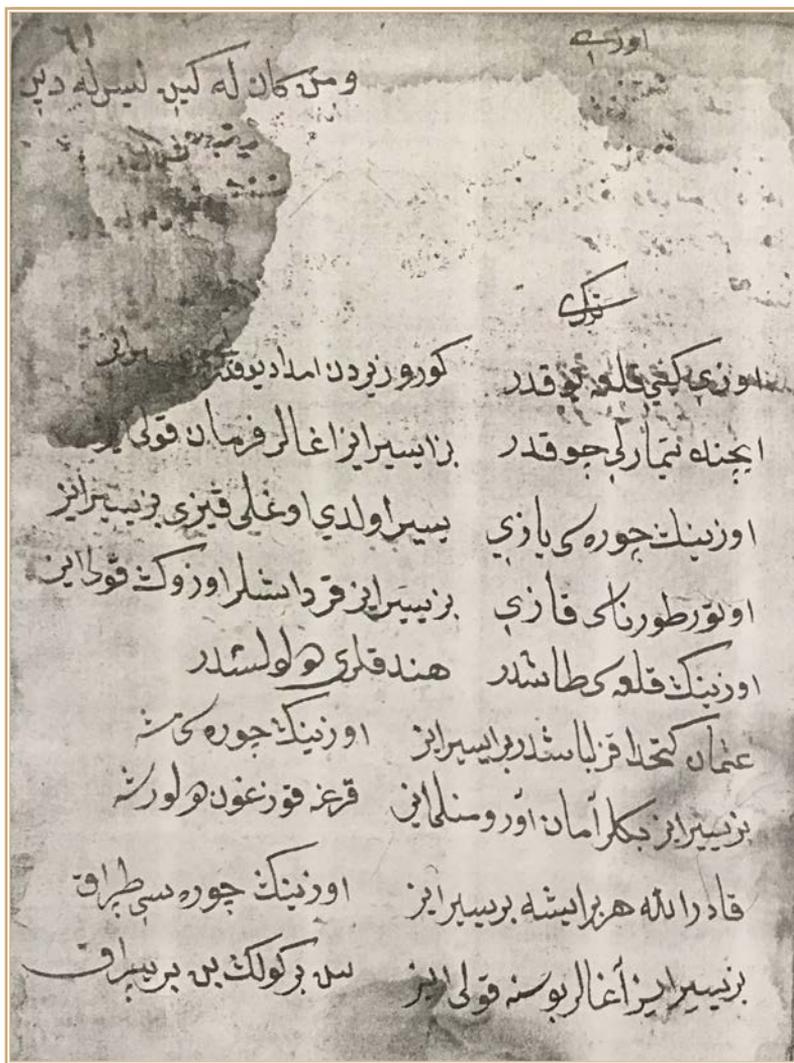
Özi'nin kevresi yalı
 Otüşür turnası kazı
 Esir oldu oğlı kızı
 Biz esiriz biz esiriz
 A kardaşlar ferman kulıyuz

Kır-atum meydanda söndi
 Elümden paloşum düşdi
 Başumuza Moskov üşdi
 Biz esiriz biz esiriz
 A yoldaşlar ferman kulıyuz

Özi'nin kevresi otdır
 İçinde dolı mertdir
 Bekir Paşa baş mertdir
 Biz esiriz biz esiriz
 A yoldaşlar Bosna kulıyuz

В 2007 г. во время работы в Библиотеке Гази Хусрев-бега в Сараеве (Босния и Герцеговина) мне удалось найти иную, более просторную версию этой песни⁷. В этом собрании под шифром 6861 хранится османский сборник стихотворений типа *джонка*, в состав которого входят *тюркю*, *рубайи*, *илахи* и другие жанры османской народной и книжной поэзии. Рукопись содержит ныне 27 листов разноцветной бумаги (12x14 см), по-

⁷ Не могу не выразить благодарность доктору Мустафе Ягичу (Mustafa Jahić) — бывшему директору Библиотеки Гази Хусрев-бега в Сараеве (Gazi Husrev-begova biblioteka u Sarajevu) за внимательное отношение и возможность ознакомиться с рукописями собрания в 2007 г. во время работы 29-й ежегодной сессии MELCOM International.

Османское стихотворение-тюркю о крепости Очаков (Библиотека Гази Хусрев-бега в Сараеве, Босния и Герцеговина. *Рукопись № 6861, л.61*)

черк разный: *наسخ*, *талих*, отдельные надписи в стиле *дивани*. Пометка владельца на одном из листов содержит дату — 1121/1709 г., которая, возможно, близка к дате составления сборника⁸. Объем манускрипта был некогда больше (многие листы утеряны), поэтому оригинальная пагинация не отвечает действительной. На л. 61 и 61 об. сборника имеется стихотворение-*тюркю* о крепости Очаков. Приведем его текст в упрощен-

⁸ Есть и более поздние записи: на л. 63 пометка некоего Мухаммеда б. Хусейна ал-Муглави (из турецкой Муглы) с датой 1163 г.х. (1750 г.). Описание рукописи и ее содержания см.: Gazi Husrev-begova biblioteka u Sarajevu. Katalog arapskih, turskih, perzijskih i bosanskih rukopisa. Svezak četvrti. Obradio F.Nametak. L.— Sarajevo, 1998. С. 302. № 3020.

ной турецкой транскрипции (он написан арабской графикой крупным разборчивым почерком *насх*)⁹.

Özi gibi kale yokdur
 İçinde tımarlı çoktur
 Kör vezirden imdad yokdur
 Biz esiraiz biz esiraiz
 Ağalar ferman kulıayız

Özi'nin çevresi yazı
 Otur turnası kazı
 Esir oldu oğlı kızı
 Biz esiraiz biz esiraiz
 Kardeşlar Özü'nin kulıayız

Özi'nin kalası taşdır
 Hendekleri dolu leşdir
 Osman kethuda kızılbaşdır
 Biz esiraiz biz esiraiz
 Beyler aman urumanlıayız

Özi'nin çevresi mişe (?)
 Karga kuzgun dolarşe (?)
 Kadir Allah her bir işe
 Biz esiraiz biz esiraiz
 Ağalar Bosna kulıayız

Özi'nin çevresi toprak
 Sen bir kulluk, ben bir yaprak
 Ne müşkildir esir olmak
 Biz esiraiz biz esiraiz
 A kardeşlar Özi'nı kulıayız

Özi'nin çevresi otlar
 Bedenlerden çatlar toplar
 Dört yanından orur kurtlar

⁹ *Hasan Hamdi*. Saray-Bosna Kütüphanelerindeki Türkçe Yazmalarda Türküler. Ankara, 1987. C.134; *Soysal Fikri*. Tarihi Olaylar Işığında Rumeli Olay Türküleri. Diyarbakir, 2012. C. 53–54.

Biz esiraiz biz esiraiz
Abağlar aman tuzla (?) kulayız

Kır atım ayağı soruçdü
Palyoşum (?) elimden düşdü
Kazaklar başıma üşdü
Biz esiraiz biz esir (sic!)
A kardaşlar ferman kulayız

Нетрудно заметить, что вариант из сборника Библиотеки Гази Хусрев-бега дает в ряде случаев более внятные рифмы и вообще больше смысла.

Перевод:

Нет крепости, подобной Озю.
В ней много тимариотов¹⁰.
[Но], от слепого везира нет помощи.
Мы пленники, мы пленники.
Мы рабы фермана аз.

Вокруг крепости Озю — степь.
Живут [там] журавли да гуси.
Стали пленниками сын да дочь.
Мы пленники, мы пленники.
Мы, ребята, рабы Озю¹¹.

Крепость Озю — это камень.
В его рвах лежат трупы.
А кетхуда Осман — кызылбаш.
Мы пленники, мы пленники.
Пощадите, беи, нас румелийцев.

Вокруг крепости Озю...¹²
Полно воронья¹³.

¹⁰ Тимариот (тимарлы) — держатель военного лена, т.е. условного земельного надела годовым доходом менее 20 тысяч акче. Тимариоты составляли в османской армии нерегулярное кавалерийское ополчение.

¹¹ В этом случае, если наше чтение верно, переписчик передал имя крепости в несколько ином написании, нежели везде в песне.

¹² Концовка строфы мне не понятна.

¹³ Дословно: «вороны и вороны».

На все — Величие Аллаха.
Мы пленники, мы пленники.
Мы рабы боснийских *аз*.

Вокруг крепости Озю — земля.
Ты буря, а я листок.
Как тяжело стать пленником!
Мы пленники, мы пленники.
Мы, ребята, рабы Озю.

Вокруг крепости Озю — трава.
Пушки треснули от тел (?).
С четырех сторон рыщут волки!
Мы пленники, мы пленники.

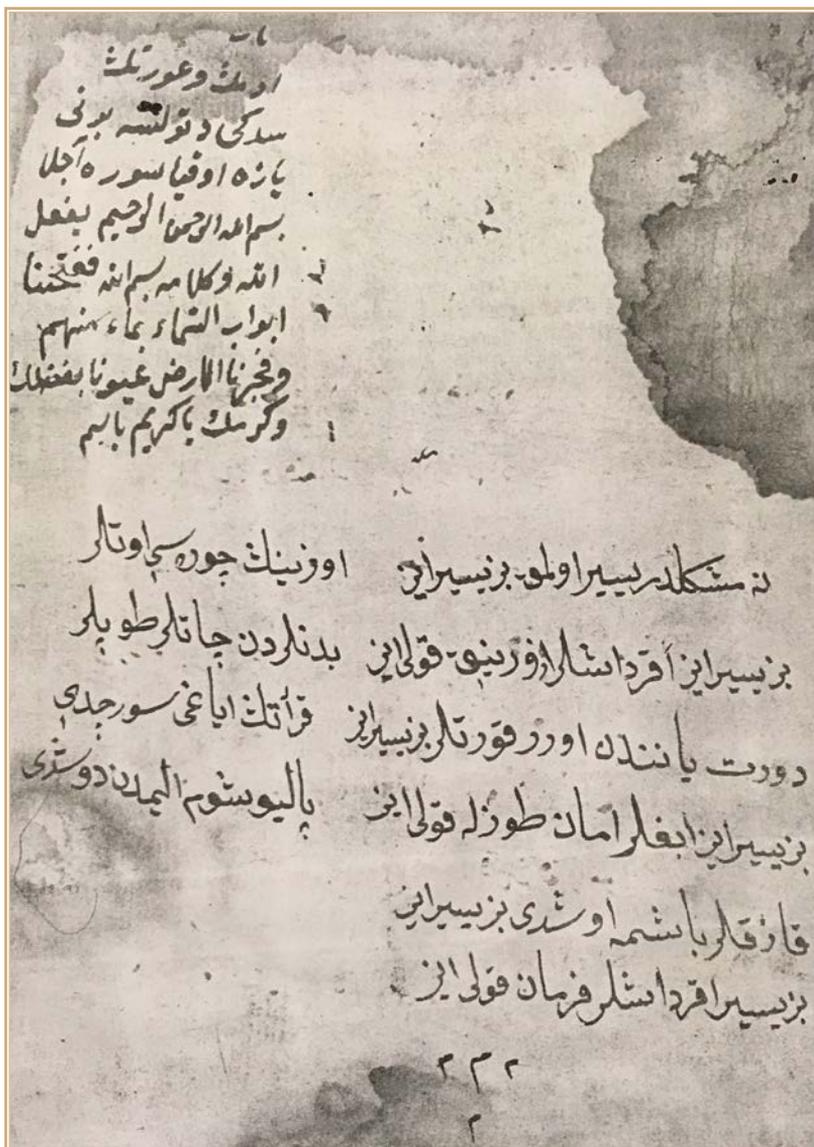
Споткнулась моя серая лошадь,
Выпало из моих рук оружие¹⁴.
Напали на меня казаки.
Мы пленники, мы пленники.
Мы, ребята, рабы фермана.

Сравнив эту песню с современными ей образцами османского народного творчества, мы увидим, что она очень близка другим *тюркю* — так называемым «песням о городах»: иногда совпадают целые куплеты. Например, начало ее перекликается с гагаузским *тюркю* о Варне:

Varna gibi kale yoktur
İçinde timarı yoktur
Varna'ya imdat yoktur
Biz varna'lınız ağalar
İmdat varna'ya

Varna galata'ya bakar
Arasında dere akar
Gemiler varna'yı yakar
Padişahlar imdat varna'ya

¹⁴ По смыслу речь идет о каком-то оружии, однако слово *Paluoz* мне не известно. Быть может, палаши?

Османское стихотворение-тюркю о крепости Очаков (Библиотека Гази Хусрев-бега в Сараеве, Босния и Герцеговина. Рукопись № 6861, л.61 об.)

Varna'nın etrafı deniz
 Varna'yı sardı domuz
 Verin tabyalara omuz
 Biz varnalıyız...

Есть в тексте об Очакове и очевидные переключки с песней об Азове-Азаке. Это не удивительно: ведь скорее всего сложены они были в одно время, пелись, быть может, одними людьми, и почти наверняка входили в репертуар странствующих песенников-ашыков.

Тюркю об Азаке

Текст этой песни сохранился в сборной рукописи в Историческом архиве Сараева (№ 138, л. 51)¹⁵.

Текст

Serden geçdi yazıldı
Bayrak altında dizildi
Bu yıl moskov bozuldu
Ey kanlı Azak Âli-Osman'dan
İmdadımı istersen gidersin

Kalenin çevresi dağlar
İçi mor sünbüllü bağlar
Bu yıl çok analar ağlar
Gazi hünkar alındı Azak
İmdadın istersen gidersin

Kalenin çevresi taşdır
İçi dolu kızıl kızıl başdır
Hendekleri dolu leşdir
Gazi hünkar alındı Azak
İmdadın istersen gidersin

Osman Paşa şehit oldu
Leşi meydanlarda kaldı
Kırkınıc kellesin aldı
Gazi hünkar alındı Azak
İmdadın istersen gidersin

Перевод:

Переписаны серденгечты¹⁶,
Выстроились они под флагом.
В этом году разбит москов.
О кровавый Азов! Если тебе нужна помощь
От дома Османа, уходи!

¹⁵ Hamdi Hasan. Saray-Bosna Kütüphanelerindeki Türkçe Yazmalarda Türküler. Ankara, 1987. С.133; Soysal Fikri. Tarihi Olaylar Işığında Rumeli Olay Türküleri. Diyarbakir, 2012. С. 21–22.

¹⁶ Серденгечты (буквально «рискующие головой») — особое ударное подразделение янычарского корпуса.

А вокруг крепости — горы.
А внутри — сады фиолетовых гиацинтов.
В этот год многие матери плачут.
Гази хункяр¹⁷ обидел Азак,
Если тебе нужна помощь, уходи!

А вокруг крепости — камни.
А внутри — красные-красные головы¹⁸,
А во рвах — трупы.
Гази хункяр обидел Азак.
Если тебе нужна помощь, уходи!

Стал шехидом Осман-паша,
Остался на полях мертвецов.
Взяли твою буйну голову.
Гази хункяр обидел Азак.
Если тебе нужна помощь, уходи!

Обе песни свидетельствуют, что тексты таких *тюркю*, посвященных военным событиям у османских крепостей, были изменчивыми и очень подвижными, часто изменяясь в объеме по воле их авторов и исполнителей. Отдельные устойчивые рифмы и обороты, а порой и целые строки перетекали из песни в песню, делая их часто довольно похожими. Немудреные рифмы и несложные слова делали их близкими простому османскому солдату. Эти песни-тюркю складывались, судя по всему, в Румелии, скорее всего на Балканах (в Боснии, где они и сохранились в рукописях).

Чем ценны для нас эти произведения? Конечно, мы вряд ли получим из их текстов какие-то новые данные о ходе боевых действий, датах и событиях. Но они передают дух эпохи, настроение, надежды и страхи, а порой и горькую безысходность османского солдата, столкнувшегося на войне с грозным северным противником.

¹⁷ Имеется в виду османский падишах. Гази — титул борца за веру, хункяр — османское обозначение падишаха (от персидского слова «худавендигяр» — «второй Господь»).

¹⁸ Из текста *тюркю* об Очакове мы видим, что здесь могли иметься в виду кызылбаши. Так османы называли персов-шиитов.

REFERENCES

1. *Borolina I.V., Oganova E.A.* Turkish Ashyk poetry [Tureckaja ashykskaja pojezija]. Tutorial. Moscow: Humanities, 2010.
2. Epics. Historical songs. Ballads. [Byliny. Istoricheskie pesni. Ballady.] Moscow: M.: Jeksmo, 2008.
3. *Fikri S.* Tarihi Olaylar Işığında Rumeli Olay Türküleri. Diyarbakir, 2012.
4. Gazi Husrev-begova biblioteka u Sarajevu. Katalog arapskih, turskih, perzijskih i bosanskih rukopisa. Svezak četvrti. Obradio F. Nametak. L. Sarajevo, 1998.
5. *Hamdi H.* Saray-Bosna Kütüphanelerindeki Türkçe Yazmalarda Türküler. Ankara, 1987.
6. *Harun D. M., Koralp G.S.* Yeni Türk Edebiyatı'nın Kaynakları: Savaş ve Edebiyat (1828–1911). Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol.4/1. Winter 2009.
7. History of the Ottoman state, society and civilization [Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i civilizacii]. T. 2. Ed. E. Ihsanoglu. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2006.
8. *Zajcev I.V.* Turkish folk song about the siege of Sevastopol 1854–55 and its Russian translation (1912) [Tureckaja narodnaja pesnja ob osade Sevastopolja 1854–55 gg. i ee russkij perevod (1912 g.)]. Alminsky readings: the place of the Crimean (Eastern) war in European military conflicts of the XIX century [Al'minskie chtenija: mesto Krymskoj (Vostochnoj) vojny v evropejskih voennyh konfliktah XIX v]. Materials of the scientific-practical conference, edition 4. Simferopol'–Bahchisaraj, 2014. P. 33–36.

Ключевые слова:

турецкий фольклор, русско-турецкие войны XVIII века, рукописи.

Ilya V. Zaytsev

THE 17TH C. OTTOMAN FOLK SONGS-TÜRKÜ DEDICATED TO ÖZÜ (OCHAKIV) AND AZAK (AZOV)

In the article are published two Ottoman Folk Songs-Türkü written by unknown authors during the Russo-Turkish War of 1735–1739. The songs narrate about the siege of Azak (Azov) in 1736 and Özü (Ochakiv) in 1737. The texts are preserved in collections of manuscripts in Gazi Husrev-beg Library, Historical Archive and Oriental Institute in Sarajevo. The article gives the Turkish texts of the songs, their translation to Russian and more extensive versions of the songs which haven't been published before found by the author of the article in Gazi Husrev-beg Library. The author as well makes certain links to other folklore narratives.

Key words: Ottoman Folklore, Russo-Turkish War (1787–92), Manuscripts.

Ilya V. Zaytsev — D. Sc. (History), Professor of RAS, Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS.

 Зайцев Илья Владимирович

доктор исторических наук, профессор РАН, руководитель Центра
сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН

DOI: 10.35549/HR.2020.53.96.006

А.С. Лавров

РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ И ЧЕЛОБИТНЫЕ «ПОЛОНЯНИКОВ» ИЗ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОЧНИК О РАБСТВЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XVII в.

Кремль 10 марта 1632 г. пришел странный человек. Он держал в руках «бумагу неписану» зеленоватого цвета — то есть чистый лист бумаги, как он впоследствии будет утверждать — точь-в-точь такой, на котором пишут в Османской империи. Само по себе подобное поведение не было удивительным — ежедневно десятки неграмотных предлагали площадным подьячим, дежурившим на Красной площади и в Кремле, написать челобитные и другие документы от их имени. Однако данный случай был несколько особенным. Незнакомец, оказавшийся крестьянином Герасимом Лазаревым, продиктовал площадному подьячему текст челобитной от имени своего брата Митрофана Лазарева. Сам Герасим, только что возвратившийся из османского плена, будто бы встретил там своего брата, который служит «мутафораком» у султана и который «всю его думу ведает». Согласно челобитной, Митрофан Лазарев будто бы просил послать к нему в Стамбул его брата Герасима — в качестве связного. Герасима взяли под стражу и допросили в Посольском приказе¹.

¹ Распросные речи Герасима Лазарева, крестьянина Федора Стрешнева, в Посольском приказе (РГАДА. Ф. 89 (Сношения с Турцией). 1632 г., № 1. Л. 5–7).

За «распросными речами» открылась странная, зыбкая картина. Герасим Лазарев был взят в плен азовскими татарами и продан турку из Кафы, который и послал его на галеры. Именно здесь его разыскал брат, который, очевидно, занимал при султанском дворе настолько важное положение, что мог отдавать команды «галерному паше». Герасим пробыл у брата восемь месяцев, после чего Митрофан отправил его домой с уезжавшими московскими послами. Перед этим он заставил его заучить наизусть текст челобитной, адресованной царю — текст, который он должен был положить на бумагу только после того, как он вернется в Московское государство. В своей челобитной Митрофан предлагал царю свои услуги.

Рассказанное Герасимом Лазаревым оставляет многие вопросы неразрешенными. Как его брат, при всей его приближенности к султану, смог узнать, что его брат был взят в плен и находится на галерах? Можно, конечно, предположить, что Герасим сам направил брату просьбу о помощи, но тогда перед нами еще более невероятное допущение — придется признать, что Герасим, живя в своей глухой деревне, знал о карьере своего брата в Стамбуле и, только попав в плен, смог переслать ему весточку. Однако при всех этих вопросах мы не можем просто отмахнуться от его показаний. Во-первых, Герасим Лазарев действительно был «полоняником» — репатриантом. Во-вторых, у него оказалась при себе грамота константинопольского патриарха Кирилла (Лукариса) к патриарху Филарету. Последняя, кстати, в деле не отложились — очевидно, она была тут же передана адресату. Это не улучшило судьбы Герасима — московские власти были не совсем довольны тем, что Герасим, вместо того чтобы доставить это ценное послание адресату, сперва отправился в родную деревню, чтобы рассказать своему отцу о своем освобождении. В-третьих, Герасим простодушно признался в том, что «брат де у салтана в мутофораках а по руски мутофоракъ того де он не ведает». Не знали этого и служащие Посольского приказа, поэтому в деле это слово оказывается неоткомментированным.

Если мы допустим, что хотя бы часть рассказанного Герасимом соответствует некоторой реальности, то придется признать, что карьера Митрофана Лазарева при османском дворе оказалась блистательной, едва ли не наиболее удавшейся среди всех тех, кто происходил из Московского государства. Мутеферика представляли собой «специальный отряд стражников, которые были приставлены лично к султану». Мутеферика, которых можно было бы сравнить с московскими стольниками, служили при дворе, но иногда и выполняли дипломатические по-

ручения². Поскольку ни одна пленница из Московского государства не стала матерью султана и ни один выходец оттуда — везирем, следует признать, что внутри своей группы Митрофан Лазарев осуществил самую головокружительную карьеру.

На значение рабства в оттоманском обществе указал Халил Иналчик в своей рубежной статье, подчеркнув, что спрос на невольников исходил от государства и от общества. Военная машина Османской империи нуждалась в рабах для пополнения янычарского корпуса, а тимариоты, которые должны были приводить с собой по несколько воинов, нуждались в них же.

С другой стороны, представители османской элиты, умножая количество собственных рабов и вольноотпущенников, помогали последним продвигаться по служебной лестнице. Таким образом, история рабства и вольноотпущенничества оказывается связанной с патронатом. Иналчик указал и на значение вольноотпущенников в экономической жизни империи — как коммерсантов и как основателей первых мануфактур³.

Согласно Ивонн Сенг, «институт рабства был составной частью османского общества и местных сообществ, он использовался не только дворцом, но и широким кругом пользователей, находящихся на разных социально-экономических уровнях»⁴. Согласно исследовательнице, история османского рабства оказывается теснейшим образом связанной с социальной мобильностью, причем большую роль играют обращение в ислам и отпуск на волю. Отпущенный на волю раб «становился клиентом, продолжавшим служить прежнему владельцу и его семье, так что владелец следил за благосостоянием вольноотпущенника и за его вхождением в османское общество»⁵.

Мой интерес к османскому рабству связан с основным полем моих научных занятий — с социально-политической историей Московско-

² Там же. Л.7; J.H.Kramers, «Müteferrika», *Encyclopédie de l'islam*, t.VII, Mif-Naz, Leiden, 1993. P. 796. Картина, заказанная шведским посланником Роломбом, дает представление об одеяниях мутеферика. В шведском пояснении к картине указано, что всего было до двухсот мутеферика, которых называют «hovjunkare» (Karin Ådahl, *The Sultan's Procession: The Swedish Embassy to Sultan Mehmed IV in 1657–1658 and the Rålamb Paintings*, Istanbul, 2006).

³ *Inalcik Halil*. «Servile Labor in the Ottoman Empire», in: *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: the East European Pattern*. Ed. By Abraham Ascher, Tibor Halasi-Kun, Béla K.Király. New York, 1979. S. 25–52, здесь p. 25–26.

⁴ *Seng Yvonne J*. Fugitives and Factotums: Slavery in Early Sixteenth-Century Istanbul. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 39. № 2. 1996. P. 136–169, здесь p. 164.

⁵ *Ibid*. P. 140.

го государства. Османское рабство интересует меня, прежде всего, как транснациональный, открытый институт, где в качестве рабов выступали носители совершенно иного социального и политического опыта, а сами полоняники — как агенты культурных трансфертов, основной сущностью которых были положение и роль зависимого населения.

Полоняники, вернувшиеся в Московское государство, либо подавали челобитные, в которых просили о тех или иных милостях (чаще всего — о денежном пожаловании за «выход»), или надиктовывали обширные «распросные речи» (показания или допросы). Основным недостатком челобитных, часть которых является автографами, являются крайне трафаретные, традиционные формулы, употреблявшиеся авторами. Что же касается живой, разговорной речи, то она звучит только в распросных речах. Впрочем, анализируя последние, следует принять во внимание жесткий редакторский стиль подьячих Посольского приказа, устранявших все малопонятные, диалектные слова и превращавших прямую речь «полоняников» в образцы нормативной деловой письменности. По своему характеру челобитные и распросные речи могут быть отнесены к выделяемой в последнее время в историографии категории «эго-документов». Представляется, что именно это противопоставляет их тем османским источникам, которые никак нельзя отнести к «эго-документам», например регистрам продаж. С другой стороны, челобитные и распросные речи могут быть сопоставлены с показаниями рабов в османских судах, которые являются основными источниками по истории османского рабства и которые также можно отнести к эго-документам⁶.

Перед тем, как перейти к анализу автобиографических данных, сообщаемых в распросных речах и в челобитных, следует сделать два замечания об исследуемой выборке. Во-первых, все без исключения «полоняники», появляющиеся в этом небольшом исследовании, по собственной инициативе вернулись в Московское государство, то есть являются репатриантами. Среди моих персонажей нет ни одного возвращенного на родину против своей воли. В связи с этим правомерен вопрос о том, что анализируемая группа особенно хорошо документирует трудности и неудачи интеграции в османское общество, оставляя за бортом удачные примеры. Хороший пример представляют здесь сами братья Лазаревы — показательно, что тот из них, кто добился наибольших успехов на Босфоре, вовсе не стремился возвращаться в Москву, хотя и предлагал было царю свои услуги.

⁶ Ibid. P.142.

Во-вторых, почти не представленными оказываются полонянки, которые почти исключительно оказывались в домах и хозяйствах владельцев. Дело не только в том, что женщины, особенно являвшиеся конкубинами своих владельцев или их домочадцев, неохотно отпускались ими. Выкуп из Османской империи был результатом сложных действий, в которых часто участвовала семья полоняника, а побег, о котором будет упомянуто ниже, был скорее возможен для тех, кто поступил в Османской империи на военную службу. В то время, как женские свидетельства о рабстве и плене в Крымском ханстве существуют, практически полное отсутствие подобных эго-документов об османском рабстве является вторым недостатком созданной источниковой базы.

Автобиографические данные, сообщаемые в челобитных и расспросных речах, лучше всего рассматривать в рамках своего рода коллективной биографии. «Проданные за море» или «проданные в Царьград», как они сами говорили о себе, полоняники оказывались разделенными на три типовые биографии. Во-первых, некоторые полоняники сразу становились рабами султана и определялись на военную службу. Во-вторых, полоняники, купленные частными владельцами, могли остаться в частном услужении. Впоследствии они могли быть отпущены на волю и поступить на военную службу. В-третьих, полоняники, купленные частными владельцами, могли быть отосланы ими на галеры. В первом и втором случае обращение в ислам подразумевалось, в третьем оно не требовалось. При этом социальная мобильность не была исключена и в третьем случае — новый владелец мог забрать невольника с галеры, обратить его в ислам и отпустить на волю, как это и случилось с Леонтием Сухотиным.

Первый случай («принадлежность султану / военная служба») среди авторов, привлеченных к исследованию челобитных и «распросных речей», крайне редок. К нему относится Матвей Волченок, попавший в плен под Кромами. К сожалению, сохранилась только челобитная Волченка, но не его «распросные речи»: в результате мы не можем установить даже его социального происхождения: попавший в плен на поле боя, он мог быть сыном боярским, стрельцом, казаком или боевым холопом. Волченок утверждает, что он продан был в Стамбул, «и турецкий царь велел меня холопа твоего обусурманить силно» (показательно, что Волченок называет османского султана «царем», хотя султанский титул ему, несомненно, был знаком)⁷.

⁷ Челобитная Матвея Волченка (РГАДА. Ф.89. 1631 г. № 1. Л.28.) Совершенно очевидно, что Волченок не был единственным янычаром, происходившим из Московского

Поскольку Волченек является единственным в своем роде, единственной возможностью остается сопоставление скудных биографических данных с тем, что мы знаем о янычарском корпусе в первой половине XVII в. Плен, в отличие от еще существовавшего «девширме» и пополнения добровольцами и детьми янычар, не указывается как важный источник пополнения корпуса. Мы не можем сказать, рассматривалось ли пленение на поле брани как своего рода испытание, которое способствовало определению полоняника на военную службу. Пример уже упомянутого Леонтия Сухотина говорит о том, что это, скорее всего, было не так — попавший в плен во время сражения под Конотопом, он был продан в Стамбул и послан на галеры, то есть разделил участь абсолютного большинства русских «полоняников» в Османской империи⁸. Показательно, что Волченек обзавелся в Османской империи семьей — в челобитной упоминаются жена и трое детей — что также становится среди янычаров более или менее распространенной практикой⁹.

Переходя ко второму типу («принадлежность частному лицу / отпуск на волю»), следует выделить крайне интересную, но конспективно изложенную биографию Луки Андреева Аркатова, сына боярского из Ельца, который провел двадцать лет в рабстве у частного лица, Аркатов ничего не говорит о месте своего владельца в социальной иерархии и описывает свой опыт с помощью обычных штампов («и живот свой мучил у турченина дватцать лет и всякую полонную бедность и нужду терпел»¹⁰).

Третий случай («принадлежность частному лицу / отпуск на волю / военная служба») наиболее подробно представлен биографиями Семена Агафонова и Леонтия Сухотина (хотя последний можно считать своего рода энциклопедией османского рабства). Сын провин-

---

государства. Необходимо напомнить о пожаре 1626 г., уничтожившем значительную часть приказных архивов. Поскольку «национализация» янычарского корпуса начинается как раз в 1620-х гг., можно предположить, что свидетельства, подобные челобитной Волченка, относились как раз к периоду до 1626 г. и могли не сохраниться.

⁸ *Lavrov A. Histoire d'un retour en pays orthodoxe après une conversion à l'islam: Leonti Osman-Soukhotine, guerrier moscovite du sultan, Slavica occitania. 2009. Vol. 29 (La religion de l'Autre. Réactions et interactions entre religions dans le monde russe. Édité par Dany Savelli avec la collaboration de Boris Czerny). P. 239–265.*

⁹ РГАДА. Ф.89. 1631 г. № 1. Л.28.

¹⁰ Челобитная Луки Андреева Аркатова, 25 июня 1633 (РГАДА. Ф.89. 1634 г. № 14. Л.1). Случай Аркатова особенно интересен для понимания того, как московские власти относились к отступникам — в его документах не нашлось никакого упоминания об отсылке «под начал» для «исправления веры».

циального дворянина из Рыльска, Агафонов попал в плен в двенадцатилетнем возрасте, вместе с братом и сестрой, которые были еще младше его. Агафонов был продан в Килию на Дунае «турченину Маметъ Башѣ, и Маметъ де Баша, купя, отвезъ ево в Царьгород и продал в Царьгороде турченину ж Агмету Афендию... и держаль у себя девять лѣтъ». Отпущенный последним на волю, он после этого жил семь лет в Стамбуле у разных людей, пока не нашел себе патрона — Сулеймана, «Мустафы паши начального человека». Сулейман «взял ево Семена к себѣ... и учинил ево испагою, и служилъ въ спагах семь ж лѣтъ»¹¹. Таким образом, биография Агафопова является единственным случаем, документирующим роль патроната.

Интересно, что патрон Агафопова не был его бывшим владельцем, он познакомился с ним, когда он уже был вольноотпущенником. Если учесть, что его патрон служил под начальством Кара-Мустафы (1634–1683) — будущего руководителя осады Вены, можно даже получить некоторые хронологические ориентиры для биографии Агафопова.

Как и в биографии Агафопова, так и в биографии Сухотина привлекает внимание своего рода завоевание социальной позиции, близкой к той, которую вольноотпущенник занимал (или мог занять) на родине. Хотя попавший в плен двенадцатилетним Агафонов никогда не служил, служба сипахом, которую он нес, в принципе соответствовала службе его отца, провинциального сына боярского. То же самое касается Сухотина — бывший сын боярский, он становится сейменом.

Четвертым, наиболее широко представленным типом биографии является галерный раб. В свое время Мишель Фонтене высказал сожаление о том, что ни один галерный раб «не оставил воспоминаний»¹². Трудно сказать, насколько представленные ниже свидетельства могут восполнить этот пробел. Представляется, что монотонный изнурительный труд гребца, а также некоторая примитивность всей организации галеры превращали весь опыт «каторги» в табуизированную зону, о которой только мельком сообщалось в челобитных и расспросных речах.

Тем не менее кажется, что выявленные свидетельства позволяют скорректировать приговор историографии, опирающийся на нарративные источники — свидетельства путешественников и дипломатов. В сконцентрированной форме это суждение недавно высказал Миха-

¹¹ Расспросные речи Семена Иванова Агафопова, 20 декабря 1676 (РГАДА. Ф.89. 1676 г. № 1. Л.3).

¹² *Fontenay Michel. Chiourmes turques au XVIIe siècle. Le genti del mare Mediterraneo, a cura di Rosalba Ragosta. Vol.2. Napoli, 1981. P. 877–903, здесь p. 899.*

ил Кизилов: «Most terrible, perhaps, was the fate of those who became galley-slaves...»¹³

Тем не менее следует, во-первых, отметить, что некоторые из галерных рабов смогли выдержать свой труд на протяжении нескольких десятилетий. Так, Яков Иванов гроб «на каторге» у некоего Асана сорок лет, его собрат по несчастью Кузьма Назарьев — тридцать лет. Софрон Чириков пробыл на каторге от тридцати до тридцати двух лет¹⁴. Степан Шегулин провел на галерах шестнадцать лет¹⁵, а донской казак Ларион Панов — семнадцать¹⁶. Конечно, круглые даты всегда подозрительны, но последние, скорее всего, возникли в результате округления. В то же время все остальные биографические детали не дают нам повода усомниться в том, что речь шла именно о десятке или десятках лет.

Конечно, речь идет не только об эксперименте о том, сколько лет изнурительного труда можно выдержать под палящим солнцем на Средиземном море. Во-первых, галерные рабы были свободны от всякого религиозного принуждения. В челобитной и в расспросных речах ни одного из них мне не встретились упоминания об обращении в ислам, хотя последнее, как показывает пример Леонтия Сухотина, могло сопутствовать отпуску с галеры. Во-вторых, галерные рабы иногда имели какие-то средства, которые позволяли им выкупиться из плена. Последнее позволяет нам предположить, что рабство на галерах функционировало в принципе согласно тем же правилам, что и османское рабство в целом.

В-третьих, и это самое главное, галерный флот находился в поле зрения дипломатов, посредников, а также родственников, прибывших в Стамбул на поиски своих близких. В архивах сохранились списки, в которых указаны все пленники из Московского государства, содержащиеся на той или иной галере (кстати, учитывая среднее количество пленников на одной галере, это дает возможность приблизительно представить долю выходцев из Московского государства среди гребцов). Примером

¹³ *Kizilov Mikhael*. Slave Trade in Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History*. 2007. Vol. 11 (1–2). P. 1–31, здесь p. 14.

¹⁴ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 264. Л.353 (челобитная Софрона Перфильева Чирикова), Л.355 (Распросные речи Софрона Перфильева Чирикова в Разрядном приказе, 17 сентября 1650 г.).

¹⁵ L'interrogatoire du fils de cosaque Kuz'ma Nazar'ev, du vagabond (*guljaščij čelovek*) Jakov Ivanov et du vagabond Stepan Jakovlev Šegulin au Secrétariat de guerre, après 9 juin 1650, RGADA, f. 210, Stolbcy Belgorodskogo stola, № 264, fol.77–78.

¹⁶ Распросные речи Лариона Панова (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 264. Л.344).

удачного выкупа с галер является Прон Давыдов, выкупленный «с катарги» своим сыном Иваном, прибывшим в Стамбул вместе с российскими дипломатами в 1644–1645 гг.¹⁷ Михаил Салтыков, который провел на галерах несколько лет, был выкуплен оттуда его отцом Панфилием¹⁸. Очевидно, возможен был и побег — так, Антип Давыдов (брат Прона Давыдова и сын Ивана Давыдова) «с катарги ушел и из желез вышел к Москве»¹⁹. Представляется, что последняя формула никак не может скрывать отпуска на волю.

Обращение в ислам и отпуск на волю

Переходя к свидетельствам «полоняников» об обращении в ислам, необходимо сделать по крайней мере три вводных замечания. Во-первых, трудно было бы ожидать от «полоняников» исчерпывающей откровенности по вопросу о их вероотступничестве, хотя подобная откровенность и не имела для них юридических последствий — «Соборное уложение» предусматривало смертную казнь за «свращение» православных в иную веру, что же до самих обращенных, то их полагалось отсылать «к патриарху», который и должен был определить санкции. В этом сказался реализм законодателя, который исходил как раз из исследуемой нами ситуации обращения несвободных (XXII, 24)²⁰. Во-вторых, даже излагая обстоятельства своего обращения, «полоняники» всячески обходят вопрос об обрезании. Представляется, что здесь сказывалось своего рода табу, касавшееся тела нарратора и манипуляций над ним²¹. В-третьих, обращения в ислам практически не коснулись галерных рабов, так что галеры можно было бы назвать своего рода оплотом религиозной свободы.

¹⁷ Челобитная Прона и Антипа Давыдовых, до 5 мая 1650 г. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 264. Л.24).

¹⁸ Самгина Е.И. Обзор фонда Салтыковых в Государственном историческом музее // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 294–299, здесь с. 296, 298.

¹⁹ Челобитная Прона и Антипа Давыдовых, до 5 мая 1650 г. (РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 264. Л.24).

²⁰ Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. С. 131.

²¹ Умалчивать об этом было тем легче, что московские власти не пытались установить, кто из «полоняников» был обрезан. Все служилые люди, раненные при пленении, проходили своего рода медицинский осмотр, требовавший того, чтобы они, по крайней мере частично, обнажались. Ни в одной из записей о подобном осмотре обрезание (или его отсутствие) не было зафиксировано. Вероятно, речь шла о своего рода неписаной традиции, согласно которой крещение не аннулировалось путем какой-то операции над телом, так что у отступника всегда оставался шанс вернуться назад.

Наиболее детальное описание обращения дает Леонтий Сухотин, согласно которому его новый владелец, приходившийся братом прежнему владельцу, «взял ево Леонтья с катарги и бусурманил в неволю, а имя ему дали Асманом, и отпустил ево на волю...»²².

Упоминание о насильственном характере обращения абсолютно типично для челобитных и расспросных речей. Волченок утверждает, что его обратили в ислам «насильно». Лука Андреев Аркатов, сын боярский из Ельца, который провел двадцать лет в рабстве у частного лица, свидетельствует о том, что «ево... обусурманили... сильно». Только Агафонов обходится нейтральной формулой («и тот де турченинь ево Семена бусурманил») — но это исключение связано с тем, что соотношение сил между одиннадцатилетним или двенадцатилетним невольником и его взрослым владельцем было таково, что это делало упоминание о вынужденности смены веры совершенно избыточным.

Сама формула обращения — шахада — ни разу не упомянута. Интересно, что крайне искаженное упоминание об обряде удалось найти Бартоломе и Люсиль Бенассар в архивах инквизиции, где сохранилось свидетельство «русской Анны» (из контекста не совсем ясно, происходила ли она с Украины или из Московского государства). Анна утверждала, что во время обращения в ислам она была «принуждена поставить правую ногу на крест, плюнуть три разу и бросить его в Черное море». Представляется, что сам описываемый ритуал представляет не что иное, как инициацию колдуньи, не раз появляющуюся в восточнославянском фольклоре (речь идет не о реальном обряде, а о том, что рассказывалось в меморатах). В силу скудости источников остается только догадываться, является ли этот ритуал проекцией демонологических воззрений на ситуацию, в которой оказывались новообращенные, или реальным плодом синкретистских практик, когда «отреченные» практики из прежней религии перекочевывали в новую религию, сменив свой знак²³.

Напротив, отпуск на волю описан крайне подробно. В челобитных и расспросных речах фигурируют по крайней мере три из пяти видов освобождения, описанных Халилом Инальчиком и Аланом Фишером. Как известно, первая возможность представляла собой освобождение по

²² Lavrov A. Histoire d'un retour en pays orthodoxe après une conversion à l'islam: Leonti Osman-Soukhotine, guerrier moscovite du sultan. *Slavica occitania*. 2009. Vol. 29 (La religion de l'Autre. Réactions et interactions entre religions dans le monde russe. Édité par Dany Savelli avec la collaboration de Boris Czerny). P. 239–265, здесь p. 256.

²³ B. et L. Bennassar. *Les Chrétiens d'Allah*. P. 375.

завещанию, после смерти владельца (*tadbîr*)²⁴. Закон защищал при этом наследников завещателя, не разрешая ему освободить раба, стоившего более трети его состояния.

Второй возможностью, согласно Халиду Сахилиоглы, является «условный *tadbîr*», при котором владелец пользуется услугами своего раба почти до конца своих дней, но не может использовать механизм завещания (чаще всего, поскольку в этом случае нарушена была бы норма о трети имущества). Чаще всего, освобождение приурочивалось к выздоровлению владельца после болезни, причем этому предшествовал соответствующий обет²⁵.

Третьей возможностью было освобождение по истечении контракта (*muktaba*). В этом случае владелец и раб заключали контракт, условия которого не могли быть произвольно изменены владельцем. Согласно контракту, раб либо выплачивал определенную сумму за свое освобождение, либо трудился в течение оговоренного времени, либо выполнял определенный объем работ.

В-четвертых, рабыня, родившая ребенка своему владельцу, получала свободу. Пятая возможность представляла собой освобождение по решению кади. В последнем случае раб мог обратиться в суд — например, в случае несоблюдения контракта владельцем. При этом он мог рассчитывать на освобождение²⁶.

Первый случай — освобождение по завещанию — представлен Леонтием Сухотиным. Однако при интерпретации его рассказа встречаются определенные трудности. Как мы уже знаем, согласно Сухотину, после смерти его владельца Мартазы, который послал его на галеры, брат последнего забрал его, обратил в ислам и отпустил на волю²⁷. Можно предположить, что Мартаза был исполнителем по завещанию, согласно которому часть рабов нужно было освободить, но надо иметь в виду, что Сухотин прямо не говорит о завещании. Но если предположить, что брат Мартазы действовал по своей собственной инициативе, то можно рассматривать его не как исполнителя, а как наследника.

²⁴ *Inalcik H. Service Labor in the Ottoman Empire. P. 35.*

²⁵ *Sabillioğlu Halil. Slaves in the Social and Economic Life of Bursa in the Late 15 the and Early 16th Centuries. Turcica. Vol. 17. 1985. P. 58.*

²⁶ *Seng Yvonne J. Fugitives and Factotums: Slavery in Early Sixteenth-Century Istanbul. P. 140–141; Sabillioğlu Halil. Slaves in the Social and Economic Life of Bursa in the Late 15 the and Early 16th Centuries. Turcica. Vol. 17. 1985. P. 43–112, здесь p. 51–57.*

²⁷ *Lavrov A. Histoire d'un retour en pays orthodoxe après une conversion à l'islam: Leonti Osman-Soukhotine, guerrier moscovite du sultan. P. 256.*

Вторая возможность — «условный *tadbir*» — также представлена единственным случаем, то есть биографией Семена Агафонова. Согласно Агафонову, когда его владелец заболел, «и он для болезни своей, которой у него ясырь был, весь распустил на волю, и ево, Семена, в то время отпустил ж»²⁸.

Третья возможность — освобождение по контракту — сравнительно часто появляется в челобитных и распросных речах. Наиболее подробное (и поразительное по своему дискурсу) описание дал дворцовый крестьянин Дрон Евтифеев Паршин, который освободился именно этим образом. Паршин был угнан крымскими татарами, продан в Стамбул и перепродан в Измир, где и провел в рабстве двенадцать лет. После этих двенадцати лет, которые Паршин характеризует как «урочные лета», его владелец «отпустил ево на волю», дав ему «отпускной лист». При этом он не только отпустил его на все четыре стороны, но посадил его на корабль и отправил в Венецию. Таким образом владелец позаботился о том, чтобы Паршин отправился назад хотя бы и окружным, но вполне безопасным путем²⁹.

Это свидетельство особенно замечательно потому, что Паршин описывает свое состояние в Османской империи, отсылая к холопству («отпускное письмо») и к состоянию крестьян до Соборного уложения 1649 г. Как известно, «урочные лета» будут отменены Соборным уложением в январе 1649 г., в момент, когда Паршин еще находился на пути домой. Можно сказать, что за время его пребывания в плену социально-политическая лексика, которой он пользовался для описания османских реалий, несколько устарела.

По крайней мере три свидетельства можно сравнить со свидетельством Паршина. Иногда «полоняники» настолько лаконичны, что нам не удастся установить, говорят ли они об определенном сроке, который надо было отработать, или все же о денежной сумме. Это случай ливенского казака Ивана Данилова, который провел тринадцать лет в рабстве у частного лица, «и у турченина он отработался и отпустил его на волю»³⁰. Примерно то же можно сказать о случае Ивана Яковлева, казака из Гремячего, который «жил во Царегороду у турченина 20 лет, и у турченина отработался, и отпустил ево на волю»³¹.

²⁸ Распросные речи Семена Иванова Агафонова, 20 декабря 1676 г. (РГАДА. Ф. 89. 1676 г. № 1. Л. 3).

²⁹ Отписка вяземского воеводы князя Матвея Прозоровского, после 7 сентября 1649 г. РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 264. Л.146.

³⁰ РГАДА. Ф.89. 1631 г. № 1.

³¹ РГАДА. Ф.89. 1634. № 8. Л.31.

Напротив, мы не имеем ни одного свидетельства от «полонянки», которая получила бы свободу после рождения ребенка от своего владельца. Вполне возможно, что именно для этой категории полонянок возвращение в Московское государство было особенно затруднено. Никто из полоняников не ссылается на решение суда — возможно, обращение к кади могло рассматриваться как чрезмерное выражение лояльности по отношению к московским институтам.

Можно сказать, что именно состояние вольноотпущенника в Османской империи оказывается в «распросных речах как коннотированное позитивно или нейтрально, Леонтий Сухотин упоминает, что после того, как владелец “отпустил ево на волю”, он “жил на воле лет с 6”». Согласно Агафонову, после отпуска «на волю» он «жил в Царегороде у розных турчан лет с семь на воле»³². Ни Сухотин, ни Агафонов не считают должным дополнить это упоминание какими-либо оговорками о том, что освободившись от рабства, они начали подготовку к возвращению назад. Представляется, что обоим вольноотпущенникам трудно было подобрать аналог своему положению — «вольные» или «гулящие» люди в Московском государстве были слишком маргинальной и непривилегированной группой для того, чтобы проецировать на них собственный статус, который оценивался скорее положительно.

Интеграция и ее неудача

Переходя к рассказу полоняников о мотивах, подтолкнувших их к возвращению в Московское государство, мы оказываемся перед лицом самой сложной задачи. С одной стороны, понятно, что то, что рассказывали репатрианты в Посольском или Разрядном приказе, должно было показать, что они и в плену оставались верными слугами царя. С другой стороны, отбросить этот лояльный дискурс представляется сложным — он может содержать крупницы подлинных фактов, а никаких других источников в нашем распоряжении все равно нет.

Полоняники словно используют здесь топосы из биографии сказочного героя, приобретшего на чужбине семью, дом, благосостояние и некоторое положение в обществе, но готового все это отдать за возвращение домой. Таков Матвей Волченоч, который не хотел «служить турецкому царю и умереть в бусурманской вере, помня православную христианскую

³² Леонтий Сухотин. РГАДА. Ф.89. 1676 г. № 1. Л.2.

веру, и великих московских чудотворцов милость, и ваше государское до нашей братии полонеников великое жалованье, покиня в турецкой земле домишка свой и животи и статки переехал ис турецкой земли в Крым з женишкою и з детишками сам пять»³³. Русские дипломаты подтвердили, что «Матюшка, будучи во Царегороде, государю служил и приходя к ним на подворья всякие вести сказывали и об них радел». Волченок хотел уехать вместе с дипломатами, но османские власти ему этого не позволили: тогда он уехал в Крым и оттуда с семьей выбрался в Московское государство³⁴. При этом совершенно неясно, как статус янычара был совместим с подобной мобильностью.

В случае Агафонова и Сухотина важнейшим мотивом явилось участие в военных действиях, во время которых им довелось сражаться против своих бывших единоверцев. И тот и другой оказались участниками кампаний османской армии на Украине. В своих расспросных речах Агафонов рассказывает об осаде некоей «горских монастырей», монахи которых после нескольких штурмов сдались: «И салтанъ де велель техъ людей всехъ взять в полонь». Но особенно важными оказались для него впечатления от осады и взятия Лодыжина (1674), в судьбе защитников которого он мог вполне видеть аналог своей собственной судьбы — не случайно он особо останавливается на судьбе детей из украинского города:

«А после де того пришел салтанъ под Лодыжин, и приступы были жестокие восемь дней, и лодыженские жители на приступехъ многих турецкихъ людей побили, а сами на здавались. А в девятой день по самой неволе, что от жестокихъ ихъ турецкихъ приступовъ стало имъ сидѣть нужно, здались, и турецкой салтанъ, на них осердясь, что они с нимъ бились и многих людей ево побили, велѣль всѣхъ отдать на каторгу, а малые робята побраны в полонь»³⁵.

Еще более интересна и показательна судьба Леонтия Сухотина, который в полном смысле слова был «своим среди чужих, чужим среди своих». Когда в 1672 г. крымские войска были призваны к участию в осаде Каменец-Подольского, Сухотин, «написався в семени, пошел с ханом под Каменец» (при этом он не говорит прямо, что собрался на войну, надеясь оказаться ближе к московской границе). Свидетельство

³³ РГАДА. Ф.89. 1631 г. № 1. Л.28.

³⁴ Там же. Л.29 (расспросные речи Семена Яковлева и Петра Овдокимова).

³⁵ О взятии Умани и Лодыжина см.: Фаизов С.Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 98–116, здесь с. 105–106.

Сухотина об осаде Каменца — редкое свидетельство с османской стороны, дополняющее польские и украинские свидетельства (например, Летопись Самовидца). При этом он выбирает для осажденных, среди которых были католики, греко-католики и его собственные бывшие единоверцы, нейтральный термин «сидельцы», не солидаризируясь с ними и не высказывая эксплицитных симпатий и антипатий. Этот беспристрастный тон не изменяет ему и тогда, когда он описывает превращение каменецких храмов в мечети:

«А как Каменец Подольской взяли, и ис церквей и из костелов образы выбирали, а оклад обдирали, а их кололи и метали по земле, и по них ходили. А с церквей и с костелов кресты сломали, и их поворотили в мечети».

Эта беспристрастность изменяет Сухотину один раз — характеризуя гетмана Петро Дорошенко, решившегося соединить разделенную Украину под скипетром султана, он замечает, что «турские де люди не почитают ево ни в чем, а почитают ево так как сабаку». Но именно с Дорошенко, участвовавшим в осаде, Сухотин и связал свою судьбу:

«И как салтан и хан и Дорошенко пошли с ратными людьми врознь и он де, Леонтей, от хана отстал и пошел за Дорошенком, а назывался черкашенином из Лохвиц. И как де он Леонтей Дорошенка догнал в Лодыжине, и был он у Дорошенка для того, чтоб ему дал он проезжей лист до Лохвиц. И Дорошенко де ево Леонтя спрашивал, которого города черкашенин, и он сказался, что де он из Лохвиц, а был в полону в турках. И Дорошенко де ему дал лист проезжей до Лохвиц... А из Лодыгина он шол на Умань, а из Умани в Торговицы, а из Торговиц на Гуляй-поля, на Канев, а ис Канева перешол через Днепр и пришол в Переславль».

Каким образом Сухотину удалось на приеме у гетмана выдать себя за «полоняника» — украинца? Единственной гипотезой, которую я мог бы предложить, были неплохие знания украинского языка, полученные на галерах, где пленники с Украины могли составлять большинство.

Приступая к изучению русских источников по истории рабства в Османской империи, я рассматривал его как систему, выросшую на базе иных принципов и традиций, нежели, например, холопство в Московском государстве. Однако исследование источников показало, что оба института, находясь в своего рода дистанционном взаимодействии, часто действовали параллельно. Интересный материал отложился в розыске по делу Леонтия Неплюева, сосланного в 1689 г. по «делу Шакловитого». К делу оказалась приложена челобитная Осипа Михайлова — бывшего «капитана» янычар, из Казикермена, взятого в плен во время первого

Крымского похода, которого Неплюев обратил в православие, женил на дворовой и превратил в своего холопа, правда, никак не закрепив документально этой зависимости³⁶. К тому же делу оказалась подшита и челобитная еще одного «новокрещена», который ходатайствовал за своего брата Ахмета, который был «в Турецкой земле... во дворянех». Ахмет был взят в плен украинскими казаками вместе с женой и сыном, после чего Неплюев обратил их в православие и взял к себе «в холопство»³⁷. Таким образом, военнопленные, рабы, вольноотпущенники и репатрианты функционировали как агенты культурных трансфертов, главным содержанием которых являлся статус зависимых групп населения. Оказываясь интегрированным в чужое для них общество, они приносили в него свои практики и свои представления.

³⁶ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т.2. СПб., 1885. С. 563–568. Челобитчик просил освободить его от зависимости Матвееву и записать на государеву службу.

³⁷ Там же. С. 576–572. Челобитчик просил освободить его брата от зависимости. Эта челобитная, как и предыдущая, была удовлетворена.

REFERENCES

1. *Abramovich G.V., Ivina L.I., Man'kov A.G., Mironov B.N., Panejah V.M.*, Cathedral Code of 1649 [Sobornoe ulozhenie 1649 goda]. Text [Tekst], comments [kommentarij]. Leningrad, 1987. P. 131.
2. *Ådahl K.* The Sultan's Procession: The Swedish Embassy to Sultan Mehmed IV in 1657–1658 and the Rålamb Paintings. Istanbul, 2006.
3. *Bennassar B., Bennassar L.* Les Chrétiens d'Allah. P. 375.
4. *Faizov S.F.* The participation of Russia and the Crimean Khanate in the Polish-Turkish war of 1672–1676 (review of hostilities) [Uchastie Rossii i Krymskogo hanstva v pol'sko-tureckoj vojne 1672–1676 gg. (obzor boevyh dejstvij)]. Slavic collection [Slavjanskij sbornik], rel.5. Saratov, 1993. P. 98–116.
5. *Fontenay M.* Chiourmes turques au XVIIe siècle. Le genti del mare Mediterraneo, a cura di Rosalba Ragosta, vol.2. Napoli, 1981. P. 877–903.
6. *Inalcik H.* Servile Labor in the Ottoman Empire. The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: the East European Pattern. Ed. by Abraham Ascher, Tibor Halasi-Kun, Béla K.Király. New York 1979. P. 25–52.
7. *J.H.Kramers* Mütefferrika. Encyclopédie de l'islam, t.VII. Mif-Naz, Leiden, 1993. P. 796.
8. *Kizilov M.* Slave Trade in Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History*, 2007, vol.11 (1–2). P. 1–31.
9. *Lavrov A.* Histoire d'un retour en pays orthodoxe après une conversion à l'islam: Leonti Osman-Soukhotine, guerrier moscovite du sultan. *Slavica occitania*, 2009, vol.29. P. 256.
10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA).
11. *Sahillioğlu H.* Slaves in the Social and Economic Life of Bursa in the Late 15th and Early 16th Centuries. *Turcica*, vol.17, 1985. P. 58.
12. *Samgina E.I.* Overview of the Saltykov Foundation at the State Historical Museum [Obzor fonda Saltykovykh v Gosudarstvennom istoricheskom muzee]. *Archaeographic Yearbook for 1970* [Arheograficheskiy ezhegodnik za 1970 god]. Moscow, 1971. P. 294–299.
13. *Seng Y. J.* Fugitives and Factotums: Slavery in Early Sixteenth-Century Istanbul. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol.39, n°2, 1996. P. 136–169.

Ключевые слова:

расспросные речи, рабство в Османской империи, репатрианты, русско-османские отношения, культурные трансферты.

Aleksander S. Lavrov

QUESTIONING WORDS AND CAPTIVES' PETITIONS FROM THE MUSCOVITE STATE AS A SOURCE ON SLAVERY IN THE OTTOMAN EMPIRE IN 17TH C.

The article is based on Archival Documents connected to the former Ottoman Captives. The Russians who returned to the Muscovite State either prepared Captives' Petitions to get certain benefits (particularly monetary support — an "Exit" benefit) or dictated vast Questioning Words. These were personal autobiographies given in those Petitions and Questioning Words from this Social Group's Collective Biography. Though the reliability of the information is mostly doubtful — often a character ready to sacrifice foreign land Home, Status and wealth for homecoming described through a Discourse from Oral Tales of Legends.

Analyses of sources show that both social institutions — slavery in the Ottoman Empire and serfhood in the Muscovite State — were at a constant distant interaction, often acting simultaneously.

Slavery in the Ottoman Empire is addressed as a transnational and open institution, where slaves could have utterly different social and political practices. Former captives are considered to be cultural transferees. They are regarded to show the social status and role of the enslaved population. Captives, slaves, freemen, and returnees being integrated to a Foreign Society imported their own practices and beliefs.

Key Words: Questioning Words, slavery in the Ottoman Empire, Returnees, Russian-Ottoman Relations, Cultural Transfers.

Aleksander S. Lavrov — D. Sc. (History), Professor at the Paris-Sorbonne University, Member of International Slavic Institute, Member of French National Board of Universities (CNU).

 Лавров Александр Сергеевич

доктор исторических наук, профессор Университета Париж-Сорбонна. Член Славянского института, Национального комитета университетов Франции

DOI: 10.35549/HR.2020.73.33.007

С.А. Кириллина

«БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» В ИЕРУСАЛИМ: РОССИЙСКИЕ ПАЛОМНИКИ-ПИСАТЕЛИ XVIII СТОЛЕТИЯ

XVIII в. паломнический жанр в русской словесности достиг подлинного расцвета и практически подошел к своему логическому завершению. Абсолютное большинство образцов отечественной путевой литературы XIX в. о Ближнем Востоке, в том числе о Святой земле, не вписываются в каноны жанра хождений, либо полностью утратив специфический «паломнический» характер, либо сочетая в себе отдельные элементы классических «Хождений» с новыми подходами к восточным реалиям, которые отражали кардинальные изменения в оценке увиденного. В то же время паломнические описания Святой земли, составленные в XVIII в., не только предваряют «золотой век путешествий» в русской литературе, но и сохраняют свою самостоятельную историко-культурную значимость. Присущий им мощный религиозно-нравственный пафос позволил знаменитому отечественному историку литературы Н.К. Гудзию окрестить жанр хождений жанром «благочестивых путешествий»¹.

¹ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. 7-е изд. М.: Просвещение, 1966. С. 118.

Подведя своеобразный итог многовековой истории «Хождений», XVIII в. превзошел предшествующие столетия по числу произведений этого жанра. Серию паломнических описаний этого периода открывает «Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова»², автор которого определяется в отечественной исследовательской литературе как «незаслуженно забытый писатель-паломник петровского времени»³.

Дошедшие до нас сведения о Лукьянове, чье странствие в Иерусалим и Землю обетованную продлилось больше года (с конца декабря 1701 г. по январь 1703 г.), крайне скудны и разноречивы⁴. Мы можем достаточно уверенно констатировать то, что он был уроженцем Калуги, однако его социальное положение до принятия им священнического сана нам неизвестно. Вместе с тем не подлежит сомнению старообрядческая «духовная» идентификация Иоанна Лукьянова, поскольку в его «Хождении» есть как прямые, так и опосредованные указания на его принадлежность к раскольникам. В частности, об этом свидетельствует резкая критика Лукьяновым греков с целью доказательства их «неправоверия». Таким образом, когда речь идет о времени путешествия богомольца в Святую землю, мы можем уверенно идентифицировать Иоанна Лукьянова как московского священника, тайно державшегося раскола.

Первая, осуществленная в 1863 г. публикация этого памятника⁵ вызвала разноречивые, в том числе неблагоприятные отзывы о содержательной стороне этого «Хождения», что, вероятно, было связано с тем, что Лукьянов был поборником старообрядчества и, предположительно, направлен единомышленниками на Восток для выяснения состояния дел в греческой церкви. Однако затем путевые записки Лукьянова практически выпали из поля зрения последующих поколений отечественных востоковедов. Лишь недавно к этому источнику обратился арабист К.А. Пан-

² Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова: 1701–1703. М.: Наука, 2008.

³ Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Житие и хождение Иоанна Лукьянова // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 403.

⁴ Наиболее полный свод сведений о Лукьянове был собран авторитетным специалистом в области старообрядческого движения М.И. Лилеевым, немецким славистом К.-Д. Зеemannом и российским ученым С.Н. Травниковым (перечень соответствующих работ см. в: Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 624–626).

⁵ Путешествие в святую землю священника Лукьянова // Русский архив. М., 1863. Вып. 1–5/6 (вып. 1. Стб. 21–64; вып. 2. Стб. 113–159; вып. 3. Стб. 223–264, вып. 4. Стб. 305–344; вып. 5/6. Стб. 385–416). Спустя три года памятник был переиздан (Русский архив. 2-е изд. М., 1866).

ченко, по достоинству оценивший его историко-культурную значимость для исследователей ближневосточного региона⁶.

Действительно, «Хождение» Иоанна Лукьянова представляет собой редкий, если не уникальный для своего времени источник, поражающий читателя живостью авторского мировосприятия и экспрессивной стилиевой манерой, а также богатством и разнообразием информации. Святым местам Палестины в нем отведена только пятая часть текста. Лукьянов как бы ломает традиционную схему паломничества, исключая из нее хрестоматийный элемент — хождение на реку Иордан. Более того, поскольку богомолец не находился в Иерусалиме в пасхальные дни, в его «Хождении» отсутствуют личные впечатления о праздновании в Святом Граде Великой Пасхи — центральном событии в жизни каждого православного паломника.

Рассуждая о мироощущении Иоанна Лукьянова, К.А. Панченко подчеркивает то, что паломник предстает перед нами на страницах своего труда как типичный представитель консервативного старомосковского общества, вынужденный жить в эпоху Петровских реформ: старательно игнорируя «и никонианское грекофильство, и петровское западничество», он пребывает в состоянии «некоей “внутренней эмиграции”, ... в мире образов и ценностей Московского царства»⁷. Что же касается источниковой ценности труда Иоанна Лукьянова, то, как считает исследователь, в череде «Хождений» XVIII в. он может быть уверенно поставлен на второе место после путевых записок Василия Григоровича-Барского⁸.

К началу XVIII столетия относится «Сказание путешествия от Константинополя до святого града Иерусалима»⁹, написанное анонимным автором, вероятно, лицом духовного звания. Компактное по объему (сохранившийся фрагмент рукописи занимает около девяти страниц печатного текста и обрывается на описании топографии Каира), анонимное «Сказание» по форме напоминает путеводитель-дорожник, подобный распространенным в России кратким греческим проскинитариям¹⁰. По-

⁶ Панченко К.А. Старообрядец в Леванте: Османский мир начала XVIII века в описании русского паломника Ивана Лукьянова // Мадх. Восхваление. Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: ИД «Ключ-С», 2008. С. 339–350.

⁷ Там же. С. 341.

⁸ Там же. С. 350.

⁹ Анонимное Иерусалимское Хождение XVIII века // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (СИППО). СПб., 1911. Т. 23. Вып. 3–4 (вып. 3. С. 346–361; вып. 4. С. 520–527).

¹⁰ Проскинитарий — путеводитель по Святой земле практического и справочного характера.

казательно то, что Иерусалиму в нем посвящен только один краткий абзац. Можно предположить, что мы имеем дело с черновыми набросками, которые так и не были трансформированы в полноценное паломническое описание, или же написанное на их основании сочинение до нас не дошло.

Труды российских «описателей» Святой земли неравнозначны как по своему фактическому объему, так и по своей историко-культурной значимости. С работами, впечатляющими как своим объемом, так и многогранным содержанием, соседствуют записки богомольцев непритязательные и безыскусные. К их числу относится во многом вторичное в плане описания святых мест сочинение Макария и Селиверста¹¹, иеромонахов Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря, расположенного на реке Десна на Черниговщине. Их путешествие в Святую землю началось на исходе 1704 г., почти год они провели в Палестине и вернулись домой в начале мая 1707 г. Почетное место в «Хождении» Макария и Селиверста занимают вкрапления библейско-апокрифических легенд и преданий.

Двое паломников-писателей петровского времени — Андрей Игнатъев и Варлаам — состояли на службе в качестве «домовых священников» — капелланов у людей известных, сподвижников Петра I, что, вне всяких сомнений, давало им преимущества при осуществлении паломничества.

Московский священник Андрей Игнатъев был капелланом первого постоянного российского посла в Османской империи графа П.А. Толстого (1645–1729), заступившего на этот пост в 1702 г. Паломничество Андрея Игнатъева в Иерусалим и на Синайскую гору¹², совершенное им вместе с его братом Стефаном в 1707–1708 гг., пришлось на десятилетний мирный период русско-турецких отношений и протекало без особых осложнений. После возвращения в Стамбул Игнатъев продолжил службу при дворе, пережил тяжелые времена, когда, после того как султан Ахмед III (1703–1730 гг.) объявил войну России, посольство было разграблено, а его персонал арестован. На родину Андрей Игнатъев вер-

¹¹ Путь нам Иеромонахам Макарию и Селиверсту из Монастыря Всемилоствиваго Спаса Новгородка Северскаго до Святаго града Иерусалима поклонитися гробу Господню 1704 году // Паломники-писатели петровскаго и послепетровскаго времени или путники во святой град Иерусалим // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете (ЧОИИДР), 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 1–26.

¹² Гора Синай, или гора Моисея — гора на юге Синайского полуострова, на которой, согласно Пятикнижию, Бог дал Моисею Скрижали Завета и Тору.

нулся после подписания в 1713 г. Адрианопольского мирного трактата¹³ и поселился в Новоиерусалимском монастыре, где, вероятно, и окончил свои дни. Его «Путешествие»¹⁴ увидело свет стараниями архимандрита Леонида (Кавелина) в 1873 г. «Египетско-синаяская» часть этого составленного в дневниковой манере небольшого труда для историка выглядит значительно более привлекательной, нежели привычные описания палестинских мест поклонения.

Порой пути российских паломников-писателей пересекались. Так, в Яффе судьба свела Андрея Игнатъева с автором примечательного «Хождения» петровской поры Ипполитом Вишенским.

Странствие в Палестину иеромонаха Борисоглебского монастыря г. Чернигова Ипполита Вишенского, в которое он отправился в октябре 1707 г., продлилось около года и десяти месяцев и, так же как у Андрея Игнатъева, прошло спокойно и благополучно. В основу его сочинения¹⁵ легли отрывочные дневниковые записи, впоследствии упорядоченные и обработанные автором. «Путешествие» Вишенского исключительно подробно и обстоятельно: методично описывая христианские достопримечательности, он стремится оживить библейскую историю, снабдив ее обильным легендарно-апокрифическим материалом. Хотя, как констатирует издатель памятника С.П. Розанов, прожив в Святом Граде почти восемь месяцев, «современного ... живого гражданского Иерусалима Вишенский почти не заметил»¹⁶, он далеко не равнодушен к обыденной мирской жизни, что явствует из «неиерусалимских» частей его описания. В целом С.П. Розанов похвально отозвался о «Путешествии» Ипполита Вишенского, определив его автора как представителя новой фазы в истории паломнической литературы с присущим ему более широким спектром интересов и отсутствием чувства религиозной исключительности, закрывающей «глаза на все, что не входит в круг предметов цер-

¹³ Адрианопольский мирный договор завершил Русско-турецкую войну 1710–1713 гг.

¹⁴ Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору, находившагося при Российском Посланнике, Графе Петре Андреевиче Толстом, Священника Андрея Игнатъева и брата его, Стефана, в 1707 году // Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим // ЧОИДР, 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 27–54.

¹⁵ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) // Православный Палестинский Сборник (ППС). СПб., 1914. Т. XXI. Вып. 1 (61). С. 1–190.

¹⁶ Розанов С.П. Сведения о личности автора и его труде // Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим... С. XXXIII.

ковно-религиозного характера»¹⁷. Столь хвалебную оценку не разделяет немецкий исследователь К.-Д. Зеemann: он полагает, что приписываемые Вишенскому пионерные тенденции и новации восходят к его предшественникам, и в череде паломнических описаний петровского времени его «Путешествие» заметно уступает «Хождению» Иоанна Лукьянова¹⁸, что вряд ли можно оспорить.

Через пять лет после Вишенского, в 1712 г., в Палестину отправился монах Киево-Печерской лавры Варлаам Леницкий. Предыстория и перипетии хождения Варлаама подробно описаны в его «Пereгринании или Путнике»¹⁹. Он состоял в качестве капеллана при фельдмаршале Б.П. Шереметеве (1652–1719), который командовал армией во время неудачного Прутского похода. После того, как в июле 1711 г. с османами был подписан крайне невыгодный для России мирный договор, Варлаам был прикомандирован к отправленным в Стамбул российским дипломатическим представителям П.П. Шафирову (1669–1739) и М.Б. Шереметеву (1672–1714). Воспользовавшись временным затишьем, он отпросился у посланников на богомолье в Палестину. Когда он находился в Иерусалиме, туда дошла весть о возобновлении военного противостояния Османской империи и России²⁰. Опасаясь ареста, Варлаам решил бежать из Палестины. Он с трудом добрался до Кипра, однако там по доносу его слуги Варлаама посадили в тюрьму. В заточении иеромонах провел год и три месяца, пока весной 1714 г. П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев не вызволили его из неволи. Вернувшись в Россию, он поначалу служил в киевском Михайловском монастыре игуменом. До ухода на покой он занимался делами религиозного образования в различных российских городах, а последние годы своей жизни провел в Киево-Печерской лавре²¹. «Путник» Варлаама наполнен хрестоматийными описаниями мест поклонения, которые сопровождаются их инвентарными списками (к примеру, места, достойные посещения в Вифлееме, — 34 позиции; то же в

¹⁷ Там же. С. V.

¹⁸ *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste. Texte und Abhandlungen, Bd. 24. München: W. Fink, 1976. S. 388.

¹⁹ Pereгринация или Путник, в нем же описуется путь до святого града Иерусалима и вся святая места Палестинская, от Иеромонаха Варлаама, бывшего тамо в 1712 г. // Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим // ЧОИДР, 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 55–77.

²⁰ Речь идет о Русско-турецкой войне 1710–1713 гг.

²¹ *Stavrou T.G., Weisensel P.R.* Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus: Slavica Publishers, 1986. P. 66.

отношении Иерусалима — 127 пунктов). В то же время в Варлаамовой «Перегринации» сильно беллетристическое начало. Содержащийся в ней динамично развивающийся рассказ о его хотя и благополучно завершившемся, однако полным невзгод путешествии достоин того, чтобы послужить основой авантюрного романа.

В 1721–1722 гг. хождение в Палестину совершил посадский человек из Ярославля Матвей Гаврилов Нечаев, «начетчик и любитель духовного чтения» (по характеристике издателя этого памятника Н.П. Барсова)²². Его информативные, хотя и достаточно краткие записки содержат множество деталей, не имеющих прямого отношения к основной задаче странствия. Непринужденно микшируя мирское и сакральное, Нечаев разнообразит и беллетризует свое повествование, а временами впадает в философствование. Размышляя о судьбе Константинополя под османским правлением, он уповает на его «исцеление», поскольку, как он пишет, «многажды бывает по падении возстание, по расточении собрание, по плачи радость, по сетовании веселие, по преступлении исправление и помощь Божия»²³.

В 1722 г. Святую землю посетили представители монашеской братии Рыхловского Николаевского монастыря Черниговской епархии Сильвестр и Никодим. В описании их хождения²⁴ обозначен сан Сильвестра — иеромонах, тогда как спутник его назван только по имени. Вероятно, Никодим был послушником или рясофорным монахом²⁵ и во время паломничества находился у Сильвестра в услужении. Согласно выдвинутому издателем этого источника Н. Петровым предположению, большая часть рукописи написана Сильвестром, и только незначительная ее часть — Никодимом²⁶. Это незатейливое и простосердечное сочинение обитателей Рыхловской обители весьма похоже на паломническое описание, составленное их собратьями с той же Черниговщины — Ма-

²² Барсов Н.П. [Предисловие] // Книга: Хождение во святыи град Иерусалим Ярославца Толчковской слободы посадскаго человека Матвея Гаврилова сына Нечаева (1719–1720) // Варшавские университетские известия. 1875. № 1. С. 2. Передатировка этого «Хождения» основана на сопоставлении дней недели, чисел и дат христианского календаря. Дата «лето от воплощения Слова Божия 1721 года, июля 16 день», указанная в начале «Хождения» как дата его написания, скорее всего представляет собой дату начала странствия Нечаева.

²³ Книга: Хождение во святыи град Иерусалим... Матвея Гаврилова сына Нечаева. С. 15.

²⁴ Описание путешествия иеромонаха Рыхловскаго Николаевскаго монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим, в 1722 году // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1883. Т. II. С. 192–204.

²⁵ Монах низшей степени пострига, готовящийся к принятию малой схимы.

²⁶ Петров Н. [Предисловие] // Описание путешествия иеромонаха Рыхловскаго Николаевскаго монастыря Сильвестра и Никодима... С. 193.

карием и Селиверстом. К сожалению, сохранилось менее половины их рукописи: дошедший до нас фрагмент обрывается на описании морского пути от Кипра до Сайды (древнего Сидона). «Путешествие» Сильвестра и Никодима замыкает серию паломнических описаний петровской поры, оказавшейся наиболее продуктивной в отношении количества произведений этого жанра. Нам известно по крайней мере семь «Хождений» этого периода, о которых речь шла выше.

В XVIII столетии сокровищница мировой паломнической литературы пополнилась истинным шедевром — зарисовками по свежим следам Василия Григорьевича Григоровича-Барского (1701–1747)²⁷, который отправился в свое многолетнее странствование в 1723 г. По Европе он путешествовал по большей части в обличии католического пилигрима. Мысль посетить Иерусалим и поклониться Гробу Господню ему пришла только во время вторичного пребывания в Венеции, и летом 1725 г. он вступил в пределы Османской империи. Но, еще будучи в венецианских владениях, он облачился в православное монашеское одеяние только без клобука. Полный монашеский постриг он принял лишь в 1734 г. в Дамаске. Однако до этого он обошел все монашеские обители на святой Афонской горе, совершил два паломничества в Палестину, побывал в Египте, на Синае, в Ливане и на средиземноморских островах. В 1743 г. Григорович-Барский, проживавший в то время на Патмосе, был вызван российским резидентом при Высокой Порте А.А. Вешняковым²⁸ в Стамбул. Однако неспешная и благополучная жизнь в столичном городе ему быстро наскучила, и с разрешения А.А. Вешнякова он опять отправился на Афон. На описании вторичного посещения Афона²⁹ рукопись Василия Григоровича-Барского обрывается. Однако мы знаем, что, возвратившись в Стамбул, он повздорил с новым российским резидентом А.И. Неплюевым (1745–1750 гг.) и спешно покинул османскую столицу. Вернулся

²⁷ Пешехода Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, Уроженца Киевскаго, Монаха Антиохийскаго, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное, ныне же на иждивении его светлости, князя Григорья Александровича Потемкина, для пользы Общества изданное в свет, под смотрением... Василья Григорьевича Рубана. СПб.: при Императорской Академии наук, 1778; Странствования Василья Григоровича-Барскаго по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы Православным Палестинским Обществом по подлинной рукописи под ред. Николая Барсукова. Ч. I–IV. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1885–1887.

²⁸ Алексей Андреевич Вешняков (1700–1745) исполнял функции резидента при Порте в 1734–1736 и 1739–1745 гг.

²⁹ *Григорович-Барский В.* Второе посещение Святой Афонской Горы Василия Григоровича-Барского им самим описанное. М.: Индрик, 2004 (репринт издания 1887 г.).

Титульный лист первого издания «Путешествия к святым местам»
 Василия Григоровича-Барского. СПб., 1778 г.

Григорович-Барский на родину в 1747 г. и скончался в родительском доме спустя немногим более месяца.

Рукописные копии «Странствований» Василия Григоровича-Барского получили широкое распространение еще до первой их публикации. По свидетельству первого издателя этой объемистой книги В.Г. Рубана, «все те, до коих о ней хотя малейшее дошло сведение», переписывали ее «превеликою жадностию»³⁰. Первое издание «Путешествия» Григоровича-Барского было опубликовано в 1778 г. благодаря спонсорской помощи князя Г.А. Потемкина-Таврического (1739–1791). Впоследствии путевые записки Василия Григоровича-Барского неоднократно переиздавались³¹, а также публиковались в отдельных извлечениях, пользуясь неизменным

³⁰ Рубан В. Предисловие от издателя // Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова... путешествие к святым местам. С. III.

³¹ В течение 40 лет после первой публикации в 1778 г. это издание было повторено 5 раз (2-е издание — 1785; раскольническое издание — 1788; 3-е издание — 1793; 4-е — скорее всего не существует; 5-е — 1800; 6-е — 1819).

успехом у любознательных читателей и привлекая пристальное внимание исследователей дореволюционной поры³².

Фундаментом успеха, выпавшего на долю книги Григоровича-Барского, стало как ошеломляющее богатство и разнообразие собранной в ней фактологии, так и нравственно-гуманистическое начало его произведения, порой простодушного, но поразительно искреннего повествования о «труде путей». По тонкому замечанию отечественного арабиста М.А. Родионова, «для его переимчивой личности столкновение культур обернулось их обогащением и приятием нового во имя истины, ставшей для него императивом»³³. Более того, продолжает М.А. Родионов, «от Василия можно отсчитывать начало пути, в ходе которого сочинения о путешествиях по воде и по суше все более заменялись путешествиями мысли и духа»³⁴. Записки Григоровича-Барского, будучи органической частью старинной русской словесности, вместе с тем выступали как «предтеча новой литературы, ставящей жизнь сердца и культуру души выше просвещения»³⁵. И в наши дни странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока продолжают волновать читателя, свидетельством чему служат новейшие переиздания его трудов³⁶.

В середине XVIII в. на Святой земле побывал Серапион Множинский-Каяков, насельник Матронинского Свято-Троицкого монастыря, расположенного в лесном урочище в районе Чигирина. На поклонение святыням Иерусалима он отправился в 1749 г. и благополучно вернулся из паломничества в 1751 г. Отличающийся полнотой и обстоятельностью «Путник» Серапиона³⁷ занимает высокое положение в ряду паломнических сочинений XVIII в. Пытливость и наблюдательность его автора по-

³² См., напр.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды В.Г. Барского. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1885.

³³ Родионов М.А. Запад и Восток в записках пешехода Василия // Россия, Запад и мусульманский Восток в Новое время. Сб. статей. СПб.: Вост. ф-т СПбГУ, 1994. С. 152.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 136.

³⁶ В наше время по тексту первого издания 1778 г. опубликована часть путевого дневника Василия Григоровича-Барского, посвященная путешествию по Европе в 1723–1725 гг.: Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М.: Наследие, 2003. С. 475–620. Часть издания под редакцией Николая Барсукова (СПб., 1885–1886) была воспроизведена в 2004–2005 гг.: Григорович-Барский В.Г. Странствования по святым местам Востока. Ч. I. 1723–1727 гг. М., 2004; Ч. II. 1728–1744 гг. М., 2005.

³⁷ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инок Серапиона 1749 года // Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим // ЧОИДР, 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 78–129.

зволили ему увидеть и описать многое, лежащее за границей хрестоматийных паломнических интересов.

Кровопролитные Русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. не способствовали развитию русского паломнического движения в Палестину, что определило незначительное число относящихся к этому периоду работ российских паломников. Нам известны только три паломнических описания, написанные в период царствования Екатерины II (1762–1796 гг.), — работы Игнатия, Леонтия и Мелетия.

Первый из них — Игнатий Деншин — провел за рубежами отчизны десять лет (1766–1776 гг.). Он родился в Курске, в семье купца и сам занимался торговлей, пока не решил отправиться на Восток, чтобы принять там монашеский постриг. Это он и сделал на Афоне, где обретаемая большую часть времени, проведенного вдали от родины, спасаясь от напастей Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Тем не менее, несмотря на продолжение военных действий, Игнатий рискнул совершить паломничество в Палестину, побывав там между 1770 и 1772 гг. Вернувшись в Россию в 1776 г., он жил в прославленной Саровской пустыни вплоть до 1788 г., а затем переехал во Владимир. Далее следы его теряются. Сопреженное с опасностями путешествие в Святую землю отец Игнатий описал в компактном труде³⁸, в котором наибольший интерес для историка представляют рассказы о подконтрольной бедуинам палестинской периферии.

Далеко не все письменные свидетельства богомольцев о хождениях к святым местам Ближнего Востока, относящиеся к рассматриваемому периоду, завоевали признание как современников, так и ученых последующих поколений. К числу источников с несчастливой судьбой относится никогда не публиковавшаяся тринадцатитомная «История жизни младшего Григоровича» архимандрита Леонтия (Луки Степановича Зеленского) (1726–1807)³⁹, первые три тома которой посвящены описанию его путешествия 1763–1766 гг. к святым местам Египта и Палестины⁴⁰.

³⁸ Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет 1766–1776 гг. // ППС. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3 (36). С. 1–25.

³⁹ Первые девять томов рукописи «Истории жизни младшего Григоровича», приготовленной автором для издания, хранятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД Российской Федерации (АВП РИ). Следы последующих трех томов (десятого, одиннадцатого и двенадцатого) затерялись. Неотредактированная авторская рукопись завершающего тринадцатого тома находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

⁴⁰ Леонтий (архимандрит). История жизни младшего Григоровича. Т. 1–3 // АВП РИ. Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, не ранее 1763, д. 4 (т. 1); 1765, д. 7 (т. 2); 1765, д. 8 (т. 3).

томъ ..1.. тѣмъградѣ

Портретъ младшаго Григоровича вѣроятно
показующій его почитаніе все — или мисогубовкою
Рыковъ: дабы показывается все для кельи всего ките
ца; и дабы возгорится копя и много, одржишь все
погривать, погоса къ вѣкъ, и погоса будя пика
такия сверкаетъ въ силе: по. погосагокъ посила
вытравить ея, кетелкувъ пика много къ сими
номъ сажу пѣтешу и къ ка пѣтешоу мѣнь: од-
каноу къ вѣкъ, по погосагокъ кетелкукъ до
сабдлаго поща: погосагокъ мѣнь / 7^м погоса / на
столицею отгосагокъ, погоса бытешоу мѣтешоу. —
Котоуто кетелкукъ отгосагокъ мѣтешоу мѣтешоу изъ Ма
могосаго въ 1763^м г. д. ч.

Автограф архимандрита Леонтия (начало рукописи 1-го тома «Истории жизни младшего Григоровича»). Попов А.П. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века. Кронштадт, 1911

Леонтий (в монашестве), крещенный под именем Лука и вместо родового имени отца — Яценко — подписывавшийся фамилией прадеда — Зеленский, был выходцем из жившей под Полтавой украинско-польской семьи. В возрасте девятнадцати лет он поступил послушником в полтавский Крестовоздвиженский монастырь. Через три года он был пострижен в монахи с именем Леонид, а перед началом иеродиаконского служения (с 1750 г.) принял имя Леонтий, с которым спустя девять лет был рукоположен в иеромонахи. Вскоре он занял должность ризничего, а затем и наместника обители, в которой провел в общей сложности 19 лет. Давнюю мечту побывать в Святой земле ему помог воплотить в жизнь случай. В мае 1763 г. его послали в погоню за двумя бежавшими из монастыря монахами. Настигнув их, Леонтий, вместо того чтобы вернуть беглецов на Полтавщину, ушел вместе с ними на Афон, а оттуда весной следующего года переправился морем в Египет, откуда двинулся на Синай. В том же 1764 г. он был уже в Иерусалиме и, завершив паломничество, осенью 1765 г. прибыл в Стамбул с намерением возвратиться на родину. Однако, приняв предложение взять на себя пастырские обязанности в церкви при российском посольстве, Леонтий остался в османской столице, ставшей для него пристанищем на сорок с лишним лет, вплоть до его

кончины в 1807 г. За это время ему довелось побывать в России только дважды в 1771–1775 и 1787–1793 гг. и оба раза по причинам, обусловленным военным временем⁴¹.

К написанию «Истории жизни младшего Григоровича», растянувшись на почти два десятка лет, Леонтий приступил в середине 1780-х гг., сводя воедино многочисленные записи, накопившиеся за минувшие годы. Поначалу намереваясь отобразить только свое хождение по святым местам Востока, Леонтий этим не ограничился и взялся за описание своего бытия в Стамбуле и своих путешествий по России. К середине 1790-х гг. он собственноручно переписал, отредактировал и подготовил к публикации первые десять томов «Младшего Григоровича». Черновики его последнего, тринадцатого тома, озаглавленного «Увядающий венец жизни», датируются 1803 г.

Одним из действенных стимулов, побудивших Леонтия взяться за перо, стал выход в свет записок Василия Григоровича-Барского. Вынеся в начало первого тома «Истории жизни» подзаголовок «Портрет младшего Григоровича», Леонтий, особенно в трех первых частях своего произведения, то и дело подчеркивает свое «родство» со славным предшественником, называя его своим «старшим братом», а себя Григоровичем младшим. Вдохновленный успехом книги Василия Григоровича-Барского и втайне надеясь его превзойти, Леонтий создает крупномасштабное литературное полотно, в котором, тем не менее, влияние его собрата по перу просматривается с большим трудом. Сам Леонтий далек от присущей как Григоровичу-Барскому, так и иным паломникам-писателям религиозной истовости и не проливает слез умиления при виде православных святынь. Биограф Леонтия протоиерей А.П. Попов, будучи священнослужителем, вменяет Леонтию в вину не отличающееся должной серьезностью и набожностью отношение «к дорогим православному сердцу предметам, лицам и событиям», что он отчасти связывает с присущим жизнерадостному Леонтию природным чувством юмора, но более всего с разлагающим влиянием на него французских энциклопедистов XVIII в., заразивших священнослужителя духом непростительного легкомыслия⁴².

⁴¹ Часть времени Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Леонтий провел в Киево-Печерской лавре. В Стамбул он вернулся с торжественным посольством князя Николая Васильевича Репнина (1774–1776 гг.), прибывшего для ратификации Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Вторично Леонтий был вынужден уехать из Османской империи, когда она объявила войну России в 1787 г., и по ее завершении возвратился в османскую столицу.

⁴² Попов А.П. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века. Кронштадт: Типография газеты «Котлин», 1911. С. 155, 66–67.

В своих воспоминаниях Леонтий обращается к читателю с просьбой не судить его строго за многословие, а также за недостатки письменной речи, что, вероятнее всего, объясняется его долгим пребыванием в «иноязычной» среде. Действительно, в труде Леонтия орфография не унифицирована, а авторская пунктуация зачастую ставит в тупик. Слог его витиеват, порой чрезмерно тяжеловесен и несет на себе неизгладимую печать украинско-польского происхождения автора. Вместе с тем многие пассажи «Истории жизни младшего Григоровича», по словам известного византиниста А.А. Дмитриевского (1856–1929), исполнены «неподдельной красоты и поэтической художественности», а сам автор предстает перед нами не только как плодовитый, но и даровитый писатель, «умный от природы и начитанный не только в святоотеческой письменности, но и в светской русской и особенно иностранной литературе»⁴³.

Сочинение Леонтия, написанное в модной по тем временам эпистолярной форме (свои литературные экзерсисы он адресует иеромонаху Мартиниану, своему давнему другу по полтавской монастырской жизни), лишено композиционного единства и представляет собой причудливую смесь разнообразных фактов, бытовых и психологических зарисовок, метких наблюдений и многословных внутренних диалогов, в которых исследователи, в том числе и историки-востоковеды, найдут много важного и полезного. Леонтий графомански выплескивает на бумагу «поток своего сознания»: описание паломнического хождения пестрит многочисленными авторскими отступлениями, отвлеченными рассуждениями о высоких материях и вставками полемического характера. Сам Леонтий без лишней скромности величает свой труд «новой, большой и во всем справедливой книгой»⁴⁴. При этом автора намного больше привлекает повседневная живая действительность, нежели памятники, оваянные «преданиями старины глубокой». Описывая свое путешествие по Египту, он подчеркивает: «Я... почитаю всегда лучшим описание простых, лишь бы точно бывших произшествий, нежели набить дюжины полторы томов... самыми славными и страшными, но по нещастию мнимыми бытиями, коих не было и не может быть»⁴⁵.

⁴³ А.Д. Критика и библиография: Прот. А.П. Попов. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века. Кронштадт, 1911 // СИППО. СПб., 1911. Т. 22. С. 480, 477.

⁴⁴ Леонтий. История жизни младшего Григоровича. Т. 6 // АВП РИ. Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 505. Д. 11. С. 308.

⁴⁵ Леонтий. История жизни младшего Григоровича. Т. 1. С. 178.

Извлекий из небытия «Историю жизни младшего Григоровича» первый биограф Леонтия А.П. Попов, оценивая его труд в целом, заключает, что он «по количеству предметов, затронутых в описании, во многих местах по художественному изложению и тому юмору, с которым автор перемешивает свои картинные описания, ... имеет полное основание занять первое место после Василия Григоровича Барскаго»⁴⁶. П.В. Стегний, обратившийся к автобиографическим запискам архимандрита Леонтия после восьмидесятилетнего перерыва, вновь подтвердил их источниковую значимость, подчеркнув, что они вполне выдерживают сравнение со знаменитым произведением его предшественника и «должны по праву занять видное место в русской паломнической литературе»⁴⁷.

В конце XVIII в. Святую землю посетил Мелетий, «родом из астраханских купцов»⁴⁸, иеромонах Саровской пустыни, автор последнего из известных нам паломнических описаний этого столетия⁴⁹. Его «Путешествие во Иерусалим» печаталось дважды в 1798 и 1800 гг. и получило лестный отзыв в церковных кругах⁵⁰. Вместе с тем революционер-демократ и по совместительству писатель и литературный критик Н.Г. Чернышевский (1828–1889) оценил труд Мелетия как слабое, не отличающееся оригинальностью сочинение, заявив, что «его книга — компиляция из прежних путешествий, уже бывших известными русской публике»⁵¹. Возможно, столь нелестное суждение предопределило место этого источника на периферии или за пределами исследовательских интересов отечественных историков.

«Путешествие во Иерусалим» Мелетия гармонично вписывается в каноны традиционных паломнических хождений (из 325 страниц текста 220 посвящены повествованию о пребывании иеромонаха в Палестине).

⁴⁶ Попов А.П. Младший Григорович. С. 5–6.

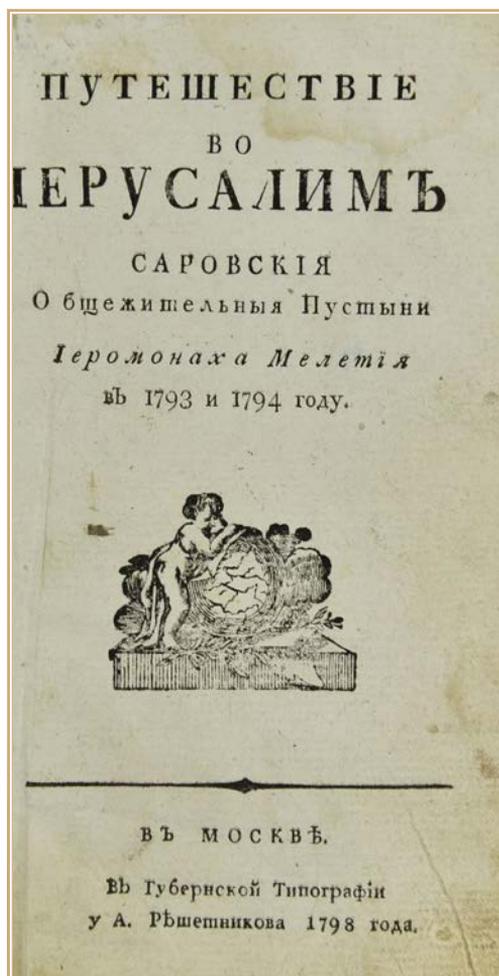
⁴⁷ Перминов П.В. История жизни младшего Григоровича (отрывки) // Путешествия в Святую Землю. Записки русских путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 300, 301. П.В. Перминов — псевдоним российского историка и дипломата П.В. Стегния.

⁴⁸ Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М.: Русский двор, 1995. С. 213.

⁴⁹ Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительныя Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М.: Губернская типография А. Решетникова, 1798.

⁵⁰ См., напр.: Пономарев С.И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах (Материалы для библиографии). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1877. С. 14.

⁵¹ Чернышевский Н.Г. Путешествие А.С. Норова. С.-Петербург. 1854 // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. II. М.: Гослитиздат, 1949. С. 518.

Титульный лист книги иеромонаха Мелетія. 1798 г.

Однако при внимательном прочтении этого труда становится ясным, что он отличается богатством информации не только о святынях христианства, но и о жизни, культуре и быте народов, населявших Османскую империю, и, по нашему мнению, не может быть отнесен к числу вторичных описаний Святой земли.

Мелетий отправился в паломничество 10 августа 1793 г., после семнадцати лет уединенной монашеской жизни. До Иерусалима он добрался без злоключений и пробыл там с конца декабря 1793 г. до 15 апреля 1794 г., совершая оттуда поездки в различные места Палестины, в том числе в Вифлеем и Хеврон. В Москву иеромонах вернулся 9 августа 1794 г.

Святая земля продолжала притягивать Мелетия как магнит. Через 10 лет после возвращения из паломничества он вновь был на пути в Палестину, однако на подходе к палестинскому побережью его корабль по-

терпел крушение. Хотя паломник Мелетий спасся, однако уже через два дня скончался и был похоронен в одном из селений недалеко от Акки⁵².

В отличие от многих российских писателей-паломников, людей по преимуществу простых и малообразованных, Мелетий воспитан на книгах и обладает обширными знаниями как духовного, так и светского характера. Его труд оснащен аппаратом сносок, дающих ясное представление о широком круге чтения автора. Его «Путешествие во Иерусалим» написано ясным языком, а авторский стиль лишен нарочитости и выспренности, хотя временами он не может сдерживать переполняющих его чувств, и именно в этих отрывках наиболее рельефно проявляется его темпераментная натура.

Мелетий, или, как он именовался на турецкий манер в выданном на его имя султанском фермане⁵³, «монах Российской Империи Милти»⁵⁴ — пламенный грекофил, ярый апологет российской официальной церковной политики и инок «остраго ума и благомыслящий о России»⁵⁵ — донес до нас свое собственное своеобразное видение многоликого османского мира.

В XVIII столетии, в связи с сокращением официальных связей России с христианским Востоком, хождения совершались россиянами главным образом по собственной инициативе, на свой страх и риск. За редкими исключениями это были простые люди более чем скромного достатка и далеко не утонченной образованности. Прямота и бесхитрость, а порой пристрастность и непоследовательность их суждений составляют характерную черту их повествований. Здесь следует особо подчеркнуть, что эта группа источников, представляющая собой ценное хранилище информации, собранной «людьми из народа», в корне отличается от основного массива западноевропейских травелогов⁵⁶ рассматриваемого периода, написанных представителями общественной элиты.

При оценке трудов писателей-паломников XVIII в. также принципиально важно то, что они были адептами православия, и именно конфессиональная принадлежность, будучи важнейшим критерием их самоидентификации, определяла то, что они сходным образом воспринимали османский мир. В целом среди авторов паломнических описаний преобладали

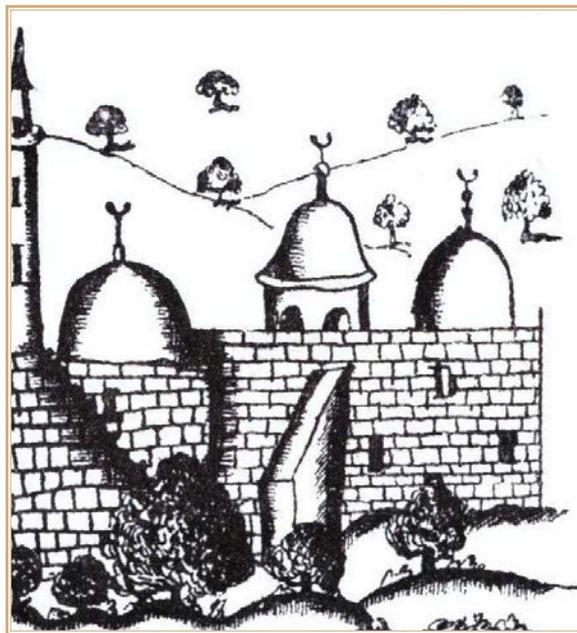
⁵² Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. С. 214.

⁵³ Здесь — документ, гарантирующий паломнику свободное перемещение в пределах Османской империи.

⁵⁴ Путешествие во Иерусалим... Иеромонаха Мелетия... С. 42.

⁵⁵ Там же. С. 310.

⁵⁶ Травелог — произведение в жанре путешествия.

Место Вознесения Иисуса Христа: Странствования Василья Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы Православным Палестинским Обществом по подлинной рукописи под ред. Николая Барсукова. Ч. I–IV. СПб., 1885–1886

члены духовного сословия, которые отправились в путь, движимые идеей исполнения своего религиозного долга. Некоторые богомольцы-миряне принимали монашество в ходе паломничества: Василий Григорович-Барский постригся, будучи в Дамаске, а Игнатий Деншин добился монашеского чина на Афоне. Всех паломников-писателей XVIII в. роднила основополагающая религиозная цель путешествия, которая, согласно составителю первого дошедшего до нас отечественного письменного памятника о странствовании на христианский Восток — игумену Даниилу, состояла в том, чтобы обозреть «очима своима грешныма» «святой град Иерусалим и Землю, обетованную Богом Аврааму»⁵⁷. Все они, будь то лица духовные или люди светские, находились в плену традиционных конфессиональных пристрастий, и какой бы глубокой ни была жанровая емкость «Хождений», заложенный в них религиозно-нравственный посыл неминуемо определялся православно-церковным мировосприятием.

⁵⁷ «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 160.

REFERENCES

1. A.D. Kritika i bibliografija: Prot. A.P. Popov. Mladshij Grigorovich. Novootkrytyj palomnik po sv. mestam XVIII veka, Kronstadt, 1911 // Soobshhenija Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva [Critique and Bibliography: Archpriest A.P. Popov. Grigorovich the Junior. A Newly Discovered Pilgrim to the Holy Places of the Eighteenth Century, Kronstadt, 1911 // Reports of the Imperial Orthodox Palestinian Society], vol. 22. St. Petersburg. P. 475–480.
2. *Barsov N.P.* [Predislovie] // Kniga: Hozhdenie vo svyatyj grad Ierusalim Yaroslavca Tolchkovskoj slobody posadskago cheloveka Matveya Gavrilova syna Nechaeva (1719–1720) // Varshavskie universitetskie izvestiya [Foreword // A Book. The Journey to the Holy City of Jerusalem of the Inhabitant of Iaroslavl', Tradesman from Tolchkovskaia Sloboda Matvei Gavrilovich Nechaev // Warsaw University Proceedings]. 1875. № 1. P. 1–2.
3. *Barsukov N.P.* Zhizn' i trudy V.G. Barskogo [Life and Works of V.G. Barsky]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1885. 75 p.
4. *Chernyshevsky N.G.* Puteshestvie A.S. Norova. S.-Peterburg. 1854 [The Journey of A.S. Norov. St. Petersburg. 1854] // Chernyshevsky N.G. Complete Works in 15 vols. Vol. II. Moscow: Goslitizdat, 1949. P. 517–543.
5. *Evgeniy (Bolkhovitinov), Metropolitan.* Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisatelyah duhovnogo china Greko-Rossiyskoy Cerkvi [The Historical Dictionary of the Russian Writers — Clerics of the Greek-Orthodox Church]. Moscow: Russkij dvor, 1995. 416 p.
6. *Gudzij N.K.* History of the Ancient Russian Literature [Istorija drevnej russkoj literatury]. Seventh edition. Moscow: Prosveshhenie, 1966. 544 c.
7. *Ol'shevskaya L.A., Travnikov S.N.* Zhitie i hozhdenie Ioanna Luk'yanova // Hozhdenie v Svyatuyu zemlyu moskovskogo svyashchennika Ioanna Luk'yanova: 1701–1703 [Life and Pilgrimage of John Lukyanov // Pilgrimage to the Holy Land of the Moscow Priest Joann Lukyanov: 1701–1703]. Moscow: Nauka, 2008. P. 395–481.
8. *Panchenko K.A.* Staroobryadec v Levante: Osmanskij mir nachala XVIII veka v opisanii russkogo palomnika Ivana Luk'yanova // Madh. Voskhvalenie. Isaaku Moiseevichu Fil'shtinskomu posvyashchaetsya [Old

- Believer in the Levant: Ottoman World of the Early Eighteenth Century in the Description of the Russian Pilgrim Ivan Lukyanov // Madh. Praise. Dedicated to Isaac Moiseevich Filshinsky]. Moscow: Klyuch-S, 2008. P. 339–350.
9. *Perminov P.V.* Istorija zhizni mladshogo Grigorovicha (otryvki) // Puteshestviya v Svjatuju Zemlju. Zapiski russkih puteshestvennikov XII–XX vv. [History of the Life of Grigorovich the Junior (Fragments) // Travels to the Holy Land. Accounts of Russian Travelers of the Eleventh and Twentieth Centuries]. Moscow: Lepta. P. 300–318.
  10. *Petrov N.* [Predislovie] // Opisanie puteshestiya ieromonaha Ryhlovskago Nikolaevskago monastyrya Sil'vestra i Nikodima v Car'grad i Ierusalim, v 1722 godu // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii [Preface // A Description a Journey of Priest-Monk of the Ryhlovskij Nikolaevskij Monastery Sil'vestr and Nikodim to the Emperor City and Jerusalem in 1722 // Proceedings of Kiev Ecclesiastic Academy]. Kiev, vol. II. 1883. P. 191–194.
  11. *Ponomarev S.I.* Ierusalim i Palestina v russkoj literature, nauke, zhivopisi i perevodah. (Materialy dlya bibliografii) [Jerusalem and Palestine in Russian Literature, Science, Art and Translations. (Materials for the Bibliography)]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1877. 128 p.
  12. *Popov A.P.* Mladshij Grigorovich. Novootkrytyj palomnik po sv. mestam XVIII veka [Grigorovich the Junior. A Newly Discovered Pilgrim to the Holy Places of the Eighteenth Century]. Kronstadt: Tipografiya gazety «Kotlin», 1911. 158 p.
  13. *Rodionov M.A.* Zapad i Vostok v zapiskah peshekhodca Vasiliya // Rossiya, Zapad i musul'manskij Vostok v Novoe vremya. Sbornik statej [West and East in the Notes of the Foot-Passenger Vasily // Russia, West and Muslim East in the Modern Times. Collection of Articles]. St. Petersburg: Vostochnyj fakul'tet SPbGU, 1994. P. 134–154.
  14. *Rožanov S.P.* Svedeniya o lichnosti avtora i ego trude // Puteshestvie ieromonaha Ippolita Vishenskogo v Ierusalim, na Sinaj i Afon (1707–1709 gg.) // Pravoslavnyj Palestinskij Sbornik [Author's Personal Data and Information about His Work // The Journey of the Priest-Monk Ippolit Vishensky to Jerusalem, Sinai and Mount Athos (1707–1709) // Orthodox Palestinian Collection], St. Petersburg, 1914, vol. XXI, issue 1 (61). P. III–XLIV.
  15. *Ruban V.* Predislovie ot izdatelya // Peshekhodca Vasiliya Grigorovicha-Barskago-Plaki-Albova, Urozhenca Kievskago, Monaha Antiohijskago, puteshestvie k svyatym mestam, v Evrope, Azii i Afrike nahodyashchimsya, predprinyatoe v 1723, i okonchennoe v 1747 godu, im samim pisannoe

[A Journey of the Foot-Passenger Vasilij Grigorovich-Barskij, Plaka-Albov, Native of Kiev, Monk of Antioch, to the Holy Places Located in Europe, Asia and Africa Started in 1723 and Completed in 1747, Described by Himself]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1778. P. III–XII.

16. *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste. Texte und Abhandlungen, Bd. 24. München: W. Fink, 1976. 484 p.
17. *Stavrou T.G. Weisensel P.R.* Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus: Slavica Publishers, 1986. 925 p.

Ключевые слова:

Святая земля, Палестина, Иерусалим, Россия, паломничество,
писатели-паломники

Svetlana S. Kirillina

«PIOUS JOURNEYS» TO JERUSALEM: RUSSIAN PILGRIMS-WRITERS OF THE EIGHTEENTH CENTURY

The culmination of long-term development of the traditional pilgrimage genre in Russian literature falls on the eighteenth century. Reports of Russian pilgrims to the Christian Holy Places of the Middle East produced during this period, not only precede the nineteenth century – the «Golden age of travel literature» in Russia, but also retain their great historical and cultural significance and still remain a subject of research for scholars dwelling on the Arab-Ottoman history. The author's attention is focused on 12 pilgrims' accounts written by Ivan Lukjanov (dates of travel: 1701–1703), Makariy and Seliverst (1704–1707), Andrey Ignatiev (1707–1708), Ippolit Vishenskiy (1707–1709), Varlaam (1712–1714), Matvey Nechaev (1721–1722), Sylvester and Nicodim (1722), Vasilii Grigorowich-Barskiy (1723–1747), Serapion (1749–1751), Ignatiy Denshin (1766–1776), Leontiy (1763–1765) and Meletiy (1793–1794). The research focus of the article is on the personalities of the pilgrimage-writers, their biographical data and social background as well as the fates of their writings after their completion. Some of the pilgrims' accounts received due credit long after they had been produced, others gained great popularity at the time of writing and some of them were almost forgotten and mostly neglected by scholars of the following generations. The article also deals with the religious affiliation of the pilgrimage-writers, which predetermined their perception of the Arab-Ottoman world through the prism of Russian Orthodoxy and the values preached by this particular brand of Christianity.

Keywords: Holy Land, Palestine, Jerusalem, Russia, pilgrimage, pilgrims-writers.

Svetlana A. Kirillina — D. Sc. (History), Professor, Head of Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

 Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008

К.А. Панченко

ГЕОПОЛИТИКА АЛЕКСЕЯ ВЕШНЯКОВА: МЫСЛИ РОССИЙСКОГО РЕЗИДЕНТА В СТАМБУЛЕ 1740-Х гг.

І. Алексей Вешняков: труды и дни

Среди фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), как кажется, наиболее перспективны для исследователя материалы первой половины XVIII в. Они каталогизированы довольно поверхностно и таят в себе возможности неожиданных открытий. В этом контексте очень интересны персоналии первых русских дипломатических представителей в Османской империи¹, которые оказались в тени своих преемников второй половины XVIII в., времени оглушительных военных и дипломатических успехов России в Причерноморье и Ле-

¹ Постоянными российскими дипломатическими представителями в Османской империи в первой половине XVIII в. выступали Петр Андреевич Толстой (1645–1729), посол в 1702–1713 гг.; Алексей Иванович Дашков (ум. 1733), посланник в 1720–1721 гг.; Иван Иванович Неплюев (1693–1773), резидент в 1722–1735 гг.; Алексей Андреевич Вешняков (1700–1745), резидент в 1734–1736, 1739–1745 гг.; Адриан Иванович Неплюев (1712–1751), резидент в 1745–1751 гг.; Алексей Михайлович Обресков (1720–1787), резидент в 1751–1768 гг. Наряду с ними в Стамбуле периодически работали дипломаты более высокого ранга, как вице-канцлер П.П. Шафиров в 1711–1714 гг., чрезвычайный посланник А. Румянцев в 1724–1726 гг., он же в ранге чрезвычайного посла в 1740–1742 гг.

ванте. Одним из самых недооцененных историками персонажей этого ряда представляется Алексей Андреевич Вешняков (1700–1745), возглавлявший российское дипломатическое представительство в Стамбуле в крайне сложный период накануне и после Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Впервые А. Вешняков появился в османской столице осенью 1729 г. в качестве помощника резидента И.И. Неплюева. Несколько лет они работали вместе, пока И.И. Неплюев не покинул Стамбул по состоянию здоровья незадолго до начала очередной Русско-турецкой войны. А. Вешняков, возглавивший российское дипломатическое представительство в статусе поверенного в делах, оставался на берегах Босфора весь 1736 г. и отбыл в Россию только в 1737 г. Два года спустя он принимал участие в заключении Белградского мира с Османской империей, по которому Россия вернула Азов и Запорожье, и осенью 1739 г. был снова направлен в Стамбул для ратификации мирного договора и соглашения о границе. В 1740 г. в османскую столицу прибыло чрезвычайное посольство во главе с генералом Александром Румянцевым, окончательно утвердившее мирное соглашение. После отбытия А. Румянцева в 1742 г. Алексей Вешняков, к тому времени уже в должности резидента и чине статского советника, единолично представлял Россию при османском дворе вплоть до своей смерти 29 июля 1745 г.²

Сохранилось описание внешности и здоровья резидента, составленное сразу после его кончины доктором-немцем, обслуживавшим персонал посольства. «Превосходительный Алексей Вешняков... от рождения 45 лет имеющий, довольно толст и жирен, для всегдашнего сидения излишними мокротами исполненный, и для дневных и ночных непрестанных трудов разные в голове болезни претерпевал, при том чрез долгое время чирьями испорченное лицо и прочия тела своего члены имея, тяжкое и едва возможное дыхание со всегдашнею головы болезнию и обмороком терпел»³. А. Вешняков в своих реляциях, действительно, не раз жаловался на проблемы со здоровьем, однако, несмотря на это, был исключительно активен и работоспособен.

В круг служебных обязанностей А. Вешнякова входили в первую очередь сбор разведывательной информации о внутреннем положении

² Все даты по старому стилю.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 23–23 об. При цитировании архивных документов восстановлены мягкий знак, «й» и расставлены знаки препинания. Сомнительные места помечены знаком (?).

и внешних контактах Османской империи⁴, а также содействие освобождению русских военнопленных, оставшихся в османских пределах после войны 1735–1739 гг. Похоже, ему было тесно в этих рамках. Человек яркий и талантливый, он писал для своего руководства, помимо обычных отчетов-реляций, целые трактаты геополитического и футурологического характера, пытаясь повлиять на выработку российской стратегии на южном направлении. Причем несомненно, что А. Вешняков составлял эти документы по собственной инициативе, без соответствующих запросов сверху. Он все время сопровождал «свои слабейшие соображения» самоуничижительными формулировками, называл высказанные им мысли «мало зрелыми», «которых нетерпеливость и ревность мои, а паче слабость до лучшей зрелости довести не допускают»⁵.

Деятельность этого дипломата достойна углубленного исследования и, несомненно, целой монографии. Ни в коей мере не претендуя на полноту освещения жизненного пути и идейного наследия Алексея Вешнякова, настоящая статья рассматривает последние несколько месяцев его жизни, когда многие мысли и наблюдения резидента приобрели законченную форму.

А. Вешняков, похоже, имел достаточно хорошее образование и знание языков. Подобные требования он предъявлял и к своим подчиненным. В мае 1745 г., жалуюсь на нехватку людей в посольстве, он просил прислать ему дворянского сына из кадетского корпуса, знающего латинский и французский языки, доброго нрава, пригодного для канцелярской работы. Любопытен его отзыв о своем помощнике поручике А.М. Обрескове, самом, наверное, известном из российских дипломатов екатерининской эпохи, работавших на Востоке: «ума и понятия изрядного, хотя учений никаких, ни латинского языка не знает, но состояния добраго, токмо глазами болит, и никогда великого труда понестъ невозможно»⁶.

⁴ См. о деятельности А. Вешнякова как главы российской разведывательной службы в Османской империи: Панченко К.А. Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766 г.) и Россия. Непонятый союзник / Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 271–285. (2-е изд.: Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 406–423); Панченко К.А. «Приятель наш мулла». Русская разведка в Османской империи в середине XVIII века / Родина. 2011. № 12. С. 73–77.

⁵ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 435.

⁶ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 201–202. Последняя фраза была жирно подчеркнута кем-то, читавшим донесение, вероятнее всего, канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым. Однако эта не очень лестная характеристика не помешала А. Обрескову в 1751 г. занять пост российского резидента в Стамбуле.

А. Вешняков обладал широким политическим и историческим кругозором, много читал, был окружен книгами. По донесению сотрудников посольства, даже в предпоследний день своей жизни резидент, почувствовав облегчение от болезни, «ходил по каморе долгое время и книгу читал»⁷. Составляя опись имущества покойного А. Вешнякова, его помощники сообщали: «Кабинет Господина резидента им заперт, а нами запечатан. Но сколько мы при жизни его видели, тамо ничего не находится, кроме одного шкафа Агленской работы, такожде множество книг и писем»⁸. Немало книг А. Вешнякова хранилось и в загородной посольской резиденции; они были внесены в опись, исходя из их формата: «атлас географический 1, прочих книг в десть 11, в польдести 3, в $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ долю 54, всего 69»⁹.

Как человек, родившийся в 1700 г. и получивший воспитание в разгар Петровских реформ, Алексей Вешняков преклонялся перед личностью и политическим курсом Петра I. Себя он, похоже, ощущал европейцем и именно с европейской точки зрения анализировал текущее состояние Османской империи. Взгляд А. Вешнякова на турок был предельно критическим, а перспективы османского общества казались ему совершенно безнадежными.

II. Османский мир глазами пристрастного наблюдателя

Так, резидент писал об отсутствии у турок правосудия и твердого закона, нестабильности жизни и всеобщей неуверенности в завтрашнем дне. По его словам, в Османском государстве нет безопасности жизни и имущества, все зависит от прихоти, сребролюбия и неправд властей предержажщих. Оттого все одержимы жадностью, видя в сиюминутном богатстве единственное спасение от грядущих бед. Люди не имеют любви к отчизне и попечения о благе общества¹⁰. Эту мысль он раз за разом повторяет в своих донесениях: сама правящая верхушка осознает уродство своих государственных порядков («мерзостное житие свое и конституцию правления их противоборствующихся здравому благорассудству»)¹¹, столь резко отличающихся от системы правления христианских государств, где

⁷ Там же. № 6. Л. 19 об.

⁸ Там же. Л. 73.

⁹ Там же. Л. 73 об.

¹⁰ Там же. № 5. Л. 40.

¹¹ Там же. Л. 11 об. — 12.

люди живут под покровом закона и правосудия и честно нажитое прочат оставить наследникам, посему заводят «долговременные и полезные обществу дела и отечество любят, чего в их беззаконии нет, но яко сущие тати, похищая всякими лихвами и неправдами, жадобно согребая, на собранное глядя дрожат, не ведая ни о себе, ни о похищенном, удержат ли с утра до вечера... и никакой любви к отечеству не имеют»¹².

Как писал резидент, в мусульманском обществе невозможно ввести «регулярства, правильного подчинения в войске и гражданстве», равно как и «учений, просвещающих ум человеческий, ни же порядочных законов, в чем состоит вся твердость, величество и цветущее состояние» европейских государств¹³.

А. Вешняков был не одинок в своих оценках. Представления о тяжелом упадке и скорой гибели Османской империи были достаточно широко распространены в среде иностранных наблюдателей того времени¹⁴.

III. Византийские аналогии

Кризисное положение Высокой Порты, утрата османами воинственности и жизненной энергии, склонность к лени, излишества и сладострастию — всё это вызывало у А. Вешнякова ассоциации с упадком прежней империи, стоявшей на берегах Босфора, Византии. По его словам, византийские греки, покинув всякие умозрительные науки, учение, военное художество, поверглись в роскошь и праздность; богатства достигали лестью, лицемерием и всякими преступными способами. «А когда приметили, — пишет А. Вешняков, — что под покровом святыни то все легче обретается, то яко диаволи ангельским чином покрываться начали и в монастыри побегли, потому их толико умножилось, что в одном Константинополе и ближних окрестностях до трехсот шестидесяти осми монастырей... умножилось... Следственно некому стало государство оборонить»¹⁵. Богатства тратились не на войско, училища и библиотеки, а на проповеди, «пышное житие, строения и всякие прихоти». Подвиги «добрых и святых людей» стали бесполезны. «Оттого настала погибель этой империи, где было почти всё начало всяких учений и благоразсудства»,

¹² Там же. Л. 12 об.

¹³ Там же. Л. 11–11 об.

¹⁴ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 136–137.

¹⁵ Там же. Л. 41–41об.

Образы османского Стамбула. Художник Дж. Фредерик Льюис

и откуда европейские государства когда-то получили «просвещение в светском житии»¹⁶. Несомненно, здесь А. Вешняков повторяет идеи, которые вычитал в книгах, однако проведение исторических аналогий, похоже, принадлежит непосредственно резиденту.

IV. Конспирологические игры

Таким образом, тот кризис Османской империи, который наблюдал А. Вешняков, казался ему полным аналогом состояния Византии «при своем низвержении сими злыми варварами (т.е. османами. — К. П.) Божиим попущением, но, — продолжал резидент, — кажется, Его же всещедрым промыслом... [Османское государство] греками же истощается»¹⁷.

А. Вешняков утверждал, что вся государственная политика Османской империи в первой трети века осуществлялась по замыслам Николая Маврокордато (1670–1730), драгомана Порты и потом молдавского князя. Он, как считалось, обладал безраздельным влиянием на велико-

¹⁶ Там же. Л. 41 об. — 42.

¹⁷ Там же. № 5. Л. 9.

го везира Ибрахим-пашу Невшехирли (1662/3–1730, великий везир с 1718 г.), который, в свою очередь, полностью контролировал слабовольного султана Ахмеда III (1673–1736, султан в 1703–1730 гг.). Н. Маврокордато, «в намерении отмщения отчизны своей»¹⁸, коварным образом приучал османов к роскоши, празднествам и жажде удовольствий, которые суть главная причина упадка государств. Особенно он поощрял моральное разложение правящей верхушки, «дабы с головы начать».

Поразительно, насколько восприятие Алексеем Вешняковым *ляле деври*, «эпохи тюльпанов», как называется в историографии попытка модернизации империи в первой трети XVIII в., связанная с именем Ибрахима Невшехирли, расходится с воззрениями современной науки¹⁹. А. Вешняков игнорирует все предпринятые в это время военно-технические заимствования османов у Европы, учреждение типографии, изменение принципов внешней политики и вообще отношения к культурным контактам. Резидент видит лишь наружную сторону эпохи — красочные празднества, увеселения, тюльпаны, роскошные павильоны в садах, где турки предаются блудодействию и прочим порокам. Для него это — всё та же умирающая Византия. «Греки погибли начально собою, а потом от турок, — пишет А. Вешняков, — а ныне видим, что турки от греков на гибель свою ускорительно текут»²⁰.

Николай Маврокордато, по словам А. Вешнякова, побудил Ибрахим-пашу известить всех лучших и умнейших людей государства, «везиру противных». Чтобы избежать новых войн с христианскими государствами, фанариотский советник направил агрессивные устремления османов в другую сторону, на агонизирующий Сефевидский Иран и «растворил бездну персидския войны, сначала толь благопоспешную, как ныне Божиим промыслом [она] не токмо тяжкою, но самогубительною и непресекою быть стала»²¹. В итоге длившегося многие годы конспирологического проекта турки дошли до такого бессильного состояния, в котором желал их видеть Н. Маврокордато, и, резюмирует А. Вешняков, «можно надежно уповать, что сие состояние не отменится»²².

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ср.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. С. 173–191.

²⁰ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 43.

²¹ Там же. Л. 46–46 об.

²² Там же. Здесь мы не беремся комментировать изложенную А. Вешняковым теорию заговора. Отметим лишь, что современная османистика воспринимает происходившие в империи процессы совсем по-другому. О фанариотах и их роли в османских реформах начала XVIII в. см.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. С. 181.

Скорее всего, идея о фанариотском заговоре была не вымышлена самим А. Вешняковым, а подсказана ему кем-то из греческих церковных иерархов, поддерживавших тайные контакты с российским посольством и передававших информацию о состоянии Османской империи.

V. Прогнозы и советы

Запущенные десятилетия назад процессы османского упадка, в текущий момент, как хотелось верить А. Вешнякову, подвели это государство к краю гибели. Реляции резидента весной 1745 г. носили почти эсхатологический характер: безнадежная война с Ираном высосала все ресурсы империи; персидский шах отвергает мирные предложения; поражение неизбежно; Порта судорожно пытается изыскать подкрепления и перебросить их в Восточную Анатолию, где ее сераскиры принуждены воевать «без денег, без войск, без артиллерии, без амуниции, без провианта, [без] фуражку подлежащего»²³. К этому следует добавить запустение Малой Азии, «в гражданских и военных чинах крайние беспорядки, ни суда, ни расправы, кража, воровство и грабление, налоги»²⁴, наконец, нервозность властей, ожидающих бунта в столице при первом известии о серьезном поражении. Драматизм повествования нарастает с каждой фразой: персы не сегодня-завтра возьмут Карс, Эрзурум и Трапезунд, выйдут к морю и отрежут Стамбул от подвоза продовольствия. Иранскому шаху Надиру достаточно дойти до Кютахьи, и власть османского султана рухнет. «Турецкое духовенство» провозгласит шаха покровителем хиджазских святынь и султаном турецким и персидским («чего Боже избави»)»²⁵. Правитель Багдада Ахмед-паша почти окончательно отложился от Стамбула. «Ежели сей соединясь с шахом действовать начнет, что может сию империю спасти!» — риторически вопрошал резидент²⁶. Многие алимь, мусульманские духовные авторитеты, по словам А. Вешнякова, «признают, что магометанская империя в Европе не может долго удержаться по нынешним нравам и нововведенным обычаям, хотя всякому государству вредным, но им особливо гибельным, отдалившимся от оснований

²³ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 4. Л. 416—417. Донесение от 28 марта.

²⁴ Там же. Л. 420 об.

²⁵ Там же. Л. 420 об. — 421; Те же мысли А. Вешняков развивал в своей апрельской реляции: АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 10 об.

²⁶ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 11.

своих... Того ради пристойно в Азию преступить и там между своими подобными по возможности держаться под сильною державой, как ныне шах, или уже христианами стать, что к сему большая часть оных уже склонны»²⁷.

Складывающаяся ситуация, по мнению А. Вешнякова, открывала перед Россией фантастические перспективы. «От Вашего Императорского Величества зависит, — писал он, — без крайних усилий сие злоехидное сонмище разорить и крест возстановить; кажется, всё к тому промысл Божий предустроил»²⁸. «Все бедныя православныя христиания, — продолжал резидент, — ждут избавления своего от Вашего Императорского Величества. Довольно сей осени явиться в такой располхе к Дунаю российской армии и ружья в запас иметь с муницею, в краткое время [эта армия] удесятерогубится. Все здесь, Молдавия, Валахия, Бугария, Сербия, Славония, Далмация, Черногорцы, Албания, вся Греция ... и сам Константинополь, в единое время крест восприяв, побегли [бы] на помощь Вашего Императорского Величества... И доколе ныне смутное и мятежное еуропских держав состояние²⁹, ... и будучи все истощены и в распрях, и помешательству были бы не в силах, Вашего Императорского Величества уже врага крестом изгнали [бы] и искоренили. Единое сие время благое, какова никогда не бывало и впредь не будет, особливо когда в Еуропе усмирится, а здесь новой салтан будет»³⁰.

С дистанции прошедших веков видно, что А. Вешняков — при всем его уме и образованности — был совершенно неадекватен в своих прогнозах. Советы, которые он давал российскому правительству, выглядят несколько авантюрно. Как кажется, в том нет вины самого дипломата. Политология во все времена была псевдонаукой. Даже резидент, возглавлявший работу русской разведки в Османской империи, не имел всей полноты информации о происходящих там процессах и тем более не имел научной методологии, позволяющей правильно анализировать эту информацию (как и сейчас ее никто не имеет).

²⁷ Там же. № 5. Л. 11–11 об.

²⁸ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 4. Л. 421 об. — 422.

²⁹ Имеется в виду Война за австрийское наследство (1740–1748), в которую было вовлечено большинство европейских держав, лишенных, таким образом, возможности влиять на ситуацию на Балканах.

³⁰ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 4. Л. 422–422 об.

VI. Греческое влияние?

Анализ архивных документов позволяет строить некоторые предположения об источниках информации, которую получал А. Вешняков, и тех кругах, которые могли оказывать влияние на его геополитические воззрения. Среди осведомителей, работавших на российскую разведку в Стамбуле, немалую часть составляли греческие церковные иерархи, включая иерусалимского патриарха Парфения (на патриаршестве в 1737–1766 гг.) и его константинопольского собрата Паисия II (третье патриаршество: 1744–1748 гг.). Многие из этих людей имели связи в османских правящих кругах и владели конфиденциальной политической информацией. Причем в отличие от высокооплачиваемых осведомителей, завербованных в среде османских чиновников, греческие иерархи работали чисто из идейных соображений (в посольской расходной документации они шли под рубрикой «без всякого воздаяния доброжелательствующих») и обходились российской казне намного дешевле агентов-турок, довольствуясь разовыми символическими подарками³¹.

Похоже, именно эти люди внушали А. Вешнякову идеи о гнилости Османского государства и желательности скорейшего прихода России и освобождения балканских единоверцев. Так, в апрельских реляциях 1745 г. резидент, в очередной раз возвращаясь к теме упадка и разложения власти и общества Османской империи и скором падении «сего злого сонмища»³², ссылается на мнение константинопольского патриарха, валашского князя Константина и «других умных и зело знающих людей, со мною о сем искренне и надежно открывающихся»³³. В других случаях А. Вешняков не раскрывал источники информации, подталкивавшие его к тем или иным заключениям, однако после смерти резидента некоторые греческие иерархи стали выходить на прямой контакт с посольством и сообщать сведения и выводы, до крайности похожие на вышеприведенные донесения А. Вешнякова.

Так, иерусалимский патриарх Парфений в августе 1745 г. передавал сотруднику миссии поручику Александру Никифорову, что война османов с Ираном зашла в тупик, войско не получает жалованья и не имеет охоты воевать. Солдаты грабят своих же анатолийских обыва-

³¹ Как писал А. Вешняков, есть «множество... из духовнаго чина и мирских греков добрых христиан, которые токмо по единоверию часто уведомляют о многих полезных делах к интересам российским» (АВПРИ. Ф. 89/1. № 33. 1742 г. Л. 5 об.).

³² АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 8 об.

³³ Там же. Л. 10.

телей, которые не могут найти у Порты справедливости. Почти половина из семидесятитысячного войска, собранного против персов «с великим старанием и почти с прозвбою» из азиатских и европейских провинций, разбежалась по дороге. Победные донесения с театра военных действий вызывают сомнения. На флоте годны к плаванью только шесть кораблей и семь галер. Недавно пять кораблей показали народу, «будто они людны и оружны», но в патрулирование Черного и Эгейского морей отправили только по одному. Экипажи галер бунтуют из-за неуплаты жалованья. 12 ветхих кораблей стоят в гавани и «к походам весьма быть не надежны». Строительство нового линкора остановлено за нехваткой средств, он гниет без присмотра. В марте адмиралтейство выгорело до основания, пропали все воинские припасы. Фасад и «преизрядные ворота» адмиралтейства отстроили, но за ними все пусто³⁴.

Патриарх уверял, что при первом же известии о поражении османского войска от персов в столице начнется бунт. Потенциальных смутьянов давят и топят человек по двадцать в день. «Во всем Константинополе, — сообщал Парфений, — имеющиеся шинки для чаямого Портою бунта все запечатаны и под смертною казнию пьяных напитков продавать запрещено»³⁵.

Наибольший интерес представляют геополитические рассуждения патриарха. «Егда Россия, к освобождению христиан, находящихся в турецком басурманском государстве, и для приведения в безопасность своих... границ, против турок вознамерится войну начать, — говорил Парфений, — в таком случае не худо б с крымской стороны при своих границах оборонительною рукою стоять, а в самом деле большою силою к Дунаю идти, куда путь войску довольнее и здоровее. И помощи там иметь надежнее, ибо около того Дуная большая часть жителей християне»³⁶. Закрепившись на Дунае, Россия отрежет от Османской империи буджакских и крымских татар, которым после этого, как полагал Парфений, ничего не останется, как отдаться в русское подданство. «Ежели де такая Божеская милость будет, что Россия по Дунай реку овладеет», — прогнозировал далее патриарх, то следующим этапом должно стать строительство Россией черноморского флота, который будет легко укомплектовать матросами из прибрежных христианских народов. Тогда Россия сможет

³⁴ АВПРИ. Ф. 90/1. 1745 г. № 262. Л. 2–3 об.

³⁵ Там же. Л. 3 об. — 4.

³⁶ Там же. Л. 4 об.

Стамбул, вид с Босфора. Художник Дж. Фредерик Льюис

завести «великую и весьма прибыльную себе коммерцию» и, главное, обезопасить южные рубежи³⁷.

Подобные же мысли в декабре 1745 г. доносил до сотрудников посольства константинопольский патриарх Паисий через деркского митрополита Самуила³⁸. Бедствия империи, как полагал патриарх, начались с воцарения нынешнего султана Махмуда I (1730–1754). Слабовольный государь стал символической фигурой, власть оспаривают друг у друга великий везир и кизляр-ага, глава евнухов гарема³⁹. Временщикам, похитившим власть, нет дела до грядущей гибели империи, «лишь бы при них устояла». «Вся власть от высших к нижним перешла, — резюмирует информатор, — ревность к доброму правительству совершенно пропала, порядка и послушания чють следы видны»⁴⁰.

«Сих одних внутренних бедствий, мнится, довольно б было к колебанию государства, — продолжал митрополит Самуил от имени

³⁷ Там же.

³⁸ Впоследствии один из самых выдающихся константинопольских патриархов XVIII столетия. Занимал патриаршую кафедру в 1763–1768 и 1773–1774 гг.

³⁹ В указанное время этот пост занимал Хаджи Бешир-ага (1666–1746), оказывавший определяющее влияние на политику султана Махмуда I.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 374 об. — 375.

патриарха, — но, елико осязательно видно, что божие предусмотрение при разположении всего ко испровержению сей тиранской империи и нынешния беды к тому ж еще присовокупляло, шах Надыр⁴¹ от нескольких лет оную мучит, что почти совсем уже истощил»⁴². В попытке положить конец войне одним генеральным сражением, Порта собрала последние силы из Европы и Азии, ценой полного истощения государственной казны выставила огромную армию, «но хотя то войско многочисленно было, однако ж безсильно, ибо продолжаемые нещастия храбрость в людях истребили»⁴³. В полевом сражении под Карсом османское войско было наголову разбито. Впрочем, ожидаемого бунта в Стамбуле после этого не произошло, чему греческие осведомители нашли свое объяснение: народное восстание не удалось бы сдержать никакими мерами, «ежели б тот же дух им (туркам. — К. П.), как в прежние времена, но недостаток смелости» в народе и упреждающие меры властей с «гублением людства, за малейшее подозрение удавляемого, к тому его не допускает»⁴⁴.

Подводя итог, патриарх и митрополит Самуил утверждали, что новое войско османские власти выставить не в состоянии. «Кратко сказать, Господь Бог у сей монархии, приведенной к очевидному бедству удобнаго изопровержения, ум и силы отнял. Не может быть никакой случай благоспособнее сего, и само собой явно, что сей Божьим предусмотрением представляется во избавление толиких христианских народов, гиблющих под мучительством сего варварского правления»⁴⁵.

Таким образом, очевидно, что А. Вешняков смотрел на османские реалии в значительной степени глазами своих греческих осведомителей. К интеллектуальной элите балканских христиан он относился с большим уважением⁴⁶. С другой стороны, несомненно, что российский резидент

⁴¹ Надир-шах, основатель династии Афшаров, шах Ирана в 1736–1747 гг., выдающийся государственный деятель и полководец, вел многолетние успешные войны с Османской империей.

⁴² АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 375.

⁴³ Там же. Л. 375 об.

⁴⁴ Там же. Л. 376–376 об.

⁴⁵ Там же. Л. 377 об.

⁴⁶ «А того удивительнее, что есть толь множество ученых высоких и пространнейших знаний и высокопарнейших умов... особливо в духовенстве, что посрамляют и в состоянии постыдить духовенство свободных народов», — писал А. Вешняков, приводя в пример таких блестящих интеллектуалов, как молдавский князь и сподвижник Петра I Дмитрий Кантемир (1676–1723) или князь Николай Маврокордато (АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 42 об.).

был сильной и цельной натурой, т.е. человеком, на которого было трудно кому-либо влиять. Однако, когда речь заходила о геополитических оценках и прогнозах состояния Османской империи, греки говорили А. Вешнякову именно то, что он хотел услышать. Поэтому дипломата было не трудно ввести в заблуждение, тем более когда его информаторы сами искренне верили в ту картину османского упадка, которую изображали в своих сообщениях.

VII. Церковные проблемы

По своему образованию и воспитанию А. Вешняков, как уже говорилось, был человеком европейской культуры, оторванным от старорусской традиции, подобно всему российскому дворянству XVIII столетия. Смена цивилизационных ориентиров петербургской России наглядно проявлялась в самом характере ее политики на османском направлении. Был утрачен прежний интерес к покровительству балканскому и ближневосточному православию, сократилась до минимума финансовая поддержка восточных патриархов, они перестали восприниматься как духовные наставники.

Однако сама логика политической борьбы, разворачивавшейся в османской столице между дипломатами европейских держав, заставляла А. Вешнякова адекватно делить мир на «своих» и «чужих». И это деление соответствовало древним архетипам византийской цивилизации, расходясь иной раз с предпочтениями петербургских чиновников КИД. А. Вешняков, естественно, был верующим человеком, и православное мирозерцание предопределило не только его презрение к туркам, но и ненависть к «папистам». Тут богословие сплеталось с геополитикой, потому что главным противником России на турецком направлении была Франция, которая выступала покровителем ближневосточных католиков.

А. Вешняков, как уже говорилось, поддерживал тесные дружеские контакты с греческими иерархами, в частности, с иерусалимским патриархом Парфением. Консул всячески ходатайствовал в пользу патриарха, когда он в 1742 г. обратился к России за помощью в покрытии долгов Иерусалимского престола в 300 тыс. пиастров. Патриарших посланников в Петербурге встретили без энтузиазма и стали наводить справки о бюджете патриархии и причинах образования столь значительного долга. Соответствующие запросы были направлены и к А. Вешнякову. Резидент пытался объяснить своему петербургскому начальству, что точные цифры бухгалтерии патриархии выяснить невозможно; значительная часть

статей расходов, как взятки османским чиновникам, засекречены и не отражены ни в какой документации⁴⁷.

Сообщая о долгах, обременявших Иерусалимский патриархат, А. Вешняков писал: «По здешнему [долг] еще и умерен, и не велик по благословению Божию... что патриархи сего престола непременны (то есть, не меняются так часто, как в Константинополе. — К. П.) и почти все... люди благочестивые, яко не сребролюбием и хитростию онаго достигают, и не от Турок... От того так малы, когда приравним к здешнему (то есть долгу вселенского патриархата. — К. П.), на котором более девяти сот тыщ, со всем тем, что безприкладно меньшим налогам... подвержен, и неприятелей таких, как Иеросалимский, не имеет; но от одних интриг с турками, когда бывают не такие [патриархи], как нынешний святейший Паисий, никогда [власти] не искавший, и при всякой пострастке [престол] оставить готовый (тут дипломат нашел случай похвалить другого своего информатора, константинопольского патриарха Паисия II. — К. П.)»⁴⁸. Противопоставляя коррумпированным интриганам и корыстолюбцам Фанара Иерусалимскую церковь, А. Вешняков резюмировал: «Един токмо сей дом и правление церковное здесь могущее назваться христианским престолом. По сему, когда объявляет сам [Парфений] быть долгу триста пятьдесят три тысячи левков, по совести не смею в сумнении поставить»⁴⁹. Возможно, А. Вешняков таким образом хотел отблагодарить патриарха за его услуги политического характера.

Резидент недвусмысленно ставит в пример России «папистское единокорие и великие издержки», особенно милостыню францисканским стражам Св. Гроба, которым одна Испания ежегодно перечисляет 70 тыс. пиастров, не считая субсидий от Франции, других латинских государств, Ватикана и пожертвований частных лиц. «Сему же нашему патриаршеству, — продолжает резидент, — ни от какой державы ничего, опричь бедных и разоренных княжений влахомолдавских, те малые, можно сказать, кровавые подаяния и доходы»⁵⁰.

По мнению А. Вешнякова, принимая во внимание высочайшее достоинство и славу российского престола, требовать от патриарха финансового отчета или сомневаться в достоверности сообщаемых им цифр было бы непристойно. Монаршие милости жалуются, невзирая на такие ничтожные вопросы. Они суть благоугодное дело для душевного и телесного здра-

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 243–243 об.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 4. Л. 30 об.

⁴⁹ Там же. Л. 40.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 244.

вия государыни императрицы, благосостояния государства и подданных. «Щедротодаяние» Св. Гробу несказанно укрепило бы престиж России и привязанность к ней православных народов, полагал А. Вешняков⁵¹.

«Всепоодданейше всемилостивейшаго отпущения прошу, что приемлю дерзновение сии мои слабейшия [мысли] представить», — завершал свой доклад резидент, вероятно, понимая, что его рассуждения едва ли будут благосклонно встречены в КИД. Российское правительство давно уж не считало целесообразным расходовать казенные средства на поддержание восточных Церквей. «Нежелаем... дабы наше подаяние втуне для тщеславия и какого-либо переужения у турок... служило», — писали из Петербурга А. Вешнякову⁵². «В дачу тамошним патриархам, — напоминали резиденту, — казны нашей отнюдь не держать и напрасно не тратить»⁵³.

VIII. О народах-союзниках России

В конце июня 1745 г. А. Вешняков составил последнее в своей жизни донесение «Рассуждения о приласкивании и приеме всех единоверных и особливо единоверородных с нами». Можно сказать, это было его политическое завещание, соображения о генеральной стратегии России на Балканах. Не дерзнув послать документ на Высочайшее имя, А. Вешняков направил свой текст канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину (1693–1766).

Резидент рассуждал о перспективах взаимоотношений России с православными балканскими народами, которых он делил на две группы. К первой категории — единоверцев — относились греки османского и венецианского подданства. Вторую группу составляли «далматы, черногорцы, сербы, влахомолдавы, часть венгерцев трансильванцев (видимо, имелись в виду православные прото-румыны Трансильвании. — К. П.) и всех болгар, яко народы от нашея (?) стране пришедшия, нашего языка и нашей веры»⁵⁴. Любопытно, что наблюдатель середины XVIII в. еще причислял молдаван и валахов к южнославянскому миру, а также воспринимал «своими» католиков Далмации.

А. Вешняков писал о симпатиях балканских православных, особенно «единородных», к «русскому имени». Все это подпитывалось и мечтами об

⁵¹ Там же. Л. 245–245 об.

⁵² Кантерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. СПб., 1895. С. 440.

⁵³ Там же. С. 442.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 434–434 об.

избавлении от иноверной власти, особенно оживившимися в годы недавней Русско-турецкой войны. Картина, которую рисует А. Вешняков, как кажется, несколько идеализирована. По его словам, во время войны в греческих кругах готовилось выступление в поддержку российской армии, если та перейдет Дунай. «Та горячность» довела многих заговорщиков в османских и венецианских землях до казни, «и умирали со именем российским на устах своих»⁵⁵. Симпатии греков и других балканских народов к России стабильны и неизменны и подкреплены общей верой. По контрасту, пишет А. Вешняков, «колько Франция не тщится любовью греческого народа к себе привлекать протекциею и ласками здесь, заводом школ во Франции, раздачею даровую книг, в службы употреблением..., но не быв единоверная (?) (одно слово неразборчиво) никогда нимало преуспеть не могла»⁵⁶.

А. Вешняков настойчиво продвигает мысль о греках как главных стратегических союзниках России в регионе, альянс с которыми будет исключительно полезен. Хотя некоторые из греков, «подлые люди невежаго воспитания», «и заслужили худыми их поступками имя лукавцов, плутов непостоянных», объяснял резидент — все это от невежества, плотного общения с турками и недостатка правосудия. Но и в этом случае такого малого числа худых людей «в погрешение всей нации приписать нельзя»⁵⁷. По своей природе греческий народ таков, «что добрым порядком и благоразсудными законами вскоре б в знатное поправление пришел»⁵⁸. В одной из своих более ранних реляций А. Вешняков тоже обращался к характеристике текущего состояния греческого общества в сравнении с былым блеском Византии: «Вместо же того ныне здесь бедность, всякая неправда, гонение, мучение, невежество и совершенная слепота. В обществе сего народа един токмо знак драгоцения, его природное остроумие... блистает. Однако ж совсем по бедности и порабощении его (?) неможно поверить, коль великое множество великих и глубочайших, также и престолейше прозорливейших умов есть по единой практике в делах»⁵⁹.

Ввиду симпатий балканских единоверцев к русскому народу, продолжал А. Вешняков, желательны какие-то ответные шаги со стороны высшей власти, что будет к несомненной пользе Российского государства. Он приводил множество примеров повсеместной поддержки католиков королями Франции и Испании, указывал и на исторические аналогии,

⁵⁵ Там же. Л. 437.

⁵⁶ Там же. Л. 438–438 об.

⁵⁷ Там же. Л. 439.

⁵⁸ Там же. Л. 439 об.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 42.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766), канцлер Российской империи в 1744–1758 гг., фактический творец внешней политики России в 40-х–50-х гг. XVIII в., непосредственный начальник Алексея Вешнякова

свидетельствующие, что всегда было правилом «единоверных и склонных народов ласкать»⁶⁰. Та же практика издревле существовала и в России, писал А. Вешняков, «но более токмо одному духовенству, как вижу по древним жалованным грамотам, а народам не столько приласкания бывало. И то, разумею, чинилось благоразумно, дабы турок, по тогдашней их силе, а нашему почти безсилию, не имев регулярных войск и мореплавно-го искусства, безвременно не раздражать, сим же народам вместо добра совершенной гибели не приключить»⁶¹.

Однако, продолжал резидент, «в нынешнее наищасливейшее нам время благоматерняго правления Ея Императорского Величества и по известному упавшему состоянию турецкому, ныне можно бы уже откровеннее сим народам... милость начать казать»⁶². Он ссылался на меры Петра I и, в недавнее время, фельдмаршала Миниха по привлечению в службу и расселению в России сербов и молдаван. Однако в последнее время Военная коллегия прекратила снабжение гусарских корпусов, на-

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 5. Л. 442. Так, А. Вешняков указывает, как Испания покровительствует «даже посторонним народам» — итальянцам, фламандцам, «а по счастливом искоренении папезства в Англии» — шотландцам и ирландцам. Их привлекают в свое отечество «как промышленные и трудолюбивые народы», дают великие вольности. Особенной любовью пользуются ирландцы «за их твердость в папезстве» — они уравнены с испанскими подданными, в том числе «в наизавистнейшем пункте американского купечества». Целые полки гвардии короля Испании набраны из итальянцев, валлонов и ирландцев (Там же. Л. 440 об. — 441 об).

⁶¹ Там же. Л. 442 об.

⁶² Там же. Л. 447–447 об.

бранных из балканских народов, чем довела эти соединения до полного развала. Одновременно были прекращены прием на службу балканских христиан и выдача им паспортов для пересечения молдавской границы. «Я с глубочайшим подвержением повинуюся таким высоким определениям, яко безсумненно то по каким высшим видам... мне неведомым учинено было, — писал А. Вешняков, — но елико по всеподданнейшей моей присяжной должности и слабейшем разумении есть, повинен же нахожусь нижайше донести»⁶³ о том, каким образом это воспринимается в османских пределах. С берегов Босфора происходящее выглядит как прекращение покровительства Петербурга балканским христианам и деградация российских вооруженных сил. Как считают, «первое чинится от боязни турок, а второе — будто в Военной коллегии не стало того проворливства, ни знающаго рачения в содержании войск»⁶⁴.

Судя по карандашным пометкам в тексте письма А. Вешнякова, А.П. Бестужев-Рюмин отреагировал на него довольно вяло. Типичный «западник», видевший своей целью ввести Россию в круг европейских держав и играть весомую роль в хитросплетениях европейской политики, он не интересовался поддержкой православных единоверцев ни в Речи Посполитой, ни на Балканах. В отношениях с Османской империей канцлер стремился избегать любых раздражающих моментов, чтобы не подтолкнуть опасного южного соседа к альянсу с врагами России в Европе. Поэтому А. Бестужев не одобрял и планов расселения сербов в причерноморских степях, поскольку это могло быть негативно воспринято Высокой Портой⁶⁵. Тем более неприемлемы представлялись в Петербурге идеи новой войны с османами, к которой призывал резидент. Геополитические соображения А. Вешнякова оказались несвоевременны.

IX. Некоторые обобщения.

Конечно, Алексея Вешнякова нельзя считать одним из предтеч панславизма, хотя он уже начал обращать внимание на кровное родство русских с балканскими славянами и призывал использовать этот факт в государственной политике. В картине мира российского дипломата рели-

⁶³ Там же. Л. 443 об. — 445.

⁶⁴ Там же. Л. 445 об. — 446.

⁶⁵ См. о политическом курсе А.П. Бестужева-Рюмина: *Анисимов М.Ю.* Российский дипломат А.П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) / Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.

гиозное начало еще перевешивало этническое, поэтому львиная доля его геополитических рассуждений была посвящена сближению с греками. Заметно, впрочем, что А. Вешняков не рассматривал греков как серьезную военную силу, в отличие от сербов и молдаван, которыми были укомплектованы полки легкой кавалерии, принесшие немалую пользу в минувшей войне. Однако, несомненно, резидент воспринимал греков как самый развитый и перспективный из балканских народов, тем более что в этот период греки-фанариоты стояли и во главе Дунайских княжеств, обладавших некоторой политической субъектностью. Сербы и другие народы Западных Балкан привлекали куда меньше внимания дипломата по причинам чисто географическим — этот регион лежал в стороне от потенциального театра военных действий будущих Русско-турецких войн.

Теории А. Вешнякова предвосхищали целый ряд попыток Российской империи использовать греков в борьбе с османами — можно вспомнить в этой связи и участие греческих контингентов в военных операциях Средиземноморской экспедиции А. Орлова, и «Греческий проект» Екатерины II. Лишь в следующем столетии, с возникновением националистических идеологий, греки и славяне станут соперниками в борьбе за османское наследство.

Рассуждая о желательной поддержке греческих церковных структур, А. Вешняков мыслил в категориях XVII в., времени мессианских устремлений московских царей, стремившихся выступать в роли лидеров и защитников мирового православия. Для европеизированных и прагматичных петербургских чиновников XVIII в. подобные цели были неактуальны. Только в следующем столетии Россия начнет «открывать» для себя Православный Восток и снова претендовать на покровительство единоверным народам. Алексей Вешняков либо «опоздал» родиться, либо опередил свое время на сто лет, но в любом случае оказался не понят современниками.

С современных позиций — и даже с точки зрения некоторых политических теоретиков XIX в. — российская геополитика елизаветинского царствования, увенчавшаяся бессмысленной бойней Семилетней войны, выглядит совершенно неадекватной национальным интересам. На этом фоне мысли резидента А. Вешнякова, при всех его ошибках и заблуждениях, представляются куда более «современными» и достойными самого внимательного изучения.

REFERENCES

1. *Anisimov M.Yu.* Russian diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin (1693–1766) [Rossiyskiy diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin (1693–1766)]. New and recent history [Novaya i noveyshaya istoriya]. 2005 № 6. P. 175–192.
2. *Kapterev N.F.* Relations of the Jerusalem patriarchs with the Russian government [Snosheniya ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom]. St. Petersburg, 1895.
3. *Mejer M.S.* Ottoman Empire in the 18th century. Features of the structural crisis [Osmanskaja imperija v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa]. Moscow, 1991.
4. *Panchenko K.A.* Patriarch of Jerusalem Parthenius (1737–1766) and Russia. [Misunderstood ally Ierusalimskij patriarh Parfenij (1737–1766 g.) i Rossija. Neponjatyj sojuznik]. Church History Bulletin [Vestnik cerkovnoj istorii], 2010.
5. *Panchenko K.A.* Orthodox Arabs: the way through the [Pravoslavnye araby: put' cherez veka]. Moscow, 2013. P. 406–423.
6. *Panchenko K.A.* Our mullah buddy. Russian intelligence in the Ottoman Empire in the middle of the 18th century [Priyatel' nash mulla. Russkaja razvedka v Osmanskoj imperii v seredine XVIII veka]. Homeland [Rodina], 2011. P. 73–77.

Ключевые слова:

Османская империя, русско-османские отношения, дипломатия Российской империи, Греческая Церковь, геополитика.

Konstantin A. Panchenko

ALEXEY VESHNYAKOV'S GEOPOLICY: THOUGHTS OF A RUSSIAN RESIDENT IN ISTANBUL IN 1740S

The article highlights certain aspects of Alexey Veshnyakov's (1700–1745) residence as a Russian diplomatic envoy in Istanbul in the 1740s.

Apart from his main goals (intelligence duties), A. Veshnyakov on his own initiative prepared vast political and historical papers for analysis in Saint-Petersburg examining the fates of the Ottoman Empire and the strategical goals of Russia in the Black Sea region.

The article examines papers by A. Veshnyakov, written during the last 6 months of his life. In his focus was the catastrophic condition of the Ottoman Empire, which according to the resident's viewpoint, could be defeated by Russia in a single strike. Such an attitude was created by his informers from the Greek Orthodox clergy who dreamed about the liberation of Greek people from Ottoman rule. A. Veshnyakov highly-advised to support and protect the Orthodox Church under the Ottoman Empire and Orthodox people — Greeks, South Slavs and Moldavians — who always sympathized with Russia. Desiderates made by the authorities of that time have never been carefully considered by the authorities in Saint-Petersburg, who were oriented to the integration of Russia to the European political system and never thought of supporting the Orthodox Balkans.

Key Words: the Ottoman Empire, Russian-Ottoman Relations, the Russian Empire Diplomacy, Greek Church, Geopolitics.

Konstantin A. Panchenko — D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Панченко Константин Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2020.22.41.009

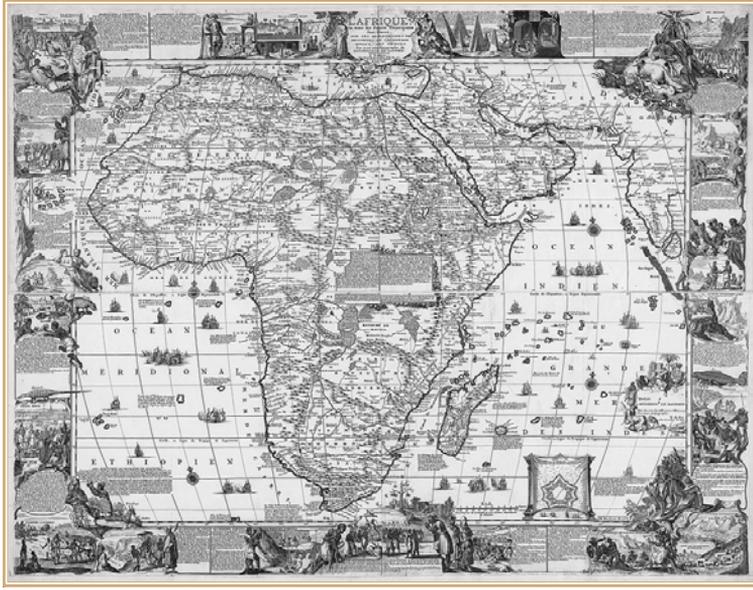
Т.Ю. Кобищанов

«ИГРА ЗА СУЭЦ» И РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

Завоевания XV–XVI в. поставили под контроль османов «бутылочные горлышки» дальней торговли, связывавшие Европу и Азию: Босфор и Дарданеллы, Суэцкий перешеек и Баб-эль-Мандебский пролив. Сначала Черное и Красное моря, а после захвата Кипра (1571 г.) и Крита (1669 г.) также и Восточное Средиземноморье превратились в «османские озера», акватории которых контролировал турецкий флот. Все кратчайшие караванные и морские пути товарообмена с Индией и Китаем оказались для европейцев перекрыты. Западным купцам предлагалось на выбор либо совершать долгое плавание вокруг Африки, открытое португальцами на рубеже XV–XVI вв., либо прибегнуть к посредничеству ближневосточных — мусульманских, христианских и еврейских — контрагентов. Лишь небольшое число европейских судов допускалось османами в южную часть Красного моря в аравийские порты Моха и Джидда, а доставляемые ими товары облагались огромными пошлинами¹. Прикрываясь

¹ *Crececius D.* A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt to Develop the Red Sea Trade Route // *Middle Eastern Studies*. Vol. 30. No 2. April 1994. P. 276. Официально европейским кораблям не разрешалось подниматься по Красному морю выше порта Моха, находившегося в 74 км севернее Баб-эль-Мандебского пролива. Но на поощряемый правителем Хиджаза заход в Джидду османские власти закрывали глаза.

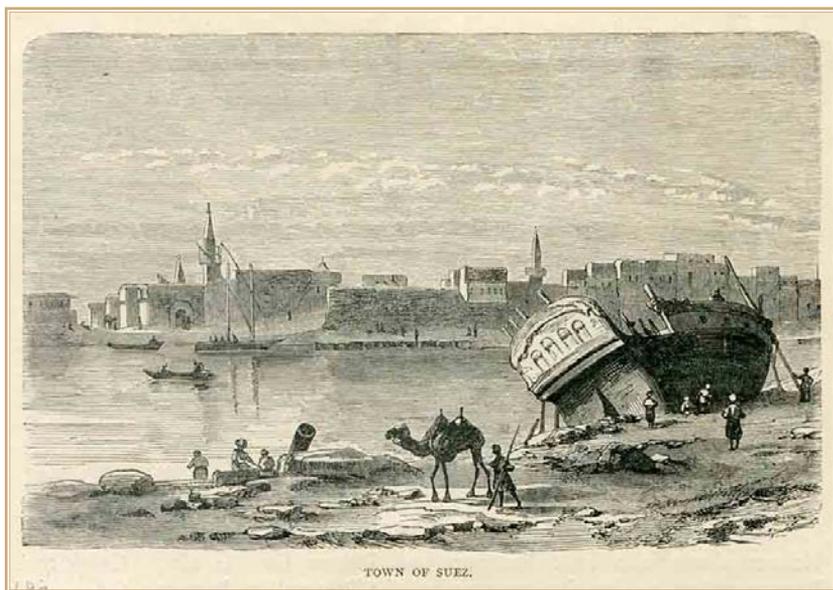
Карта Африки. XVIII в.

необходимостью ограждать святыни ислама от христианского проникновения, османские власти держали под контролем всю красноморскую торговлю кофе и пряностями, колоссальное экономическое значение которой отчетливо осознавалось современниками и хорошо исследовано историками².

Несмотря на целенаправленную политику террора, проводимую португальцами с начала XVI в., многочисленные войны между европейскими колониальными державами и местными правителями, экспансию европейских Ост-Индских компаний, прежде всего голландской и английской, мусульманская торговля в Индийском океане не была раздавлена полностью. Анализ архивных данных, собранных американским историком Стэнфордом Шоу, позволяет проследить динамику фискальных доходов Египта в XVI–XVIII вв.³ В 1595–1671 гг. среднегодовая сумма таможенных пошлин, взимаемых в Суэце, равнялась 49% от аналогичных сборов в трех средиземноморских портах: Александрии, Рашиде (Розетте) и Думьяте (Дамьетте). В дальнейшем таможенные сборы уве-

² *Raymond A. Artisans et commerçants au Caire au XVIIIe siècle*. Damas: Institut Français de Damas, 1973. Vol. I. P. 108–164. О важности торговли между Бомбеом и красноморскими портами в XVIII в. см.: *Charles-Roux F. Les origines de l'expédition d'Égypte*. Paris: Pion-Nourrit, 1910. P. 29; *Charles-Roux F. L'Angleterre, l'Isthme de Suez, et l'Égypte*. Paris: Pion, 1922. P. 8 ff.

³ *Shaw St.J. Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egypt, 1517–1798*. Princeton: Princeton University Press, 1962. P. 117.

Османский Суэц. Гравюра XIX в.

личивались, но в красноморской гавани их темпы роста были в 2,7 раза выше, чем в средиземноморских (53% против 19,5% соответственно)⁴. В результате в 1742–1760 гг. в Суэце собирали всего на 37% меньше налогов, чем в портах Нижнего Египта. Все товары в Суэц в это время привозили исключительно купцы-мусульмане: арабы и индийцы.

Суэц от Каира отделяло чуть больше 120 км, караван верблюдов проходил это расстояние за 3 дня. Ответственный за местную таможенную чиновник *хавале-ага* предпочитал проживать не в бесплодном пыльном местечке, а в Каире. Когда до него доходило известие о прибытии торгового судна, что обычно случалось в период муссонов, он отправлялся в Суэц. Кargo к его приезду разгружалось и складировалось в специальном пакга-

⁴ Безусловно, величина таможенных сборов не позволяет составить объективную картину динамики экспорта и импорта. Номинальная стоимость товаров в Египте за это время значительно увеличилась вследствие поразившей Османскую империю ускоренной инфляции — так называемой «революции цен» (подробнее см.: Мейер М.С. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // Восток. 1975. №1. С. 96–107). Сумма взимаемых налогов росла не только из-за инфляции. Османские власти поднимали таможенные ставки, стремясь решить финансовые проблемы и наполнить казну. Однако в данном случае показателен сам факт ускоренного роста сборов в Суэце по сравнению со средиземноморскими портами. При этом следует учитывать, что часть товаров ввозилась в Суэц беспошлинно как грузы паломников-*хаджи*, компенсация за службу охранникам паломнических караванов и т.д. В результате, по утверждению Стэнфорда Шоу, к концу XVIII столетия казна получала доход только с меньшей части поступавших через Суэц пряностей и кофе (Shaw St.J. Financial and Administrative Organization. P. 105).

узе-вакаля. Хавале-ага вместе с местным судьей-кади проводили осмотр и оценку привезенного. Подписанное ими заключение отправлялось в фискальное ведомство в Каир, а товары можно было забрать из вакаля и погрузить на верблюдов бедуйнского племени, обладавшего привилегией сопровождать и охранять караваны на данном участке пустыни. По прибытии в Каир поклажа проверялась на соответствие составленному в Суэце перечню, торговцы уплачивали таможенную пошлину и могли распоряжаться товаром по своему усмотрению⁵.

Османские власти стремились сконцентрировать торговлю в Суэце в ущерб другим красноморским портам, прежде всего расположенному почти на 500 км южнее эль-Кусейру. Коммерция последнего ограничивалась товарообменом между Верхним Египтом и Йеменом⁶. В Суэц же везли грузы со всего Аравийского полуострова, Африканского побережья, Южной и Восточной Азии.

В отличие от Красного моря, в Средиземноморском бассейне Высокая Порта⁷ не препятствовала товарообмену с дружественными европейскими державами, подписавшими особые соглашения о «привилегиях» (осман. *имтийязат*). Эти договоры, известные в европейской дипломатической практике под названием «Капитуляции»⁸, стали основой открытия Францией (главным партнером османов в Европе), Англией и Голландией (союзниками по борьбе с Габсбургами), а также Венецией (в периоды мира) и некоторыми другими государствами особых торговых контор, называвшихся итальянцами *Escales*, а французами — *Échelles*⁹. Некоторые из этих центров коммерции, пользовавшихся экстерриториальным статусом, располагались в приморских городах (например, Смирне, Александрии, Триполи, Ороне), другие — в глубине континента (например, Халебе и Каире), третьи — охватывали значительные территории (Кипр, Крит, Морею). Крупнейшим и важнейшим из них

⁵ *Shaw St.J.* Financial and Administrative Organization. P. 104–105.

⁶ *Ibid.* P. 103–104.

⁷ Высокая Порта (*Баб-и али*) — резиденция *садрама* (великого везира) и с 1654 г. место заседаний Имперского совета. С XVIII столетия данное наименование закрепилось за Османским правительством.

⁸ Капитуляции (от лат. *Capitula* — «статья», «параграф») — соглашения, предоставлявшие европейским странам коммерческие и другие льготы (*имтийязат*) в османских землях. Западные купцы получали право открывать резиденции в османских городах и вести там торговлю, платя минимальные налоги и пользуясь максимальной свободой от вмешательства властей.

⁹ От лат. слова *scala* — порт с причалом и оборудованием для швартовки и разгрузки кораблей. Подробнее см.: *d'Arcier A.F.* Les échelles du Levant sous la Révolution française. Lille: A.N.R.T., Université de Lille, 1991.

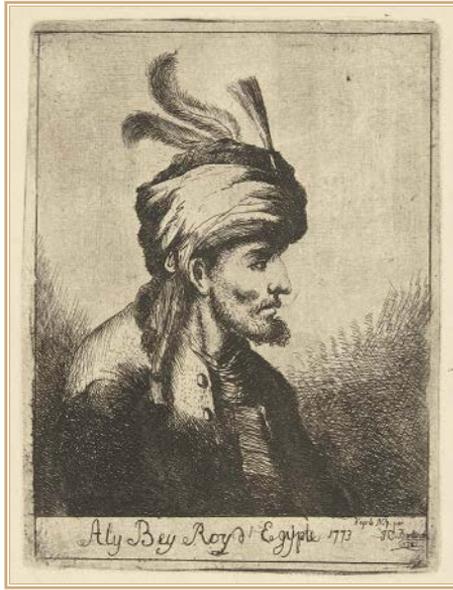
считался Стамбульский, важную роль также играли египетские порты¹⁰. Таможенные пошлины, что платили западные торговцы в *Échelles*, были весьма невелики, базовой ставкой считались 3%. Это компенсировалось тем, что товары, — как местного происхождения, так и привезенные караванными путями с Востока, — европейцам приходилось перекупать у османских негоциантов, жертвуя значительной частью прибыли.

Таким образом, перекрыв для Европы красноморскую коммерцию и поощряя средиземноморскую, османское правительство с выгодой для себя контролировало значительную часть трансконтинентальных торговых путей.

Ситуация начала меняться во второй половине XVIII столетия, став следствием охватившего Османское государство системного кризиса. Непрерывное наступление османов сменилось в последней четверти XVI в. столетним «периодом остановки», окончившимся катастрофическим поражением под Веной в 1683 г. Последующие полвека империя с крайним напряжением сил и переменным успехом защищала свои европейские границы от Австрии, России и Венеции. 30-летний период мира 1739–1768 гг. позволял Западу лишь догадываться о падении военной мощи и экономического благополучия Османской державы, что стало очевидным в ходе Русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. На фоне военных поражений Порты теряла контроль над целыми провинциями, чем также стремились воспользоваться ее противники и союзники.

Изменился к тому времени и баланс сил между западными державами. Семилетняя война (1756–1763), получившая с легкой руки Уинстона Черчилля название «первой в истории мировой войны», подорвала позиции Франции в бассейне Индийского океана и привела к бурной английской экспансии в этом регионе. Флагманом колониального роста стала британская Ост-Индская компания, совмещавшая государственные устремления с собственными коммерческими интересами. В Средиземном море не меньшие амбиции потеснить французскую коммерцию имела британская Левантийская компания, завистливо наблюдавшая за успехами коллег в Индии. Именно Англия и Франция оказались наиболее активны в попытках проломить «османский барьер», открыв для своих судов ключевой красноморский порт Суэц. Однако участниками между-

¹⁰ О них см.: *Sulaymān, Abd al-Hāmid Hāmid, Al-mawānī' al-miṣriyyat fi al-‘aṣr al-‘utmānī: dawruhā al-siyāsī wa-nuẓumuhā al-idāriyyat wa-al-māliyyat wa-al-iqtisādiyyat* (Египетские порты в османский период: их политическая роль и порядок административного и финансово-экономического управления). Каир: Al-Hay’at al-miṣriyyat al-‘āmmat li-l-kitāb, 1995.

Али-бей, король Египта. Гравюра 1773 г.

народной игры, развернувшейся вокруг Египта в последней трети XVIII в., стали и доживавшая свое Венецианская республика, и пробивавшиеся сквозь владения османов на юг Австрийская и Российская империи.

Шанс проложить кратчайший путь из Индии и Китая на Запад представился европейцам в 1767 г., когда, раздавив соперников, к власти в Египте вернулся *шейх аль-балад*¹¹ ‘Али-бей Булут Капан (1760–1766, 1767–1772 гг.). Став единоличным правителем страны, ‘Али-бей начал готовиться к неминуемому конфликту со своим сюзереном — османским султаном. Для войны требовалась мощная армия, а для ее набора и содержания были нужны деньги. Именно в этот момент на прием к шейх аль-баладу пробился молодой венецианский негодник Карло Росетти¹², «интриган и человек немалых способностей», как его охарактеризовал посетивший в ту пору Каир шотландец Джеймс Брюс¹³. Росетти удалось убедить ‘Али-бея в невероятных выгодах от превращения его владений в узловой пункт трансконтинентальной торговли.

¹¹ *Шейх аль-балад* (араб. «вождь страны») — титул, начиная с 20-х гг. XVIII в., присваивавшийся наиболее влиятельному египетскому бею, имевшему статус главы мамлюкской иерархии.

¹² Подробнее о нем см.: *Auriant. Aventurier venitien en Égypte Carlo Rossetti // l’Ascopole. T. IV, janvier–decembre 1929. P. 174–193.*

¹³ *Bruce J. Voyage en Nubie et en Abyssinie, entrepris pour découvrir les sources du Nil, pendant les années 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 & 1773. Paris: Hotel de Thou, 1791. Vol. I. P. 55.*

На пути исполнения этого плана стояла османская политика, ограничивавшая христианское судоходство в Красном море. Однако для амбициозного шейх аль-балада запреты Порты уже не были препятствием. Отчаявшись получить согласие Стамбула на заход европейских кораблей в Суэц, ‘Али-бей в апреле 1768 г. заставил полностью зависимого от него османского наместника издать соответствующий указ¹⁴. Уже в том же году венецианцы привели в Суэц корабли с грузом кофе. В мае 1770 г. Булут Капан оккупировал Хиджаз, что делало его хозяином Красного моря. Предприимчивый Карло Росетти открыл в Джидде представительство своего торгового дома, а его брат Балтазар был назначен главой местной таможни¹⁵. Обнадеженный успешным стартом проекта египетский правитель даже выразил намерение провести в Суэц судоходный канал¹⁶. Однако вскоре шейх аль-балад понял, что не хиреющая Венецианская республика должна стать его стратегическим партнером.

Появление в Восточном Средиземноморье Балтийского флота, бывшего туда в результате Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., подтолкнуло ‘Али-бея к заключению военно-политического союза с Россией¹⁷. Обрисовывая контуры раздела Османской империи, советник шейх аль-балада Аталла Ризк 22 ноября 1771 г. писал командовавшему эскадрой графу А.Г. Орлову (1737–1808): «мой государь завладеет всем Египтом до Персидския границы, а вы возьмете Константинополь... Между нами не будет разделу; земли наши будут ваши, а ваши наши»¹⁸. Естественно, в этом случае именно Россия становилась ключевым военно-политическим союзником и экономическим партнером Египта.

Параллельно при посредничестве Брюса мамлюкский бей установил контакты с британскими властями в Индии¹⁹. Долгое время Великобритания недооценивала значение Египта ни как рынка сбыта товаров и источника сырья, ни как стратегически важного перевалочного пункта

¹⁴ *Crececius D.* Unratified Commercial Treaties between Egypt and England and France, 1773–1794 // *Revue d’Histoire Maghrebine (Époque moderne et contemporaine)*. No 37–38, Juin 1985. P. 70–71.

¹⁵ *Crececius D.* Unratified Commercial Treaties. P. 71.

¹⁶ *Kimche D.* The Opening of the Red Sea to British Ships in the Late Eighteenth Century // *Middle Eastern Studies*. No 6, Jan. 1972. P. 64. Пресная вода доставлялась в Суэц караванным путем.

¹⁷ Подробнее см.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011.

¹⁸ РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 315 «Материалы по истории русского флота. Коллекция». Оп. 1. Д. 597. Л. 4 об.

¹⁹ *Charles-Roux F.* L’Angleterre, l’Isthme de Suez, et l’Égypte. P. 33.

на пути между Азией и Европой. Пугала Лондон и неопределенность работы в условиях осmano-мамлюкского двоевластия в стране, правительство которой «подобно головам гидры, ... в государстве уже не зависимом и еще не независимом, номинально находящемся под османским игом и виртуально суверенном»²⁰. Обладавшая монопольным правом на торговлю в Восточном Средиземноморье английская Левантийская компания²¹ сосредоточилась на операциях в греческих, турецких и сирийских портах, и в 1757 г. британское консульство в Александрии было закрыто за ненадобностью²². Однако открывшиеся перспективы оценила другая колониальная монополия: Ост-Индская компания. Итогом переписки, завязавшейся между ‘Али-беем и генерал-губернатором Бенгалии Уорреном Хастингсом, стало создание в Индии акционерного общества, которое получило название «Suez Adventure»²³ и принялось снаряжать суда в Египет²⁴. Тогда же ‘Али-бей нанес чувствительный удар по позициям венецианцев. Он подверг репрессиям тесно связанных с итальянцами еврейских таможенных откупщиков и передал освободившиеся посты сиро-христианским купцам²⁵.

Отстранение ‘Али-бея от власти в 1772 г. не привело к краху «Suez Adventure». В 1773 г. Джеймс Брюс добился от нового шейх аль-балада Мухаммад-бея Абу-з-Захаба (1772–1775 гг.) фирмана, «открывавшего» красноморские порты Египта для британских судов²⁶. «Если вы приве-

²⁰ Цит. по: *Jasanoff M. Edge of Empire, Lives, Culture, and Conquest in the East, 1750–1850.* New York: Vintage books, 2006. P. 68.

²¹ Левантийская компания (Levant Company) — она же Турецкая компания (Turkey Company) — в 1592–1825 гг. обладала привилегированным правом на британскую торговлю в Восточном Средиземноморье. В отличие от Ост-Индской компании была не акционерным обществом, а объединением предпринимателей, готовых платить взносы и подчиняться корпоративным требованиям. Гибкая структура компании позволила ей перехватить торговую инициативу у венецианских купцов и завоевать внутренние рынки Османской империи (см.: *Fusaro M. Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean: the Decline of Venice and the Rise of England, 1450–1700.* Cambridge: Cambridge University Press, 2015).

²² Решение о закрытии было принято в 1754 г., но консул Ричард Харрис отбыл из Каира только в 1757 г. Поверенным в делах Англии в Египте остался британец Роберт Хьюз, уже выполнявший обязанности представителя Голландии (*Wood A. A History of the Levant Company.* London: Frank Cass & Co Ltd., 1964. P. 165–166).

²³ Можно перевести как «Суэцкое предприятие», так и «Суэцкий путь».

²⁴ *Ibid.* P. 66–67.

²⁵ Подробнее о борьбе сиро-христианских и еврейских купцов и франко-венецианском торговом соперничестве в Египте см.: *Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII — первая треть XIX в.).* М.: Дерево жизни, 2003. С. 94–97.

²⁶ *Bruce J. Voyage en Nubie et en Abyssinie.* Vol. VIII. P. 767–768.

дете индийские суда в Египет, — якобы заявил при этом шейх аль-ба-лад, — я проложу от Нила до Суэца акведук, и вы будете пить нильскую воду»²⁷. Вскоре в Суэц вошел английский корабль «Минерва», а командовавший им лейтенант Грейг добрался оттуда сухопутным путем до Каира²⁸. В первое время британские негоцианты осторожничали: в 1774 г. из Калькутты в Суэц пришел один корабль, на следующий год — два²⁹. Там с них взимали 8%-ную пошлину³⁰, что превышало установленную капитуляционными соглашениями 3%-ную ставку, но было значительно меньше 14%-ного налога в Джидде³¹. Те, кто рискнул, не пожалели. Экономия времени и денег перевешивала все трудности нового пути: сезонность муссонных ветров, опасности судоходства по изобилующему рифами Красному морю и перехода по безводной пустыне из Суэца. Ост-Индская компания также оценила скорость доставки депеш в Лондон и обратно, которая выросла в 2,5 раза³².

Впрочем, сам Джеймс Брюс по возвращении на родину вместо награды и благодарности получил от главы Ост-Индской компании лорда Норса выговор за свою «потенциально вредоносную» инициативу³³, чреватую возможными осложнениями в отношениях с Портой. Действительно, незадолго до того раздосадованный шериф Хиджаза, в чьих владениях находилась Джидда, написал в Стамбул жалобу. Реакцией на нее стал султанский указ, предписывавший египетским властям остановить британскую торговлю через Суэц³⁴. Однако подлинная причина смены настроения правления компании была иной. Короткое сообщение Египта с Индией позволило перевозить грузы даже относительно небольшим судам, и мощные корабли Ост-Индской компании теряли конкурентное преимущество³⁵. Кроме того, в средиземноморских пор-

²⁷ *Baldwin G. Political Recollections Relative to Egypt, Containing Observations on its Government under the Mamlukes. London: W. Balmer, 1802. P. 4.*

²⁸ *Bruce J. Voyage en Nubie et en Abyssinie. Vol. VIII. P. 770.*

²⁹ *Wood A. A History of the Levant Company. P. 168.*

³⁰ *Bruce J. Voyage en Nubie et en Abyssinie. Vol. VIII. P. 770.*

³¹ *Hoskins H.L. British Routes to India. New York: Octagon books, 1966. P. 23.*

³² При благоприятных условиях переход корабля вокруг Африки через мыс Доброй Надежды занимал 150 дней. Через Суэц груз доходил до Индии за 63 дня (*Wood A. A History of the Levant Company. P. 167.*)

³³ *Bruce J. Voyage en Nubie et en Abyssinie. Vol. VIII. P. 771.*

³⁴ *Wood A. A History of the Levant Company. P. 168.*

³⁵ Для дальних переходов Ост-Индская компания строила специальные корабли, носившие префикс HEICS (Honorable East India Company Ship), отличавшиеся особым типом корпуса, оснащением и артиллерией.

«Три вида на корабль Ост-Индской компании 'Royal George'».
 Художник Фрэнсис Холман. 1779 г.

тах Египта товары подхватывали суда Левантийской компании, получавшей за это часть прибыли³⁶.

Тем не менее 7 марта 1775 г. представитель Уоррена Хастингса Джон Шоу подписал торговый договор с Мухаммад-беем Абу-з-Захабом³⁷, и «Suez Adventure» открыла сообщение между Индией и Египтом. Только за 13 месяцев 1776–1777 гг. в Суэцком порту разгрузилось 13 британских торговых судов³⁸, причем доставка товаров в Европу по Красному морю, по слухам, приносила от 120 до 200% чистой прибыли³⁹ (обычной считалась торговая наценка в 35–40%). К тому времени Мухаммад-бей скончался, а его сцепившиеся в борьбе за власть преемники не стеснялись брать с европейцев 20%-ную таможенную пошлину⁴⁰. Но даже при этих выплатах торговля по красноморскому маршруту оставалась сверхрентабельной. Прибыли окрылили акционеров «Suez Adventure». Весной 1777 г. Ост-Индская компания запретила своим кораблям заходить в Джидду⁴¹.

Достижения «индийских» коллег не на шутку встревожили главу Левантийской компании сэра Роберта Эйнсли, по совместительству за-

³⁶ Hoskins H.L. *British Routes to India*. P. 25.

³⁷ Ibid.

³⁸ Crecelius D. *A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt*. P. 26.

³⁹ Ibid. P. 263–264.

⁴⁰ Hoskins H.L. *British Routes to India*. P. 26. Посетивший Ближний Восток французский энциклопедист Константэн-Франсуа Шасбеф (Вольней) писал, что на «откаты» (retraits) местным чиновникам и мамлюкским беям уходило 20–25% стоимости товаров (Volney. *Voyage en Syrie et en Egypte*. 3e édition, 1799 // *Œuvres*. Tome troisième. Paris: Fayard, 1998. P. 158).

⁴¹ Wood A. *A History of the Levant Company*. P. 171.

нимавшего должность английского посла в Стамбуле⁴². По его мнению, политические риски и экономические потери, которые угрожали британским интересам в Османской империи, несопоставимо превышали выгоды от транзита товаров через владения «нестабильного и тиранического» режима египетских мамлюков. Скорее же всего, Эйнсли боялся вторжения конкурирующего торгового предприятия на территорию его монополии.

Действительно, в 1774 г., а также в 1778 и 1779 гг. Высокая Порта издавала указы о запрете европейской торговли в северной части Красного моря, представляя британскому послу ноты протеста. «Мы категорически не потерпим, — гласило султанское послание египетским властям, — прибытия каких бы то ни было кораблей франков в Суэц... Море Суэца предназначено лишь для благородного хаджа в Мекку. Дозволить там ходить франкским [европейским. — Т.К.] кораблям и не противостоять этому означает предать вашего Повелителя, вашу религию и каждого мусульманина»⁴³. Было объявлено, что любое английское судно, замеченное после лета 1778 г. в водах севернее Джидды, будет конфисковано со всем грузом, а его экипаж продан в рабство.

Причины столь непримиримой позиции османов лежали не только в религиозной и даже не только в коммерческой плоскости. В Стамбуле внимательно наблюдали за британской колониальной активностью в Индии и были хорошо осведомлены о войнах, которые развязывала на этом субконтиненте Ост-Индская компания. Угроза захвата Англией Египта, кратчайшего перевалочного пункта на пути в Индию, беспокоила Порту, тем более что, споря с турецкими сановниками, посол Эйнсли пригрозил возможной бомбардировкой Суэца⁴⁴.

Взвесив все «за» и «против», заседавший в Лондоне совет директоров Ост-Индской компании солидаризировался с позицией посла. 4 июля 1777 г. было принято решение остановить торговлю через Суэц⁴⁵. Издать приказ оказалось проще, чем его исполнить. Жажда прибыли гнала из Индии на север Красного моря все новые и новые корабли, и, защищая соотечественников, сэр Эйнсли против воли был вынужден истре-

⁴² В XVII–XVIII вв. британские консулы в Османской империи и значительная часть посольства в Стамбуле являлись сотрудниками Левантйской компании, ответственными перед ее руководством.

⁴³ *Jasanoff M.* Edge of Empire, Lives, Culture, and Conquest in the East, 1750–1850. New York: Vintage books, 2006. P. 132.

⁴⁴ *Hoskins H.L.* British Routes to India. P. 29.

⁴⁵ *Ibid.* P. 26.

«Суда в бомбейской гавани». Гравюра 1731 г.

бовать у Порты одну за другой отсрочки прекращения этого судоходства. В апреле 1778 г. совершивший путешествие из Бомбея в Суэц Абрахам Парсонс застал в египетском порту четыре одновременно разгружавшихся британских транспорта⁴⁶. Всего весной этого года в Суэц пришло 13 судов под британским флагом⁴⁷, а зимой 1778/79 г. ожидалось прибытие из Индии уже 20 кораблей⁴⁸. Успех англичан выглядит еще более впечатляющим, если учитывать, что в конце XVIII в. мусульманские торговцы ежегодно приводили в Суэцкий порт лишь от 40 до 60 малотоннажных судов⁴⁹.

К концу 1778 г. стало очевидно, что османские власти полны решимости положить конец использованию европейцами красноморского пути. Тем не менее работавшие в Индии коммерсанты вместе с единственным постоянно пребывавшим в Египте английским торговцем и полуофициальным представителем Британии Джорджем Болдуином⁵⁰ решили рискнуть и снова отправили в начале 1779 г. в Суэц корабли. Учитывая опасности военного времени (с минувшего года Англия и Франция находились в состоянии войны), а также желая скрыть неповиновение ос-

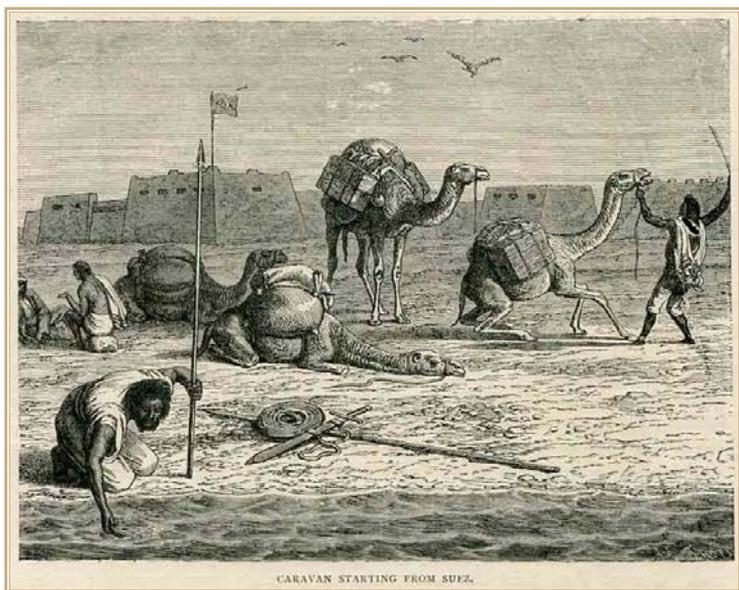
⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Hoskins H.L. British Routes to India. P. 29.

⁴⁸ Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. I. P. 153.

⁴⁹ Ibid. P. 112.

⁵⁰ Подробнее о Джордже Болдуине см.: Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? // Travelers in Egypt. London: Tauris, 2001. P. 24–38.

Отправление каравана из Суэца. Гравюра XIX в.

манским требованиям, было решено идти под датским флагом на судах «Наталя» (Nathalia) и «Св. Елена» (St. Helena)⁵¹. Меры предосторожности были предприняты и на египетской земле: сперва на берег сошли британские курьеры с правительственными депешами. Убедившись, что они благополучно проехали из Суэца через Каир в Александрию, Болдуин посетил одного из правителей Египта Ибрахим-бея, и тот его заверил, что чинить препятствий не будет⁵². Более того, мамлюки даже предоставили торговцам вьючных верблюдов.

Авантюра закончилась катастрофой, «блестящая конструкция, — как писал впоследствии российский консул в Египте Конрад Тонус, — рухнула от одного-единственного удара»⁵³. Фирман из Стамбула был сочтен правившими мамлюкскими лидерами Мурад-беем и Ибрахим-беем «индальгенцией», позволявшей безнаказанно завладеть огромными богатствами. Караван, перевозивший с «Натали» груз пряностей стоимостью 37 500 ф. ст., был разграблен действовавшим по наводке беев племенем синайских бедуинов. Номады забрали у путников все, вплоть до одежды, в чем не встретили ни малейшего сопротивления: не ожидавшая нападения беспечная охрана не держала наготове «хотя бы одного-един-

⁵¹ *Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? P. 26.*

⁵² *Hoskins H.L. British Routes to India. P. 31.*

⁵³ *Mémoire sur le Commerce de l'Égypte, considéré dans son rapport politique avec le Gouvernement Actuel // АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1 «Константинопольская миссия». Д. 1002. Л. 143 об.*

ственного пистолета»⁵⁴. Из десяти путешественников двое решили вернуться в Суэц, находившийся всего в 30 км от места нападения, оставшиеся — идти через пустыню к Нилу. В первой группе уцелели все; во второй — трехдневный переход без воды под палящим солнцем пережил только один: депортированный из Индии французский офицер де Сен-Жермен⁵⁵. Его почти бездыханное тело, «представлявшее собой одну сплошную рану»⁵⁶, случайно обнаружил феллах.

Вскоре мамлюки, применив хитрость, задержали и стоявшие на Суэцком рейде суда, арестовав членов их экипажей и торговцев. Некоторых молодых моряков-индийцев, как сообщал французский консул, «жестоким обращением заставили перейти в ислам и подвергнуться обрезанию»⁵⁷. Впрочем, в конце августа задержанные были отпущены под обязательство не предъявлять претензий османским властям, не требовать возмещения убытков, не предпринимать враждебных действий против египетских мамлюков и вообще никогда не возвращаться обратно в Египет⁵⁸. Болдуин и еще один англичанин остались в Каире в качестве заложников⁵⁹.

Как отметил американский исследователь Дэниел Кресилиус, инцидент 1779 г. продемонстрировал Европе ненадежность договоров, заключаемых с мамлюкским режимом, и высветил все опасности египетского пути в Азию⁶⁰. Арест летом того же года двух курьеров, переправлявших дипломатическую почту из Индии⁶¹, и пяти нарочных, наоборот, следовавших из Англии, надолго отбил у британских властей всякое желание использовать Суэцкий маршрут⁶². Летом 1780 г. Ост-Индская компания предприняла еще одну попытку воспользоваться красноморским путем

⁵⁴ *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. P. 157.*

⁵⁵ *Jasanoff M. Edge of Empire. P. 131–133.* История уроженца острова Бурбон (современный Реюньон) де Сен-Жермена приобрела в Европе широкий резонанс. (Подробнее о происшествии см.: *Fay E. Original Letters from India. London: Hogarth Press, 1986; Sattin A. Lifting the Veil: British Society in Egypt, 1768–1956. London: Dent, 1988.*)

⁵⁶ *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. P. 157.*

⁵⁷ Цит. по: *Jasanoff M. Edge of Empire. P. 366.*

⁵⁸ Трагические события 1779 г. были описаны самим Болдуином в брошюре «Narrative of Facts relating to the Plunder of the English Merchants by the Arabs». London, 1779.

⁵⁹ *Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? P. 27.*

⁶⁰ *Creceilius D. A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. P. 266.*

⁶¹ *Hoskins H.L. British Routes to India. P. 30.*

⁶² *Creceilius D. A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. P. 277.* В качестве альтернативы Роберт Эйнсли выдвинул проект маршрута Халеб—Багдад—Басра, но этот путь оказался долгом и ненадежен.

для отправки депеш, на этот раз через находившийся южнее египетский порт эль-Кусейр, но курьеры также были задержаны⁶³. Пока судно стояло на рейде, пятеро моряков погибли в стычке с бедуинами. В отместку город подвергся бомбардировке из судовых орудий⁶⁴.

Однако ни политические трудности, ни человеческие жертвы не могли заставить Джорджа Болдуина отказаться от мечты доставлять товары напрямую из Азии в Европу. К этому времени его отношения с сэром Эйнсли испортились окончательно⁶⁵. Убедившись, что после инцидента 1779 г. на участие Англии рассчитывать не приходится, коммерсант решил прибегнуть к посредничеству морской державы «второго эшелона»: Австрийской империи. Эта идея не казалась столь фантастичной. Нейтральный статус давал Австрии ощутимые преимущества в годы большой войны 1778–1783 гг., в которой из европейских стран участвовали Великобритания, Франция, Голландия и Испания. Достаточно сказать, что в 1782 г. в китайский Кантон не зашло ни одного французского или голландского судна, а из 13 английских только 4 вернулись обратно невредимыми. В то же время 5 австрийских кораблей совершили в этот порт благополучное плавание⁶⁶.

Заручившись, с одной стороны, поддержкой австрийского посла в Стамбуле барона Герберта Раткиля, обогатившегося на торговле с Индией, а с другой — влиятельного торговца в Калькутте Виллема Болтса⁶⁷, Болдуин начал действовать. Бежав из-под домашнего ареста, он в 1780 г. прибыл через Измир в Стамбул. Там британец обзавелся пакетом документов от барона Раткиля, в том числе свидетельством о получении австрийского подданства, письмом от министра иностранных дел венского двора князя Кауница и грамотой, дававшей ему право действовать по сво-

⁶³ *Hoskins H.L. British Routes to India. P. 34.*

⁶⁴ *Ibid. P. 35.*

⁶⁵ Некоторые из нелюбимых характеристик, которыми обменялись сэр Эйнсли и Джордж Болдуин, первый в официальных реляциях в лондонский Foreign Office, второй — в изданной им в 1780 г. брошюре, привел в своей статье Дэниел Креселиус: *Crecelius D. A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. P. 277.* Также см.: *Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? P. 26–27.*

⁶⁶ *Bolts G. Précis de l'Origine, de la Marche et de la Chute de la Compagnie d'Asie et de l'Afrique dans les ports du littoral autrichien. Liege, 1785. P. 29–30.*

⁶⁷ О жизни и деятельности уроженца Амстердама, неутомимого предпринимателя, путешественника и авантюриста Виллема Болтса (1738–1808), пытавшегося заразить австрийского, российского, шведского, неаполитанского и других монархов своим энтузиазмом по развитию дальнеторговых предприятий см.: *Gough B.M., King R.J. William Bolts: An Eighteenth Century Merchant Adventurer // Archives: the Journal of the British Records Association, vol. XXXI, No. 112, April 2005. P. 8–28.*

Джордж Болдуин.
 Художник Жозеф Бувье. 1780 г.

«Миссис Джон Болдуин (Джейн Мальтас)».
 Художник Джошуа Рейнольдс 1782 г.

ему полному усмотрению (*pleinpouvoir*). Успеху Болдуина во многом способствовала его юная жена, Джейн Мальтас (1763–1839), прозванная в Европе «прекрасной гречанкой», перед чарами которой впоследствии не устояли император Иосиф II (1780–1790 гг.), равно и как принц Уэльский Георг, и ряд других известных лиц⁶⁸.

В план Болдуина, в частности, входило уничтожение мусульманской красноморской торговли силами двух военных судов, что, по его замыслу, должно было спровоцировать экономический кризис в Египте и свержение правящих мамлюкских беев. Корабли Болдуин, очевидно, рассчитывал зафрахтовать в Индии. Он попытался лично проехать туда сухопутным путем, но получил под Антиохией рану в стычке с бандой грабителей и был вынужден повернуть обратно. Остановившись ненадолго в Вене и удостоившись аудиенции австрийского императора, Болдуин вернулся в Лондон⁶⁹.

Неудача Болдуина не обескуражила австрийцев. Они решили обратиться к услугам лиц, которых Болдуин считал закулисными организаторами суэцкой трагедии 1779 г.⁷⁰: Карло Росетти и его делового партнера

⁶⁸ О привлекательности Джейн Мальтас, получившей репутацию одной из самых красивых женщин Европы, можно судить по портретам кисти Джошуа Рейнольдса.

⁶⁹ Ibid. P. 269–271.

⁷⁰ Hoskins H.L. British Routes to India. P. 33.

в Египте, влиятельного торговца и откупщика, сирийского греко-католика Антуна Фарауна Кассиса. Росетти к тому времени женился на вдове Йусуфа Байтара ал-Халаби, предшественника Кассиса на посту главного таможенного откупщика. Выбор австрийцев казался безошибочным. Антун Кассис с 1774 г. возглавлял могущественный клан Фараунов, контролировавший деятельность всех средиземноморских таможен Египта. «Этот Главный таможенный инспектор и его ставленники, — писал Конрад Тонус, — непрестанно принуждаемые беями ссужать их деньгами, обрели в их администрации столько власти, что безнаказанно учредили настоящую монополию... и с легкостью вводят новые налоги на товары, в противоречие с договорами, подписанными между европейскими Державами и Портой»⁷¹. Привилегированное положение главного таможенного откупщика вкупе с доверием, которым пользовался Фараун Кассис у мамлюкских дуумвиров, превратили его в «торгового деспота»⁷² и позволили, по словам французского востоковеда Андрэ Рэмона, «передать в руки своих соотечественников практически все отрасли египетской торговли»⁷³.

К началу 1780-х гг. клан Фараунов—Кассисов и другие связанные с ним сиро-христианские торговцы были близки к полному устранению конкурентов с египетского рынка. Письма западных консулов пестрели жалобами на налагавшиеся на европейцев «незаконные» пошлины, равнявшиеся 20% стоимости импорта. Впрочем, европейцы могли избежать уплаты налога, если соглашались продавать привезенные в Египет товары непосредственно таможенным откупщикам. Одновременно сиро-христианские торговцы усилили позиции в сфере египетского экспорта. В 1777 г. Антун Фараун добился исключительного права на продажу риса во Францию. Прибыль в 11 тыс. французских ливров с каждого груженого корабля рисом, который Кассис отправлял в Марсель, его конкуренты называли не иначе как «грабительской»⁷⁴.

В то же время Фараун Кассис и сам был крайне заинтересован в альянсе с австрийцами. Причина заключалась не только в том, что, являясь османским подданным, главный таможенный инспектор должен был платить 8%-ную пошлину с собственных внешнеторговых сделок. Сколо-

⁷¹ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. A. 141.

⁷² Volney. Voyage en Syrie et en Égypte. P. 155.

⁷³ Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. II. P. 488.

⁷⁴ Crecelius D. The Attempt by the Greek Catholics to Control Egypt's Trade with Europe in the Second Half of the Eighteenth Century // La vie sociale dans les provinces arabes à l'époque ottomane. Vol. 3. Tunis, 1988. P. 125–126.

тившие огромные состояния сиро-католические откупщики, «сколь бы они ни были богаты», не могли, как верно подметил Тонус, «обеспечить безопасность своих состояний путем их вложения в недвижимое имущество, поскольку в этой подверженной переворотам стране нельзя полагаться ни на какие права собственности»⁷⁵. Оказать услугу Австрии означало для Антуна Фарауна заручиться покровительством могущественной державы, посол которой пользовался огромным влиянием при султанском дворе.

В 1781 г. Фараун Кассис получил от австрийского посланника в Стамбуле вожденный *берат*⁷⁶, распространявший на него капитуляционные привилегии, в том числе право ввозить товары по пониженной 3%-ной таможенной ставке. Документ основывался на указе австрийского императора, даровавшего откупщику титулы барона и графа Палатина. В каирском *диване*⁷⁷ был торжественно зачитан правительственный фирман, в котором объявлялось, что Порта берет на себя ответственность за любой ущерб, который может быть нанесен австрийским подданным, торгующим в акватории Красного моря, в том числе и за потери, возникшие по вине мамлюкских шейхов или бедуинов⁷⁸.

Открыв торговый дом в принадлежавшем Австрии Триесте, Фараун Кассис быстро превратил этот порт в новый центр продажи индийских товаров, потеснив французских и венецианских купцов. Египетско-австрийский торговый дом процветал чуть более двух лет. В декабре 1783 г. под предлогом паломничества в Иерусалим главный таможенный инспектор тайно отплыл в Европу, прихватив с собой состояние, которое оценивалось в несколько миллионов франков⁷⁹. Наиболее вероятной

⁷⁵ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. А. 141.

⁷⁶ Берат (от араб. *бара'а* — искусство, умение, знание) — в османской юридической практике означал лицензию или право на занятие какой-либо деятельностью. В XVII — начале XIX в. на Ближнем Востоке широко практиковалось включение западноевропейскими консульствами связанных с ними представителей местных этноконфессиональных меньшинств в списки бератов. Держатели бератов, *бератлы*, платили при ввозе товаров фиксированный 3%-ный налог, который равнялся таможенным сборам, взимаемым с европейских купцов, и был значительно ниже того, что платили местные торговцы. Официально дипломаты могли включать в состав бератлы только переводчиков и иных консульских работников, однако на практике круг таких лиц был гораздо шире.

⁷⁷ Диван — традиционный для Османской империи орган власти — совет, наделенный совещательными, исполнительными, судебными и отчасти законодательными функциями.

⁷⁸ Crecelius D. A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. А. 272.

⁷⁹ Volney. Voyage en Syrie et en Égypte. P. 156.

причиной бегства Кассиса, как отмечали британские источники, стали интриги проживавших в Египте французских негоциантов, прежде всего, тесно связанного с Мурад-беем Шарля Магаллона, неформального лидера французской общины в стране⁸⁰.

С бегством Кассиса торговля Египта с Европой через Триест была, по словам Тонуса, «раздавлена полностью»⁸¹. Австрийское правительство отказалось от планов развития связей с Индией через Египет, и освободившуюся нишу попытались занять французы. В отличие от британцев, французские купцы действовали при полной поддержке своего правительства.

Идея завладения Египтом, выдвинутая в свое время еще кардиналом Ришелье (1585–1642), а позднее философом Г.В. Лейбницем (1646–1716)⁸², вновь зазвучала в коридорах Версаля по окончании Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.⁸³ В 1776–1777 гг. под предлогом инспекции *Échelless* в Египет был направлен бывший военный советник султана Мустафы III (1757–1774) барон Франсуа де Тотт. Его подлинной задачей был анализ возможности оккупации долины Нила «с точки зрения политики Франции и в интересах ее коммерции»⁸⁴. Захват Египта был признан де Тоттом делом весьма несложным и совершенно неотложным, поскольку даст, писал он в докладной записке, «ключ от дверей, необходимых, чтобы предоставить торговле превосходство над теми странами, что будут следовать старыми путями»⁸⁵. Тем не менее Версаль принял решение направить флот не к Египту, а против Великобритании, безуспешно пытавшейся подавить независимость своих Североамериканских колоний. Одним из фронтов войны 1778–1783 гг. вновь стала Индия, где войскам Ост-Индской компании и ее местных союзников противостояли объединенные силы Франции и Майсурского султаната.

Версальский двор не решился рискнуть своими дружескими отношениями с Портой и после окончания войны. Вместо флота и десант-

⁸⁰ *Creelius D.* A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. P. 280.

⁸¹ *Mémoire sur le Commerce de l'Égypte.* A. 141.

⁸² Подробнее см.: *Mémoire de Leibniz à Louis XIV, sur la conquête de l'Égypte*, édition critique par M. de Hoffmans. Paris, 1840; *Vandal A.* Louis XIV et l'Égypte. Paris: Alphonse Picard, 1889; *Charles-Roux F.* Les origines de l'expédition d'Égypte; *Frémeaux J.* La France et l'Islam depuis 1789. Paris: P.U.F., 1991.

⁸³ *Charles-Roux F.* Le projet français de conquête de l'Égypte sous le règne de Louis XVI. Le Caire, 1929. P. 15–16.

⁸⁴ *Tóth F.* Un Hongrois en Égypte avant Napoléon. La mission secrète du baron de Tott // *Revue historique des armées.* № 270. 2013. P. 1–10.

⁸⁵ Цит. по: *Tóth F.* Un Hongrois en Égypte avant Napoléon. P. 6.

«Портрет графа
 Лорена-Жана-
 Франсуа Трюге».
 Художник
 Ж.-Б. Полен-Герен

ной армии в 1784 г. на берега Нила отправилась секретная миссия под руководством шеваляе де Трюге. К этому времени, не выдержав конкуренции, разорились уже шесть из девяти находившихся в Каире французских торговых домов⁸⁶, и шеваляе должен был осуществить функцию «врача-реаниматора» коммерции соотечественников. Посланник с блеском выполнил задание, привезя в феврале 1785 г. из Египта три секретных договора, которые подготовили юридическую основу для открытия сообщения с Азией через Египет. Первый из трактатов, заключенных с мамлюкскими дуумвирами, был фактически аналогичен англо-египетскому соглашению 10-летней давности. Таможенная ставка была повышена: в дополнение к стандартной 3%-ной пошлине следовало выплачивать еще 6% в пользу беев (половину должны были платить французы, половину — их местные контрагенты)⁸⁷. Особый сепаратный договор де Трюге подписал с бедуинским шейхом Насром Шадилом, племя которого отвечало за благополучную доставку грузов из Суэца в Каир. И, наконец, отдельная конвенция, заключенная с двоюродным братом Антуна Фарауна Кассиса и его преемником на должности главного таможенного откупщика Йусуфом Кассабом, распространяла опеку последнего на деятельность всех французских торговцев в Египте⁸⁸.

⁸⁶ *Volney. Voyage en Syrie et en Égypte.* P. 160.

⁸⁷ *Hoskins H.L. British Routes to India.* P. 54.

⁸⁸ *Crececius D. Unratified Commercial Treaties.* P. 76.

Достигнутый миссией де Трюге успех французский посол в Стамбуле де Шуазель-Гуфье назвал «почти что невероятным»⁸⁹. В Марселе была учреждена новая компания, в задачи которой входила торговля с Индией через Суэц и продажа индийских товаров в различных частях Османской империи. Ее египетским представителем стал Шарль Магаллон, арендовавший по такому случаю половину домов и складов на одной из сторон европейской улицы в Александрии⁹⁰. В порту Моха было решено учредить консульство для контроля прохождения судов через Баб-эль-Мандебский пролив. Открывшиеся возможности были оценены и Фарауном Кассисом, который незамедлительно предложил французскому правительству свои услуги⁹¹.

Уже через несколько дней после возвращения миссии Трюге в Стамбул произошла утечка информации: как Порты, так и иностранные посольства узнали о сложившемся франко-мамлюкском торговом альянсе. Османское правительство пришло в ярость от продемонстрированного беями столь явного пренебрежения волей султана⁹². Полученные известия встревожили и британские власти, заставив вспомнить о неугомном Джордже Болдуине, «обладателе неиссякаемой энергии и оптимизма»⁹³, который, вернувшись на родину, засыпал правительство различными проектами и докладными записками⁹⁴. В 1784 г. в соответствии с «Законом Питта-младшего» был образован Контрольный совет, уполномоченный надзирать за деятельностью Ост-Индской компании. Его глава Генри Дундас, невзирая на энергичные протесты посла Эйнсли, в 1786 г. счел необходимым назначить Болдуина на должность генерального консула и представителя Компании в Египте. Перед ним была поставлена задача добиться подписания трактата, аналогичного договору с де Трюге, «открыв сообщение с Индией через Египет»⁹⁵. При этом новоиспеченно-

⁸⁹ Цит. по: *Crecelius D. Unratified Commercial Treaties*. P. 77.

⁹⁰ *Ibid.*

⁹¹ *Clement R. Les Français d'Égypte au XVII et XVIII siècles*. Cairo: IFAO, 1960. P. 264.

⁹² *Hoskins H.L. British Routes to India*. P. 43.

⁹³ *Crecelius D. Unratified Commercial Treaties*. P. 72.

⁹⁴ «Завладев Египтом, — писал Болдуин, — Франция получит универсальный ключ ко всем торговым странам Земли. Владея современными искусствами навигации и торговли, она станет властелином мира. Она сможет внушать трепет миру Востока продуктивностью, с которой будет командовать внезапным перемещением ее войск в любом количестве и в любое время; а Англия должна будет отдать свои индийские владения на милость Франции» (цит. по: *Jasanoff M. Edge of Empire*. P. 134). Вывод напрашивался однозначный: Британия должна захватить Египет прежде, чем это сделает Франция, пусть даже это будет стоить ей войны со всей Османской империей.

⁹⁵ *Hoskins H.L. British Routes to India*. P. 47.

му консулу, получавшему жалованье из трех источников: Казначейства, Секретной службы Его Величества и фондов Ост-Индской компании⁹⁶, было категорически запрещено заниматься собственными торговыми операциями на Красном море⁹⁷.

Однако более чем за год до приезда Болдуина в Египет 2 июля 1785 г. в Александрию прибыл другой представитель европейской державы: российский генеральный консул барон Конрад фон Тонус.

История миссии барона Тонуса крайне занимательна и соответствует жанру авантюрного романа в восточных декорациях, который как раз формировался в то время. Недаром фигура Конрада Тонуса появляется на страницах классического произведения этого литературного направления: романа-эпопеи «Анастасий» Томаса Хоупа⁹⁸. Первым исследователем, обратившим пристальное внимание на деятельность барона, был эмигрировавший во Францию из Египта историк греческого происхождения Александр Хадживасилиу (1895–1990), скрывавшийся за псевдонимом Ориан (Auriant)⁹⁹. Через 60 лет после издания труда Ориана «Агент Екатерины II в Египте» и независимо от него, с опорой не на западные, а на российские архивы, была опубликована статья П.В. Стегния (псевдоним П. Перминов)¹⁰⁰. Она открыла целую серию исследований данного сюжета. В последовавшие два десятилетия свет увидели работы И.М. Смилянской¹⁰¹, Т.Ю. Кобищанова¹⁰², Д.В. Фрумина¹⁰³, освещавшие различные аспекты грандиозной «диверсии», задуманной императрицей и порученной Тонусу: отделение от Османской империи независимого Мамлюкского султаната под протекторатом России. Однако в данном

⁹⁶ *Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? P. 30.*

⁹⁷ *Creceilius D. A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. P. 271.*

⁹⁸ *Hope T. Anastasius, or Memoirs of a Greek. London: The Long Riders' Guild press, 2007.*

⁹⁹ *Auriant. Un agent de Catherine II en Égypte: M. de Thonus (1784–1789) // l'Acropole. T. II, janvier–decembre 1927. P. 112–127.*

¹⁰⁰ *Перминов П. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // Азия и Африка сегодня. 1987. № 9.*

¹⁰¹ *Смилянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых русско-арабских политических контактах // Анналы. Вып. V–VI. М., 1997. С. 5–36; Смилянская И.М. Политическая интрига Екатерины II в Египте в войну 1787–1791 гг.: Конрад Тонус // Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. С. 729–745.*

¹⁰² *Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. М., 2008. № 2. С. 47–68.*

¹⁰³ *Фрумин Д.В. Миссия барона Тонуса: 225 лет назад в Египте был назначен первый российский консул // Восточный архив. № 1(19). М., 2009. С. 4–15.*

случае нас интересует не военно-политическое, а коммерческое направление деятельности первого российского консула в Египте, относившееся к начальному этапу его службы.

Победив в войне 1768–1774 гг., царское правительство стало планомерно усиливать дипломатическое давление на Порту, расширяя права и привилегии своих негоциантов. Статья 11 Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. устанавливала право ведения черноморской коммерции на судах под российским торговым флагом. Полномочия русских купцов были расширены в 1779 г. и закреплены торговым соглашением 1783 г. Статьи 1–3 и 6 последнего договора закрепляли право их свободной негоции в османских территориальных водах при условии выплаты небольших таможенных пошлин¹⁰⁴. Незамедлительно после заключения торгового трактата континентальную и островную Грецию, юг Балкан, важнейшие порты Восточного Средиземноморья начала опутывать сеть российских консульств. Всего за 1783–1785 гг. их было открыто 15, включая представительство в Александрии, куда был направлен барон Тонус.

Формально консулы должны были оказывать поддержку российским подданным: прежде всего торговцам и паломникам. На практике первоочередной обязанностью дипломатов были сбор информации о военно-политическом состоянии мест своего пребывания и поиск потенциальных союзников России на случай грядущей войны.

Дело в том, что к началу 1780-х гг. в Санкт-Петербурге было принято решение о скором разделе Османской империи, о чем в 1782 г. императрица уведомила австрийского императора Иосифа II¹⁰⁵. Османской Европе предстояло стать частично поделенной между Россией и Австрией, частично — стать территориями христианских государств под российским протекторатом. Закавказье также превращалось в сферу российского влияния, в 1783 г. был подписан Георгиевский трактат с Грузией.

Особые планы вынашивала Екатерина в отношении Египта. В 1782 г. она категорически отвергла поддержанное А.А. Безбородко¹⁰⁶ предложе-

¹⁰⁴ Детальный анализ статей соглашения см.: *Демироглу Х.* Османо-российский торговый договор 1783 г. // *Історія торгівлі, податків та мита.* №2 (12). Киев, 2015. С. 72–80.

¹⁰⁵ Формально «Греческий проект» был продекларирован Екатериной II лишь в 1782 г. в знаменитом письме императору Иосифу II, однако этапы его разработки прослеживаются уже с середины 70-х гг. XVIII в. См.: *Луанова М.Е.* Греческий проект Екатерины II // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2008. № 65.

¹⁰⁶ Александр Андреевич Безбородко (1747–1799) — статс-секретарь Екатерины II, в 80-е гг. XVIII в. фактически руководивший внешней политикой Российской империи.

ние австрийского посла в Санкт-Петербурге Л. Кобленцеля «заручиться поддержкой Франции, приняв во внимание ее заинтересованность во владениях Порты, из которых Египет является объектом ее особенного внимания»¹⁰⁷. И, хотя вскоре после этого вдохновитель раздела Османской державы Г.А. Потемкин¹⁰⁸ прозрачно намекнул французскому послу де Сегюру, что Египет мог бы стать Франции наградой за ее союз с Российской и Австрийской империями против Порты¹⁰⁹, успех миссии де Трюге вызвал раздражение российского двора. Возобладало мнение о непопозволительности дать Франции единолично господствовать в Египте. В феврале 1786 г. императрица в письме российскому посланнику в Стамбуле Я.И. Булгакову (1781–1787 гг.) прямо указывала на пользу для европейской торговли, которую могло бы принести «совершенное и явное ... отделение [Египта] от Порты в область независимую»¹¹⁰.

Императрица ясно понимала, что для развития дальней торговли и превращения России в великую морскую державу мало овладеть Черноморскими проливами: требуется обрести выход в океан. Контроль над Египтом, Суэцким перешейком и Красным морем открывал головокругительные перспективы сообщения с Индией и Китаем, российскими владениями на Дальнем Востоке и в Северной Америке. Для этого первым делом нужно было наладить контакт с властвовавшими на берегах Нила мамлюкскими беями.

Конрад фон Тонус отлично подходил для этой миссии. 35-летний уроженец Австрии, успевший сменить австрийское подданство на польское, а последнее — на российское, барон принадлежал к сверкавшей в XVIII столетии когорте отважных авантюристов, делавших головокругительные карьеры, осуществлявших невыполнимые миссии, умевших сражаться и интриговать, готовых пожертвовать жизнью или окончить ее в тюрьме, а главное, — в условиях несовершенных коммуникаций того времени, — привыкших действовать самостоятельно, принимая решения на

¹⁰⁷ Стегний П. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 109. Инициатором данной идеи был австрийский император Иосиф II, в августе 1782 г. обговоривший ее с французским послом в Вене маркизом де Бретёй (*Tóth F. Un Hongrois en Égypte avant Napoléon*. P. 7).

¹⁰⁸ Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) — фаворит Екатерины II, с 1774 г. — один из влиятельнейших людей империи. Автор плана активной колонизации юго-западных окраин, получивших название Новороссии.

¹⁰⁹ Сегюр А. де. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 360–361, 373.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 90. Оп.1 «Константинопольская миссия». Д. 973. Л. 68.

свой страх и риск. Ко времени назначения на должность консула в Александрии Тонус уже успел проявить себя, выполняя поручения московского губернатора генерал-фельдмаршала З.Г. Чернышёва (1722–1784), и теперь жаждал попасть в милость к самой императрице.

Уже в первый год пребывания в Александрии Тонус развил кипучую деятельность. Его донесения посланнику Булгакову пестрят описаниями хлопот по обустройству нового дипломатического представительства, внутренних дрязг и межконсульских интриг, борьбы за завоевание авторитета в глазах мамлюкских беев. В феврале 1786 г. Тонус стал идеологом и организатором совместного выступления европейских консулов в Александрии в защиту местного францисканского прихода. Церковь была отремонтирована без разрешения властей, и под этим предлогом Мурад-бей вымогал деньги у западных торговцев. Письменное обращение дипломатов попало на благодатную почву и стало одним из поводов для отправки Портой карательной экспедиции *капудан-баши*¹¹¹ Хасана ал-Джазаирли.

Однако не забывал российский консул и о главных стоявших перед ним задачах.

Предположительно в июне 1786 г. из-под пера Тонуса вышел доклад, названный им «Записка о торговле Египта, рассматриваемой в политической связи с современным состоянием его управления». Время написания документа определяется приблизительно. В «Записке» ни слова не говорится о произошедшей 17–25 июня 1786 г. высадке в Александрии войск Хасан-паши. В то же время сопровождающая «Записку» таблица товарооборота Египта охватывает период с 3 июля 1785 г. по 3 июля 1786 г. Последнее число можно считать датой окончательного оформления документа, отправленного в виде приложения к реляции Я.И. Булгакову. 3 июля было для Тонуса знаменательным днем — прошел полный год с момента его прибытия в страну: «год несчастной год достойной незабвения», как характеризовал его сам барон¹¹². «Записку» отличают аналитическая направленность, хорошее знание египетских реалий и точность формулировок. Она изложена хотя и эмоциональным языком, но лишена тех панических ноток, которыми изобиловали в то время письма российского консула. Доклад Тонуса составлен на французском, которым барон, как, впрочем, и русским, не владел в совершенстве, и изобилует орфографическими ошибками.

¹¹¹ Капудан-баши — главнокомандующий военно-морскими силами Османской империи.

¹¹² АВПРИ. Ф. 89 «Сношения России с Турцией». Оп. 8. Т. 1. Д. 675. Л. 15.

«Мамлюк с лошадыю». Художник Карл Верне. 1799 г.

У нас нет никаких доказательств того, что у Тонуса были соавторы в составлении данной «Записки». Однако налицо прекрасная осведомленность барона в делах, к которым он не имел прямого доступа, равно как и совпадение целого ряда его суждений с высказываниями других сторонников открытия Суэца для европейских судов.

Положение, в котором Тонус застал «одну из прекраснейших провинций Османской империи»¹¹³, внушало ему ужас. «Купцы, — писал он, — обираются под самыми надуманными предлогами, земледельцы-феллахи раздавлены налогами, в то время как поля опустошаются отрядами мамлюков; следствием этого стал голод, унесший жизни 300 тыс. жителей, и неизбежно последовавший спад торговли с Европой»¹¹⁴. Причиной произошедшего коллапса стало, по мнению российского консула, разрушение в провинции системы османо-мамлюкского двоевластия. Подчинивший себе мамлюкскую «военную республику» и отобравший «подлинную власть у Порты»¹¹⁵ 'Али-бей и его преемники изображаются Тонусом как стремящиеся к «деспотическому самовластию» «узурпаторы», «притворной мягкостью прикрывающие свою жестокую политику»¹¹⁶, которая довела Египет «до самого плачевного состояния»¹¹⁷. Особое беспокойство

¹¹³ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. Л. 140.

¹¹⁴ Там же. Л. 140 об.

¹¹⁵ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. Л. 140.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. Л. 141 об.

барону внушали «нищета, в которой пребывает народ», и вызванная падением покупательной способности населения деградация египетской «промышленности» и торговли¹¹⁸.

При справедливости общей оценки ситуации в Египте, следует учитывать, что барон прибыл в страну после двух неурожайных лет 1783 и 1784 гг., вызванных недостаточным подъемом воды в Ниле во время паводка. Следствием этого стали резкий рост цен на продовольствие и тяжелый голод. Среди ослабленного населения разразилась очередная эпидемия чумы, унесшая много жизней. Упали доходы и правившей мамлюкской группировки, обложившей дополнительными поборами иностранных и местных купцов. Схватка за ресурсы обострила противоречия между дуумвирами, в 1783–1784 гг. Ибрахим-бей и Мурад-бей находились в жесткой конфронтации, между их войсками шли открытые бои¹¹⁹. Соправители пришли к согласию только в начале 1785 г.

Политическая нестабильность и экономический кризис позволили сиро-христианским, или, в терминологии Тонуса, «левантийским» купцам, сосредоточить в своих руках значительную часть трансконтинентальной торговли. Российский консул с горечью констатировал, что «тес-

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ «Завершился этот год, — писал в конце 1784 г. хронист аль-Джабарти, — и, как и предыдущие, он отмечен бедами и дороговизной. Подъем Нила был недостаточным, распри [между эмирами] были длительными, непрерывно чинились несправедливости и вводились поборы. Подчиненные эмиров разъехались по районам для выколачивания денег из деревень и местечек (буддан): по собственному усмотрению они вводили разного рода подати и повинности... Намерения стали порочными, сердца вероломными, люди избегали друг друга, зависть и злоба царили в их взаимоотношениях. Выслеживали уязвимые дела ближних, доносили на них тирану. Страна опустошена. Нет безопасности при передвижении. Дороги во власти разбойников. Путешествующие подвергались опасности; отправляться в путь можно лишь с охраной. Феллахи из-за недостаточного разлива Нила и притеснений покидали свои селения. С женами и детьми, вопя от голода, они брели по городам. Питались они тем, что валяется по улицам, пожирая кожуру арбузов и прочие [очистки]. Мусорщикам нечего подметать на улицах. Положение до того тяжелое, что едят падаль — издохших лошадей, ослов и верблюдов. Если попадался дохлый осел, то они, давя друг друга, набрасывались на него и разрывали его на куски. Многие умерли от голода... Дороговизна росла непрерывно, цены очень повысились. Теперь редко у кого из людей имелись на руках дирхемы и динары. Деловые отношения приостановились, они свелись исключительно к торговле съестным. При встречах единственная тема бесед и разговоров — продовольствие, [цены] на пшеницу, масло и тому подобное... Положение населения определялось периодически перемежающимся состоянием [войн] и перемирий между эмирами. Когда отряд одного [эмира] оставлял [местность] и ее занимал [отряд другого эмира], то оставляющий захватывал все: деньги и припасы полностью» (Аль-Джабарти, 'Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер. с араб., предисл. и прим. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1978. С. 126–127).

ная спайка» корпорации «левантийцев» позволяет ей «неизменно расстраивать совместные операции европейских коммерсантов и помогает тайно и непрерывно подрывать основы их торговли, лучшей частью которой, ведущейся с Ливорно, Венецией и Триестом, они уже завладели»¹²⁰. Погрязшим в конкурентных войнах и интригах западным негодьям, «которые, принадлежа к разным нациям, обладают перекрестными интересами»¹²¹, оставалось лишь с завистью наблюдать, как греко-католики, прикрываясь особыми откупными *апальтами*, установили монопольное право на экспорт «основных продуктов этого края»¹²².

Франко-мамлюкский договор 1785 г. Тонус расценил как настоящий дипломатический прорыв, подробно и со знанием дела расписав выгоды, которые сулило Франции открытие Суэца для своих судов¹²³. «Сие преимущество, — писал Тонус, — расширяется до масштабов, вторгающихся в большую политику»¹²⁴. Ускорение и удешевление доставки товаров из Индии и Восточной Азии, «экслюзивные возможности» их сбыта на османских и европейских рынках, превращение Марсея в «пакгауз» всей Европы — всем этим, суммирует Тонус, могла бы пользоваться «и наша нация», получи он Высочайшее разрешение на заключение аналогичного договора¹²⁵.

Однако планы Тонуса простирались за пределы того, чтобы превратить Египет в рынок сбыта российских товаров и их транзита в Индию. «Страна пирамид» виделась дипломату как перевалочный пункт, где могли бы встречаться и обмениваться грузами российские суда, приходящие из Балтики, Черного моря и Тихого океана, из Петербурга и Камчатки. Объединить морским путем империю, раскинувшуюся на трех континентах, избавить ее подданных от необходимости проделывать «губительный для любого человека путь в 11 000 сухопутных верст»¹²⁶ через Сибирь и Дальний Восток, превратить Россию в мировую морскую державу и познакомить «южную Азию с флагом, который.. не был там виден»¹²⁷, — такова была конечная цель «прожекта» барона Тонуса.

¹²⁰ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. Л. 141.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Копии договора «де Трюге — Мурад-бей» были отправлены Тонусом российскому посланнику в Стамбул в числе первых донесений после поступления на новое место службы. См.: АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1002. Л. 3–9 (на итал. и араб. языках).

¹²⁴ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. Л. 142.

¹²⁵ Там же. Л. 142 об.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Л. 143.

В нескольких сопровождавших «Записку» таблицах Тонус представил подробный анализ экспорта¹²⁸ и импорта¹²⁹ товаров, прошедших через александрийскую таможню с 3 июля 1785 г. по 3 июля 1786 г., а также краткий реестр судов, заходивших в этом году в Александрийский порт¹³⁰. В качестве отдельного приложения, живописующего выгоды красноморской торговли, был выделен «Перечень товаров, которые англичане привозят из Индии в Египет через Суэц, составленный по грузовым декларациям судов, прибывающих в этот порт» и «Перечень товаров, погруженных на корабль “Александрия” под командованием капитана Дэвида Андерсона, — прибывшего в Суэц в 1778 г.»¹³¹.

Из 548 судов, бросивших якорь за указанный год в Александрии, 319 (58,2%) ходило под османским флагом, 90 (16,4%) — под венецианским, 84 (15,3%) — под флагом Дубровника (Рагузы), 35 (6,4%) — под французским, 11 (2%) — под российским, 8 (1,5%) — под австрийским и 1 корабль — под флагом Великобритании¹³². Корабли преимущественно были небольшими, средняя численность команды составляла 16 человек, грузоподъемность — 154 тонны¹³³. Интересно, что в тот год в обратное плавание отправилось 13 судов под российским торговым триколором, вероятно, из-за того, что прибыли в страну еще до начала отчетного периода.

Указанные данные контрастируют со статистическими таблицами, имевшимися в распоряжении французского востоковеда Андрэ Рэмона. В соответствии с ними в 1787–1789 гг. Александрийский порт ежегодно в среднем посещало по 528 торговых кораблей, причем 235 из них (44,5%) были «турецкими и греческими» со средней грузоподъемностью 125 тонн¹³⁴. Остальные 293 корабля принадлежали европейским, преи-

¹²⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1002. Л. 145–147.

¹²⁹ Там же. Л. 147 об.–148 об.

¹³⁰ Там же. Л. 153–154.

¹³¹ Там же. Л. 144 об.

¹³² Британская торговля с Египтом к тому времени, трудами Левантйской компании, была практически в полумертвом состоянии. С 1775 по 1785 г. в реестрах компании значится только одно судно, прибывшее из Александрии, еще одно — из Александрии и Кипра и три — из Искандеруна и Александрии (*Wood A. A History of the Levant Company*. P. 174).

¹³³ Наименьшая численность экипажа, если не учитывать одинокий британский корабль с 10 моряками на борту, была у французских судов — в среднем по 13 членов команды на корабль, наибольшая — у османских и российских судов — по 17 человек. При этом российские суда везли меньше всего груза — в среднем по 131 т, а больше всего — рагузские (суда Дубровника) — по 163 т (*Mémoire sur le Commerce de l'Égypte*. Л. 144).

¹³⁴ *Raymond A. Artisans et commerçants*. Vol. I. P. 168.

мущественно французским негоциантам (153 судна в год или без малого 29%)¹³⁵. Рэмон упоминает также и рагузские, венецианские и австрийские корабли. Европейские суда были гораздо больше османских и в среднем перевозили по 164 тонны груза.

Расхождения между цифрами за 1785–1786 гг., представленными Тонусом, и за 1787–1789 гг., собранными французскими дипломатами, свидетельствуют о резком падении числа заходивших в Египет судов под османским флагом. Возможной причиной тому могла стать мобилизация Портой наиболее вместительных купеческих кораблей в качестве транспортов снабжения войск, воевавших в Северном Причерноморье. Российские суда по понятным причинам также не могли в годы войны посещать владения султана. Освободившуюся нишу поспешили занять французские торговцы, которые значительно укрепили свои позиции на рынках перевозок в Стамбул, сирийские и греческие порты и в страны Магриба¹³⁶.

Основываясь на представленных Тонусом данных¹³⁷, можно составить следующую таблицу товарооборота Александрии с европейскими портами (во французских ливрах):

	Импорт	Экспорт	Торговый баланс
Ливорно	3 363 890 £	1 828 010 £	- 1 535 880 £
Марсель	3 133 915 £	2 441 997 £	- 691 918 £
Венеция	2 178 095 £	2 029 000 £	- 149 095 £
Триест	663 093 £	238 895 £	- 424 198 £
Таврида (Таганрог и Херсон)	229 975 £	229 975 £	0 £
Итого:	9 568 968 £	6 767 877 £	- 2 801 091 £

Собранная российским консулом статистика дополняет информацию, принадлежащую перу его французского коллеги Жан-Батиста Трекура. По сведениям французского дипломата, в 1783 г. из Александрии в Ливорно, Марсель, Венецию и Триест было вывезено товаров на 6 537 902 ливра, а ввезено — на 7 320 807 ливров¹³⁸. Таким образом, мож-

¹³⁵ Ibid. P. 170.

¹³⁶ Ibid. P. 168–169.

¹³⁷ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. A. 145–148 об.

¹³⁸ Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. I. P. 193.

«Торговый караван у Акабского залива». Художник Дэвид Робертс. 1839 г.

но констатировать, что в период между 1783 и 1786 гг. объем экспорта из Египта в Европу остался практически неизменным, в то время как импорт вырос на 27,5%. Очевидно, что свою роль в данном случае сыграли крушение торгового дома Антуна Кассиса и подписание франко-мамлюкского договора 1785 г.

Основными статьями импорта из Европы были шерстяные и шелковые ткани. Также в больших количествах из Марселя в Александрию ввозились лангедокские сукна (лондрины), кошениль и бумага, из Ливорно — кошениль, бумага и металлические прутья, из Венеции — ртуть. Отдельной статьёй указывались импортируемые из Ливорно, Венеции и Триеста австрийские и венецианские золотые и серебряные монеты¹³⁹. Обратные корабли возвращались, груженные кофе, рисом, шафраном, нашатырем, кожами, полотном, льном, александрийским листом и пряностями¹⁴⁰.

Отрицательное сальдо египетской торговли с Европой, зафиксированное Конрадом Тонусом и подтверждаемое иными источниками, было, прежде всего, следствием огромного дисбаланса в торговом обороте Египта с Аравийскими портами. По данным Трекура, импорт из одной только Джидды в Суэц и Кусайр в 1783 г. составил 22 млн 500 тыс. ливров, вдвое превысив экспорт¹⁴¹. Большая часть ввозимого кофе, пряностей

¹³⁹ Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. А. 145–147.

¹⁴⁰ Там же. А. 147 об.—148 об.

¹⁴¹ Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. I. P. 193.

и других аравийских и индийских товаров поступала далее транзитом в Европу и в османские земли. Впрочем, оговоримся, что российскому консулу явно не хватало информации о товарообороте красноморских ворот Египта. Приведенный им перечень грузовых деклараций британских судов, заходивших в Суэц в конце 70-х гг. XVIII в., составлен достаточно пунктирно и, по сути, представляет собой общую номенклатуру товаров, ввозившихся из Индии. Сведения о торговле Египта с другими провинциями Османской империи — азиатскими, европейскими и североафриканскими — барон вообще счел не заслуживающими внимания высокопоставленных читателей из дипломатического ведомства.

В заключительной части «Записки» Тонус выразил готовность лично отправиться в красноморские порты, чтобы на месте изучить положение дел, «приобрести там знакомства ... и собрать об этих местах сведения, необходимые для навигации»¹⁴². «Льшу себя надеждой, — самоуверенно заявлял российский консул, — что смогу подписать подобный договор с еще меньшими издержками [чем де Трюге], учитывая знаки уважения, которые выказывают ко мне беи»¹⁴³.

План Тонуса так и остался неосуществленным. Поначалу приветствовавший османскую экспедицию против мамлюков¹⁴⁴ российский консул вскоре изменил свою позицию. Как сообщал Хасан-паша в официальном рапорте в Стамбул, Тонус, «не удержавшись в рамках своих непосредственных обязанностей, по причине безумия ли, жадности ли, до сих пор остается сторонником Ибрахим-бея и Мурад-бея, пытаясь их спасти»¹⁴⁵. Конечно, дипломатом двигали не алчность вперемишку с безрассудством, а желание, как он позднее докладывал главе Коллегии иностранных дел графу И.А. Остерману (1725–1811), «в интересах Нашего Отечества причинить всевозможное зло Туркам, не компрометируя Наш Высокий Двор»¹⁴⁶. Опальные мамлюкские лидеры вступили с Тонусом в переписку, и в конце февраля 1787 г., несмотря на мучившую его глазную болезнь, консул решился на 8-дневный переход по пустыне для встречи с беями. В числе прочих вопросов обсуждались и торговые дела: Мурад-бей и Ибрахим-бей легко дали барону обещание предоставить России режим наибольшего благоприятствования в случае возвращения к власти¹⁴⁷. Взбешенный фак-

¹⁴² Mémoire sur le Commerce de l'Égypte. Л. 144.

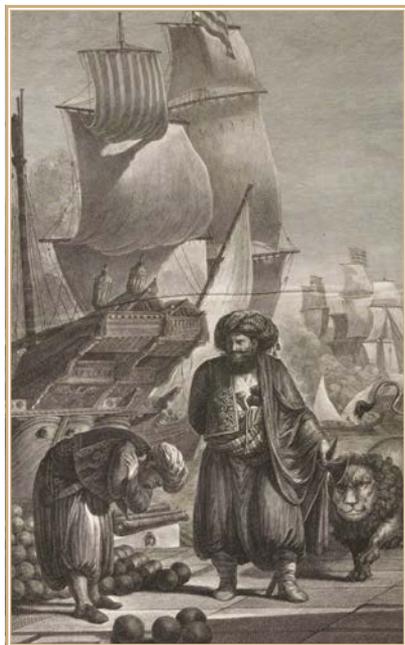
¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 675. Л. 17.

¹⁴⁵ Там же. Д. 689. Л. 65.

¹⁴⁶ Там же. Д. 977. Л. 1.

¹⁴⁷ Там же. Л. 2–3.

Хасан-паша.
Французская гравюра
XVIII в.

том переговоров иностранного дипломата с врагами Порты Хасан-паша распорядился посадить Тонуса под домашний арест и направил в Стамбул ходатайство о высылке консула из Египта. Осуществить это удалось только после того, как в августе 1787 г. Турция объявила войну России.

Тем временем Хасан-паша, заняв Каир и вытеснив Мурад-бея и Ибрахим-бея в Верхний Египет, по сути, дезавуировал все соглашения, достигнутые с мамлюкскими лидерами. Новая администрация следовала курсу на ограничение европейского судоходства в Красном море. Кроме того, Хасан-паша стремился повернуть на Стамбул часть товаропотока, шедшего из Египта в Европу. В сентябре 1786 г. османский адмирал обратился в столицу с просьбой прислать «несколько турецких купеческих судов для привоза оттуда в столицу кофе, пшени, льну, движимаго имения брошеннаго там беями и пр.»¹⁴⁸. Пассажирам и экипажу французского фрегата, появившегося весной 1787 г. на рейде Суэца, Хасан-паша запретил выйти на берег и пополнить запасы воды и продовольствия. Французам пришлось продемонстрировать османскому командующему его же письмо с обещанием допускать пакетботы в Суэц. Документ, а возможно, и сопровождавшие его щедрые подношения сыграли свою роль, и перевозившему почту из Индии курьеру было разрешено добраться до Александрии и отплыть оттуда в Европу¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Там же. Д. 676. Л. 27 об.

¹⁴⁹ *Crececius D. Unratified Commercial Treaties*. P. 77.

В сентябре 1787 г. Хасан-паша был отозван из Египта на войну с Россией. После этого назначенный им на пост шейх аль-балада Исма'ил-бей пошел наперекор решению Высокой Порты, подтвердившей недопустимость присутствия европейских кораблей на севере Красного моря¹⁵⁰. В 1788 и 1789 гг. Исма'ил-бей направил Шарлю Магаллону и французскому консулу в Египте Мюру как минимум три письма, в которых приглашал французские пакетботы и торговые суда заходить в Суэц; аналогичное послание получил и консул Болдуин¹⁵¹. Экономические интересы мамлюкских беев в очередной раз взяли вверх над лояльностью османской политике.

Однако Франция уже не торопилась реализовать преимущества, которые давал ей договор де Трюге. Министры в Версале спорили о своевременности нового предприятия и о том, кто будет нести ответственность за возможные эксцессы¹⁵². Развитию красноморского маршрута препятствовала и французская Ост-Индская компания, опасавшаяся потерять свою монополию. Коммерсанты не забывали и о политических рисках работы в Египте. В результате подготовка к отправке первого груза из франко-индийского порта Пондишери в Суэц заняла 3 полных года¹⁵³. Наконец в марте 1789 г. французский корабль «Принц де Конде» бросил якорь в Суэцком порту. Его экипаж Исма'ил-бей удостоил торжественного приема, подчеркнув значение, которое придавал добрым отношениям с Францией и ожидаемым выгодам от транзита товаров из Красного моря в Средиземное. Экономический же эффект плавания оказался куда скромнее: доверенный «Принцу де Конде» опасливыми французскими купцами малоценный груз не окупил расходов на перевозку и таможенные пошлины¹⁵⁴.

Параллельно контакты с Европой пытались налаживать Мурад-бей и Ибрахим-бей, вытесненные в Верхний Египет, но после ухода Хасан-паши постепенно продвигавшиеся на север. В начале 1788 г. их посланники вышли на связь с Джорджем Болдуином, предложив Британии — в случае их поддержки — огромные коммерческие выгоды и даже размещение английского гарнизона в Александрии¹⁵⁵.

Тем временем в Санкт-Петербурге началась подготовка к отправке в Восточное Средиземноморье Кронштадтской эскадры под командовани-

¹⁵⁰ *Hoskins H.L. British Routes to India. P. 49.*

¹⁵¹ *Ibid. P. 79–80.*

¹⁵² *Crececius D. Unratified Commercial Treaties. P. 77.*

¹⁵³ *Hoskins H.L. British Routes to India. P. 43.*

¹⁵⁴ *Ibid. P. 80.*

¹⁵⁵ *Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? P. 33.*

ем адмирала С.К. Грейга (1735–1788). Эта «Вторая Архипелагская экспедиция», как и предыдущая, действовавшая в 1770–1774 гг., должна была заблокировать морские коммуникации, по которым османская столица и действующая армия получали продовольствие из Северной Африки, Сирии и Греции, поддержать национально-освободительные восстания христианских народов и сепаратистские выступления местных правителей. В рамках подготовки экспедиции императрица приняла предложение вернувшегося в Россию Конрада Тонуса о проведении в Египте «диверсии»: поддержке антиосманского мятежа и отделении провинции от Порты. В составленном по повелению Екатерины «Проекте секретного наказа Генеральному консулу Барону Тонусу» отдельно оговаривалась необходимость заключить с мамлюкскими беями «конвенцию в словах общих и ясных о признании ими себя независимыми, и... о выгодах торговых НАШИХ поданных, стараясь чтоб они по крайней мере были те же самые, кои они уже постановили в конвенции их с Франциею заключенной... покуда с признанием их независимости и с окончанием войны яснее все то определить можно»¹⁵⁶.

Таким образом, именно Россия оказывалась на пороге получения доминирующего положения в Египте и установления контроля над торговым путем из Средиземного моря в Красное. Выигрыш Санкт-Петербурга в международной игре вокруг Суэца представлялся вопросом ближайшего времени. Другое дело, что быстро и эффективно воспользоваться своей победой Россия бы не смогла. В конце XVIII столетия, помимо британской и французской Ост-Индской компаний, в Южной и Юго-Восточной Азии активно действовали торговые компании Голландии, Швеции, Дании, Австрии и ряда других стран. Не имея в Южном полушарии какого-либо флота и заметно уступая другим морским державам в количестве и тоннаже кораблей в Атлантическом и Тихом океанах, Россия была обречена на роль догоняющего. Контроль над кратчайшим путем в Индию в перспективе стал бы мощным стимулом в развитии собственного торгового флота, а также перехода определенного числа купцов под российский флаг. Это неизбежно вывело бы Россию из политики «вооруженного нейтралитета» и вовлекло в военный конфликт с Великобританией, а возможно, и другими государствами.

Выход Балтийского флота в плавание вокруг Европы был намечен на июль 1788 г. Однако в июне в Санкт-Петербурге стало известно, что им-

¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 980. Л. 3–3 об. Проект секретного наказа Генеральному консулу. 17 февраля 1788 г.

ператор Иосиф II решил сыграть на опережение и отправил на берега Нила обер-гофмейстера двора графа Штаремберга (1724–1807) с миссией заключить союзный договор с мамлюкскими беями, распространив на Египет свой протекторат¹⁵⁷. Занимавшаяся торговлей с южными морями австрийская Ост-Индская компания обанкротилась в 1785 г., но выпавшим шансом решили воспользоваться проживавшие в Триесте Антун Фараун Кассис и его деловой партнер Доменико Франческо Беллети. Под предлогом подготовки почвы к приезду Штаремберга компаньоны, очевидно, надеялись взять реванш и восстановить утраченные позиции в Египте. К беям ими был направлен двоюродный брат Антуна, отец Агабиус¹⁵⁸, «человек, удачно кончивший многие предприятия римского и австрийского дворов»¹⁵⁹, как расхваливал его Беллети. Посланник, снабженный Беллети и Фарауном письмами к «друзьям» и партнерам по «старым предприятиям» (в их числе, безусловно, был и Карло Росетти), благополучно прибыл в Александрию. Но затея сорвалась — узнав о миссии Штаремберга, Екатерина II категорически потребовала, чтобы «венский двор ограничил свои по сему делу подвиги»¹⁶⁰. Посол в австрийской столице князь Д.М. Голицын (1721–1793) выразил протест, и добравшийся уже до Салоник обер-гофмейстер был спешно отозван обратно. Император Иосиф решил не портить отношения с царицей и уступить ей приоритет в египетских делах.

В конце августа 1788 г. «на фрегате под российским флагом»¹⁶¹ Тонус прибыл в Думьят (Дамиетту). 17 сентября в деревне Шубра под Каиром состоялась его конспиративная встреча с Исмаил-беем, на которой барон вручил «грамоты... Ея Императорского Величества все-

¹⁵⁷ Подробнее см.: Фрумин Д.В. Миссия барона Тонуса. С. 10–11.

¹⁵⁸ В письме Агабиус назван: «магистр Базилианского ордена, монах, генеральный викарый и игумен монастыря Спасителя на Ливанской горе, уроженец дамасский» (АВПРИ. Ф. 32 «Сношения России с Австрией». Оп. 6. Д. 716. Л. 56–56 об.). Вероятнее всего, этой фигурой был будущий патриарх униатов-мелькитов Агапиус II Матар (1736–1812). Греко-католик родом из Дамаска, он в молодые годы принял постриг, присоединившись к братству базилиан-сальвадориан, следующих обряду святого Василия Великого. Этот орден, основанный в 1684 г., был утвержден Святым Престолом в 1717 г. Центром братства является монастырь Святого Спасителя (араб. *Дейр аль-Мухаллыс*), расположенный в Ливанских горах неподалеку от Сайды. В 1779 г. о. Агабиус уехал в Европу, жил в Италии и Франции. Правда, главой братства и игуменом монастыря он стал только в 1789 г., но сеньор Беллети вполне мог повысить его сан для придания миссии пушей важности. Патриарший престол Агабиус Матар занял в 1796 г.

¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 716. Л. 56–56 об.

¹⁶⁰ Там же. Д. 713. Л. 89.

¹⁶¹ АВПРИ. Ф. 48 «Сношения России с Генуей». Оп. 2. Д. 53. Л. 87.

российской к правительству каирскому и к начальнику законов, которыми они приглашаются, сложив иго турецкое во время настоящей войны, объявить себя независимыми от Порты»¹⁶². В обмен императрица обещала «помогать им войском и военными орудиями, а при заключении мира изходатойствовать им совершенную вольность и независимость»¹⁶³. Получив от Тонуса заверения в скором прибытии в Средиземное море российского флота и не зная, на чью сторону склонится военное счастье, Исма'ил-бей решил вести двойную игру. Организовав арест российского агента, он не отправил его, как требовали османские власти, в Стамбул. Напротив, шейх аль-балад позволил офицеру враждебной державы выступить на созванном в Каире «великом совете», на котором Тонус «публично обещевал... именем Монархини своей многие выгоды, буде Египет согласится иметь в настоящую войну союз с Россиею»¹⁶⁴. Содержался барон под арестом «весьма великолепно и с почтением»¹⁶⁵, местом пребывания ему был определен дворец одного из приближенных правителя. «Будучи хорошо содержан, хорошо одет, имел лошадь и деньги, и будучи любим всеми беями; он прогуливается по городу под присмотром двух стражей, — сообщал хорошо с ним знакомый итальянец Карло Фантоцци, — приятели же его или желающие говорить с ним могут то чинить со всякою возможностью»¹⁶⁶. Этот странный арест продолжался год. К тому времени в Египте стало известно, что 21 июня 1788 г., не дождавшись ухода основных сил Балтийского флота в поход вокруг Европы, Швеция напала на Россию. Война затянулась, и, убедившись, что Россия не сможет направить эскадру к египетским берегам, беи предпочли избавиться от опасного свидетеля. 23 сентября 1789 г., получив от Порты категорическое требование немедленно выдать Тонуса, Исма'ил-бей «страшась, что естли сие исполнится то чтоб не принудили его [российского посланника] мучением или другим чем открыть какое либо условие произошедшее между ими»¹⁶⁷, приказал заключить барона в каирскую цитадель, где четыре дня спустя тот был убит.

История с отправкой Балтийского флота в Средиземноморье получила весьма странное продолжение, по определению американского ис-

¹⁶² Там же. Д. 48. Л. 77 об.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. Д. 53. Л. 88–88 об.

¹⁶⁵ Там же. Д. 48. Л. 78.

¹⁶⁶ Там же. Д. 53. Л. 89–89 об.

¹⁶⁷ Там же. Д. 58. Л. 15.

следователя Хоффорда Хоскинса, имевшее признаки оперы-буфф. В январе 1790 г., по указанию *Foreign Office*, посол Роберт Эйнсли проинформировал Порту о коварном плане России отправить флот из 8 кораблей в Красное море. Эскадра из Кронштадта под голландским флагом якобы должна была обогнуть мыс Доброй Надежды и нанести непоправимый ущерб аравийским владениям султана и исламским святыням. Приморские города Джидда и Янбо подлежали разрушению, Мекка и Медина — разорению, а могила Мухаммада — осквернению. Османское правительство было крайне взволновано этой угрозой, тем более что сил противостоять ей в Красном море у турок не было¹⁶⁸. Порта пребывала в растерянности, не зная, что предпринять, но, к счастью для нее, информация не получила подтверждения.

Известие о гибели российского консула мало тронуло современников. Как отмечала И.М. Смилянская, когда в ноябре в Петербург пришло сообщение об «умерщвлении» в Каире барона Конрада Тонуса, Екатерина (по-видимому, с холодностью) заметила, что «никакой диверсии он в Египте не сделал»¹⁶⁹. Джордж Болдуин отнесся к кончине коллеги философски¹⁷⁰. Да и Карло Фантоцци, взявший на себя роль душеприказчика Тонуса, весьма презрительно отзывался о последних месяцах жизни покойного: «...подлинно от него [самого] зависело спастись бегством, да и погиб он, как вы говорите, единственно для слепой и глупой своей безопасности»¹⁷¹.

Со смертью посланника дипломатическая активность России в Египте практически полностью сошла на нет. Царское правительство разочаровалось в перспективе вовлечения мамлюкского режима в орбиту своих политических и коммерческих интересов. После окончания войны в 1793 г. поверенным в делах российского консульства *ad interim* был назначен Карло Росетти. Венецианец весьма гордился этим назначением, по праздничным дням вывешивал над своей резиденцией российский флаг и поставлял поверенному при султанском дворе А.С. Хвостову (1793–1794) египетских барашков и финики¹⁷². Однако задачи проведения с беями переговоров о подписании торгового договора, а уж тем более о транзитной переправке курьеров и грузов через Египет Санкт-Петербургская Коллегия иностранных дел перед ним не ставила.

¹⁶⁸ Hoskins H.L. *British Routes to India*. P. 56.

¹⁶⁹ Смилянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье. С. 24.

¹⁷⁰ Hoskins H.L. *British Routes to India*. P. 56.

¹⁷¹ АВПРИ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 62. Л. 112.

¹⁷² *Auriant*. *Aventurier ventien en Égypte*. P. 180.

Мурад-бей.
Гравюра 1799 г.

Исма'ил-бей ненадолго пережил убитого по его приказу консула. В июле 1791 г. эпидемия чумы унесла жизни самого шейх ал-балада и значительной части его мамлюков. После этого Мурад-бей и Ибрахим-бей триумфально вернулись в Каир. Упоенные безнаказанностью дуумвиры решили компенсировать тяготы долгого прозябания в Верхнем Египте. Побои и беззакония мамлюкских соправителей достигли невиданных масштабов. «Руки их, — писал египетский хронист 'Абд ар-Рахман ал-Джабарти, — протянулись к имуществу и товарам европейских купцов — французских и других, они захватывали их без оплаты, презрительно относясь к владельцам»¹⁷³. Особенно тяжело пришлось французским негодьям, чуть ли не в одночасье оставшимся без поддержки как благоволившего к ним Исма'ил-бея, так и закрытой в 1792 г. революционными властями Марсельской торговой палаты. Часть торговцев сочла за лучшее полностью свернуть свою деятельность в стране. К примеру, вывоз риса через порт Думьята упал на 70%, причем лишь чуть больше четверти его шла в Европу¹⁷⁴. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что от лихоимства дуумвиров страдали все группы населения Египта.

Нельзя сказать, чтобы Ибрахим-бей и Мурад-бей не были встревожены падением таможенных сборов со стагнировавшей египетской торговли.

¹⁷³ Аль-Джабарти. Египет в канун экспедиции Бонапарта. С. 581.

¹⁷⁴ Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. I. P. 186.

**Таблица величины грузопотока и налоговых ставок
 в порту Суэца¹⁷⁵**

Год	Налоговая ставка с ферде	Среднегодовой объем импорта кофе и пряностей	События
до 1711	100 пара ¹⁷⁶	20–30 тыс. ферде ¹⁷⁷	После «мамлюкской революции» 1711 г. постепенно вводятся новые сборы за доставку и охрану грузов, оформление таможенных документов.
1749–1769	400 пара	18 тыс. ферде	Продолжается введение новых пошлин, таможенные сборы в Суэце продаются в виде откупа.
1769–1772	600 пара	24 тыс. ферде	‘Али-бей повышает сборы, но поощряет и торговое сообщение с Европой. Мусульманские и христианские купцы увеличивают оборот через Суэц.
1779–1785	2 000 пара	10 тыс. ферде	Остановка европейской красноморской торговли после 1779 г. На фоне падения товарооборота Мурад-бей и Ибрахим-бей резко повышают пошлины.
1786–1790	1 880 пара	24 тыс. ферде	Хасан-паша захватывает Нижний Египет и Каир. Дуумвиры вытеснены в Верхний Египет. Незначительное снижение пошлин новой администрацией.
1791–1798	2 000 пара	17 тыс. ферде	Восстановление власти Мурад-бея и Ибрахим-бея. Пошлины повышаются. Европейские торговцы продолжают бойкотировать Суэц.

¹⁷⁵ По 1786 г. составлена на основе: *Shaw St.J. Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egypt. P. 105–107*; с 1786 по 1798 г. рассчитана по налоговым сборам суэцкой таможни, приведенным в «Записке о финансах Египта» Мартена-Рош Эстева (*Estève M.-R. Mémoire sur les finances de l'Égypte // Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française. Vol. XII. Paris: l'Imprimerie impériale, 1822. P. 179*).

¹⁷⁶ *Пара* — османская денежная единица, 1/40 кирша. Вес пара постепенно снижался, упав с 1,1 г в первой четверти XVII в. до 0,22 г к началу XIX в. Постепенно падало и содержание в монете серебра.

¹⁷⁷ *Ферде* — налоговая единица в Османской империи. Размер ее менялся в зависимости от периода времени и номенклатуры товаров. Для Османского Египта XVIII в. 1 ферде кофе был примерно равен 15 французским квинталам по 48,95 кг каждая, т. е. составлял около 735 кг.

Вскоре после возвращения к власти дуумвиры начали подавать отчетливые сигналы Западу о своей готовности пропускать суда в Суэц. В 1792 г. английские торговцы предприняли осторожную попытку занять место, оставленное французами. 12 кораблей под британским флагом посетило в этом году Александрийский порт¹⁷⁸. В начале 1794 г. Карло Росетти, совмещавший к тому времени функции австрийского консула и российского вице-консула в Египте, подписал с беями от имени британского правительства договор об открытии Суэца для английских кораблей¹⁷⁹. Очевидно, что инициаторами заключения торгового соглашения были либо сами беи, либо тесно связанный с ними Росетти. Тогда же Росетти представил Ибрахим-бею некоего майора Хага Макдональда, представившегося агентом Ост-Индской компании в Египте. Мамлюкский правитель провел с Макдональдом, скорее всего, действовавшим без санкции своего руководства, серию переговоров об открытии для британских судов другого красноморского порта — эль-Кусейра¹⁸⁰.

Копии договора 1794 г. были отправлены Болдуином в Лондон, Стамбул и Индию, однако *Foreign Office* не проявил ни малейшего интереса к его ратификации. Только в начале 1796 г. Болдуин узнал, почему его реляции игнорируются, а сам он уже 3 года не получает жалование: в феврале 1793 г. было принято решение о закрытии консульского представительства Британии в Александрии, однако депеша об этом до Египта не дошла¹⁸¹. В Суэц заходили редкие английские пакетботы, но, к досаде мамлюкских соправителей, ни одно европейское торговое судно больше не рисковало выгрузить товары в египетских красноморских портах. Отправка же кораблей только с почтовыми сообщениями, без карго, обходилась слишком дорого.

Сам Болдуин уже на добровольных началах продолжал оказывать услуги своему правительству, отправляя на местных судах важные сообщения и помогая британским эмиссарам перебраться коротким путем в Индию¹⁸². Убийство в 1796 г. одного из перевозивших почту

¹⁷⁸ Wood A. A History of the Levant Company. P. 174.

¹⁷⁹ Crecelius D. A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt. P. 275. Больной, полуослепший Болдуин пытался приписать заслугу заключения договора себе, что опровергается свидетельствами находившихся в то время в стране европейцев (Crecelius D. Unratified Commercial Treaties. P. 80–81).

¹⁸⁰ Crecelius D. Unratified Commercial Treaties. P. 81–82.

¹⁸¹ Zablan R.S. George Baldwin: Soldier of Fortune? P. 35.

¹⁸² Ibid.

английских офицеров и вялые действия дуумвиров по наказанию виновных стали лишним подтверждением их незаинтересованности в обеспечении безопасности курьеров¹⁸³. Бей периодически напоминали Болдуину о своем разрешении британским кораблям привозить грузы в Суэц, но тот уже был бессилён. Вернувшийся в Лондон Роберт Эйнсли употреблял все имевшееся влияние, чтобы дискредитировать давнего врага¹⁸⁴.

Взгляды всей Европы были прикованы к Франции, свергнувшей монархию и стремительно расширявшей сферу своего влияния на континенте. Старый Свет погружался в пучину войн, и европейские правители не хотели портить отношения с Высокой Портой, заключая сепаратные соглашения с не пользовавшимися их доверием мамлюкскими беями. Показательно, что из всех участников «игры за Суэц» только Франция рассматривала возможность захватить Египет силой.

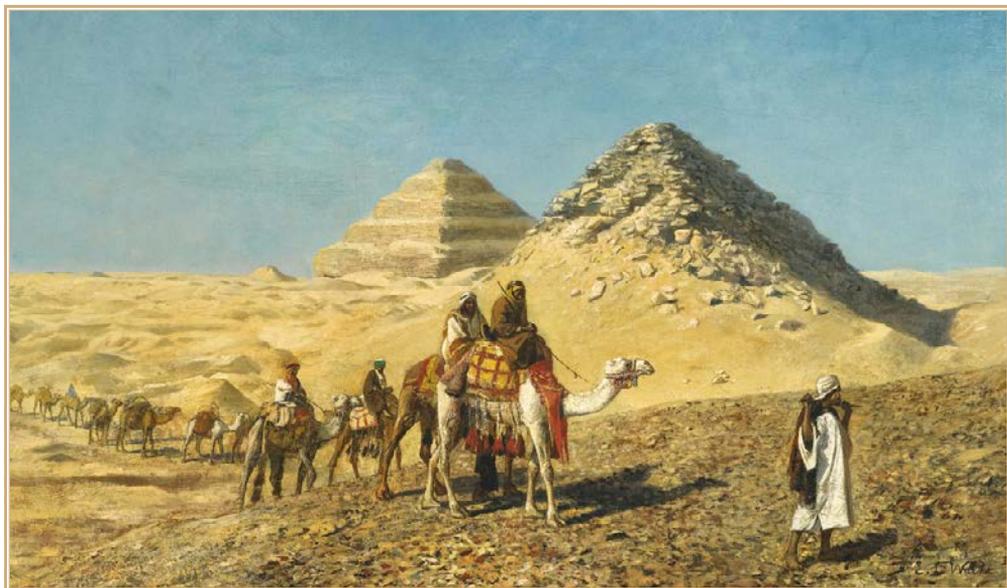
Продолжая ближневосточную политику свергнутых Бурбонов, революционные власти проявили большую настойчивость. В 1793 г. было восстановлено французское консульство в Каире, перенесенное еще в 1779 г. в удаленную от центра египетской политики Александрию. Консулом стал многоопытный Шарль Магаллон. В октябре 1795 г. в Египет прибыл представитель Национального конвента гражданин Дюбуа-Тенвиль с задачей договориться с правящими беями о торговом сообщении между Суэцем и Индией¹⁸⁵. Однако сцепившуюся в смертельной схватке с Британией Францию интересовала уже не столько коммерция. В том же 1795 г. консул Магаллон писал: «Овладев Красным морем, мы будем близки к тому, чтобы навязать свою волю Британии и вышвырнуть ее из Индии... Путем через Суэц, во время благоприятного муссона, значительное число наших войск может быть переправлено в Индию на небольшом количестве судов. Нашим солдатам придется находиться в море не более шестидесяти дней, тогда как путь вокруг мыса Доброй Надежды займет шесть месяцев. Добираясь через Суэц, мы можем потерять не более одного человека на сотню; в противном случае, для нас будет большой удачей лишиться лишь десяти процентов [численного состава]»¹⁸⁶. Директория со вниманием отнеслась к проекту Магаллона, он был отозван во Францию

¹⁸³ *Crececius D.* Unratified Commercial Treaties. P. 81.

¹⁸⁴ *Hoskins H.L.* British Routes to India. P. 56.

¹⁸⁵ *Ibid.* P. 57.

¹⁸⁶ Цит. по: *Hoskins H.L.* British Routes to India. P. 58.

«Верблюжий караван среди пирамид». Художник Эдвин Лорд Виск

и с 1797 г. принимал непосредственное участие в планировании Египетской экспедиции, доверенной молодому генералу Наполеону Бонапарту.

19 мая 1798 г. французский флот вышел из Тулона на завоевание Египта. Тридцатилетний период мирных попыток венецианских, английских, австрийских, французских и российских торговцев и дипломатов проложить путь из Средиземного моря в Красное подошел к концу. Во втором раунде игры предстояло участвовать военно-морским и сухопутным силам Османской империи, Франции, Англии и России.

Приложение

[р. 140] Mémoire sur le Commerce de l'Égypte, considéré dans son rapport politique avec le Gouvernement Actuel

L'Égypte qui est sans contredit une des plus belles Provinces de l'Empire Ottomane, est celle où l'autorité de Sultan est la moins respectée. Les Beys qui la gouvernent ont des Palais au Caire qui en est la capitale, dans les quels ils sont environnés d'Esclaves Georgiens at Abasoites exercés dès leur enfance au maniement des Armes pour former la Milice qu'on nomme les Mamelucs.

Il y a à presque vingt ans que le nombre de ces Beys étoit fixé à vingt quatre partageans entre eux un pareil nombre de gouvernement, leur pouvoir étant balancé l'un par l'autre laissoit au Pacha mis par la Porte la prépondérance. Chaque Bey Mameluc lui même, choissoit dans sa troupe un adopté, qui à sa mort au detriment de ses propres enfans demouroit le chef de la maison, et qui rependait des graces sur ceux qui lui montroient le plus d'attachement les mettoient bientôt à même de former des Maisons dependantes de la Siene et don't ses propres forces se trouvoient augmentées.

Aly Bey que la nature avoit doué de quelques talens et de beaucoup d'ambition détruisit cette espèce de Republique Militaire, en exilant ou fesant perir ses egaux, il reunis sous ses ordres tous les Mamelucs, et enleva la realité du pouvoir à la Porte, sans cependant oser secouer entierement le joug, révolution qui fut sans doute arrivée si des circonstances Malheureuse ne fussent precipité des premiers échelons qu'il avoit franchi pour parvenir à la Souveraineté despotique.

Méhmet Bey qui d'Esclave étoit devenu Général d'Aly, ayant trompé par une feinte douceur sa cruelle politique, deviant son ennemi desque les

[л. 140] Записка о торговле Египта, рассматриваемой в политической связи с современным состоянием его управления

Египет, без преувеличения, одна из прекраснейших провинций Османской империи, является также и той из них, где власть султана почитается в наименьшей степени. Управляющие им беи владеют в столице ее Каире дворцами, где они окружены рабами грузинского и абазинского происхождения, с детских лет обученными владеть оружием, дабы войти в состав милиции, называемой мамлюками.

Почти двадцать лет назад число этих беев было ограничено двадцатью четырьмяⁱ, разделившими между собой такое же число правительственных должностей; властные полномочия их взаимно уравновешивались, предоставив решающий перевес назначаемому Портой паше. Каждый мамлюкский бей сам выбирает из своего отряда приемного сына, который, после его смерти, в ущерб родным детям становится главой дома и осыпает милостями тех, кто проявляет по отношению к нему более всего преданности, вплоть до того, что позволяет им основывать отдельные, зависимые от него дома, приумножая тем самым и свои собственные силы.

Али бейⁱⁱ, которого природа одарила некоторыми талантами и огромным властолюбием, разрушил эту, в некотором роде, военную республику; отправив в изгнание или погубив равных себе, он собрал всех мамлюков под своим начальством, отобрал подлинную власть у Порты, не осмелившись, однако, полностью сбросить иго; революция эта, несомненно, увенчалась бы успехом, если бы несчастливые обстоятельства не низвергли его с первых же ступеней, на которые он поднялся на пути к деспотическому самовластию.

Мехмет бейⁱⁱⁱ, который из простого раба стал генералом Али, притворной мягкостью прикрывая свою жестокую политику, сделался его врагом, как толь-

immenses richesses qu'il avoit acquises à la [p. 140 rev.] prise de Damas, lui en donnèrent les moyens. Il le chassa du Caire, s'empara de tout son pouvoir, le fit prisonnier dans une bataille, fini par lui donner la mort.

Ce nouvel usurpateur ne joint pas longtems de sa fortune, il perit à Acre ou la Porte l'avoit envoyé pour détruire le Chek Daher, rébelle regnant depuis longues années dans cette partie de la Syrie.

Après cet événement les Beys de la Maison de Méhémet rétournés en Égypte se disputèrent le Commandement et par les revolutions qui se succédèrent rapidement pendant plusieurs années Ibrahim et Murat réstèrent possesseurs de la Basse Égypte, tandis qu'Assan après les aventures les plus romanesques s'emparat du Saïd qui est la Haute, il y est fixe d'une maniere avantageuse relative a la nature de cette Contrée, peut être en attendans le tems favorable a son ambition, courageux jusqu'à la temerité, il a resisté jusqu'à present aux efforts reunis des deux Beys; et de ce partage d'autorité il en a résulté les malheurs qui affligent l'Égypte.

Assan prive la capitale don't la population est immense des grains de sa province, il s'est emparé d'une partie du commerce lucrative de Moka, et oblige par les deux Beys du Caire a des dépenses rétterées d'annement, d'où naissent les concussions les plus atroces.

Le Marchand est depouillé sous les plus vains pretextes, le Fellah, qui est le cultivateur écrasé d'impots, tandis que les Champs sont ravagés par les troupes Mameluques; de la est venue la disette de la famine qui a detruit plus de 300, mille habitans et par une suite conséquente la diminution du Commerce des Européens.

Mais pour donner un plus grand jour a la matiere qui fait le sujet de ce Memoire il faut discuter les causes secondes de cette diminution; dans leur

ко ему дали на то средства огромные богатства, полученные [л. 140 об.] при взятии Дамаска. Он изгнал его из Каира, овладел всеми его властными полномочиями, пленил в сражении и, в конце концов, предал его смерти.

Этот новоявленный узурпатор не долго наслаждался своим успехом, погибнув в Акре, куда Порты отправила его, чтобы уничтожить шейха Дахера^{iv}, мятежного правителя, в течение долгих лет властвовавшего в этой части Сирии.

После этого события возвратившиеся в Египет беи из дома Мехмета вступили в борьбу за должность командующего, и посредством стремительной череды переворотов, последовавших друг за другом на протяжении нескольких лет, Ибрахим и Мурат^v стали хозяевами Нижнего Египта, тогда как [X]асан^{vi} после самых романтических приключений овладел Саидом или Верхним [Египтом] и укрепился там, используя всю выгоду месторасположения этого края и, возможно, выжидая, пока не придет время, благоприятствующее удовлетворению его честолюбивых амбиций; до безрассудства храброму, ему до сих пор удается противостоять объединенному давлению двух беев; именно из этого разделения власти и проистекают все беды, от которых страдает Египет.

[X]асан лишил столицу, население которой огромно, поставок зерна из своей провинции, овладел частью прибыльной торговли из Моха, принудив тем самым двух каирских беев к ежегодному росту издержек, породившему ужасающие поборы и растраты.

Торговцы обираются под самыми надуманными предлогами, земледельцы-феллахи раздавлены налогами, в то время как поля опустошаются отрядами мамлюков; следствием этого стал голод, унесший жизни 300 тыс. жителей^{vii}, и неизбежно последовавший спад торговли с Европой.

Но дабы наиболее полно осветить предмет, ставший поводом к написанию данной Записки, следует обсудить и второстепенные причины данного спада,

rapport avec l'état politique de ce Gouvernement.

Le Commerce de toute l'Égypte se fait par les Caravanes des Gelabes qui viennent de l'intérieur de l'Afrique, pour échanger les effets qu'ils apportent contre les marchandises d'Europe et de cette Contrée. [p. 141] Par les facteurs des Negociants de la Chrétienté, et par les Chrétiens Levantins originaires d'Alep et de Damas.

Depuis Aly Bey ces derniers sont en possession de l'exploitation des Douanes qui font la partie la plus nette des revenus publics. Et l'on peut considérer le Grand Douanier ou fermier General comme le chef du corps de ces Levantins.

Ce Grand Douanier et ses proposés forcés a des avances continuelles par les besoins des Beys acquitèrent un pouvoir dans l'administration qui les met a meme d'exercer avec impunité le monopole, toujours destructif a l'esprit de commerce, et qui leur facilite aussi les moyens d'établir de nouveaux impôts sur les Marchandises, contraires aux traités qui sont entre les Puissances Européens et la Porte.

Les Levantins Chrétiens, quoique riches ne pouvant pas compter sur la sûreté de leur fortune converti en immeuble dans une contrée ou les revolutions ne laissent aucun espoir a la propriété, embrassent le parti du Negoce et pour se precautionner contr le desir de despotisme ils choisissent entre eux celui qui montre le plus de talent pour a l'aide des sommes considerables qu'ils sacrifient le faire élever par les Beys Regnans a la place de fermier General, ce qui forme entre eux et lui une liaison qui les mets a même de traverser continuellement les operations les mieux combinées des Negociants Européens, et leur facilite les moyens de saper sourdement et sans relache, les fondements de leur commerce, don't deja ils se sont approprié la meilleure partie dans les places de Livourne, Venise et Trieste.

связанные с политическим состоянием этого Правительства.

Торговля всего Египта осуществляется посредством караванов Джелибов^{viii}, которые прибывают из внутренней части Африки, чтобы обменять привозимый ими груз на товары европейского и местного производства [л. 141] при помощи посредников из числа торговцев из христианского мира и левантийских христиан, уроженцев Алеппо и Дамаска.

Эти последние со времен Али бея овладели таможнями, которые дают наиболее явно выраженную часть государственных доходов. Можно рассматривать Главного таможенного инспектора или Генерального откупщика в качестве главы корпорации этих левантинцев.

Этот Главный таможенный инспектор и его ставленники, непрестанно принуждаемые беями ссужать их деньгами, обрели в их администрации столько власти, что безнаказанно учредили настоящую монополию, которая всегда разрушительна для духа торговли, и с легкостью вводят новые налоги на товары, в противоречие с договорами, подписанными между европейскими Державами и Портой.

Левантийские христиане, сколь бы они ни были богаты, не могут обеспечить безопасность своих состояний путем их вложения в недвижимое имущество, поскольку в этой подверженной революциям стране нельзя полагаться ни на какие права собственности, и сосредоточиваются на торговых операциях; оберегая себя от самых отчаянных проявлений деспотического произвола, они избирают из своего круга наиболее одаренного и жертвуют в его пользу значительные суммы, которые должны обеспечить его назначение правящими беями на должность Генерального откупщика; все это тесно спаивает их между собой, позволяет неизменно устраивать совместные операции европейских купцов и помогает тайно и непрерывно подрывать основы их торговли, лучшей частью которой, ведущейся с Ливорно, Венецией и Триестом, они уже завладели.

Une des voyes les plus efficaces pour aller a leur but, est l'usage qu'ils ont fait adopter d'établir des fermes particulieres (connu en Turquie sous le nom d'Apalte) des principales productions du commerce de cette contrée, telles que les senés [p. 141 rev.], la soude, les cuirs etc., et aux quelles fermes par un raffinement de politique ils laissent prendre a quelques Negociants acrédités une portion d'interet pour s'en assurer le debit operation qui sémant la jalousie parmi les Européens contribue ces mêmes marchandises a des prix relevés.

En opposition aux motifs de liaison des levantins entre eux et de ces mêmes levantins avec le Douanier on rencontre la rivalité des Marchands Européens qui étants de Nation différentes ont des interets qui se croisent.

Le commerce des Imperiaux par Trieste, qui s'étoit établi en Égypte sous les plus heureux auspices, est entierement écrasé. Celui des Venisiens qui étoit autre fois dans l'état le plus brillant est a la veille de disparoitre. Celui des François prodigieusement diminué, ne se soutient que parceque les marchandises qui en font la base, telle que les Draps du Languedoc et les Etoffes de Lion, ne souffrent pas le desavantage de la concurrence. Cependant de cette espèce de crise A dans laquelle il se trouve, est sorti le projet du Commerce de l'Inde par la voye de Suez, mais il falloit un traité avec le Gouvernement du Caire, deux circonstances heureuses ont concurrus a sa reussite.

1nt M. Magalon riche Negociant françois a des interêts de commerce qui lui donne par son Epouse la protection du Harem de Murat Bey, de la maison duquel il est le fournisseur.

2nt Le Grand Douanier fatigué par les demandes continuelles des deux Beys regnants, trouvant d'une part dans la situation déplorable de l'Égypte des obstacles a les satisfaire. Alléché de l'autre par l'appas des bénéfices considérables qui lui sont offerts à l'avantage des Douanes A et au sien

Одним из наиболее действенных путей к достижению этой цели стал перенятый ими опыт введения особых откупов (известных в Турции под названием апальты) на основные продукты торговли этого края, такие как александрийский лист [л. 141 об.], соду, кожи и пр., долю участия в этих откупах они политически изошренно предоставили нескольким уполномоченным купцам, дабы тем самым обеспечить себе сбыт этих товаров по завышенным ценам к вящей зависти прочих европейских торговцев.

В противоположность тесной спайке левантийцев между собой и с [Главным] таможенником мы можем наблюдать рознь среди европейских торговцев, которые, принадлежа к разным нациям, обладают перекрестными интересами.

Имперская [австрийская] торговля через Триест, открывшаяся в Египте при самых благоприятных предзнаменованиях, раздавлена полностью. Венецианская, еще недавно пребывавшая в самом блестящем состоянии, — на грани исчезновения. Французская существенно уменьшилась и держится на плаву только, поскольку ее основные товары, такие как лангедокские сукна и лионские ткани, не страдают от конкуренции. В то же время именно из этого кризисного состояния А, в котором она пребывает, вышел проект торговли с Индией через Суэц, успеху которого, помимо соответствующего Договора с каирским правительством, содействовали два благоприятных обстоятельства:

1-е. Г-н Магалон^{ix}, богатый французский негодант, торговля которого, через посредство его супруги, проходит под защитой гарема Мурат бей, поставщиком дома которого он является.

2-е. Главный таможенный инспектор, уставший от непрекращающихся просьб двух правящих беев, с одной стороны, видит, что удовлетворять их ему становится все труднее по причине плачевного состояния Египта. Прельщенный, с другой стороны, значительными барышами, которые данное предприятие сулит для таможни в

particulier, [p. 142] s'est preté avec zèle a la conclusion d'une affaire qui presente la plus belle perspective.

Il me reste à en discuter les avantages et les danger[s].

Par cette nouvelle voye les françois se proposent de procurer a l'Égypte les toileries fines et demi fines, les Drogues et epiceries, les Porcelaines de Chine et de Japon qu'elle peut consommer.

1nt: L'activité de la Navigation d'une Nation Européene, ne laissant pas longtemps dans l'inaction les fonds employés a ce commerce relativement a la maniere don't il se fait actuëlement par la voye indirecte de Jedda; la metra dans le cas de vendre ses marchandises a meilleur marché, ce qui pour le moment lui donnera un debit exclusive, et comme par l'article 13 du Traité le transit est permis **B**, ce premier avantage prend une extention qui peut-etre en bonne politique doit être considerée comme le vray but du projet.

2nt: Les divers ports de Turquie ainsi que les places de la Mediteranee pourront donc être pourvus des effets venants de l'Inde, le commerce qui se fait par Bassora et Alep entierement dans les mains des Anglois doit nécessairement en souffrir.

3nt: Les Vaisseaux de cette Nation recevront a Suez les retraits de cette immense consommation et la briéveté du transport les procurera aux Indes a des prix modérés.

4nt: Marseille entrepot de la Consommation du Sud de la France, pour sa coté part, a ces retraits, fournira même des Marchandises du Nord. Livourne dans la même position a l'égard de l'Italie a les mêmes avantages que Marseille, et Venise a eu propre dans son sein et exclusivement les contaries base de son commerce actuel en Égypte qui par la voye indirecte de Jedda passent dan[s] l'Inde.

[p. 142 rev.] On peut encore observer que tous ces effets d'importa-

целом **A** и для него самого в частности, [л. 142], он со всем рвением взялся за заключение столь многообещающей сделки.

Мне остается лишь обрисовать те выгоды и опасности, которые она влечет.

Посредством этого нового пути французы предполагают доставлять в Египет тонкие и полутонкие ткани, лекарственные снадобья и пряности, китайский и японский фарфор, все, что находит здесь сбыт.

1-е. Судоходная деятельность европейской нации, позволяющая быстрее оборачиваться средствам, вкладываемым в данную коммерцию по сравнению с той, которая в настоящее время осуществляется посредством окольного пути через Джидду, позволит в этом случае продавать товары дешевле, что предоставит ей эксклюзивные возможности сбыта, а поскольку ст. 13 договора разрешает транзит **B**, то сие преимущество расширяется до масштабов, вторгающихся в большую политику, и должно рассматриваться как подлинная цель проекта.

2-е. Различные турецкие порты, равно как и средиземноморские города могут снабжаться товарами из Индии, от чего пострадает коммерция через Басру и Алеппо, полностью находящаяся в руках англичан.

3-е. Корабли данной нации получают в Суэце доступ к конечной точке этого огромного рынка потребления, равно как и к быстрой и дешевой транспортировке в Индию.

4-е. Марсель — город-пакгауз, куда стекаются товары для экспорта со всего Юга Франции и уходят дальше — сможет также поставлять и товары с Севера. Ливорно находится в том же положении по отношению к Италии и обладает теми же преимуществами, что и Марсель, да и Венеция лелеет свои собственные [замыслы], преимущественно опираясь на свою нынешнюю торговлю с Египтом, которая ведется [далее] с Индией окольным путем через Джидду.

[л. 142 об.] Можно также отметить, что все эти предметы импорта будут по-

tion parviendront a Alexandrie avec d'auant plus d'avantage et d'economie que les vaisseaux qui alimentent le commerce Actuel de l'Égypte ne viennent jamais qu'à demi chargés, les Marchandises de pods n'étant pas la base de l'importation qu'il en resulte de la une diminution dans le frêt des effets du Nord, nouvelle avantage pour la Nation qui entreprend de se servir de la route de la Mer Rouge pour conduire en Europe les riches productions de l'Inde.

La Tauride par le Don et Nieper peut fournir le fer en barre et ouvré, tel que clou, sie, et autres, qui se conforme en Égypte et don't l'excedent passé a Jedda pour de la aller dans l'Inde.

Livourne et Marseille fournissent également a cette Contrée du fer qui vient dans ces places par la Baltique, et qui a la même destination, ce qui donne aux Negociants qui font ce commerce un bénéfice don't notre Nation profiteroit, je pourrois sur cette matiere dire d'avantage, mais je dois m'en rapporter aux lumieres des Ministres qui sont plus éclairés que moi, et qui d'ailleurs voudront bien jetter les yeux sur les Tableaux de commerce d'importation et d'exportation que je joins ici. Ainsi que les tableaux des productions de cette contrée et des effets de tout son commerce.

Le Kamtchatka nos Isles Kourlis, et l'Amerique Septentrionale fournissent des peleteries abondamment qui font une partie durevenus que ces Vastes Regions donnent a Sa Majesté, et qui pour etre versé dans son Tresor sont obligé de faire une route destructive a l'Espece humaine de 11 000 verste de Terre.

Ne pourroit on pas se flatter d'obvier a ces inconvenients en fesent partir du Port de St. Pierre et Paul annuelement des Batiments, qui d'abord touchant en Chine y echangeroient [p. 143] une portion de leurs effets contre des Porcelaines et ces Etoffes et qui continuant leur route viendroient a Suez ou leurs Marchandises etant débarqués parvi-

ступать в Александрию гораздо более рационально и выгодно и что суда, которые в настоящее время снабжают египетский рынок, следуют туда лишь с половинной загрузкой, тяжеловесные товары составляют лишь незначительную часть импорта, следствием чего является сокращение перевозки грузов с Севера. Это может стать еще одним преимуществом для нации, которая решится воспользоваться красноморским путем, чтобы доставлять в Европу богатую индийскую продукцию.

Таврида через Дон и [Д]непр может поставлять железо как в слитках, так и в готовых изделиях, таких как гвозди, пилы и пр., которые находят спрос в Египте и излишек которых вывозится в Джидду, чтобы уже оттуда уйти в Индию.

Ливорно и Марсель равно поставляют в эти края железо, которое поступает туда через Балтийское море и имеет аналогичный пункт назначения, что приносит негосударственным, занимающимся этой торговлей, прибыль, которой могла бы пользоваться наша нация. По данному вопросу я мог бы сказать и более, но должен положиться на познания министров, которые гораздо более сведущи, нежели я, и, надеюсь, соизволят бросить взгляд на Таблицы по торговому экспорту и импорту, что я ниже прилагаю. А равно и на таблицы товаров, производимых в данной стране и ее торговому обороту.

Камчатка, наши Курлиские [так в тексте] острова и Северная Америка поставляют огромные партии пушнины, составляющие часть доходов, которые этот обширный край приносит Ее Величеству и которые для того, чтобы попасть в ее казну, должны проделать губительный для любого человека путь в 11 000 сухопутных верст.

Нельзя не льстить себя надеждой, что будут устранены препятствия, возникающие ежегодно при отправлении из порта Петра и Павла^x кораблей, которые сперва заходят в Китай, меняют там [л. 143] часть своего груза на ткани и фарфор и затем, продолжая свой путь, достигают Суэца. Там их товары выгружают и за три дня караванным

endroit au Caire par la voye d'une Caravane de trois jours de marche pour y être vendues ou echangées contre les Drogues qui ne parvienent en Russie que par la voye indirecte d'Hollande, et des Nations du Nord, qui on[t] un Commerce direct avec la Mediterannée.

L'Égypte elle seule consomme une grande quantité de fourrures. Cet article etant un objet de lux, l'exédent pouroit avoir son cour dans les divers ports de l'Empire Ottoman et principalement dans la Capitale, et les Valeurs failement transportées dans l'interieur de l'Empire par les ports de la Tauride.

Le 9, 8bre 1779, Le Cap. Clark est parti du Kamtchatka du port de St. P. et P. et est entré a Macao le 30, 9bre n'ayant employé que 21 jours de navigation, ce qui fait le tiers de la route, au premier aspect ce voyage paroît fort long, mais des recherches exactes faites d'après les plus célèbres voyageurs tendent a prouver qu'il peut se faire en moins de deux mois.

Si ces vües que j'ose mettre sous les yeux de notre Auguste Souveraine peuvent s'effectuer elles donnent un moyen sur de former une Marine experimentée qui fera connoitre au midi de l'Asie un Pavillon que notre position en Europe sembloit en eloigner.

Enfin il est prouvé par le raport des navigateurs Anglois et François, que la Mer Rouge n'est dangereuse que pour l'ignorance Musulmane, et que les Moussons y etants régulières le commerce en sera d'autant mieux réglé.

Pour remplir le but de ce Memoire il faut discuter les dangers d'une entreprise qui a pour fondement un Traité fait avec un Gouvernement arbitraire et susseptible des revolutions les plus subites et les moins prevues.

[p. 143 rev.] L'Exemple de 1779 fait craindre a quelques uns que les Beys toujours avides, ou les Arabes toujo-

путем перевозят в Каир, где продают или обменивают на снадобья, которые ввозятся в Россию кружным путем через Голландию и другие северные страны, что ведут прямую торговлю со Средиземноморьем.

Египет сам потребляет большое количество мехов. Эта статья является предметом роскоши, излишек мог бы находить спрос в различных портах Османской империи и, прежде всего, в столице, а ценности — с легкостью доставляться во внутренние районы империи через Таврические порты.

9 октября 1779 г. из камчатского порта Петра и Павла вышел капитан Кларк и прибыл в Макао 30 ноября [вероятно, описка: 30 октября], проведя в плавании лишь 21 день, что составляет треть всего пути. На первый взгляд это путешествие кажется очень долгим, но точные исследования, предпринятые самыми знаменитыми путешественниками, доказывают, что оно может занимать менее двух месяцев.

Если те взгляды, что я осмеливаюсь представить на суд Нашей Августейшей Государыни, смогут быть осуществлены, то они станут действенным средством для формирования экспериментальной Морской службы, которая познакомит южную Азию с флагом, который, казалось, не был там виден вследствие нашего положения в Европе.

Наконец, в докладах английских и французских мореплавателей было убедительно доказано, что Красное море считается опасным [для судоходства] только по невежеству мусульман и что муссоны, которые приходят туда регулярно, будут лишь способствовать ее упорядоченности.

Исполняя назначение данной Записки, следует оговорить опасности подобного начинания, в основе которого лежит договор с правительством, склонным к произволу и к самым скоропалительным и непредвиденным переменам.

[л. 143 об.] Пример 1779 г. заставляет опасаться того, что неизменно алчные беи и вечно разбойничающие арабы не

urs brigands ne se laissent tenter pas l'appas du depouillement riche d'une Caravane venant de Suez au Caire, ou allant du Caire a Suez, une pareille crainte merite toute l'attention.

Le Traité ou la Convention des Anglois conclu au Caire le Septieme Mrs 1775, n'étoit qu'un arrangement particulier fait par quelques Riches Négociants, sans la participation du Ministère de Londres, contraire aux interêts de la Companied u Levant, peut être même a ceux de la Compagnie des Indes.

Ce même traité fut de savoué a la Porte par M. l'Ambassadeur d'Angleterre, comme il conste par le hatichérif emané du Sultan qui prohibe tout commerce fait par les Nations Européenes par la voye de Suez, les Beys le miren[t] en execution, ex[c]ités par des interêts particuliers, la Caravane Angloise fut depouillée, et le brillant edifice d'un seul coup fut renversé.

Mais ce même coup ne fut pas plutôt porté qu'ils montrerent une crainte qui sert de garant au Traité fait par les François, je veux dire par cette crainte la fraïeur qu'is eurent d'une représaille sur Mer. Car la prise des Vaisseaux Égyptiens fesents le commerce de Jedda metteroit le Caire dans un état de détresse qui feroit naitre a coup sur une revolution, pour faire sentir la force de cette proposition, il est nécessaire de faire observer que le Caffé qui vient du Yemen tient lieu en Egypte du numéraire C, que le Caffé paie les Marchandises a Jedda, que le Caire y envoie; et qu'avec ce même Caffé le Caire paie une partie des Marchandises d'Europe.

Après la destruction de la Caravane Angloise, la terreur des Beys étoit telle, qu'il fallut pour obtenir l'élargissement des Marchands [p. 144] Anglois, retenus en otage etre caution que leur Nation n'useroit d'aucune représaille, le Traite des françois est dans une classe bien différente, c'est la Cour de Versaille elle même qui traite les interêts d'aucune compagnie n'en soit lésé, et s'il en ex-

устоят перед соблазном ограбить богатый караван, идущий из Суэца в Каир или из Каира в Суэц. Подобный страх заслуживает всяческого внимания.

Договор или, иначе, конвенция, которую англичане подписали 7 марта 1775 г., был лишь частным соглашением, заключенным несколькими богатыми торговцами при участии лондонского Министерства и противоречащим интересам Левантийской, а возможно, и [Ост]-Индской компании.

Этот же договор был доведен до сведения Порты английским послом, как то следует из изданного султаном хатти-шерифа^{xi}, в котором Европейским нациям запрещалось вести любую торговлю через Суэц. Беи, усмотревшие в том личную корысть, приняли его к исполнению, английский караван был разграблен, и блестящая конструкция рухнула от одного-единственного удара.

Но и удар этот был нанесен, скорее всего, потому, что они [беи] проявили страх, который служит порукой договору, заключенному с французами. Под этим страхом я подразумеваю опасения, что они подвергнутся репрессалиям на море, поскольку захват египетских кораблей, осуществляющих торговлю с Джиддой, поставит Каир в отчаянное положение, которое непременно приведет к революции. В доказательство верности этого суждения следует отметить, что кофе, поступающее из Йемена, заменяет в Египте звонкую монету C, кофейным зерном оплачиваются товары в Джидде, которые посылает туда Каир; и этим же кофе Каир частично расплачивается за европейские товары^{xii}.

После уничтожения английского каравана ужас, наводимый беями, достиг такой степени, что для того, чтобы добиться освобождения английских товаров [л. 144], задержанных в качестве залога, потребовалось ручательство, что данная нация не применит никаких репрессалий. Договор, заключенный французами, — совершенно иного порядка, Версальский двор непосредственно следит, чтобы не были задеты интересы никакой

istoit elle baisseroit la tête a la volonté des Monarques.

Il paroît évidemment par l'article 3 D que M. Magalon qui condisoit la Négociation pleinement informe des vrais moyens de sureté, a encore voulu les mettre en evidence.

Les Beys retenus par la crainte d'un coté et de l'autre excités par l'appas du guain ont asses de pouvoir pour contenir les tribues Arabes qui lampent dans le petit desert qui est entre Suez et le Caire.

Il resulte de cette discussion qui n'est d'ailleur que le réforme des idées, qu'ont les gens les plus experimentés de l'Égypte, et particulièrement de la Capitale:

1nt: Que la somme d'environ sept mil[le] Piastres employée par M. le Chevalier du T[r]uguet pour obtenir un Traité de commerce, n'est rien en comparaison des avantages qu'une Nation Maritime peut en retirer.

2nt: Que tant doit faire presumer de la stabilité a ce projet.

3nt: Que l'intérêts des Beys est d'accorder les mêmes avantages a toute Nation qui les recherchera et j'ose-rais me flatter que je ferois un Traité semblable peut être encore à moindre fraix, vu les egards que les Beys ont pour moy.

J'ose supplier Sa Majesté de m'accorder la permission de ne rendre à Suez, et dans le Port de Tor, pour y acquérir des connoissances utiles a ma Patrie en rassemblant sur ces lieux les instructions qui peuvent être nécessaires a la Navigation, le peu d'occupation que j'ai dans le cours de l'hiver me meteroit a même de le faire, et ce voyage exigeroit peu de fraix pour un militaire, sans que les affaires de ce Consulat en souffrissent, et me fourniroit les moyens de prouver mon zèle, et la parfaite soumission d'un vraie esclave

Conrad Thonus

компании, а если такое произойдет, то та склонит голову перед волей монархов.

Из статьи 3 D ясно следует, что г-н Магалон, который вел переговоры, будучи прекрасно осведомлен о предпринимаемых мерах предосторожности, захотел еще раз обратить на них внимание.

Беи, с одной стороны, удерживаемые страхом, с другой — влекомые жаждой наживы, имеют достаточно возможностей, чтобы смирять арабские племена, которые кочуют по небольшой пустыне, лежащей между Суэцем и Каиром.

Из данного исследования, которое, по сути, является переложением взглядов людей, наиболее сведущих в делах Египта и, прежде всего, его столицы, следует:

1-е: Что сумма, составляющая около семи тысяч пиастров, употребленная г-ном шевалье дю Т[р]юге, для того чтобы добиться подписания торгового договора, не идет ни какое сравнение с выгодами, которые может из него извлечь морская нация.

2-е: Что таким образом должно ожидать, что дело это весьма верное.

3-е: Что в интересах беев было бы предоставить те же льготные условия любой нации, которая бы искала их получить, и льщу себя надеждой, что смогу подписать подобный договор с еще меньшими издержками, учитывая знаки уважения, которые выказывают ко мне беи.

Осмелюсь умолять Ее Величество даровать мне позволение отправиться в Суэц и порт Тор¹⁸⁷, дабы приобрести там знакомства, полезные моему Отечеству и собрать об этих местах сведения, необходимые для навигации; малое число дел, возложенных на меня этой зимой, позволит мне сделать это. Кроме того, для человека военного это путешествие потребует весьма немного затрат, и дела консульства от него не пострадают, но предоставят мне лишь возможность проявить свое усердие и совершенную покорность верного раба

Конрада Тонуса

¹⁸⁷ Современный г. эт-Тур на Южном Синае.

A Cette crise provient non seulement par les deffauts qui four-nissent l'industrie que la misere deans laquelle se trouve le peuple a fait presque disparoitre, mais encore elle est causée par les prix immodérés des Marchandises afermées ou Apalté.

A Par l'article Sixieme de la convention entre le G. Douanier et M. le Chevalier de Truguet il est dit «le St. Joseph sur toutes les marchandises qui viendront des Indes et que les Neg.^{ts} François enverront en Turquie aura aussi trois pour cent, mais cela doit etre caché aux Commandants du Caire».

B Par l'article 13 du traité il est dit «S'ils apportent des Marchandises propres pour leur país qu'ordinairement ils font passer per l'Ocean, on etablira une Douane sur la facture et ils paieront trois pour cent, mais on leur accordera des facilités pour les engager a se prevaloir de cette route etc.».

C Le Caffé qui remplace les especes, et qui vient par la Mer Rouge est envalué a environ quatre million de Talaris fesent a peu près dix million de florins, la suspension d'une partie de cette Marchandise en 1785, a causé en Égypte les plus grands desordres dans les affaires, que ne devoit — ou pas craindre s'il étoit enlevé par une repré-saille.

D Par l'article 3, du traité il est dit «Les vaisseaux de guerre qui par ordre de leur souverain convoyeront et protégeront les vaisseaux marchands seront toujours exempts de tout droit etc.».

A Этот кризис проистекает не только из недостатка товаров, производимых промышленностью, практически исчезнувшей по причине нищеты, в которой пребывает народ, но также обусловлен неимоверными ценами на товары, на которые установлены откупа или апальты.

A В шестой статье конвенции между Г[лавным] таможенным инспектором и г-ном шевалье де Трюге сказано, что «Сен-Жозеф [таможенная пошлина] на все товары, доставляемые из Индии и отправляемые французскими негодан-тами в Турцию, также будет составлять три процента, но сие должно храниться в тайне от каирских командующих».

B В статье 13 договора говорится: «Если они будут привозить товары, предназначенные для их страны, которые обычно возятся ими через Океан, будет установлена таможенная пошлина в размере трех процентов, причем им будут предоставлены льготы, дабы поощ-рить их пользоваться этим путем».

C Кофе, заменяющее наличные деньги и поставляющееся через Красное море, оценивается приблизительно в четыре миллиона талеров или почти в десять миллионов флоринов, задержание поставок партии этого товара в 1785 г. стало для Египта причиной огромного расстрой-ства в делах, что заставило бы бояться — или нет — случая, когда оно [кофе] может быть изъято в ходе репрессалии.

D В статье 3 договора сказано: «Во-енные суда, которые по приказу их госу-даря осуществляют конвоирование или охрану торговых судов, будут неизменно освобождены от любых пошлин и пр.».

- ⁱ Число мамлюкских беев было ограничено 24-мя со времени реорганизации османами этого военного корпуса. Впрочем, в реальности количество беев могло колебаться от 18 до 40.
- ⁱⁱ ‘Али-бей ал-Кабир (1728–1773) по прозвищу Булут капан («Разверзающий тучи») правил в Египте с 1760 по 1766 гг. и с 1767 по 1772 гг. В ходе ожесточенной борьбы за власть разгромил основных конкурентов из числа мамлюкских беев и сосредоточил в своих руках все важнейшие государственные должности Египетской провинции. С 1770 г. начал политику внешней военной экспансии, которая, в конечном счете, привела его на путь открытого вооруженного противостояния с Портой.
- ⁱⁱⁱ Мухаммад-бей Абу-з-Захаб (1772–1775 гг.) — один из наиболее доверенных мамлюков и успешных полководцев ‘Али-бея. Войдя во главе египетских войск в Дамаск в июне 1771 г., отказался продолжать войну против верховной власти и отвел армию обратно в Египет. После изгнания и последующей гибели ‘Али-бея Мухаммад-бей был назначен на пост османского наместника-вали, впервые в истории страны объединив должности губернатора и главы мамлюкской иерархии.
- ^{iv} Дахир ал-‘Умар аз-Зайдани (ок. 1690–1775) — успешный землевладелец. В 20–60 гг. XVIII в. расширил наследственные владения в Палестине, овладев городами Акка и Хайфа. В 1771–1774 гг. в союзе с ‘Али-беем и русской эскадрой графа А.Г. Орлова провел успешные военные операции против османских пашей. Погиб летом 1775 г., окруженный в Акке силами турецкого флота и объединенных войск наместников соседних провинций.
- ^v Ибрахим-бей и Мурад-бей — бывшие мамлюки Мухаммад-бея Абу-з-Захаба — овладели властью в Египте в 1778 г., образовав своеобразный дуумвират. Проводимая ими политика минимизации, а затем и полной отмены отправки дани в султанскую казну привела к вторжению в страну в 1786 г. двух османских армий под общим командованием Хасан-паши ал-Джазаирли. В 1791 г. дуумвиры вернулись к власти и вновь были изгнаны из Каира в 1798 г. французским экспедиционным корпусом Наполеона Бонапарта.
- ^{vi} Хасан-бей ал-Джиддави — один из наиболее приближенных мамлюков ‘Али-бея. В союзе с Мурад-беем и Ибрахим-беем в 1778 г. пришел к власти в Каире, но вскоре, после конфликта с дуумвирами, бежал в Верхний Египет, который фактически превратил в свою вотчину. В 1786 г. ал-Джиддави поддержал экспедицию Хасан-паши и был включен османами в состав правящего мамлюкского триумвирата. После возвращения к власти Мурад-бея и Ибрахим-бея ал-Джиддави вновь нашел убежище в Верхнем Египте. Умер от чумы в 1801 г.
- ^{vii} Тонус является, пожалуй, первым, кто пытался дать общую оценку жертв экономического кризиса, поразившего Египет в 1783–1786 гг. По различным оценкам в 1784–1785 гг. только в Каире от голода умирало до 500 и даже до 1 тыс. 500 человек в день (см. Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. I. P. 101).
- ^{viii} Джалаб (мн.ч. джалаба) — странствующие купцы, в т.ч. работорговцы (джалаба фи-р-ракик). В Османском Египте этот термин обозначал купцов, занятых в транссахарской торговле (т.н. «торговле с Суданом»).
- ^{ix} О Шарле Магаллоне см. выше.
- ^x Современный Петропавловск-Камчатский.
- ^{xi} Хатти-шарифом именовался султанский указ, лично составленный или скорректированный верховным османским правителем.
- ^{xii} Об экспорте кофе из Йемена в Египет в XVII–XVIII вв. см.: Raymond A. Artisans et commerçants. Vol. I. P. 131–133.

REFERENCES

1. Archive of Foreign Policy of Russian empire (AVPRI). F. 32 «Russian Relations with Austria»; F. 48 «Russian Relations with Genoa»; F. 89 «Russian Relations with Turkey»; F. 90 «Mission to Constantinople».
2. Russian State Archive of Navy (RSAN). F. 315 «Materials on the History of Russian Navy. Collection».
3. *Arcier A. F. d'*. Les échelles du Levant sous la Révolution française. Lille: A.N.R.T., Université de Lille, 1991.
4. *Auriant*. Un agent de Catherine II en Egypte: M. de Thonus (1784–1789) // l'Acropole. 1927. T. II. P. 112–127.
5. *Auriant*. Aventurier ventien en Egypte Carlo Rossetti // l'Acropole. 1929. T. IV. P. 174–193.
6. *Baldwin G.* Political Recollections Relative to Egypt, Containing Observations on its Government under the Mamlukes. London: W. Balmer, 1802.
7. *Bolts G.* Précis de l'Origine, de la Marche et de la Chute de la Compagnie d'Asie et de l'Afrique dans les ports du littoral autrichien. Liege, 1785.
8. *Bruce J.* Voyage en Nubie et en Abyssinie, entrepris pour découvrir les sources du Nil, pendant les années 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 & 1773. Paris: Hotel de Thou, 1791.
9. *Charles-Roux F.* Les origines de l'expédition d'Égypte. Paris: Pion-Nourrit, 1910.
10. *Charles-Roux F.* L'Angleterre, l'Isthme de Suez, et l'Égypte. Paris: Pion, 1922.
11. *Charles-Roux F.* Le projet français de conquête de l'Égypte sous le règne de Louis XVI. Le Caire, 1929.
12. *Clement R.* Les Français d'Égypte au XVII et XVIII siècles. Cairo: IFAO, 1960.
13. *Creceilius D.* Unratified Commercial Treaties between Egypt and England and France, 1773–1794 // Revue d'Histoire Maghrebine (Epoque moderne et contemporaine). 1985. No 37–38. P. 67–104.
14. *Creceilius D.* The Attempt by the Greek Catholics to Control Egypt's Trade with Europe in the Second Half of the Eighteenth Century // La vie sociale dans les provinces arabes à l'époque ottomane. Vol. 3. Tunis, 1988. P. 121–132.
15. *Creceilius D.* A Late Eighteenth-Century Austrian Attempt to Develop the Red Sea Trade Route // Middle Eastern Studies. Vol. 30. No 2. April 1994. P. 262–280.
16. *Demiroglu H.* Ottoman-Russian Trade Treaty of 1783 [Osmansko-Rossijskyi trgovy dogovor 1783 g.] // History of Trade, Taxes and Duties [Istoria trgovli, podatkov ta mita]. №2 (12). Kiev, 2015. P. 72–80.

17. *Fay E.* Original Letters from India. London: Hogarth Press, 1986.
18. *Frémeaux J.* La France et l'Islam depuis 1789. Paris: P.U.F., 1991.
19. *Frumin D.V.* The Mission of Baron Tonus: the First Russian Consul in Egypt was Appointed 225 Years Ago [Missia barona Tonusa: 225 let nazad v Egipte byl naznachен pervi rossijski konsul] // *Vostochni Arhiv.* №1(19). Moscow, 2009. P. 4–15.
20. *Fusaro M.* Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean: the Decline of Venice and the Rise of England, 1450–1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
21. *Gough B.M., King R.J.* William Bolts: An Eighteenth Century Merchant Adventurer // *Archives: the Journal of the British Records Association.* Vol. XXXI. No. 112. April 2005. P. 8–28.
22. *Hope T.* Anastasius, or Memoirs of a Greek. London: The Long Riders' Guild press, 2007.
23. *Hoskins H.L.* British Routes to India. New York: Octagon books, 1966.
24. *al-Jabarti, 'Abd al-Rahman.* History of Egypt. 'Aja'ib al-Athar fi 'l-Tarajim wa 'l-Akhbar, ed. by Thomas Philipp and Moshe Perlmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 1994.
25. *Jasanoff M.* Edge of Empire, Lives, Culture, and Conquest in the East, 1750–1850. New York: Vintage books, 2006.
26. *Kimche D.* The Opening of the Red Sea to British Ships in the Late Eighteenth Century // *Middle Eastern Studies.* No 6. January. 1972. P. 63–71.
27. *Kobischanov T.Y.* Christian Communities in the Arab-Ottoman World (XVII — First Third of XIX centuries) [Hristianskie obshhiny v arabo-osmanskom mire (XVII — pervaja tret' XIX v.)]. M., 2003.
28. *Kobischanov T.Y.* Russian mamluks in the Ottoman Egypt [Russkiye mamluki v Osmanskom Egipte] // *Moscow University Revue [Vestnik Moskovskogo Universiteta].* 2008. Part 13. Oriental Studies. №2. P. 47–68.
29. *Kobischanov T.Y.* Russian-French Confrontation in the Middle East at the Time of Egyptian Expedition of Napoleon Bonaparte, 1798–1801 [Rossijsko-frantsuzskoye protivostoyaniye na Blijnem Vostoke v gody Egipetskogo pohoda Napoleona Bonaparta] // *French Annual [Frantsuzski Ejgodnik].* 2019. P. 254–277.
30. *Lupanova M.E.* The Greek Project of Catherine II [Grecheskij proekt Ekateriny II], *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena.* 2008. № 65. P. 198–207.
31. *Meyer M.S.* The Impact of the 'Price Revolution' in Europe on the Ottoman Empire [Vlijaniye 'revolutsii tsen' v Evrope na Osmanskuju imperiju] // *Vostok.* 1975. №1. P. 96–107.
32. *Perminov P.* Three Episodes from the History of Russian-Arab Contacts in the XVIII century [Tri epizoda iz istorii russko-arabskih svyazey v XVIII veke] // *Azia i Africa segodnia.* 1987. № 9.
33. *Raymond A.* Artisans et commerçants au Caire au XVIIIe siècle. Damas: Institut Français de Damas, 1973.

34. *Sattin A.* Lifting the Veil: British Society in Egypt, 1768–1956. London: Dent, 1988.
35. *Segur L. de.* Notes on the Stay in Russia During the Reign of Catherine II [Zapiski o prebyvanii v Rossii v tsarstvovanije Ekateriny II] // Russia in the XVIII Century by the Eyes of Foreigners [Rossija XVIII veka glazami inostrantsev]. Leningrad: Lenizdat, 1989.
36. *Shaw St.J.* Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egypt, 1517–1798. Princeton: Princeton University Press, 1962.
37. *Smiljanskaja I.M.* On the Policy of Catherine the Great in the Mediterranean and First Russian-Arab Political Contacts [O politike Ekateriny II v Sredizemnomor'e i pervyh rossijsko-arabskih politicheskikh kontaktah] // Annals [Annaly]. Vol. V–VI. Moscow, 1996.
38. *Smiljanskaja I.M., Velijev M.B., Smiljanskaja E.B.* Russia in the Mediterranean. The Archipelago' Expedition of Catherine the Great [Rossija v Sredizemnomor'e. Arhipelag'skaja jekspedicija Ekateriny Velikoj] Moscow: Indrik, 2011.
39. *Stegnij P.* Once again on the Greek Project of Catherine II [Eshhe raz o grecheskom proekte Ekateriny II]. Novye dokumenty iz AVPRI MID Rossii. 2002 // Novaja i novejšaja istorija. № 4. P. 52–78.
40. *Sulaymān Abd al-Ḥāmid Ḥāmid.* Al-mawānī' al-miṣriyyat fī al-‘aṣr al-‘utmānī: dawruhā al-siyāsī wa-nuzumuhā al-idāriyyat wa-al-māliyyat wa-al-iqtisādiyyat [Egyptian Ports at the Ottoman Period: their Political Role and the Order of the Administrative and Economical-Financial Management]. Cairo: Al-Hay'at al-miṣriyyat al-‘āmmat li-l-kitāb, 1995.
41. *Vandal A.* Louis XIV et l'Égypte. Paris: Alphonse Picard, 1889.
42. *Tóth F.* Un Hongrois en Égypte avant Napoléon. La mission secrète du baron de Tott // Revue historique des armées. № 270. 2013. P. 14–22.
43. *Volney.* Voyage en Syrie et en Égypte. 3e édition, 1799 // Œuvres. Tome troisième. Paris: Fayard, 1998.
44. *Wood A.* A History of the Levant Company. London: Frank Cass & Co Ltd., 1964.
45. *Zahlan R.S.* George Baldwin: Soldier of Fortune? // Travelers in Egypt. London: Tauris, 2001. P. 24–38.

Ключевые слова:

Красноморская торговля, Суэц, Османский Египет, Конрад Тонус,
русско-арабские связи

Taras Y. Kobishchanov

THE «SUEZ GAME» AND THE RUSSIAN PROJECT OF TRANSCONTINENTAL TRADE VIA THE OTTOMAN EMPIRE

At the last third of the XVIII century, one hundred years before the Suez Channel opening, the European Powers came together in the sophisticated game, the prize in which should be the shortest trade route to the South and South East Asia. There were three reasons for it. The first one was the success of the European Colonialism in India and the enormous profit made by the export of goods from there. Secondly, at this period the weakness of the Ottoman Empire became obvious due to the wars with Russia and Austria. The third reason was the internal situation in Egypt, which rulers ventured to conclude the international treaties. The history of the opening the direct route to India is attracting the researchers for last 150 years at least; the studies that reveal it are published in the main European languages. The documents recently found in Moscow and St. Petersburg archives allow clearing up the Russian role in the 'Suez game' putting it into the context of the international rivalry in Egypt.

Key words: The Red Sea trade, Suez, the Ottoman Egypt, Conrad Tonus, Russian-Arab connections.

Taras Y. Kobishchanov — Ph.D., Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Кобищанов Тарас Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2020.70.64.010

Е.М. Копоть

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ И СИРИИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX в.

*«...уже одни слова “географ” и “археолог”
вызывают улыбку недоверия»¹.*

Штабс-капитан Б.И. Шелковников. 1904 г.

1894 г. генерал-лейтенант А.С. Зеленой², заведующий военной агентурой Кавказского военного округа в Азиатской Турции, писал: «В будущей возможной коалиционной войне с участием Турции против России, Кавказский военный округ, по всей вероятности, будет предоставлен не только собственным силам, без всяких подкреплений из внутренних округов России, <...> но даже поставлен в необходимость <...> уделить часть сил с Кавказа на Западную границу. Несоразмерность сил увеличится еще более для Кавказской армии тем, что Азиатский театр будучи тогда единственным для борьбы России и Турции, последняя сосредоточит на нем большую часть своей армии. Независимо приблизительно тройного численного превосходства, Турецкая армия явится к пределам Закавказья и в качественном отношении улучшенной со времени прошлой войны, всесторонней реорганизацией ее германцами...»³

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 4. Д. 42. Л. 44 об.

² А.С. Зеленой (1839–1913) — военный агент в Константинополе (1870–1879), Генштаба генерал-лейтенант (1890).

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 22. Л. 28 об.–29.

В силу высказанного прогноза он полагал, что «для облегчения, при такой несоразмерности в численности, <..> решения крайне трудной задачи сохранения Закавказья и овладения Эрзерумским театром, — остается единственное средство доставить рядом мер слабейшей Кавказской армии перевес над сильнейшей Турецкой, в подвижности, быстроте сосредоточения и силе удара»⁴.

Этим единственным средством, по его мнению, было «изучение и знание во всех отношениях местности, путей, населения и средств, военного значения их, своего и заграничного театра, численности и организации на последнем сил неприятеля, слабых и сильных сторон его»⁵ — так формулировалась А.С. Зеленым главная задача военной агентуры в Османской империи.

Надо признать, что спустя двадцать лет история сражений Первой мировой войны на Кавказском фронте в полной мере подтвердила правоту генерал-лейтенанта А.С. Зеленого.

Кавказский фронт Первой мировой войны был единственным театром военных действий, на котором российская армия захватила стратегическую инициативу и не упускала ее до 1917 г. По мнению Н.Г. Корсуна, несколько причин обусловили успех русского оружия в Сарыкамышской, Алашкертской и Эрзерумской операциях. «В вождении войск на горном театре русское командование имело большую практику и хорошо знало особенности кавказского театра. Герmano-турецкое командование не представляло действительных трудностей борьбы на этом театре в зимний период, создаваемых большими снегопадами и вьюгами», а «русская карта масштаба 1:84000 превосходила своей точностью и наглядностью турецкую карту масштаба 1: 210 000»⁶. При подготовке Сарыкамышской операции 1914 г. «турецкое командование не учло, что горная местность в зимних условиях, особенно на некоторых направлениях данного театра, трудно проходима. Военно-географическими описаниями театра турки не располагали»⁷. Кавказская армия при взятии Эрзерума «дала ряд прекрасных образцов маневрирования в частности перехода от обороны к наступлению в условиях горного театра войны»⁸.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 30 об.

⁶ Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1946. С. 25.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 7–8.

Сбор статистических, военно-географических, этнографических сведений, проведение картографических и иных специальных работ входили в компетенцию офицеров Генерального штаба. Таким образом, победы российской армии на Кавказском фронте Первой мировой войны ковались задолго до сражений 1914–1916 гг. и стали возможны во многом благодаря деятельности военных разведчиков Кавказского военного округа.

Военно-стратегические интересы России в Азиатской Турции: планирование будущих войн на курдо-сирийском направлении

Начало исследования офицерами Генерального штаба курдо-сирийского театра военных действий было положено в 1833–1834 гг. секретной миссией полковника А.О. Дюгамеля, занявшего пост императорского генерального консула в Александрии, и подполковника П.П. Львова⁹, переведенного на должность секретаря консульства с чином надворного советника. Выехав 17 февраля 1834 г. из Тифлиса через Никсар, Токат, Сивас, Эльбистан и Антеп, П.П. Львов 22 апреля достиг Алеппо, а к началу июня прибыл в Александрию, где передал полный отчет о поездке по Анатолии и Сирии генеральному консулу¹⁰. 1 июня 1834 г. А.О. Дюгамель отправил зашифрованную депешу военному министру графу А.И. Чернышеву¹¹. В ней говорилось: «Приступая к рассмотрению вопроса о возможности военных действий по прямым сообщениям от Арзерума и берегов Черного моря, к стороне Алепа и Сирии, и при том рассматривая выгоды, предоставляемые местностью и расположением Кавказского корпуса, как в отношении самых действий, так и удобства

⁹ П.П. Львов (1802 — после 1840) — Генерального штаба полковник. Образование получил в Московском училище колонновожатых (1823 г.), подпоручик (1826), переведен в Гвардейский Генеральный штаб, адъютант главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.И. Дибича (1829), адъютант генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, штабс-капитан (1831), переведен в лейб-гвардии гренадерский полк, капитан (1832), переведен в Генеральный штаб, подполковник (1833), полковник (1835), уволен со службы «по домашним обстоятельствам» (1838), гражданский губернатор Витебской губернии (1839–1840).

¹⁰ Басханов М.К. На картах Генерального штаба — Левант: история первой русской разведывательной миссии в Азиатскую Турцию и Сирию (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Россия и Палестина: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН, 2018. С. 157.

¹¹ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 15. Л.5.

продовольствия войск, особенного внимания заслуживают две главные дороги; одна, идущая от Эрзерума на Арабкир и Малатию в Антеб и Алеп, другая же от Самсуна и Фассы, Никсар, Токат, Сивас, Альбистан и Антеб. Первая из оных чрезвычайно гориста и почти непроходима для тягостей, так как и идущая на Диарбекир; вторая же совершенно удобна. Берега моря от Самсуна до Фассы и Воны представляют все удобства к десанту, и дорога до самого Алепа имеет только два трудных перехода через горы, на протяжении ста сорока верст; но и в сем месте она легко может быть исправлена; главное же преимущество оной есть удобство продовольствия, представляемое расположением Дженика, богатого съестными припасами, и долин Никсарской, Сиваской и Альбистанской, изобилующих хлебом. Дорога сия так как и берег моря до Фассы осмотрены со всевозможной подробностью¹². Возможность военных действий Кавказским корпусом «по прямым сообщениям» от Эрзерума к «стороне Алепа и Сирии» была подтверждена¹³. 31 июля 1834 г. результаты миссии А.О. Дюгамеля и П.П. Львова были доложены военным министром императору Николаю I.

Особое внимание в сравнительном аспекте привлекают выводы П.П. Львова о возможных действиях русских войск в случае вооруженного конфликта с Турцией, которые формулировались следующим образом: «Армия, наступающая из Грузии, может завоевать только плоскую возвышенность, на которой расположен Эрзерум, дальнейшие завоевания не вознаградят пожертвований при самом полном успехе, и подступ к Константинополю с этой стороны есть дело почти несбыточное. Из сего следует, что занятие Эрзерума в случае войны с Турцией должно считать только вспомогательным средством»¹⁴.

Дальнейшее развитие идеи Дюгамеля—Львова получили в «Материалах для изучения Малоазийского и Курдо-Сирийского театра войны», составленных в 1874—1875 гг. полковником Генерального штаба М.И. Венюковым. В 1874 г. он совершил поездку «вокруг всей Малой Азии, от Александретты через Смирну и Константинополь до Батума», а также

¹² Там же. Л. 6—6 об.

¹³ Военно-географические исследования Азиатской Турции были продолжены в 1834—1838 гг. офицерами Генерального штаба капитаном М.П. Вронченко (1834—1836) и капитаном И.Ф. Дайнези (1837—1838).

¹⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 148. Л. 345 об. Цит. по: *Басханов М.К.* На картах Генерального штаба — Левант: история первой русской разведывательной миссии в Азиатскую Турцию и Сирию (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // *Россия и Палестина: научные и культурные связи* (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН, 2018. С. 161.

«экскурсии внутрь страны»¹⁵. Анализируя добытые сведения, полковник М.И. Венюков подчеркивает, что «для русских военных людей важнейшими предметами внимания в Азиатской Турции должны служить следующие пути с Кавказа: а) к стороне Константинополя и Архипелага и б) к стороне Алеппо и северо-восточных берегов Средиземного моря. И <..> вторая серия мне кажется более важной в тактическом смысле»¹⁶. М.И. Венюков приходит к выводу, вполне сходному с замечаниями П.П. Львова: «задавшись мыслью взять Константинополь, мы поставили бы целью войны химеру, а потому и поход к стороне его, от берегов Арпачая, был бы стратегической ошибкой»¹⁷. В подтверждение своего мнения М.И. Венюков приводит три аргумента:

«1. До него не допустят европейские государства, что можно считать политической аксиомой.

2. Расстояние от берегов Арпачая до Босфора составляет не менее 1450 верст и на пути лежат две первоклассные крепости, Карс и Арзерум, которые будут защищаемы всеми силами турок, искони известных упорством в обороне укреплений. Даже если бы и удалось взять две эти крепости в одну кампанию, то впереди будет лежать пространство в 1190 верст, которое пройти невозможно, не подвергаясь нападениям с флангов и даже с тыла — из Курдистана, Сирии и, главное, со стороны Черного моря, в военном отношении сполна принадлежащего Турции. Турки уже устроили три шоссе от берегов этого моря внутрь страны, перпендикулярно к линии Арзерум–Стамбул. Владея флотом, они всегда в состоянии будут высылать из Константинополя отряды, достаточные для расстройтва нашего тыла...

3. Наконец, нельзя не заметить, что если бы нам и удалось, преодолев все трудности движения через целую Анатолию, придти на азиатские берега Босфора, то отсюда до взятия Константинополя еще очень далеко, потому что не имея флота, мы не можем переправиться в самый Стамбул»¹⁸.

Возможность взятия Константинополя со стороны Дуная он также последовательно отвергает: «Пример восточной войны 1853–1856 годов достаточно доказал, что в случае разрыва России с Турцией первая не может рассчитывать на нанесение серьезного удара второй в Европе, то есть со стороны Дуная, потому что судьба двинутой в этом направлении русской армии всегда будет зависеть от Австрии, прямо заинтересованной, чтобы

¹⁵ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 117. Л. 4 об.

¹⁶ Там же. Л. 4 об.–5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 5–6.

славянская Россия не утвердилась на Балканском полуострове...»¹⁹ История Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса позволила в полной мере оценить верность высказанных опасений.

В силу отмеченных соображений полковник полагал, что «при будущей войне России с Оттоманской Империей главный, если не единственный театр сухопутных военных действий будет на юге от Черного моря, а не на западе»²⁰. Основным направлением движения войск на этом фронте должна стать Сирия.

«В противность этим невыгодам движения на Константинополь, для ближайшей по времени войны нашей с турками первостепенную важность представляет поход на Алеппо и далее к северо-восточному углу Средиземного моря. Удар, который мы можем дать Турции в этом направлении, будет для нее чрезвычайно чувствителен, ибо во 1-х он отрежет от нее Сирию, Месопотамию и Курдистан и может повести к совершенному их отпадению и во 2-х приведет русские войска в соседство *христианского населения Сирии* (курсив мой — Е.К.) и на перешеек между Средиземным морем и Евфратом, которым так дорожит Турция и особенно ее всегдашняя покровительница, союзница и подстрекательница — Англия. Если при этом можно будет привлечь к союзу с Россией египетского пашу, давно мечтающего об автономии и даже об основании особой египетско-аравийско-сирийской империи, с званием калифата, то успех русского оружия в окрестностях Алеппо и Александреттского залива будет иметь первостепенное историческое значение. Оставя южную Сирию в руках египетского пашши, наша армия может стать прочной ногой на верховьях Тигра, на среднем Евфрате и у южного выхода из знаменитых Киликийских ворот, т.е. горных проходов в Тавре, ведущих из Анатолии в Сирию. А этим одним будет сделан такой важный шаг к уничтожению Оттоманской империи, что в следующую войну можно будет ей нанести удар окончательный, на Босфоре»²¹.

Отмечая стратегическое значение «христианского населения Сирии», один из самых авторитетных военных теоретиков своего времени подчеркивал, что «весьма важно для армии, наступающей от Эривани к северо-восточному углу Средиземного моря, установить правильные отношения к разноплеменному населению, встречающемуся вдоль пути»²², что, в свою очередь, требовало его подробного и длительного изучения.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 6–7.

²² Там же. Л. 16 об.–17.

Организация военной разведки в Азиатской Турции в 1870—1890-х гг.

Систематическая постановка дела военной разведки курдо-сирийского театра военных действий тесно связана с именем военного министра Д.А. Милютина (в должности 1861—1881 гг.). По его инициативе с Высочайшего одобрения для «системы нашей военной агентуры в Азиатской Турции» была признана необходимость «оседлого пребывания агента в стране, для знакомства с ней и людьми и гарантия официального положения для разъездов и работ во время их», что достигалось назначением агентов секретарями консульства или отдельными вице-консулами»²³. После окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., во исполнение особого Высочайшего повеления, в 1879 г. подполковник Генерального штаба Яльмар Федорович Люндеквист был командирован на должность нештатного секретаря консульства в Алеппо с переименованием его в соответствующий гражданский чин надворного советника²⁴.

На своем посту в 1880 г. подполковник Я.Ф. Люндеквист, владевший английским, французским, немецким и, «что всего важнее», турецким языками настолько, «чтобы обходиться без переводчика», доносил генерал-лейтенанту Платону Петровичу Павлову в штаб Кавказского военного округа о состоянии дел в вилайете, передвижениях войск, призыве рекрутов, составлял карту вилайета²⁵. Одновременно секретарь консульства выступил в роли исследователя памятников хеттской культуры²⁶.

Однако в своей работе он столкнулся с противодействием русского консула в Алеппо Н.Г. Иванова. В донесениях военного агента в Константинополе полковника В.Н. Филиппова (1880—1885) отмечалось: «чины Алеппского консульства при недостаточном сознании важности военных исследований не принимают надлежащих мер к их

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 12 об.

²⁴ Там же. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 57. Л. 125.

²⁵ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 13 об.

²⁶ В 1880 г. он обратил внимание на камень с вырубленным на нем рельефом в южнотурецком городе Мараш (в I тыс. до н.э. Маркаси — столица небольшого государства Гургум, упомянутого в ассирийских царских надписях). Четыре аналогичных рельефа он обнаружил у местных жителей. На одном из рельефов была хеттская клинопись. Я.Ф. Люндеквист зарисовал рельефы. Три фрагментированных рельефа он отправил на верблюдах в Алеппо, а затем в Кавказский музей в Тифлисе. Целый рельеф с надписью он вывезти не смог из-за его тяжести (Тураев Б.А. К истории хеттского вопроса // Труды отделения археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской. Кн. V. ЗИРАО. СПб., 1901. Т. XII. Вып. III—IV. Новая серия. С. 241—247).

успешному ведению»²⁷. Так, например, консул в Алеппо находил «невозможным назначение топографа, иначе как в исключительное распоряжение самого Консула», но вместе с тем признавал необходимость наличия такого специалиста²⁸. «Очевидно, что консул как лицо незнакомое с этим делом, не может и руководить топографическими работами, поэтому заявление Н.Г. Иванова представляется праздным», — резюмировал В.Н. Филиппов²⁹. Более того, Н.Г. Иванов считал невозможным «производить военные исследования некоторых местностей, потому что там было прежде восстание. Но в Турции нет ни одной провинции, где нет или прежде не было восстания жителей. Что же касается других препятствий, представляемых Н.Г. Ивановым, то они еще менее уважительны»³⁰. Эти факты приводили военного агента В.Н. Филиппова к неутешительному выводу о том, что «при таком взгляде Н.Г. Иванова на наши военные исследования, эти последние вовсе не могут быть производимы...»³¹.

В этой связи не стало неожиданностью решение об упразднении поста военного секретаря в Алеппо. 5 ноября 1880 г. Я.Ф. Люндеквист был вызван в Тифлис «с работами для получения инструкций» «в виду нового назначения в другой пункт Анатолии»³².

22 июня 1881 г. Я.Ф. Люндеквист представил в штаб округа «Соображения касательно наиболее полезной деятельности русского военного агента, проживающего в Сирии». По мнению подполковника, военно-топографическое изучение Сирии представлялось актуальным в следующих трех случаях: «Если одна или несколько европейских держав будут союзниками турок и порты Александреттского залива, как это предполагали англичане в 1878 году, будут служить базами их военных действий, направленных против нашей Закавказской границы. Если бы нашей Кавказской армии, после разбития неприятеля, суждено было спуститься с гор Верхней Армении в Анатолию, Сирию и Месопотамию», а также если бы «Кавказской Армии предстояло бы наступать на Константинополь и иметь при этом на левом фланге неприятельскую армию за Тавром в Аданском и Алеппском виляетах. Район необходимых военных исследований для каждого из этих случаев будет первоначально один и тот

²⁷ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 57. Л. 66.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 66–66 об.

³⁰ Там же. Л. 66 об.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 70.

же и заключается в приблизительных пределах между линиями: Адана, Эгин, — Эгин, Харпут, Диарбекир и — Диарбекир, Алеппо, Александретта»³³. Особое внимание, по мнению Я.Ф. Люндеквиста, следует уделить описанию населения региона: «В связи с военно-топографическими исследованиями должны следовать и этнографические, с тем, чтобы определить в какой степени каждая отдельная народность в Турции способна к участию в войне или склонна принять ту или другую сторону»³⁴.

«Соображения» Я.Ф. Люндеквиста были одобрены командованием, и по приказанию А.М. Дондукова-Корсакова³⁵ подполковник направлялся «временно в Бейрут, для военных исследований в Дамаске»³⁶. «Для содействия и видимого, официального предлога его пребывания в Бейруте и Дамаске» штаб Кавказского военного округа просил посольство в Константинополе «частного, временного прикомандирования Люндеквиста к Бейрутскому Консульству, и уведомления о том Петковича с просьбой оказывать <..> возможное содействие»³⁷.

19 августа 1881 г. А.С. Зеленой сообщил начальнику окружного штаба П.П. Павлову предполагаемый маршрут, который предстояло исследовать: «В виду представления Надв. Сов. Люндеквистом окончанных им съемочных работ и описания дорог за время его пребывания в Алеппо и на основании словесного разрешения Вашего Превосходительства совершить Н.С. Люндеквисту теперь новую большую поездку под видом нештатного секретаря Алеппского Консульства, именно из Тифлиса через Арзрум, Харпут, Малатию, Александретту в Бейрут, то есть по линии возможной операции англичан от Александретты к Арзруму, чем Люндеквист закончит и свяжет свои предыдущие работы с Арзрумом, и потом обратно из Бейрута через Мерсину, проходы Тавра по плоскогорью Малой Азии к Сивасу и оттуда через Арзрум в Тифлис по линии важной по мнению Г.М. Стебницкого и моему в военном и географическом отношениях»³⁸.

³³ Там же. Л. 137 об.—138.

³⁴ Там же. Л. 139 об.—140.

³⁵ А.М. Дондуков-Корсаков (1820—1893) — генерал, в 1878—1879 гг. императорский российский комиссар в Болгарии, с 1882 по 1890 г. — главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа. Под его председательством была образована комиссия, которая выработала новое положение об управлении Кавказом, введенное в действие в 1883 г.

³⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 57. Л. 77.

³⁷ Там же. Л. 77—77 об.

³⁸ Там же. Л. 92—92 об.

«Испрошение фирмана»: яблоко раздора для МИДа и военного министерства

20 сентября 1881 г. Я.Ф. Люндеквист выехал из Тифлиса. 10 октября 1881 г. он благополучно достиг Эрзерума. Здесь генконсул А.Р. Деннет выдал ему одно из ружей, полученных из тифлисского арсенала, и 20 октября разведчик отправился в Харпут, куда и прибыл 4 ноября³⁹. 14 января 1882 г. К.Д. Петкович донес в посольство о прибытии Я.Ф. Люндеквиста, совершившего путешествие «сухим путем из Алеппо» в Александретту, а оттуда на пароходе Русского общества пароходства и торговли в Бейрут⁴⁰.

Вследствие этого генеральный консул возбудил перед посольством вопрос об «испрошении у Порты фирмана» на учреждение русского вице-консульства в Хаме: «Города Хама, по своему географическому положению, находясь на большой дороге, почти на середине между Алеппо и Дамаском, имеет большое стратегическое и политическое значение и представляет все выгоды и удобства для тех целей, какие имеет в виду пребывание в Сирии Г. Люндеквиста. Из Хама, как из центра, он может совершать удобно, под предлогом служебных надобностей в своем районе, или вне его по приглашению и поручению Генерального Консульства, экскурсии по всем направлениям — в Антиохию, Латакия, Хомс, Триполи, Бейрут, Дамаск и дальше во внутренность страны. Город Хама служит также важным военным пунктом для V Армейского Корпуса, так как в нем имеют свои постоянные квартиры значительные части кавалерии и артиллерии»⁴¹. «Тяжелодум»⁴² посол Е.П. Новиков⁴³ не поддержал это предложение. В секретном донесении министру иностранных дел Н.К. Гирсу⁴⁴ он недвусмысленно заявил: «Я затрудняюсь разделить этот взгляд Д.С.С. Петковича»⁴⁵. Во избежание осложнений дипломат предлагал придать негласным военным агентам статус частных путешественников, так как в данном случае «достижение секретных целей не будет так сказано поставлено под охрану международного права и ответственность перед Портой за образ действий таковых агентов не будет лежать

³⁹ Там же. Л. 101.

⁴⁰ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 8 об.—9.

⁴² Митусов С.Н. Из моих воспоминаний о после Е.П. Новикове // Русская старина. 1911. Т. 146. С. 93–94.

⁴³ Е.П. Новиков (1826–1903) — в 1879–1882 гг. российский посол в Константинополе.

⁴⁴ Н.К. Гирс (1820–1895) — министр иностранных дел в 1882–1895 гг.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.

на официальном представительстве России в Турции»⁴⁶. Иными словами, Е.П. Новиков хотел оставить за собой возможность в случае каких-либо происшествий официально заявить, что Россия к данному «частному путешественнику» не имеет никакого отношения⁴⁷. В заключение посол, с плохо скрываемым сожалением, «считал долгом присовокупить», что если назначение Я.Ф. Люндеквиста «вице-консулом в Хаме будет признано необходимым, Императорское Посольство конечно не преминет обратиться в Порту за исходатайствованием надлежащего фирмана; однако оно не может даже поручиться, что не встретит затруднений со стороны Турецкого Правительства...»⁴⁸. Н.К. Гирс не замедлил согласиться с предложением Е.П. Новикова, однако столкнулся с непреклонной позицией П.С. Ванновского⁴⁹. 2 мая 1882 г. военный министр обратился к статс-секретарю Н.К. Гирсу «с покорнейшей просьбой не отказать в исходатайствовании послом нашим признания Портой Полковника Люндеквиста вице-консулом в Хаме»⁵⁰. Министерство иностранных дел затянуло с исполнением этой просьбы настолько, что Главный штаб был вынужден в сентябре 1882 г. запросить Азиатский департамент МИД об уведомлении в каком положении находится вопрос о признании Портой полковника Я.Ф. Люндеквиста.

Лишь 26 октября 1882 г. Азиатский департамент сообщил Н.Н. Обручеву⁵¹, что берет на признание полковника Я.Ф. Люндеквиста вице-консулом в Хаме отправлен в консульство в Бейруте для вручения⁵². Однако

⁴⁶ Там же. Л. 4 об.

⁴⁷ Надо отметить, что и впоследствии данная проблема не была удовлетворительно разрешена. В 1904 г. штабс-капитан Б.И. Шелковников (с 1905 г. вице-консул в Хаме) писал: «Установившийся у нас порядок командирования офицеров в Турцию под видом членов Географического и пр. обществ и под предлогом ученых и археологических исследований <..> является недостаточно удачным разрешением вопроса о скрытии истинного характера командированного лица и настоящей цели его поездки. В большинстве случаев, уже одни слова “географ” и “археолог” вызывают улыбку недоверия и заставляют турецкие власти и иностранцев, особенно англичан, иронически отзываться об увеличении числа молодых ученых в России, которые страстно интересуются Востоком» (РГВИА Ф. 846. Оп. 4. Д. 42. Л. 44 об.).

⁴⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 4 об.

⁴⁹ П.С. Ванновский (1822–1904) — военный министр (1881–1898).

⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 15.

⁵¹ Н.Н. Обручев (1830–1904) — русский военный деятель, начальник Главного штаба в 1881–1897 гг. С 1857 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной статистики. Редактор «Военно-статистического сборника». Вып. I–IV. СПб.: Военная типография, 1868–1871. Соратник военного министра Д.А. Милюгина, активно участвовал в разработке военных реформ.

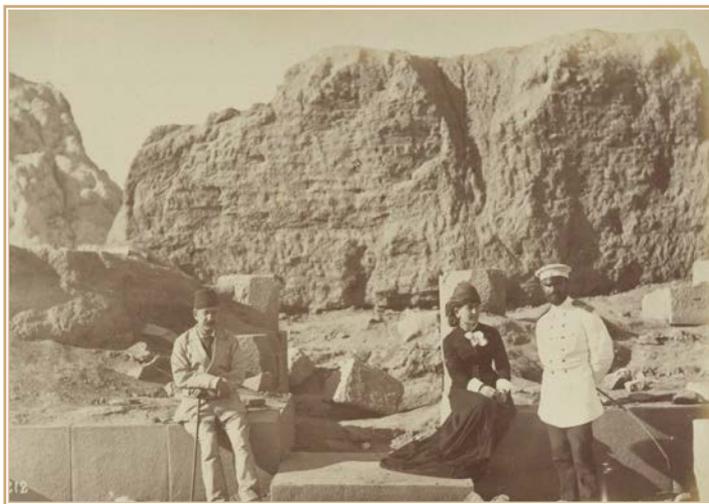
⁵² РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 17.

вторичное командирование полковника в Азиатскую Турцию оказалось столь краткосрочным, столь и неблагоприятным.

Конфиденциальное частное обращение посла А.И. Нелидова от 5 декабря 1883 г. к князю Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову положило конец службе Я.Ф. Люндеквиста в пределах Сирийского вилайета: «Как Вашему Сиятельству должно быть не безызвестно г. Люндеквист в продолжение своего пребывания в Сирии только раз съездил в Хаму и раз в Дамаск, остальное же время он почти безвыездно находился в Бейруте, где поселилось и его семейство. Получая свое содержание в довольно долгие и редкие сроки и не соблюдая вообще в своих расходах разумной бережливости подполковник Люндеквист довел себя до крайне затруднительного финансового положения, так что полученного им в Сентябре месяце полугодового оклада жалования едва ли хватит на уплату всех его долгов. Он должен в Бейруте за квартиру, лавочникам, мясникам, булочникам какому-то банкиру больше 3000 франков, занятых под вексель за 2 процента в месяц. Ваше Сиятельство, конечно, согласитесь со мною, что таковые обстоятельства вовсе не благовидны и не благоприятны для человека, который официально носит звание Русского Вице-Консула, а секретно должен исполнять столь деликатное и секретное поручение по доверию Кавказского Военного Ведомства. Но эти обстоятельства еще отягчаются тем, что г. Люндеквист, к сожалению, одержим такою слабостью под влиянием которой человек не в состоянии владеть собою. Благодаря этой слабости подполковник имел уже несколько неприятных сцен и историй на пароходах и в гостиницах. Уже и прежде, во время его пребывания в Константинополе происходили иногда стычки, при которых г. Люндеквист открыто говорил о своем официальном положении в России и о характере возложенного на него поручения. К тому же надо прибавить в его оправдание, что он как Вашему Сиятельству вероятно не безызвестно был контужен в голову⁵³, а потому страдает иногда припадками умопомешательства. А потому не желая нисколько вредить военной карьере подполковника Люндеквиста, не могу, однако, не выразить своего мнения, что было бы весьма желательно, для предупреждения могущих возникнуть как для вверенного Вам ведомства, так и для Императорского Посольства неприятностей, чтобы Кавказское Военное Начальство отозвало г. Люндеквиста под благовидным предлогом...»⁵⁴

⁵³ Подполковник Я.Ф. Люндеквист участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и 27 сентября 1877 г. был награжден золотой саблей (РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2, Д. 57. Л. 97).

⁵⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2, Д. 57. Л. 157–158 об.

Полковник Генерального штаба К.П. Камсаракан с женой в Ване в 1881 г.

После получения данного сообщения А.М. Дондуковым-Корсаковым было сделано распоряжение об отзыве полковника из Сирии. В шифрованной телеграмме генконсулу в Бейруте К.Д. Петковичу от 19 декабря 1883 г. сообщалось, что Я.Ф. Люндеквист «отзывается теперь же в Тифлис для получения нового назначения». А.С. Зеленой⁵⁵ просил консула предупредить военного агента, чтобы он «взял с собою семейство» и выдать «ему под расписку по просьбе князя сто полуимпериалов» на покрытие долгов⁵⁶.

6 января 1884 г. Я.Ф. Люндеквист выехал из Бейрута и 8 февраля прибыл в Тифлис, где «заявил просьбу об отозвании своем из пределов Азиатской Турции по климатическим условиям и расстроенному здоровью, многочисленными поездками в продолжение четырехлетнего пребывания своего в этой стране»⁵⁷.

Вследствие открывшегося свободного места вице-консула в Хаме, А.М. Дондуков-Корсаков 29 марта 1884 г. ходатайствовал через военного министра о Высочайшем утверждении негласным военным агентом Генерального штаба подполковника А.М. Колюбакина как «лично ему известного отличного офицера по подготовке к исправлению такого рода обязанностей, приобретенной Подполковником Колюбакиным при службе и занятиях его в Отделе Генерального Штаба Кавказского военного округа»⁵⁸. 16 мая такое Высочайшее соизволение было получено. Однако подполковнику А.М. Колюбакину не су-

⁵⁵ Генерал-майор, заведующий 2-м отделением Отдела Генерального штаба Кавказского военного округа.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 57. Л. 160.

⁵⁷ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 44.

⁵⁸ Там же. Л. 45.

ждено было отправиться в Сирию. Вследствие жалоб турецкого правительства министерство иностранных дел настояло перед князем Дондуковым-Корсаковым на переводе вице-консула в Ване К.П. Камсаракана⁵⁹ в Хаму с назначением на его место А.М. Колюбакина, что и было исполнено. 6 августа 1884 г. османское правительство отравило бераты о их признании в Ван.

Как доносил в 1893 г. А.С. Зеленой, при назначении К.П. Камсаракана «вице-консулом в Хаму, где не было ни войск, ни управлений, и где <..> единственным средством для добывания сведений служили постоянные разъезды, производимые им по Сирии и переезд на жительство в Бейрут, дабы навещать Дамаск... При затруднительной обстановке делать частые поездки в Дамаск, не возбуждая подозрительности турок, естественно, что сведения, доставляемые Камсараканом о войсках были крайне неполны, несмотря на все усердие этого опытного и отличного офицера, служащего в Азиатской Турции военным агентом уже 15 лет, и знающего прекрасно восточные языки»⁶⁰.

От редифов к митрополитам: почему в Дамаске необходим разведчик православного вероисповедания

В марте 1889 г., после административной реформы, в ходе которой был образован отдельный Бейрутский вилайет, посол в Константинополе А.И. Нелидов обратился к военному министру с предложением перевести К.П. Камсаракана в Дамаск, так как Хама формально относилась к Сирийскому вилайету. «Состоящий в ведении Военного Министерства нештатный Вице-Консул в Хаме пребывает последнее время почти безвыездно в Бейруте, где присутствие этого агента рядом с Русским Генеральным Консулом производит на Турецкие власти и на иностранных агентов неблагоприятное впечатление, вызывая иногда и нежелательные столкновения. Между тем многочисленные интересы наши в Дамаске делают весьма желательным присутствие там Русского агента, а в военном отношении Дамаск имеет несравненно большее значение чем Бейрут, ибо там имеет свое пребывание Начальник V Армейского корпуса»⁶¹. Военный министр в секретном отношении к Н.К. Гирсу от 1 мая 1889 г., ссылаясь на мнение

⁵⁹ К.П. Камсаракан (1840–1923) — полковник Генерального штаба, вице-консул в Ване 1880–1884 гг., вице-консул в Хаме в 1884–1889 гг. и 1894–1904 гг. Вице-консул в Дамаске 1889–1894 гг.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 22. Л. 9 об.–10.

⁶¹ Там же. Л. 114–115.

А.М. Дондукова-Корсакова, поддержал данную инициативу посла. Как впоследствии отмечал А.С. Зеленой: «Полезные последствия этой меры не замедлили обнаружиться. Они немедленно проявились, вследствие заведенных Камсараканом в Дамаске постоянных сношений с военным миром... В нынешнем году он доставил даже копии с подлинных отчетов ведомостей по всему V корпусу, представляемые турецкому военному министру, что дает возможность видеть не только состояние корпуса, но и следить за действительным ходом военных реформ в турецкой армии»⁶².

Тем не менее есть основание полагать, что ссылка на административную реформу 1889 г. для посла была лишь предлогом для того, чтобы в секретном обращении к военному министру затронуть гораздо более важный вопрос — о наделении военного агента совершенно новыми функциями. «Казалось бы во всех отношениях полезным перевести в Дамаск нештатного Вице-Консула ... пребывающего ныне в Бейруте», — в довольно нейтральном тоне начинает А.И. Нелидов⁶³. Однако дальнейшее предложение посла выходит далеко за рамки обычного административного перевода консульской единицы из одной провинции в другую: «Затем, со временем, если к тому представится удобный случай, желательно было бы заменить нынешнего Вице-Консула Камсаракана (Армянина, Грегорианского исповедания) Православным агентом, в виду церковных вопросов, могущих возникать в Дамаске, где имеет свое местопребывание Антиохийский Православный Патриарх»⁶⁴. Таким образом, посольством проектировалось, что в должностные обязанности разведчика Кавказского военного округа должно было войти и взаимодействие с христианским населением Сирии.

П.С. Ванновский предпочел не заметить данного предложения, посягавшего на кадровую независимость военного ведомства, и вопрос о переводе К.П. Камсаракана был рассмотрен в мае 1889 г. лишь со стороны административно-географической, а не функциональной.

Через четыре года это привело к аппаратному сражению между военным министерством и МИДом. 8 июня 1893 г. Высочайше было учреждено штатное консульство в Дамаске с избранием на этот пост коллежского асессора А.П. Беляева.

Министр иностранных дел Н.К. Гирс предложил военному министру «перевести вице-консула К.П. Камсаракана в какой-либо другой пункт Сирии, либо заменить его в Дамаске другим офицером, с назначением по-

⁶² Там же. Д. 22. Л. 19–19 об.

⁶³ Там же. Д. 7. Л. 115.

⁶⁴ Там же. Л. 115–115 об.

Дамаск, Восточные ворота. *Конец XIX в.*

следнего состоять в качестве секретаря консульства в Дамаске»⁶⁵, так как выдача двум лицам фирманов на одновременное представительство в одном городе не представлялась возможной. Эта мера значительно понижала статус К.П. Камсаракана и его служебные возможности, что не замедлило вызвать резкий протест со стороны Кавказского командования. Им было заявлено о «несправедливости подчинять, хотя бы и для видимости, заслуженного Полковника и опытного военного агента после 15-летней службы на Востоке, консулу»⁶⁶. И далее: «подобная постановка вопроса Министерством Иностранных Дел даже косвенно влияет на самую свободу выбора личного состава военной агентуры, предоставленную Кавказскому военному начальству»⁶⁷. Данную проблему скорее следовало бы отнести к сфере межведомственной конкуренции, чем практической пользы.

Заслуживает внимания отзыв от 1 декабря 1893 г. Н.К. Гирса, излагающий причины восстановления штатного консульства в Дамаске. С одной стороны, это внимание к христианскому населению Сирии: «Дамаск служит главным местопребыванием Патриарха Антиохии, главы одной из восточных Православных Церквей. Антиохийская Патриархия, менее других обеспеченная в материальном отношении, неустанно ведет упорную борьбу с иноверной пропагандой в Сирии, развивающей в последнее

⁶⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 22. Л. 13 об. – 14.

⁶⁶ Там же. Л. 11–11 об.

⁶⁷ Там же. Л. 48.

Православный,
мусульманский
и армянский свя-
щеннослужители

время с особой настойчивостью свою деятельность в стране. Борьба эта тем более затруднительна, что пропаганда обладает большими средствами, не щадит жертв и усилий, прекрасно дисциплинирована и открыто пользуется влиятельной поддержкой своих правительственных агентов. Неуклонно следуя по исторически намеченному пути охранения интересов православия на Востоке, мы не можем в настоящем случае не прийти на помощь Антиохийской Патриархии и не изыскать тех способов и средств, кои могли бы послужить к укреплению Православной Церкви в Сирии.

Достижению последней цели во многом способствует плодотворная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, которое не перестает принимать меры к наибольшему распространению среди местного населения просвещения в духе православия путем расширения школьного дела. Поддержатъ благие начинания Общества в направлении этом тем более желательнее, что они стали приносить существенные результаты... При таком положении вещей присутствие представителя Министерства Иностранных Дел в Дамаске может во многом содействовать улажению возникших недоразумений, а в будущем способствовать избранию на Патриарший престол лица вполне достойного, пользующегося любовью и уважением своей паствы»⁶⁸.

С другой стороны, это внимание министерства к росту арабского национального самосознания: «Дамаск имеет первостепенное значение на

⁶⁸ Там же. А. 19–21.

всем Востоке как центр арабской национальности и пользуется особым почетом и славой святости у мусульман как древняя столица Халифов. Пункт этот является таким образом наиболее удобным для всестороннего изучения внутренней жизни арабских племен, их стремлений и отношений к Турецкому Правительству; что представляет особенно важное значение, в виду проявляемых означенными племенами попыток сохранить за собой известную независимость от Порты»⁶⁹.

Переписка между ведомствами затянулась до февраля 1894 г., когда было найдено компромиссное решение, заключавшееся в том, чтобы открыть «вновь для целей военной агентуры и на средства последней упраздненного нештатного вице-консульства в Хаме, в одном виляете с Дамаском, <..> с назначением в Хаму бывшего уже там вице-консулом, по-прежнему вице-консулом, Колл. Сов. Камсаракана, с тем чтобы ему частно было предоставлено для пользы военной агентуры наибольшую часть года жить в Дамаске, навещая после открытия им вице-консульства в Хаме последнее по временам»⁷⁰.

«Политика населения» как концептуальная основа военно-дипломатической деятельности России в Сирии

Административно-территориальная эволюция органов военной разведки и дипломатии находилась в тесной связи с интеллектуальными изменениями, происходившими в середине — второй половине XIX в. в среде военно-дипломатического истеблишмента Российской империи. Они характеризовались повышением внимания к роли населения, его этноконфессиональному составу и политическим настроениям в планировании и осуществлении войны.

XIX в. отмечен неуклонным ростом осознанного интереса к «населению» как к объекту государственной политики, выражением которого стала концепция «политики населения» (от нем. *Bevölkerungspolitik*). Основным содержанием этой концепции являются нейтрализация враждебно настроенного и использование благоприятно расположенного населения в ходе военных действий, а также стремление изменить соотношение этих двух групп в свою пользу на территории, составляющей театр военных действий.

⁶⁹ Там же. Л. 21— 21 об.

⁷⁰ Там же. Л. 49.

Кроме организации разведки в Азиатской Турции, Д.А. Милютину (не только как военному министру, но скорее как профессору Императорской военной академии⁷¹ по кафедре военной географии и статистики) принадлежит важная роль в изменении характера исследований, проводимых военными агентами⁷².

Формированию взгляда на население как «область для государственного вмешательства» во многом способствовала военная статистика⁷³. Она была прикладной наукой в самом прямом смысле этого слова⁷⁴. Офицеры-выпускники Академии Генерального штаба занимали впоследствии ключевые посты в военной и гражданской администрации.

Как доносил из Тифлиса в январе 1904 г. командующий войсками Кавказского военного округа князь Г.С. Голицын военному министру А.Н. Куропаткину: «Военные агенты помимо пополнения ими в мирное время пробелов в военных сведениях с будущих театров военных действий, крайне необходимы и в военное время, вследствие знакомства их с местным населением и условиями административного управления страной; при занятии неприятельских областей нашими войсками они явятся посредниками в сношениях военных начальников с жителями и могут с наибольшим успехом выполнять сложные обязанности по управлению неприятельскими областями»⁷⁵.

Идеи, высказанные в этом секретном донесении, полностью оправдаются во время Первой мировой войны. Негласный военный агент подполковник П.И. Аверьянов, в 1901–1905 гг. занимавший должность секретаря российского генерального консульства в Эрзеруме, в мае 1917 г. был назначен Временным правительством генерал-комиссаром Турецкой Армении и других областей, занятых по праву войны. На этом посту он сменил Н.Н. Пешкова, бывшего в 1883–1886 гг. негласным военным агентом Генерального штаба под видом вице-консула в Ризе, а в 1886–1899 гг. военным агентом в Константинополе. Вице-консул в Ване (1884–1889 гг.) подполковник А.М. Колюбакин в 1903–1905 гг. занимал пост военного губернатора Приморской об-

⁷¹ С 1855 г. Николаевской академии Генерального штаба.

⁷² Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846. Милютин Д.А. Первые опыты военной статистики: 2 т. СПб., 1847–1848.

⁷³ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте / Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 85.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 42. Л. 47 об.

ласти, а в 1905–1908 гг. начальника Терской области. Командующий войсками Кавказского военного округа князь А.М. Дондуков-Корсаков, под руководством которого начинали свою службу в Азиатской Турции вышеперечисленные военные разведчики, в 1878–1879 гг. в качестве императорского комиссара возглавлял Временное русское управление в Болгарии, а в 1882–1890 гг. был главноначальствующим Кавказской администрации.

В учебниках по военной географии говорилось, что «человек был, есть и будет главным орудием войны и что, следовательно, население, образующее вооруженные силы и пополняющее их, — и есть основные географические данные для определения военной мощи»⁷⁶. Согласно военной статистике «этнический состав населения имеет первенствующее значение среди факторов, обуславливающих качества населения в военном отношении»⁷⁷.

В период пребывания Д.А. Милютина в должности министра она стала занимать очень важное место в программе Академии Генерального штаба: ровно четверть всего учебного времени слушателей уходило на военную географию и статистику что, в свою очередь, нашло отражение в практической деятельности ее выпускников⁷⁸.

Негласные агенты Генерального штаба собирали информацию об истории, социальной структуре, демографии, торговле, городах, ландшафте, фауне и флоре, геологии, психологии и религиозных верованиях населения театра военных действий. Так, в описании Аданского вилайета Турецкой империи, выполненного в 1886 г. полковником Я.Ф. Люндеквистом, были следующие разделы: общий обзор, границы, поверхность Аданского вилайета, орография, гидрография, административное деление Аданского вилайета, исторический очерк, население, климат, произведения земли, фауна, царство ископаемых (металлы, минералы и теплые источники), земледелие и торговля, населенные пункты, производительность края, пути, перевозочные средства, подробный обзор Аданского вилайета по санджакам, казам и нахиям, военный обзор⁷⁹.

Совокупность этого позитивистского знания должна была использоваться для выработки рациональной политики населения как в военное, так и в мирное время.

⁷⁶ Завадский Е. Военная география: Общий обзор России и краткие обзоры Германии и Австро-Венгрии. СПб., 1909. С. 1.

⁷⁷ Канненберг В.Р. Военная география: Курс военных училищ применительно к программе 1907 г. СПб., 1909. С. 16.

⁷⁸ Машикин Н.А. Высшая военная школа Российской империи. М., 1997. С. 225–232.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 92. Л. 1.

По мере того как военные статистики разбирали «население» на составные «элементы», они все больше приписывали каждому элементу качественные черты⁸⁰.

Так, в указанном описании Аданского вилайета Я.Ф. Люндеквист пишет: «Отметив характерные особенности каждой племенной группы, я не могу обойти молчанием характерные особенности христиан и это тем более, что знание последних для нас пожалуй более важно... Чтобы не казаться односторонним и пристрастным в своем суждении, приведу сперва мнение другого об них. Вот что говорит Davis, англичанин, духовное лицо, проживший долгое время в Малой Азии, о турецких восточных христианах: “К несчастью характер почти всех восточных христиан, которых я встречал, алчный и плутовской, и я должен сознаться, что во всех деловых сношениях я несравненно охотнее желаю иметь дело с самым скверным и презренным мусульманином — который вообще есть человек своего слова, хотя и менее сведущий, но гораздо более честный, чем райя: это опыт, вынесенный из Азиатской Турции. В Европейской Турции несомненно иначе; я с трудом могу допустить, чтобы там было одинаково. Что же касается до богатых Левантинских христиан, и в особенности приобретших покровительство какого-нибудь европейского консульства, то они невыносимы. Их денежное чванство, тщеславие, невежество, алчность, ненасытное корыстолюбие, тираническая несправедливость там, где у них власть, циническая безнравственность (в полном значении этого слова) — вот добродетели, требующие оценки...”»⁸¹

«Это мнение Г. Davis`а более чем справедливо. Это фотографический снимок с натуры. Я несколько иначе охарактеризовал восточного христианина. По-моему, если собрать все позволительные и непозволительные инстинкты к наживе и вложить их в душу одного человека, то это будет тот идеал, к которому стремится все христианское население востока. Не следует думать, чтобы крестьянин-христианин в своей идиллической простоте обретался бы в невинности — это зародыш того же цветка.

Все вышесказанное касается до всех христиан вообще в Азиатской Турции. Что же касается специально до христиан Аданского вилайета, то я думаю, что нигде в Турции грязные инстинкты христиан не проявляются

⁸⁰ Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России / Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011. С. 144. См., напр.: Золотарев А.М. Записки военной статистики. В 2 т. СПб., 1885.

⁸¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 92. Л.17–17 об.

с такой силой, наглостью и лихвой как тут. В отделе о земледелии и торговле, я буду иметь случай подтвердить это»⁸².

Новая культура сайентизма создала дискурсивные рамки не только для офицеров военного ведомства, выступивших локомотивом изменений, но и для сотрудников Министерства иностранных дел, не подчинявшихся напрямую Кавказскому командованию, однако тесно с ним взаимодействовавших. Типологически в один ряд с работами полковника Я.Ф. Лундеквиста⁸³, П.И. Аверьянова⁸⁴ может быть поставлена записка генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича «Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношении»⁸⁵. Записка К.Д. Петковича, изданная в Военной типографии в 1885 г., структурно повторяет отчет полковника Я.Ф. Лундеквиста и, очевидно, имела своей основой общие теоретические представления.

Основой политического влияния России в регионе, по мнению К.Д. Петковича, являлось православное население: «...главные опоры и основы нашего влияния на Востоке составляли и составляют еще православие и православные. Где этих основ не имеется, там мы чувствуем себя изолированными, и не имеем под собою надежной материальной почвы. Замечено не раз, что православные на Востоке, отступая от православия, делаются жестокими врагами России и усерднейшими приверженцами Запада»⁸⁶.

В этой связи предметом особой озабоченности российских дипломатов был риск ослабления надежного православного элемента в ходе греко-арабского церковного конфликта. Генконсул в Бейруте К.Д. Петкович в 1891 г. отмечал: «Вопрос о том, кто будет Антиохийским Патриархом: местный ли Епископ, или грек чужеземец не есть вопрос безразличный или маловажный. От законного и правильного разрешения этого вопроса зависит будущее духовное и материальное благосостояние не только

⁸² Там же. Л. 18.

⁸³ Лундеквист Я.Ф. Описание Алеппского и Аданского вилайетов Турецкой империи / РГВИА. Ф. 1300. Д. 92.

⁸⁴ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис, 1900; Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи. СПб., 1912.

⁸⁵ Петкович К.Д. Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношении. Записка генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича. СПб.: Военная типография, 1885.

⁸⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 445–446.

Антиохийской Церкви, но и самого местного православного населения. Этот патриарший вопрос затрагивает также серьезные политические интересы турецкого правительства и имеет для нас громадную церковно-политическую важность»⁸⁷.

Как и Я.Ф. Люндеквист, К.Д. Петкович дает качественную характеристику рассматриваемым им элементам населения. Этноконфессиональной общности приписывались определенные психофизические отличия, которые отчасти объяснялись условиями окружающей среды и бытовыми традициями: «Из патриарших выборов, продолжавшихся в Дамаске столько месяцев и подавших повод к разным соблазнам не только для Христиан, но и для Мусульман, можно вывести следующую мораль: что Греки и греческие Епископы тверды и настойчивы до крайности в преследовании своих целей и что в этом они не останавливаются ни перед какими средствами. Православные же Арабы, как старшины, так и Епископы, напротив, оказываются незрелыми, шаткими и не способными возвыситься до сознания высших церковных и народных интересов. Понятие об общем благе, о личном самоотвержении не находит места в их сознании. Они руководствуются скорее минутными впечатлениями, своекорыстными соображениями и выгодами и интересами — настоящими, а не будущими. Нельзя сказать, чтобы такие нравственные качества составляли вообще отличительную черту арабской расы, потому что арабы-мусульмане и христиане других исповеданий вовсе не похожи в этом отношении на православных. Следует поэтому признать, что дурные качества православных Сирийцев происходят от их воспитания, или лучше сказать, от недостатка всякого образования и воспитания, а в этом виноваты Патриархи Греки, заинтересованные в том, чтобы держать в глубоком невежестве как духовенство, так и народ»⁸⁸.

Таким образом, антиохийский патриарший вопрос для России превращался в борьбу за сохранение православного арабского населения, борьбу, имевшую военно-политическое значение, от которой нельзя было уклониться без потери социальной опоры в регионе.

В рамках дискурса, заданного выпускниками Николаевской академии Генерального штаба, находился и В.Н. Хитрово, основатель Императорского православного палестинского общества. В 1879 г. он формулировал свой взгляд на проблему взаимоотношения России и православных арабов следующим образом: «Относительно уже политических интересов я тоже укажу только, что мы — естественные наследники греков вез-

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 188 об.—159.

⁸⁸ Там же. Д. 113. Л. 144—145.

де, где существует православие, что бить турок можно не на одном Дунае, не одною поддержкою православных славян, но и на Евфрате и прибрежьях Средиземного моря, опираясь на православное арабское население. Через Грузию и Армению мы почти соприкасаемся с Палестиной и охватываем Малую Азию. Не на Гиндукуше или Гималаях произойдет борьба за преобладание в Азии, а на долинах Евфрата и в ущельях Ливанских гор, где всегда оканчивалась мировая борьба о судьбе Азии»⁸⁹.

Через два года в программной статье первого выпуска Православного Палестинского сборника в 1881 г. он в более сдержанном тоне утверждал: «Мы не должны забывать завета на нас возложенного — защиты православия и помнить также мною приведенные слова протестанта, американца Робинсона: если католик — прирожденный союзник Франции, протестант — Англии и Германии, то православный — такой же союзник России»⁹⁰.

Итогом ведомственного компромисса в 1893–1894 гг. стало сохранение поста вице-консула в Хаме (К.П. Камсаракан), усиленного восстановлением штатного консульства в Дамаске (А.П. Беляев) и деятельностью Императорского православного палестинского общества. Их совместные усилия по укреплению православного элемента сирийского населения увенчались в 1899 г. избранием на антиохийский Патриарший престол православного араба — Мелетия (Думани).

Следует признать, что отношения российского военного и внешнеполитического ведомств в Азиатской Турции были высококонкурентными, нередко превращаясь в аппаратные войны, что осложняло разведчикам Кавказского военного округа успешное выполнение своих задач. Тем не менее деятельность двух министерств в регионе направлялась общей парадигмой политики населения, которая стала доминировать в российском военно-дипломатическом истеблишменте с середины — II половины XIX в. и задавала для нее дискурсивные рамки. Разведчики (статистики, топографы, этнографы), выпускники Николаевской академии Генерального штаба, с успехом выполнили свою миссию, конечной целью которой было достижение стратегического превосходства над противником в будущей войне, что и доказали боевые действия на Кавказском фронте Первой мировой войны в 1914–1916 гг.

⁸⁹ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний. 2-е изд. СПб., 1879. С. 60–61.

⁹⁰ Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле / Православный Палестинский сборник. Т. I. Вып. 1. СПб., 1881. С. 96–97.

REFERENCES

1. Archive of Foreign Policy of Russian Empire (AVPRI). F. 208. Op. 819. D. 113, 208, 322, 323.
2. *Averjanov P.I.* Ethnographic and military-political review of the Asian possessions of the Ottoman Empire [Etnograficheskiy i voennopoliticheskiy obzor aziatskikh vladeniy Ottomanskoj imperii]. St. Petersburg, 1912.
3. *Averjanov P.I.* Kurds in the wars of Russia with Persia and Turkey [Kurdy v vojnah Rossii s Persiej i Turciej]. The current political situation of Turkish, Persian and Russian Kurds [Sovremennoe politicheskoe polozhenie tureckih, persidskih i russkih kurdov]. Historical background [Istoricheskij ocherk]. Tiflis, 1900.
4. *Baskhanov M.K.* On the maps of the General Staff — Levant: the history of the first Russian intelligence mission to Asian Turkey and Syria (based on materials of the Russian State Military Historical archive) [Na kartakh General'nogo shtaba — Levant: istoriya pervoy russkoj razvedyvatel'noj missii v Aziatskuyu Turtsiyu i Siriyu (po materialam Rossijskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva)]. Russia and Palestine: scientific and cultural ties (based on archival, manuscript, book and museum funds) [Rossiya i Palestina: nauchnye i kul'turnye svyazi (po materialam arkhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzeynykh fondov)]. St. Petersburg, 2018.
5. *Cannenberg V.R.* Military geography: The course of military schools in relation to the program of 1907 [Voennaya geografiya: Kurs voennykh uchilishch primenitel'no k programme 1907 g.]. St. Petersburg, 1909.
6. *Khitrovo V.N.* Orthodoxy in the Holy Land [Pravoslavie v Svyatoy Zemle]. Orthodox Palestinian Digest [Pravoslavnyj Palestinskiy sbornik]. Vol. I. St. Petersburg, 1881.
7. *Khitrovo V.N.* Week in Palestine [Nedelya v Palestine]. From travel memories [Iz putevykh vospominanij]. Ed. 2. St. Petersburg, 1879.
8. *Kholkvist P.* Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context [Totalnaya

- mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropeyskom kontekste]. Russia and the First World War (materials of the international scientific colloquium) [Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. St. Petersburg, 1999.
9. *Kholkvist P.* Count, remove and destroy: statistics and politics of population in the last years of the tsarist empire and in Soviet Russia [Vychislit, izyat i istrebit: statistika i politika naseleniya v poslednie gody tsarskoy imperii i v Sovetskoj Rossii]. State of nations: empire and national construction in the era of Lenin and Stalin [Gosudarstvo natsiy: imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina]. Ed. R.G. Souni, T. Martina. Moscow, 2011.
  10. *Korsun N.G.* World War I on the Caucasian Front [Pervaya mirovaya vojna na Kavkazskom fronte]. Operational and strategic essay [Operativno-strategicheskij ocherk]. Moscow: Military publishing house of the Ministry of Armed Forces of the USSR, 1946.
  11. *Mashkin N.A.* Higher military school of the Russian Empire [Vysshaya voennaya shkola Rossijskoj imperii]. Moscow, 1997.
  12. *Milyutin D.A.* A critical study of the importance of military geography and military statistics [Kriticheskoe issledovanie znacheniya voennoj geografii i voennoj statistiki]. St. Petersburg: Military Printing House, 1846.
  13. *Milyutin D.A.* The first experiments of military statistics [Pervye opyty voennoj statistiki]. St. Petersburg, 1847–1848.
  14. *Petkovich K.D.* Lebanon and Lebanese. Essays on the current state of the autonomous Lebanese governorate-general in geographical, ethnographic, economic, political and religious terms [Livan i livantsy. Ocherki nyneshnego sostoyaniya avtonomnogo Livanskogo general-gubernatorstva v geograficheskom, etnograficheskom, ekonomicheskom, politicheskom i religioznom otnoshenii]. Note by the Consul General in Beirut, K.D. Petkovich [Zapiska general'nogo konsula v Beyrute K.D. Petkovicha]. St. Petersburg: Military Printing House, 1885.
  15. Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 1300. Op. 2. D. 57, 92, 117.
  16. Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 450. Op. 1. D. 14.
  17. Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 846. Op. 4. D. 7, 22, 42.
  18. *Zavadsky E.* Military Geography: A General Overview of Russia and Brief Reviews of Germany and Austria-Hungary [Voennaya geografiya:

Obshchiy obzor Rossii i kratkie obzory Germanii i Avstro-Vengrii].
St. Petersburg, 1909.

19. *Zolotarev A.M.* Notes of military statistics [Zapiski voennoy statistik].
St. Petersburg, 1885.

Ключевые слова:

военная разведка, политика населения, Сирия, православные арабы,
Антиохийский патриархат.

Eugeniy M. Kopot'

RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE' FOCUS IN THE ARAB-OTTOMAN WORLD IN THE SECOND HALF OF THE 19TH C.

Analyses of the materials of the Foreign Policy Archives of the Russian Empire and the Russian State Military-Historical Archive allows a reconstruction of the formation of the Russian Intelligence methodology of data gathering in Syria, as a possible battleground in 1870–1890. The Russian Caucasus Army Intelligence officers acted under cover of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire.

Despite the bureaucratic infighting between the War Ministry and the Foreign Ministry which often emerged into an open confrontation, the new philosophy of Scientism, rapidly spreading across the establishment, have helped to drive more rational political decisions both during war and peace times.

The article highlights the switch of the Military Intelligence' focus. The accent shifted from exclusively military issues, to the issues of social ethnology and the search for Russia's potential allies in the region. In Syria, the adherents of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch were seen as such.

Key words: Military Intelligence, Population Politics, Syria, the Orthodox Arabs, the Patriarchate of Antioch.

Eugeniy M. Kopot' — Senior Lecturer at the Russian History department of the Institute for History and Politics of Moscow Pedagogical State University

Копоть Евгений Михайлович

старший преподаватель кафедры истории России Института истории
и политики ФГБОУ ВО Московского педагогического государственного
университета

DOI: 10.35549/HR.2020.18.53.011

Р. М. Валеев, О.Д. Василюк, С.А. Кириллина, А.М. Абидулин

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ И ОСМАНИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.Е. КРЫМСКОГО: БЕЙРУТ—МОСКВА—КИЕВ¹

биография и наследие А.Е. Крымского нашли достойное отражение в российской, украинской и, отчасти, в зарубежной историографии². Вместе с тем перспективным остается дальнейшее изучение его богатого научного тюркологического и османистического творчества.

Тюркология и османистика в Академии наук и университетах в XVIII — начале XX столетия, являясь составной частью российской ори-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: Переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)».

² См., напр.: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973; *Его же.* Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968; *Его же.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; *Долинни-на А.А.* Невольник долга. СПб., 1994; *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М., 1997; *Кононов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974; *Гурницкий К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980 и др.

А.Е. Крымский

енталистики, стали базой развития национальных гуманитарных школ народов России и важными университетскими и академическими направлениями. Наиболее видными тюркологами и османистами этой эпохи являлись В.В. Бартольд (1869–1930), И.Н. Березин (1818–1896), Л.З. Будагов (1812–1878), И.Ф. Готвальд (1813–1897), В.В. Вельяминов-Зернов (1830–1904), Н.И. Веселовский (1848–1918), Г. (Егор) М. Влангали (1781–1834), В.А. Гордлевский (1876–1956), В.В. Григорьев (1816–1881), П.И. Демезон (де Мезон) (1807–1873), С.Г. Дзерунян (1860–1931), В.Ф. Диттель (1816–1848), Б.А. Дорн (1805–1881), И.А. Иванов (1838–1908), Н.И. Ильминский (1822–1891), Абдуссетар Казем-Бек (1820–?), А.К. Казем-Бек (1802–1870), Д.К. Кантемир (1673–1723), Н.Ф. Катанов (1862–1922), Г.Я. Кер (1692–1740), И.Ю. Крачковский (1883–1951), А.Е. Крымский (1871–1942), О.С. Лебедева (1854–1905), В.А. Максимов (1836–1900), С.Е. Малов (1880–1957), П.М. Мелиоранский (1868–1906), В.Ф. Минорский (1877–1966), З.М. Мсерианц (1836–1899), А.О. Мухлинский (1808–1877), Н.П. Остроумов (1846–1930), Н.Н. Пантусов (1849–1909), П.И. Пашино (1838–1891), И.Б. Петрашевский (1796–1869), В.В. Радлов (1837–1918), В.Р. Розен (1849–1908), С.Е. Саков (1846–1922), А.Н. Самойлович (1880–1938), О.И. Сенковский (1800–1858), В.Д. Смирнов

(1846–1922), А.Е. Снесарев (1865–1937), В.Г. Тизенгаузен (1825–1902), П.А. Фалев (1888–1922), Хуссейн Фейзханов (1826–1866), Х.Д. Френ (1782–1851), Ибрагим Хальфин (1778–1829), Н.В. Ханыков (1822–1878), С.М. Шапшал (1873–1961), А.Э. Шмидт (1871–1939), Ф.И. Эрдман (1793–1863). В их научной деятельности и наследии широко представлены разнообразные научные, научно-просветительские, географические, политические и социокультурные материалы о тюркском социополитическом и этнокультурном мире в целом и Османском государстве и обществе в частности. Их творчество представляет собой яркое свидетельство феномена комплексности и междисциплинарности отечественного востоковедения, в том числе тюркологии, туркологии и османистики.

Весьма символична академическая парадигма ориенталистики, которая сохранялась до первых десятилетий XX в. «Программа конкурса для ученых, желающих занять в Императорской Академии наук место адъюнкта по части мусульманских языков и литературы» (1856 г.) содержала обстоятельный перечень требований, предъявляемых к соискателям. Претендент должен был знать «1) основательно языки: арабский, персидский и турецкий, имея столь же основательные знания в истории и литературе трех главных мусульманских народов. Желательно сверх того, чтобы он имел сведения в языках семитических вообще, и именно в сирийском и эфиопском, и мог пользоваться сими сведениями при ученых своих разысканиях. 2) Он должен иметь сведения и в древностях, особенно же в нумизматике народов мусульманских. Наконец 3) необходимо, чтобы он в надлежащей степени знал языки классические и те из новейших, которые наиболее нужны для того, чтобы следовать за всеми учеными изысканиями и рассуждениями о Востоке»³.

Академик В.В. Бартольд в «Обзоре деятельности факультета восточных языков» (1909 г.), оценивая направления и итоги развития востоковедения своего времени, в том числе тюркологии и османистики, писал: «Из областей Азиатской Турции Малая Азия представляет интерес не только для ориенталистов, но и для исследователей классического мира»⁴. Среди европейских исследователей историко-географического и культурологического направления изучения региона В.В. Бартольд выделил немецкого филолога и классического археолога Людвиг Росса (1806–1859), посетившего в 1844 г. Малую Азию. Он также обратил внимание

³ Программа конкурса для ученых, желающих занять в Императорской Академии наук место адъюнкта по части мусульманских языков и литературы // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Ч. 89. Отд. VII. С. 66.

⁴ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 342.

В.В. Бартольд

на опубликованные в 1839—1848 гг. труды французского археолога и путешественника Шарля Феликса Тексье (1802—1871)⁵, посвященные истории и культуре в целом Малой Азии и, в частности, Армении, Ирана и Месопотамии (в фокусе его внимания были архитектура, изобразительное искусство, исторические памятники, городская топография и др.). В.В. Бартольд упоминает «Историческое и географическое описание Малой Азии» французского географа и картографа Луи Вивьена де С.-Мартена (фр. Louis Vivien de Saint-Martin) (1802—1897), который также являлся автором изданных в Европе в 1840—1860-х гг. работ⁶, посвященных древней географии Кавказа, географии Азии, греческой и латинской географии Индии и описанию Северной Африки в древности.

Выдающимся событием в истории комплексного естественно-научного и историко-этнографического изучения территорий Османской империи стали известные экспедиции бывшего атташе российского по-

⁵ См.: *Texier Charles*. Description de l'Asie Mineure; beaux-arts, monuments historiques, plans et topographie des cités antiques (Paris, 1839—1948), Mémoires sur l'architecture et la lythologie anciennes, Edesse et ses monuments en Mésopotamie (1859), Description de l'Arménie, de la Perse et de la Mésopotamie (1845), L'Architecture byzantine (London, 1865).

⁶ См.: *Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase*. Paris (1847); *Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique* (2 volumes). Paris (1850—1852); *Description historique et géographique de l'Asie mineure* (2 volumes). Paris (1852); *Étude sur la géographie grecque et latine de l'Inde*. Paris (1858); *Étude sur la géographie et les populations primitives du nord-ouest de l'Inde, d'après les hymnes védiques*. Paris (1860); *Le Nord de l'Afrique dans l'antiquité grecque et romaine, étude historique et géographique*. Paris (1863).

В.Ф. Минорский

сольства в Стамбуле П.А. Чихачева (1808–1890) в 1848–1863 гг. в Малую Азию, Армению, Курдистан и Восточную Фракию и в 1878 г. в Алжир и Тунис⁷. В.В. Бартольд, отмечая работы П.А. Чихачева, посвященные Малой Азии, писал, что они, «как и другие произведения этого ученого, не могли быть причислены к русской научной литературе»⁸, тем не менее эти труды получили известность среди отечественных туркологов-османистов и российской общественности второй половины XIX–XX в.⁹

Также в центре внимания В.В. Бартольда находились итоги исследований европейских ученых, посвященных археологическим и письменным памятникам классической и современной Малой Азии. При этом он акцентировал внимание на критическом отношении ряда российских ученых, в том числе Б.А. Тураева, В.Ф. Минорского и И.А. Орбели, к практиковавшимся немецкими экспедициями первых десятилетий XX в. «способам “экстенсивного” исследования», которые, по их убеждению, отрицательно сказывались «на сохранности памятников, требовавших более продолжительного исследования»¹⁰.

⁷ *Tchibatcheff P. Lettres sur la Turquie, 1850; Tchibatcheff P. Asie Mineure: Description physique, statistique et archéologique de cette contrée. 8 vol. 1852–1868; Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1960; Чихачев П.А. Страница о Востоке / Пер. с фр. и предисл. В. В. Цыбульского; коммент. А.А. Кожуховской, М.В. Цыбульской; отв. ред. М.С. Лазарев. М., 1982.*

⁸ *Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 473.*

⁹ *Цыбульский В.А. П.А. Чихачёв — исследователь, путешественник. М., 1961; Цыбульский В.А. Петр Александрович Чихачов (1808–1890). Платон Александрович Чихачов (1812–1892) / Отв. ред. А.А. Нарочницкий. М., 1988 и др.*

¹⁰ *Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 343–344.*

Далее, намечая связанные с изучением Малой Азии перспективные научные задачи, В.В. Бартольд писал о необходимости продолжать изучение ее географии и средневековой истории «в связи с историей получившей здесь начало Османской империи», которая «еще недостаточно изучена», о важности расшифровки «надписей, оставленных культурными народами древнего Востока» и исследовании малоизученных «наречий малоазиатских турок».

Выделяя феномен формирования турецкой национальной исторической школы и историографической традиции кемалистской Турции и обобщая собственные конкретные оценки вклада турецких исследователей в изучение «прошлого Турции», В.В. Бартольд отмечал: «Но до сих пор работы турецких филологов и историков еще не обнаруживают достаточного знакомства с методами европейской науки; особенно крупными недостатками отличаются турецкие издания текстов и каталог константинопольских рукописей; это относится и к многочисленным изданиям текстов в современной Турции»¹¹.

Начиная с истоков развития, отечественная и европейская османистика, будучи социогуманитарной комплексной дисциплиной и междисциплинарным научным направлением востоковедения, была органично связана с тюркологией, арабистикой, иранистикой, славяноведением и другими гуманитарными научными направлениями. Предметами ее изучения являются язык, литература, история и культура Османской империи и населявших ее народов. Ярким подтверждением этому служит тюркологическое и османистическое наследие А.Е. Крымского (1871–1942) (укр. Агатангел Юхимович Кримський).

Как известно, А.Е. Крымскому не удалось в полной мере реализовать значимую традицию отечественной и европейской османистики XIX — начала XX в., связанную с систематическим пребыванием ученых и путешественников в Османской империи. Ему удалось побывать в Османской империи только дважды — в Ливане в 1896–1898 гг. и в Трапезунде (июнь — август 1917 г.) (современный г. Трабзон, Турция) в последний год Первой мировой войны — в сложный и драматический период военно-политических отношений Российской и Османской империй. В первый год переезда А.Е. Крымского в Киев был опубликован его отчет о пребывании в июне — августе 1917 г. в Трапезунде академической научной экспедиции под руководством византиниста, директора

¹¹ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 345.

Русского археологического института Ф.И. Успенского (1845–1928)¹². Во время экспедиции А.Е. Крымский совместно со своим помощником П.Н. Лозеевым разбирал и описывал рукописи, книги и архивные документы. По итогам этой научной экспедиции А.Е. Крымский написал не только научный отчет, но и несколько художественных и научных материалов, которые были опубликованы в 1917–1919 гг. на украинском и русском языках¹³. В своем отчете А.Е. Крымский писал: «Идя в строгом согласии с указаниями начальника экспедиции академика Ф.И. Успенского, мы занялись разбором огромнейшего рукописного и, частью, печатного материала, который в прошлом году тотчас после завоевания Трапезунта отовсюду собран был стараниями акад. Ф.И. Успенского в мечети Орта Хисар, иначе Богородицы Златоглавой (Хрисокефалос), где турки, покидая Трапезунт, успели уже с своей стороны собрать тоже большой архивный запас»¹⁴.

А.Е. Крымский в письме от 13 августа 1917 г. сообщал советнику российского посольства в Тегеране В.Ф. Минорскому (1877–1966): «Я в Трапезунте разбираю (по поручению Академии Наук) архив, собранный в мечети Ἡ Παναγία Χρυσοκέφαλος¹⁵. Через неделю, дней десять, я кончу и опять возвращаюсь в Москву. <..> Описывать то, что вижу в Трапезунте, нет необходимости. Научные результаты изданы будут в отчете, а личные <..> ну, Вы приблизительно сами представляете себе состояние оккупированного города. Думаю, что в Техране приблизительно то же, что и здесь. Лишний, разве, раз убедился, что у нас общие интересы не с греками, а с турками»¹⁶.

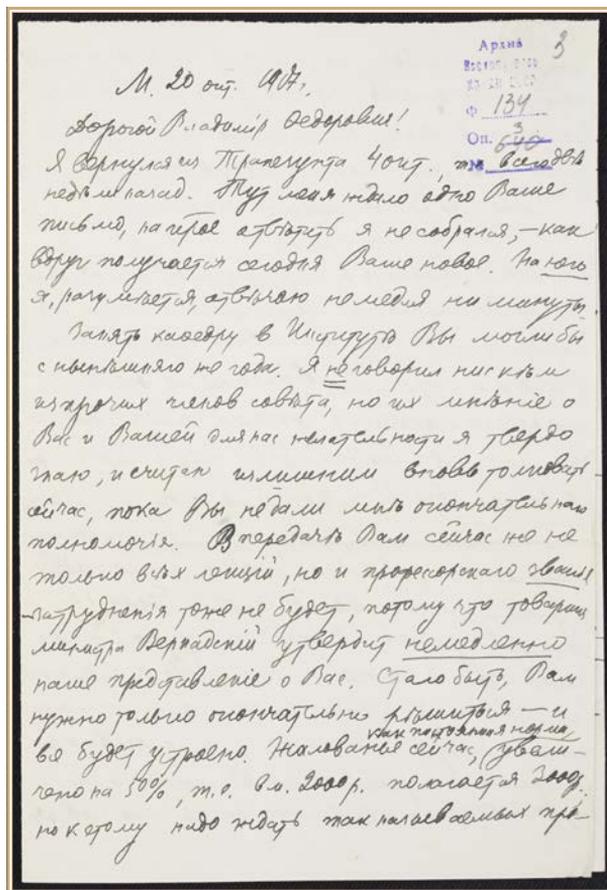
¹² Отчет [о экспедиции от Российской Академии наук для охраны памятников старины в Трапезунде летом 1917 г.] // Известия Российской Академии наук. 1918. Серия 6. № 5. С. 212–216.

¹³ Памятники старины. Византийская купчая 1206 г., высеченная в церкви св. Иоанна Скалистого в Трапезунде // Трапезундский военный листок. 1917. 13 сентября; *В Трапезунді*. Спомини з літа 1917 р. // Шлях. 1918. № 12. С. 34–43. Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Ч. 3. (1917–1920). К., 1922.

¹⁴ Отчет [о экспедиции от Российской Академии наук для охраны памятников старины в Трапезунде летом 1917 г.] // Известия Российской Академии наук. 1918. Серия 6. № 5. С. 212.

¹⁵ Греч.: Не Panagia Chrysoképhalos — Всесвятая [Богородица] Златоглавая. Храм Богородицы Златоглавой (Панагия Хрисокефалос) являлся местом венчания на царство трапезундских императоров и их погребения. Также в этом храме происходило вступление новых митрополитов на кафедру. Свое название храм получил, скорее всего, от имевшегося в нем на одном из предалтарных столпов мозаичного изображения Богородицы в рост с позлащенной главой. В 1461 г., захватив город, турки-османы превратили храм в мечеть.

¹⁶ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.134. Оп.3. Д.640. Л.1.

Письма А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому из Трапезунда. 1917 г.
Из фонда Архива востоковедов ИВР РАН

Известный российский османист С.Ф. Орешкова в своих размышлениях о судьбах тюркологии и османистики в России справедливо отмечала, что «требуется широкая лингвистическая и историческая подготовка и османистика всегда находилась на грани науки и политики, что мешало объективным исследованиям и порождало постоянное существование публицистической линии османистической литературы наряду с научной»¹⁷. В тюркологических и османистических работах А.Е. Крымского переплетались не только эти направления, в них ярко была представлена и художественная составляющая его творчества.

Первые публикации А.Е. Крымского были связаны с литературными переводами на украинский язык известных поэтических и

¹⁷ Орешкова С.Ф. Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики (вместо предисловия) // *Turcica et Ottomanica*: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера / Сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 16.

Б.В. Миллер

иних произведений из турецкой, персидской и арабской литератур (Омар Хайям, Антара, «Тысяча и одна ночь» и др.). В 1890 г. в издававшемся во Львове журнале «Народ» вышла публикация А.Е. Крымского (под псевдонимом А. Хванько) «Из турецких народных песен», 17 произведений из собрания венгерского тюрколога Игнаца Куноша (1860–1945)¹⁸. Позднее, в 1903 г., А.Е. Крымский написал об этой публикации во вступительном критико-библиографическом обзоре к работе Б.В. Миллера (1877–1956) «Турецкие народные песни» следующее: «Здесь мною дан стихотворный малорусский перевод всех тех турецких песен, текст которых был мне доступен по изданию Куноша» 1888 и 1889 гг.¹⁹ А.Е. Крымский, обобщая итоги изучения песенного фольклора европейскими и отечественными исследователями, отметил: «Как видим, для изучения песенного творчества османских турок

¹⁸ Из турецких народных песен. 1. «Місяченько сходить, ясну ніч приводить». 2. «Небо зорями — намистом золотим укрите». 3. «На городах та й любисток зелениться». 4. «Похилила вишня вітоньку низенько». 5. «Я квіт на гвоздиці, пуп'ях зеленистий». 6. «Я в воду у серпні ступлю — замерзає». 7. «Але хвилі Багдад серед міста Багдада». 8. «Камінь я на камені намостив». 9. «Трависто на пні на айвовім». 10. «Оце б я обчистив собі помаранчу». 11. «По базарі — торговиці в Пері». 12. «Згорнув я хустоньку мою». 13. «Подивись на виноград». 14. «Я спускався вниз із того замку». 15. «Пташку я посадовив на гілці». 16. «Гірко-важко я здихнув грудима». 17. «Глянь на грона й лози винограду». Звенигородка, Київщина, 8 липня 1890 р. // Народ. 1890. № 18. С. 282–284.

¹⁹ Крымський А.Ю. Вибрані сходознавчі праці. В 5 т. Т. II. Тюркологія. К., 2007. С. 30.

сделано до сих пор очень мало, и Кунош, во время одиннадцатого съезда ориенталистов, недаром жаловался на небрежность лингвистов и этнографов к простонародной османской песне, как и вообще ко всему фольклору османов»²⁰.

Демонстрируя глубокий интерес к турецкому народному творчеству и продолжая традиции своего учителя В.Ф. Миллера, А.Е. Крымский являлся последователем миграционной теории формирования и развития фольклора. Его ученик, выпускник Лазаревского института восточных языков В.А. Гордлевский (1876–1956), оставил «особенно ценное научное наследие в области изучения турецкого фольклора»²¹, во многом сформировавшееся под влиянием А.Е. Крымского.

Подготовка и публикация в первой половине 90-х гг. XIX в. в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона» статей «Джелаледдин Руми (1207–1263)» (1893 г.), «Карагёз» (1895 г.) и других статей по тюркской тематике сформировали и развивали новую линию научно-просветительских поисков А.Е. Крымского в области тюркологических и османистических штудий. По оценке А.Е. Крымского, «Джелаледдин Руми (1207–1263) — величайший мистический (суфийский) поэт Персии и всего мусульм[анского] мира, “соловей созерцательной жизни”. Прозвище “Руми” значит “Малоазийский”²², а Карагез — главная фигура в народной турецкой комедии марионеток или теней. Это — черноглазый (“кара-гёз”) мужчина, плутоватый, ловелас, представляющий значительное сходство с Петрушкой или Полишинелем. В силу своей приапической особенности Карагез беспрестанно попадает в тысячи комических и трагикомических положений; особенно комической считается пьеса “Карагез — жертва своего целомудрия”»²³.

Также в периоды учебы в Лазаревском институте восточных языков, Московском университете и в киевский период творчества в «Энциклопедическом словаре» и «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, «Энциклопедическом словаре Граната» А.Е. Крымским были опубликованы статьи исторического и культурного характера: «Кадын» (1894 г.), «Карагёз» (1895 г.), «Кылыдж-Арслан I», «Кылыдж-Арслан II» (1896 г.), «Магомет I» (1896 г.), «Намык Кебаль-бей» (1897 г.), «Неджа-

²⁰ Крымский А.Ю. Вступительный критико-библиографический обзор. Турецкие народные песни. Музыкальные тексты с переводами и объяснениями Бориса Миллера // Вибрані схождознавчі праці. В 5 т. Т. II. Тюркологія. К., 2007. С. 34.

²¹ История отечественного востоковедения середины XIX века. М., 1990. С. 189.

²² Энциклопедический словарь. Полутом 19. СПб., Брокгауз—Ефрон, 1893. С. 248.

²³ Энциклопедический словарь. Полутом 27. СПб., Брокгауз—Ефрон, 1895. С. 419.

ти» (1897 г.), «Саад-эд-дин» (1899 г.), «Сельджуки» (1900 г.), «Тогрул-бек» (1901 г.), «Турецкие наречия и литературы» (1902 г.), «Фузули» (1902 г.), «Ак-коюнлу» (1911 г.), «Бакы» (1911 г.), «Васыф-эфенди» (1913 г.), «Сельджуки» (1922 г.), «Турки» (1931 г.), «Турция» (1931 г.), «Тюркские литературы» (1931 г.) и др. Последние статьи А.Е. Крымского в «Энциклопедическом словаре Граната», посвященные понятию «эмир» (правитель / повелитель в арабо-мусульманских странах) и известному персидскому поэту-панегиристу сельджукской эпохи Авхад ад-Дину Али Анвари (ок. 1126 — между 1189 и 1191), были опубликованы в 1937 г. В совокупности для российских энциклопедий рубежа XIX–XX вв. А.Е. Крымским было написано более 200 статей, из них около 70 посвящены тюркологии и османистике²⁴.

В целом в центре тюркологического и османистического наследия и творчества ученого, начиная с московского периода, находились разнообразными переводы произведений турецких поэтов и прозаиков на украинский и русский языки, а также авторские художественные произведения, которые он создавал с 1890 г.²⁵ Научное, литературное и художественное постижение истории и культуры Османской империи в органическом единстве с арабским и персидским политическим и культурным пространствами стало важной чертой творчества А. Е. Крымского в бейрутский, московский и киевский периоды. Во многих его работах, посвященных истории, литературе и культуре арабов и персов, освеща-

²⁴ Василюк О.Д. Агатангел Кримський та «Енциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона // Агатангел Кримський. Нариси життя і творчості. Київ, 2006. С. 435–442.

²⁵ См.: Турецкие народные песни. Муз. тексты с пер. и объяснениями Б. Миллера, доп. введением А. Крымского. М., 1903 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским ин-том восточных языков, вып. 17); Нігар-Ханум. Стінний календар (3 циклу: «В неволі») // Літ.-наук. вісник. 1904. Т. 26. Кн. 4. С. 1; Сообщение о турецкой грамоте султана Махмуда II из собственной коллекции А.Ю. Крымского. Протокол № 97 // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. 1907. № 10. С. 11; 3 народних пісень. 1–17. 8 июля 1890 р. Звенигородка на Київщині // *Крымский А.* Пальмове гілля. Ч. 2. М., 1908. С. 17–30; Мігрі-хатуна. Літо. Вона («Милій! — кажу: се ж не першая стріча» // Літ.-наук. вісник. 1912. Т. 60. Кн. 11. С. 194; Між дітьми природи. Безрефлекційна лірична історія одного молодого турчина. Перероблено з османських народних пісень (Вибірка з текстів, зібраних Гнатом Куношем). I. «Когось кохати серце просить». II. «Прокинулись бажання». III. Невдачна зустріч. IV. «Ой зійди, моя зірко вечірняя!» V. «Ой, співа вона, вихилиється, насмівається». VI. «Подивися на виноград». VII. Попавсь. VIII. Мрії в саду. IX. Любисток. X. Сон-мана. XI. А кров кипить. XII. Коли б! XIII. Дорога пам'ятка. XIV. Вона моя! XV. Ніколи я тебе не призабуду! XVI. Його женуть! Він од'їждає! XVII. Розлука. Нігар-Ханум. Стінний календар («Кожним ранком на висячий») // *Кримський А.* Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Ч. 1–2. Вид. 3-є. К., 1923. С. 125–134, 146 и др.

ются исторические события, даются экскурсии и описания Османской империи и Турции.

Важными социополитическими рубежами и внешними критериями в генезисе университетской и академической тюркологии и османистики к рубежу XX в. стали развитие российского имперского государства и общества, в первую очередь направления и итоги восточной политики на Ближнем Востоке и Русско-турецкие войны в Новое время. Во внутринаучной институциональной эволюции и типологии университетских дисциплин о тюрках и турках важны этапы, связанные с преподаванием «турецко-татарской и османской словесности», деятельностью кафедр, отделений и разрядов восточной словесности в российских университетах и институтах.

Важное место в истории российского и зарубежного востоковедения, в том числе тюркологии, туркологии и османистики, в истории и культуре народов России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и др. занимают ключевые центры востоковедения в Петербурге, Москве и Казани — Азиатский музей, Санкт-Петербургский, Московский и Казанский университеты, Лазаревский институт восточных языков, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и другие учебно-научные центры и просветительские общества с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями в изучении арабо-мусульманского мира и значимым наследием выдающихся ученых и практиков.

В 1820–1835 гг. началось формирование системы университетского преподавания турецкого (османского) языка в Санкт-Петербургском университете, предложенного О.И. Сенковским (1800–1858) в 1823 г. и читаемого «приватно и не систематически» и окончательно утвержденного уставом университета 1835 г. По замечанию А.М. Куликовой: «Воспоминания М.Г. Волкова дополняют наши сведения об этом курсе. По его словам, в 1823 г. из-за отсутствия требуемого числа слушателей он, в то время начинающий преподаватель, в течение полугода слушал лекции по турецкому языку на дому у Сенковского, и это, по его определению, было началом преподавания данной дисциплины в Петербургском университете»²⁶. Согласно университетскому уставу 1835 г., турецкий язык был официально введен в учебные программы российских университетов. Поэтические, литературные и исторические произведения турецких авторов и «другие османские источники» являлись учебной базой для профессоров и

²⁶ Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 50.

преподавателей в преподавании турецкого языка в университетах России в первой половине XIX в. «8 декабря 1839 г. в университете была учреждена первая самостоятельная кафедра турецкого (османского) языка, которую занял А.О. Мухлинский. Это событие явилось началом «планомерного чтения в Петербургском университете основных туркологических дисциплин»²⁷. «Разряд арабско-персидско-турецко-татарской словесности» в университетах стал ключевой институциональной базой развития отечественной тюркологии, туркологии и османистики в XIX в.

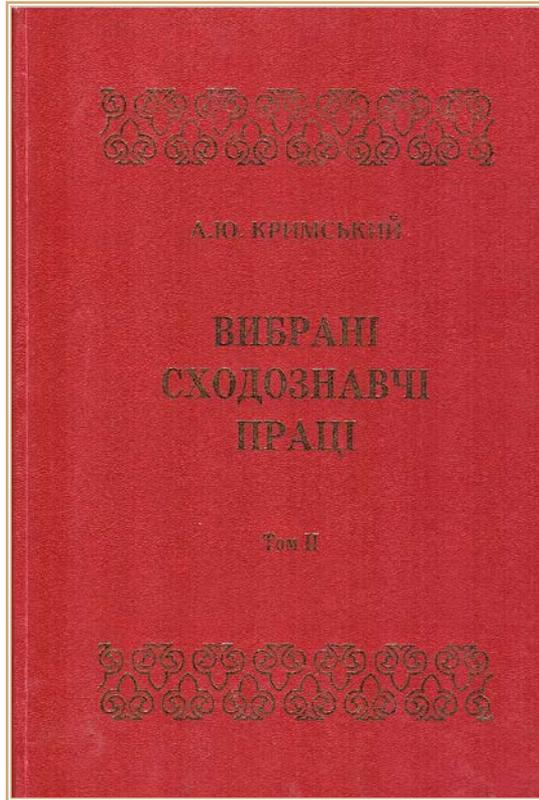
В 20–30-х гг. XIX в. формируется учебная и методическая база преподавания «турецко-татарского» языка в Первой Казанской гимназии и императорском Казанском университете, что было связано с деятельностью Мирзы А. К. Казем-Бека, в дополнение к преподаванию старотатарского языка в этих учебных заведениях татарскими учеными и просветителями — представителями династии Хальфиных²⁸. В октябре 1833 г. Казанский учебный округ представил в Министерство народного просвещения «Проект дополнительных Устава и штата по Первой Казанской гимназии, для преподавания в ней Восточных языков». В своем представлении попечитель округа в 1827–1845 гг. М.Н. Мусин-Пушкин (1795–1862) отмечал, что «к языкам арабскому, персидскому, татарскому и монгольскому, я присоединил турецкий, находя его, по тесным связям России с Турциею, столь же нужным, как и прочия»²⁹. В 1835–1837 гг., согласно положениям «Общего устава императорских Российских университетов», основные курсы восточных языков: арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский — были объединены в разряд восточной словесности философского факультета Казанского университета³⁰. В 1828 г. разряд восточной словесности Казанского университета включил в свой состав новую кафедру «турецко-татарской словесности». С 1 августа 1845 г. сводный брат Мирзы Казем-Бека — Абдуссатар Казем-Бек читал в университете курс турецко-татарского языка. В 1828–1854 гг. кафедру турецко-татарской словесности возглавляли: до 1846 г. А.К. Казем-Бек (1802–1870), с 1846 г. — экстраординарный, с 1854 г. ординарный профессор И.Н. Березин (1818–1896).

²⁷ Там же. С. 98.

²⁸ Валеев Р.М. Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань, 1998; Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.). Lambert, 2019.

²⁹ Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГА РТ). Ф.92. Оп.1. Д.3833. Л.32 об. (см.: Текст «Проекта дополнения к Уставу 1828 года для первой Казанской Гимназии». ГА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.3833. Л.34–36).

³⁰ Шофман А.С., Шамов Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С.423.

Титульный лист Избранных востоковедческих трудов, 2 том, Тюркология, издан в Киеве в 2007 г.

В октябре 1835 г. профессор Александр Казем-Бек изложил план составления «полного учебного пособия, необходимого для успешного хода учения турецкого языка в <...> университете и гимназии»³¹. Он планировал составить в течение четырех лет грамматику, хрестоматию и словарь турецкого языка. Первый учебник должен был состоять из правил турецкой грамматики. Мирза Казем-Бек предполагал обратить особое внимание «на отклонения от сих правил, существующие в других главнейших наречиях тюркских, изъясняя по возможности причины такого изменения»³².

Также со дня создания в программах Казанского и Санкт-Петербургского университетов были представлены общие исторические курсы — «история и география Оттоманской империи», «история древних турецко-татарских народных племен», «политическая история Османского государства», «история Турции», «география Оттоманской империи и владений ее составляющих», «турецкая история», т.е. история древ-

³¹ ГА РТ. Ф.92. Оп. 1. Д. 4833. Л. 2 об.

³² Там же. Л. 3.

нетюркских государств и народов, и др. Особенно во второй половине XIX — начале XX в. в университетских программах постепенно закрепляется 2 термина «османский»³³ и «турецкий» вместо обобщенного понятия «турецко-татарский», широко представленного в первой половине XIX в. в отечественном университетском востоковедении.

Не менее важной научной традицией развития академической и университетской тюркологии и османистики стало описание турецких рукописей и книг из различных архивных и институтских центров России³⁴. В конце 1846-го — начале 1847 г. экстраординарный профессор И.Н. Березин был командирован в Москву для работы в архиве Министерства иностранных дел с целью обзора восточных фондов. Он обследовал материалы Ф.И. Миллера (1705–1783), И.Э. Фишера (1697–1771), Г.Я. Кера (1692–1740) «о скифах и татарах на латинском языке и немецком». По замечанию И.Н. Березина, «некоторые из сих сочинений неизвестны ученому свету и остались неоконченными или неотделанными, хотя и заслуживают внимания по обширности источников, которыми, при составлении их, пользовались авторы»³⁵. Им были также обследованы «собрания монгольских и тибетских рукописей», а также арабские, персидские и тюркские рукописи общим числом до сорока. И.Н. Березин осмотрел мусульманские монеты, присланные в архив из Рязанской губернии, и изучил «у князя Оболенского турецкую историю без конца с родословными таблицами...»³⁶.

В XIX — начале XX в. Лазаревский институт восточных языков формировался как центр преподавания трех основных «мусульманских» языков, в том числе турецкого языка. В 1830–1870-х гг., особенно после преобразования института в 1848 г., наметились новые направления исследования и сформировались учебно-методические и научные традиции изучения турецкого языка. С 1850 г. Л.Э. Лазарев (1822–1884), приглашенный на кафедру турецко-татарской и персидской словесно-

³³ А.Е. Крымский, объясняя используемый им термин «османский», писал: «я употребляю, конечно, в самом широком смысле, включая сюда вообще все говоры Малой Азии или Анатолии, принадлежащей Османскому государству». См.: *Крымский А.Ю.* Вступительный критико-библиографический обзор. Турецкие народные песни. Музыкальные тексты с переводами и объяснениями Бориса Миллера // *Вибрані сходознавчі праці*: в 5 т. Т. II. Тюркологія. К., 2007. С. 29.

³⁴ См.: *Березин И.Н.* Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1846. Ч. 50. № 5. С. 33–48; 1847. Ч. 54. № 5. С. 33–56; 1848. Ч. 59. № 7. Отд. 3. С. 1–24; 1850. Ч. 68. № 3. 12. Отд. 3. С. 13–46; *Manuscripts turcs de l' Institut des langues orientales decrits par W. D. Smirnow*. St.- Pbg., 1897 и др.

³⁵ ГА РТ. Ф.977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 36.

³⁶ Там же. Л. 36, 56–56 об.

сти института, получивший степень кандидата в Санкт-Петербургском университете (1856 г.), вел занятия по турецкому языку. В истории российской и армянской тюркологии и османистики он известен как автор «Турецко-татарско-русского словаря наречий османского, крымского и кавказского, с приложением краткой грамматики» (1864 г.) и «Сравнительной хрестоматии турецкого языка наречий османлы и Адербиджана с приложением тюркских разговоров и пословиц и с переводом их на русский язык для практических упражнении» (1866 г.)³⁷.

В 1872–1918 гг. в специальных классах Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ) на базе кафедры турецко-татарского языка получило дальнейшее развитие преподавание турецкого языка и тюркологических, туркологических и османистических дисциплин. В библиотеке специальных классов института сформировалась солидная база книг и рукописей на арабо-мусульманских языках, в том числе посвященных языку, литературе, истории и культуре тюркских народов и Османской империи. После смерти Л.Э. Лазарева экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарского языка института (1884 г.) был избран малоазийский грек С.Е. Саков (1846–1921). Он читал студентам специальных классов института, в том числе воспитанникам института А.Е. Крымскому (1889–1892 гг.) и В.А. Гордлевскому (1895–1899 гг.) курсы турецкого, азербайджанского, чагатайского и сартовского языков, а также вел занятия, посвященные казанско-татарским текстам. В 1901–1906 гг. он опубликовал в виде литографических изданий «Руководство для изучения турецкого языка. Курс грамматических упражнений. Ч. 1» (1901 г.), «Курс турецкой грамматики» (1902 г.) и «Элементы турецкой грамматики» (1906 г.)³⁸. С 1885 г. курс разговорного турецкого языка в специальных классах ЛИВЯ вел С.Г. Церуниан (Дзеруниан) (1860–1931). Академик А.Н. Кононов, оценивая его литографические учебные пособия «Турецко-русские разговоры» (1909 г.), «Курс османских разговоров. Ч. 1.» (1924 г.), писал о том, что в то время эти издания не имели «себе равных»³⁹. С 1907 г. с именем В.А. Гордлевского будет связана значимая традиция преподавания и изучения турецкого языка и литературы в ЛИВЯ⁴⁰.

³⁷ Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб. / Подгот. А.Н. Кононов. М., 1989. С. 141; *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 71–72 и др.

³⁸ Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб. Подгот. А. Н. Кононов. М., 1989. С. 208–209.

³⁹ Там же. С. 250.

⁴⁰ *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. 2. Язык и литература. М., 1961.

В.А. Гордлевский

Востоковедение, в том числе тюркология и османистика, как базовые научные и просветительские области российской университетской корпорации Нового времени, становились органичными составляющими в реализации идеалов европейского классического университета, в «возвышении и распространении науки», «приращении научного знания», в развитии интеллекта и личности студента и т.д.

Университетские уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г., 1884 г. развивали институциональные основы моделей классической и прикладной тюркологии и османистики в высшей школе России. Тенденция усиления специализации университетского востоковедения на протяжении XIX в. была связана с требованиями «чистой науки» о Востоке, а также с подготовкой кадров для государственной службы в империи. Университеты России стали важнейшей институциональной структурой тюркологических и османистических штудий. В целом развитие научного знания о тюркских народах и Османской империи в российских университетах было обусловлено различными геополитическими, политическими и культурными факторами.

В официальном документе от 15 января 1911 г. Министерства внутренних дел «О мерах для противодействия панисламскому и пантюркскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения» отмечалось: «В последние десятилетия во всем мусульманском мире обнаруживается чрезвычайный подъем как религиозного, так и национально-культурного самосознания. Не оставшись чуждым и России, это движение проявилось среди населяющих ее разноплеменных и разно-

язычных народностей, исповедующих ислам, в явном стремлении их к тесному сплочению между собою на почве искусственно создаваемой татари́зации, к обособлению от общегосударственных культурных задач и к духовному сближению с единовѣрными государствами, главным образом с Турцией»⁴¹.

Отечественный и международный авторитет российской школы и центров тюркологии и османистики во многом был связан с исследованиями классического и современного циклов. В российской тюркологии и османистике прослеживаются две ключевые институциональные тенденции — традиционная регионально-страноведческая и проблемно-тематическая. Опубликованное и рукописное наследие А.Е. Крымского также свидетельствует об этих традициях и новациях.

В генезисе российской тюркологии и османистики — значимого гуманитарного направления в познании тюркских государств и народов — заметно развитие филологической, исторической и культурологической мысли, новых методов, методик и приемов комплексного исследования, в том числе географического и геологического изучения Малой Азии.

Академик В.В. Бартольд в известном исследовании «История изучения Востока в Европе и России», обзвывая направления и итоги развития тюркологии и османистики в университетах России, писал: «Предметом университетского преподавания османский язык впервые сделался в С.-Петербурге, где он преподавался Сенковским, вместе с арабским и персидским, в качестве самостоятельного предмета — учеником Сенковского Мухлинским, первым представителем кафедры турецкого языка; впоследствии турецкий язык преподавался также в московском Лазаревском институте. Благодаря трудам профессоров Смирнова, Крымского и Гордлевского русская наука обладает такими подробными очерками истории турецкой литературы, каких на русском языке еще нет по истории литературы арабов и персов»⁴². Между тем надо особо выделить то, что в начале XX в. А.Е. Крымский выступил как автор сводных работ по истории и литературе Османской империи.

Российская тюркология была многонациональной. Со второй половины XVIII в. в программы общеобразовательных учреждений, а с начала XIX в. и университетов включались тюркские языки, углублялись исследования тюркской цивилизации, проблем государственной власти и инсти-

⁴¹ См.: Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. / Предисл., прим. и коммент. Д.Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2. С. 126.

⁴² Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 474.

тутов власти, народных движений, истории религий и духовных систем тюркских государств и обществ. Феномен университетской тюркологии и османистики в России и на Западе во многом может быть изучен в контексте геополитической и историко-культурной парадигмы «Россия — Тюркский / Османский мир — Запад».

Исключительную роль в институционализации, профессионализации и развитии гуманистических традиций мировой и отечественной тюркологии и османистики сыграл А.Е. Крымский (1871–1942). Востоковед-ближневосточник и славист, ученый и общественный деятель, обладавший энциклопедическими знаниями, он оставил значимый след в истории российской и украинской и в целом мировой арабистики, иранистики, тюркологии и османистики. Язык и литература, история, культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации, в том числе османской истории и культуры, стали основополагающими направлениями учебной, исследовательской и общественной деятельности А.Е. Крымского⁴³.

В истории российской, украинской и мировой тюркологии и османистики А.Е. Крымский занимает особое место. Он стал крупным представителем классической университетской и академической ориенталистики, в том числе тюркологических и османистических исследований.

В 1892 г. А.Е. Крымский окончил Лазаревский институт восточных языков, в 1896 г. — Московский университет. С 1898 по 1918 г. он работал профессором Лазаревского института восточных языков. С 1892 г. — член Московского археологического общества (МАО), секретарь его Восточной комиссии, в 1918–1942 гг. — академик Национальной академии наук Украины. В 1896–1898 гг. А.Е. Крымский находился в научной командировке в Бейруте, где собрал уникальные материалы по истории и культуре Сирии и Ливана, тогда входивших в состав Османской империи. А.Е. Крымский известен как автор классических работ в области арабистики, семитологии, тюркологии, османистики, иранистики, истории, языкознания, литературы, религии, фольклора и этнографии народов мира ислама. Его имя тесно связано с формированием отечественной ориенталистики на рубеже эпох. А.Е. Крымский сыграл особую роль в формировании Украинской академии наук, будучи ее неперменным секретарем в 1918–1928 гг. А.Е. Крымский является одним из основопо-

⁴³ *Кримський* А.Ю. Вибрані сходознавчі праці. В 5 т. Т. I. Арабістика. Київ, 2007; *Кримський* А.Ю. Вибрані сходознавчі праці. В 5 т. Т. II. Тюркологія. Київ, 2007; *Кримський* А.Ю. Вибрані сходознавчі праці. В 5 т. Т. IV. Іраністика. Київ, 2008; *Кримський* А.Ю. Вибрані сходознавчі праці. В 5 т. Т. V. Іраністика. Київ, 2010.

ложников украинской национальной школы востоковедения. Он также получил признание как выдающийся украинский писатель и один из создателей новой украинской литературы и языка. Он был тесно связан с известными деятелями культуры Украины — И. Франко, Л. Украинкой, М. Коцюбинским, Б. Гринченко и др.

Крупный исследователь наследия А.Е. Крымского И.М. Смилянская, выделяя роль и значение ученого в истории отечественной гуманитарной науки на рубеже XIX—XX вв., писала: «А.Е. Крымский поражает разнообразием своих научных интересов, исследовательских и общекультурных. Являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом»⁴⁴. Эти направления и особенности исследовательского таланта ученого проявились в сфере тюркологии, туркологии и османистики. Эмоциональные и содержательные работы А.Е. Крымского, посвященные истории и культуре тюркских народов, в частности турецкого этноса и народа, представляют несомненный интерес для осмысления научных поисков, достижений и в целом духовных исканий российских и европейских тюркологов и османистов на рубеже XIX—XX вв. и в первые десятилетия XX в.

Сегодня мы не ошибемся в оценке тюркологического и османистического наследия А.Е. Крымского, если учтем объективное высказывание выдающегося украинского писателя Ивана Франко: «Он старается быть как можно объективнее, правдивее, не утерять ни крупицы той правды, которую постиг душой, и переливает ее на бумагу со всеми, иной раз совершенно случайными, аксессуарами, к каким, разумеется, в первую голову принадлежат личные настроения и чувства»⁴⁵.

В жизненном пути А.Е. Крымского выделяют три значимых периода — московский (1889–1918 гг.), бейрутский (1896–1898 гг.) и киевский (1918–1942 гг.). Эти периоды научной, педагогической и общественной деятельности ученого позволяют выделить основные направления его научной деятельности и особенности его тюркологического и османистического наследия.

Одним из первых тюркологических исследований ученого, посвященных поволжско-уральскому ареалу, стала редакция известной работы Н. Ашмарина (1870–1933) «Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан. За 1880–1895 гг.» (1901 г.), опубликованной

⁴⁴ Смилянская И.М. Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // *Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898)*. М., 1975. С. 303.

⁴⁵ Франко И. Рец. на кн.: *Крымский А. Пальмовые ветви* // *Франко И. Сочинения*. В 10 т. Т. IX. М., 1959. С. 342.

в трудах Лазаревского института восточных языков⁴⁶. Последняя опубликованная им при жизни работа была посвящена истории и культуре Азербайджана (1938 г.)⁴⁷.

Первыми дореволюционными специальными туркологическими (османистическими) исследованиями московского периода жизни А.Е. Крымского стали учебные пособия и исследования, связанные с историей и культурой Османской империи: «Из истории Турции (От основания государства до XVI в.)» (1909 г.)⁴⁸, «История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка» (1910 г.)⁴⁹, «История Турции. Очерк» (1915 г.)⁵⁰ и «История Турции и ее литературы. Т. 1» (1916 г.)⁵¹. На этих работах, основанных на разнообразных восточных и европейских источниках и литературе, воспитывались выпускники Лазаревского института восточных языков и других востоковедных центров России. Более того, они пользовались популярностью среди широкой читательской аудитории. Исследования А.Е. Крымского, посвященные истории османской словесности и новой турецкой литературе, стали свидетельством преемственности в освоении этой темы в отечественной тюркологии (еще в 1891 г. вышла в свет книга В.Д. Смирнова «Очерк истории турецкой литературы»⁵²).

В одном из своих писем, адресованном А.Е. Крымскому, от 11 февраля 1909 г., В.В. Бартольд, обсуждая его «Историю Персии», точно и рельефно отметил: «Что касается Ваших книг, то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам приходится работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что

⁴⁶ Ред.: *Ашмарин Н.* Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан. За 1880—1895 гг. М., 1901. IV (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 4).

⁴⁷ *Крымский А.Е.* Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки // Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934). М.; Л., 1938. С. 369—384.

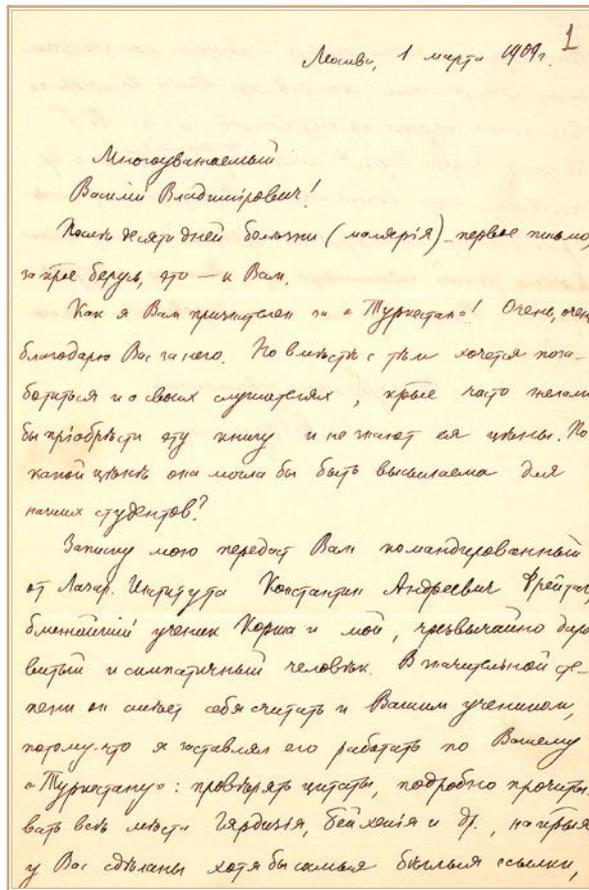
⁴⁸ *Крымский А.Е.* Из истории Турции (От основания государства до XVI в.). Конспект лекций. М., 1909.

⁴⁹ *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка. М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 29. № 1).

⁵⁰ *Крымский А.Е.* История Турции. Очерк // Царьград / Под ред. И. Лазаревского. М., 1915. С. 3—34.

⁵¹ *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. Т. 1 (От возникновения до начала расцвета). М., 1916. 279 с. (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 28-а).

⁵² *Смирнов В.Д.* Очерк истории турецкой литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша, А. Кирпичникова. Т. IV. СПб., 1891. С. 425—554.

Письмо А. Е. Крымского В. В. Бартольд

в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг. — *Авт.*): для сколько-нибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно сколько-нибудь ясное представление о целом и внесение причинной связи событий <...> Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы “будут появляться лишь в минимально сносном виде”, а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть. Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколько-нибудь сносную книгу под заглавием: “История Персии, ее литературы и дервишеской теософии”. Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать»⁵³.

⁵³ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. I. Д. 22665. Л. 1–1 об.

Весьма значимы результаты изучения тюркологического и османистического наследия А.Е. Крымского в украинской гуманитарной науке⁵⁴. В 2007–2010 гг. Институт востоковедения им. А.Е. Крымского Академии наук Украины в пятитомной серии избранных сочинений ученого издал его ранее публиковавшиеся и архивные тюркологические работы⁵⁵.

В московском Лазаревском институте восточных языков в 1889–1892 гг. А.Е. Крымский изучал в основном арабскую филологию и исламоведение. Также в фокусе его востоковедческого образования были персидский и турецкий языки и сопутствующая им литература.

Тюркским культурным наследием А.Е. Крымский интересовался с детства. Его предок, татарский мулла, в конце XVII в. переселился из Бахчисарая в Белоруссию (Речь Посполитую). В московский и киевский периоды жизнедеятельности А.Е. Крымского тюркология и османистика стали для ученого приоритетными наряду с арабистическими и иранистическими исследованиями.

Ключевая особенность обобщающих тюркологических и османистических исследований А.Е. Крымского объясняется тем, что его ранние работы по данной тематике представляли собой сводные пособия для студентов Лазаревского института восточных языков, и некоторые его труды того времени сохранились лишь в рукописном виде. В частности, не были опубликованы «Грамматика турецкого языка»⁵⁶ и «Научно-практический курс турецкого языка»⁵⁷.

В 1918–1920-е гг., после переезда А.Е. Крымского в Киев, в его творческой биографии в целом и в его тюркологических и османистических исследованиях в частности наметился новый поворот. Именно тогда для него стала основополагающей парадигма, которую он сформулировал в письме Д.И. Багалее (1857–1932) от 2 февраля 1924 г.: «Моя “История Турции” — это же наполовину история Украины»⁵⁸. В начале 1920-х гг.

⁵⁴ К сожалению, в современной российской историографии даже специалистам только отрывочно, а тем более широкой читательской аудитории не известны итоги и направления изучения тюркологического и османистического наследия А.Е. Крымского в украинской гуманитарной науке 1990–2000-х гг.

⁵⁵ *Кримський А.Ю.* Вибрані сходинки праці. В 5 т. Т. II. Тюркологія. Київ, 2007; *Кримський А.Ю.* Вибрані сходинки праці. В 5 т. Т. III. Тюркологія. Київ, 2007.

⁵⁶ Ее рукопись хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. I. Д. 25306.) Знакомство с этим текстом свидетельствует о том, что А.Е. Крымский постоянно его совершенствовал.

⁵⁷ Этот курс состоит из шести рукописных тетрадей на украинском языке (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. I. Д. 25333).

⁵⁸ *Гурницький К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. С. 137.

А.Е. Крымский с коллегами

А.Е. Крымский приступил к подготовке курса турецкого языка для украинских студентов. Этот сохранившийся в рукописи курс⁵⁹ интересен тем, что, излагая материал, ученый начал формировать украинскую научную терминологию.

Характерной чертой тюркологических и османистических исследований А.Е. Крымского стало предельное внимание как к оригинальным (восточным, славянским и западноевропейским) источникам, так и к массиву исследовательской литературы.

Особого внимания заслуживает киевский этап тюркологических и османистических исследований А.Е. Крымского.

С полным правом А.Е. Крымского считают одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX — начала XX в., выдающимся представителем российской и украинской школ востоковедения. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, прежде всего арабистики, иранистики, тюркологии и славистики в СССР в 1920–1930-е гг.

В 1924 г. им была опубликована написанная на украинском языке «История Турции с 13 рисунками, взятыми по большей мере из старопечатных изданий XVI–XVIII вв.», а в 1926–1932 гг. изданы на украинском языке работы «Вступление к “Истории Турции”», «История Турции и ее

⁵⁹ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. I. Д. 25320. Заслуживают внимания и другие рукописные материалы тюркологического характера (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. I. Д. 25336; Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. I. Д. 25299. Д. 25338).

писательства», «Из истории турецкого писательства XVI в.» и другие труды, связанные с османской эпохой⁶⁰.

В 1934–1935 гг. А.Е. Крымский готовился написать большую работу по истории новоосманской литературы. Из написанного до нас дошел только текст под названием «Новоосманская литература», который представляет собой 12 листов машинописи на русском языке и 13 листов рукописного текста на украинском языке⁶¹. В тексте А.Е. Крымский пишет о заметном европейском влиянии на турецкую литературу и анализирует произведения известных писателей, переводчиков, публицистов, государственных и общественных деятелей Османской империи и первых десятилетий существования Турецкой республики, в том числе Ахмеда Вефик-паши (1823–1891), Ибрахима Шинаси (1826–1871), Намыка Кемаль-бея (1840–1888), Абдульхака Хамида (1852–1937), Махмуда Экрема (1847–1914), Ахмеда Мидхата (1844–1913).

В 1930-е гг. появились публикации А.Е. Крымского, посвященные литературам и языкам тюркоязычных народов СССР⁶², что во многом обуславливалось политическими и культурными процессами, происходившими в советских тюркоязычных областях и республиках. В письме от 20 августа 1929 г., адресованном И.Ю. Крачковскому, А.Е. Крымский

⁶⁰ См.: Історія Туреччини з 13 малюнками, що їх узято по більше із стародруків XVI–XVIII вв. Звідки почалася Османська Держава, як вона зростала й розвивалася і як досягла апогею своєї слави й могутності. К., 1924 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 10); Вступ до історії Туреччини. Вип. 3. Європейські джерела XVI в. К., 1926 (Збірник Істор.-філол. Відділу ВУАН, № 10); Європейські джерела XVI в. для історії Туреччини (до 1580 рр.) // Записки Істор.-філол. відділу ВУАН. 1926. Кн. 7–8. С. 476–488; Ходжа-Насреддін і його «Жарти». Сторінка з історії турецького письменства XIV–XV вв., як матеріал для фольклористів // Записки Істор.-філол. відділу ВУАН. 1926. Кн. 7–8. С. 170–180; Історія Туреччини та її письменства. Т. 2. вип. 2. Письменство XIV–XV вв. К., 1927 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН. № 10. Т. 2. Вип. 2); Турецьке письменство часів Тимурової навали (1402) та дальшого османського лихоліття поч. XV в. К., 1927; Із історії турецького письменства XIV в. (з приводу видання турецького тексту поеми «Сюнеиль ве Невбеһар» 1350–1378 р., що опублікував Й. Мордтман 1925 р.) // Записки Істор.-філол. відділу ВУАН. 1927. Кн. 10. С. 313–327; Школа, письменство й освіта в турецько-арабських краях за передреволюційної доби на грані XIX–XX вв. Старий схоластичний мусульманський університет при мечеті Азгар у Каїрі // *Кримський А. і Боголюбський О.* До історії вищої освіти у арабів та дещо про арабську Академію наук. К., 1928 (Збірник Істор.- філол. Відділу ВУАН, № 83); Тюрки, їхні мови та літератури // Записки Істор.- філол. відділу ВУАН. 1929. Кн. 23. С. 313–351; Тюркские литературы и тюркские языки. Турция [Історія османської імперії] М., 1932 и др.

⁶¹ Інститут рукописи Национальної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. Ф. І. Д. 25334.

⁶² Его личный интерес к этому исследовательскому направлению прослеживается в архивных материалах (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины ім. В.І. Вернадського. Ф. І. Д. 26674).

писал: «Когда в начале 1920-х гг. восстановились сношения, по крайней мере, между областями СССР, я просто в силу нравственной потребности принужден был обратить значительную силу своей энергии на мир тюркский, с которым можно было иметь общение»⁶³. Именно в 1930-е гг. им были написаны компактные статьи, в которых анализируются история и современное состояние литератур тюркских народов СССР и Турции. Поводом для их написания послужила необходимость помочь молодым советским тюркоязычным республикам, не имевшим еще достаточного количества подготовленных научных кадров, способных провести подобные исследования самостоятельно. Эти статьи и сегодня не утратили актуальности, поскольку в них нашли отражение эрудиция и глубина познаний их автора⁶⁴.

Изучение научного наследия А.Е. Крымского, неотъемлемой и важной частью которого являются исследования по тюркологии и османистике, продолжается. Важно в перспективе напечатать все его неизданные работы и дать целостный концептуальный и историографический анализ вклада А.Е. Крымского в мировое востоковедение.

Также особое значение имеют поиск, подготовка и издание эпистолярного наследия А.Е. Крымского, в частности, его переписки с российскими востоковедами XIX — начала XX в.: В.Р. Розеном, В.В. Бартольдом, П.К. Коковцовым, Ф.Е. Коршом, В.А. Жуковским, Б.В. Миллером, В.Ф. Минорским и другими известными деятелями отечественной науки и культуры (А.А. Шахматов, В.П. Бузескул и др.).

⁶³ Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов (Публикация И. М. Смилянкой) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 204.

⁶⁴ Подробнее см.: *Василюк О.Д.* Неизвестные работы Агафангела Крымского по тюркологии в фондах ИР НБУВ // Східний світ. 2013. №4. С.84–92. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/SkhS_2013_4_9; *Василюк О.Д.* Особисті папери Агафангела Кримського у фондах Інституту рукопису НБУВ // Рукописна та книжкова спадщина України. 2013. Вип. 17. С. 80–95; *Клименко І.В.* Агафангел Юхимович Кримський // Особові архівні фонди Інституту рукопису. Путівник. К., 2002. С. 276–282; *Матвеева Л.В., Черников І.Ф.* Про тюркологічну спадщину академіка Агафангела Кримського // *Кримський А.Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. II. Тюркологія. Київ., 2007. С. 5–26; *Черников І.Ф.* Об исследованиях А. Е. Крымского по тюркологии: 20-е годы // Восток. 1992. №1. С.104–112 и др.

REFERENCES

1. *Ashmarin N.* Essay on the literary activity of the Kazan Tatars Mohammedan. For 1880–1895. M., 1901. IV (Trudy po vostokovedeniju, izdavaemye Lazarevskim in-tom vostochnyh jazykov, vyp 4).
2. *Bartol'd V.V.* Essays. T. IX. Works on the history of oriental studies. M., 1977.
3. *Bartol'd V.V.* History of the study of the East in Europe and Russia. 2nd ed. L., 1925.
4. *Bazijanc A.P.* Lazarevsky Institute in the History of Russian Oriental Studies. M., 1973.
5. *Berezin I.N.* Description of Turkish-Tatar manuscripts stored in the libraries of St. Petersburg // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1846. Ch.50. № 5; 1847. Ch.54. № 5; 1848. Ch.59. № 7. Otd. 3; 1850. Ch.68. № 3. 12. Otd 3.
6. Biobibliographic dictionary of domestic Turkologists. The pre-October period. 2-e izd., pererab.; podgotovil A.N. Kononov. M., 1989.
7. *Chernikov I.F.* About A.E. Krymsky's studies in Turkology: the 20s // Vostok. 1992. №1.
8. *Chihachev P.A.* Letters about Turkey. M., 1960.
9. *Chihachev P.A.* Page about the East / Per. s franc. i predisl. V.V. Cybul'skogo; komment. A.A. Kozhuhovskoj i M.V. Cybul'skoj; otv. red. M.S. Lazarev. M., 1982.
10. Competition program for scientists wishing to take an associate position in the Imperial Academy of Sciences in terms of Muslim languages and literature // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1856. Ch.89. Otd. VII.
11. Correspondence of Academicians A.E. Krymsky and I.Yu. Krachkovsky of the 1920s — 1930s (Publication by I.M. Smilyanskaya) // Neizvestnye stranicy otechestvennogo vostokovedenija. M., 1997.
12. *Cybul'skij V.A.* Peter Alexandrovich Chikhachov (1808–1890). Platon Aleksandrovich Chikhachov (1812–1892) / Otv. red. A.L. Narochnickij. M., 1988.
13. *Cybul'skij V.A. P.A.* Chikhachev — explorer, traveler. M., 1961.

14. *Dancig B.M.* Russian travelers in the Middle East. M., 1965.
15. *Dancig B.M.* The Middle East in Russian science and literature. Pre-october period. M., 1973.
16. *Dancig B.M.* The study of the Middle East in Russia (XIX — early XX century). M., 1968.
17. *Dolinina A.A.* Slave debt. SPb., 1994.
18. Encyclopedic Dictionary. Polutom 19. SPb., Brokgauz–Efron, 1893.
19. Encyclopedic Dictionary. Polutom 27. SPb., Brokgauz–Efron, 1895.
20. *Franko I.* Review of the book: *Krymsky A.* Palm branches // *Franko I.* Sochinenija: v 10 t. T. IX. M., 1959.
21. *Gordlevskij V.A.* Selected Works. T. 2. Jazyk i literatura. M., 1961.
22. *Gurnickij K.I.* Ahatanhel Yukhymovych Krymsky. M., 1980.
23. History of Russian Oriental Studies of the Mid-19th Century. M., 1990.
24. In Trapezund. Memories of the summer of 1917 // *Shljah.* 1918. № 12.
25. Institute of Manuscript of the Scientific Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 22665.
26. *Klimenko I.V.* Ahatanhel Yukhymovych Krymsky // *Osobovi arhivni fondi Institutu rukopisu.* Putivnik. K., 2002.
27. *Krims'kij A.Ju.* From the history of Turkey (From the founding of the state to the XVI century). Lecture notes. M., 1909.
28. *Krymsky A.Yu.* History of Turkey and its literature. T. 1 (From the onset to the onset of flowering). M., 1916 (Trudy po vostokovedeniju, izdavaemye Lazarevskim in-tom vostochnyh jazykov, vyp. 28-a).
29. *Krymsky A.Yu.* History of Turkey. Essay // *Car'grad.* pod red. I. Lazarevskogo. M., 1915.
30. *Krymsky A.Yu.* Pages from the history of northern or Caucasian Azerbaijan (classical Albania) // *Pamjati akad. N. Ja. Mara (1864–1934).* M.; L., 1938.
31. *Krymsky A.Yu.* Selected Oriental Studies: 5 v. T. II. Tjurkologija. Kiiv, 2007.
32. *Krymsky A.Yu.* Selected Oriental Studies: 5 v. T. III. Tjurkologija. Kiiv, 2007.
33. *Krymsky A.Yu.* Selected Oriental Studies: 5 v. T. IV. Iranistika. Kiiv, 2008.
34. *Krymsky A.Yu.* Selected Oriental Studies: 5 v. T. V. Iranistika. Kiiv, 2010.
35. *Krymsky A.Yu.* Selected Oriental Studies: 5 v. T. I. Arabistika. Kiiv, 2007.
36. *Krymsky A.Yu.* The history of Turkey and its literature from its heyday to the onset of decline. M., 1910 (Trudy po vostokovedeniju, izdavaemye Lazarevskim in-tom vostochnyh jazykov, vyp. 29, № 1).
37. *Kulikova A.M.* The formation of university oriental studies in St. Petersburg. M., 1982.
38. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25299.

39. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25306.
40. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25320.
41. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25333.
42. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25334.
43. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25336.
44. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky. F. I. D. 25338.
45. Manuscript Institute of Manuscripts at the Vernadsky National Library of Ukraine named after I V.I. Vernadsky. F. I. D. 26674.
46. Manuscripts turcs de l' Institut des langues orientales decrits par W.D. Smirnow. St.-Pbg., 1897.
47. *Matveeva L.V., Chernikov I.F.* On the Turkic Heritage of Academician Agathangel Krymsky // *Krims'kij A.Ju. Vibrani shodoznavchi praci: v 5 t. T. II. Tjurkologija. Kiiv., 2007.*
48. Monuments of antiquity. Byzantine merchants in 1206, carved in the church of St. John the Rocky in Trebizond // *Trapezundskij voennyj listok. 1917. 13 sentjabrja.*
49. *Notes P.A. Stolypin* on the «Muslim Question» of 1911 Predislovie, primechanija i kommentarij D.Ju. Arapova // *Vostok. 2003. № 2.*
50. *Oreshkova S.F.* Some thoughts on the development of Turkology and Ottoman studies (instead of a foreword) // *Turcica et Ottomanica: sb. v chest' 70-letija M. S. Mejera / Sost. I.V. Zajcev, S.F. Oreshkova. M., 2006.*
51. Palm branch. Exotic poetry. Ch. 3. (1917–1920). K., 1922.
52. Report [on an expedition from the Russian Academy of Sciences for the Protection of Antiquities in Trebizond in the Summer of 1917] // *Izvestija Rossijskoj Akad. nauk. 1918. Serija 6. № 5.*
53. *Shofman A.S., Shamov G.F.* Eastern rank of Kazan University (short outline) // *Oчерki po istorii russkogo vostokovedenija. Sb. 2. M., 1956.*
54. *Smiljanskaja I.M.* Essay on Oriental Activities A.E. Krymsky // *Krymskij A.E. Pišma iz Livana (1896–1898). M., 1975.*
55. *Smirnov V.D.* History of Turkish Literature // *Vseobshhaja istorii literatury. Pod red. V.F. Korsha i A. Kirpichnikova. T. IV. SPb., 1891.*
56. State Archive of the Republic of Tatarstan. F.92. Op. 1. D. 4833
57. State Archive of the Republic of Tatarstan. F.92. Op. 1. D.3833.

58. State Archive of the Republic of Tatarstan. F.977. Op. IFF. D. 388.
59. *Tchihatcheff P.* Asie Mineure: Description physique, statistique et archéologique de cette contrée. 8 vol. 1852–1868.
60. *Tchihatcheff P.* Lettres sur la Turquie, 1850.
61. Turkish folk songs. Muses texts from the lane and explanations B. Miller, add. the introduction of A. Krymsky. M., 1903 (Trudy po vostokovedeniju, izdavaemye Lazarevskim in-tom vostochnyh jazykov, vyp. 17).
62. *Valeev R.M.* Kazan Oriental Studies: Origins and Development (19th century — 20s of the 20th century). Kazan, 1998.
63. *Valeev R.M.* Orientalism at Kazan University (1807 — 20s of XX century). Lambert, 2019.
64. *Vasylyuk O.D.* Agatangel Krymsky's personal papers in the funds of the NBU Manuscript Institute // Rukopisna ta knizhkova spadshhina Ukraini. 2013. Vip. 17.
65. *Vasylyuk O.D.* Ahatanhel Krymsky and Brockhaus-Efron's Encyclopedic Dictionary // Agatangel Krims'kij. Narisi zhittja i tvorhosti. Kiev, 2006.
66. *Vasylyuk O.D.* Unknown works of Agafangel Krymsky on Turkology in the funds of the IR NBUV // Shidnij svit. 2013. №4. S. 84–92. Rezhim dostupa: http://nbuv.gov.ua/UJRN/SkhS_2013_4_9.

Ключевые слова:

А.Е. Крымский, тюркология, османистика, тюркская и османская литература, история, язык.

Valeev R.M., Vasylyuk O.D., Svetlana A. Kirillina,
Alim M. Abidulin

TURKOLOGICAL AND OTTOMAN STUDIES OF A.E. KRYMSKY: BEIRUT — MOSCOW — KIEV

The study of the Turkic, including Asia Minor sociopolitical, cultural and ethnolinguistic space of Eurasia is a long and significant tradition of practical, academic and university centers in Russia and Europe, including Ukraine. The Turkic, including the Ottoman political and cultural heritage played a particularly important role in the history and culture of the peoples of Russia, Ukraine and modern Turkic states. Famous states and societies of the Turkic world (Turkic Khaganates, Volga Bulgaria, Ulus Juchi, the Ottoman Empire and other states of the Middle Ages and the New Age), geographical and historical-cultural regions of the traditional residence of the Turkic peoples of the Russian and Ottoman empires and Eurasia as a whole became the object and subject of scientific studies of Russian and European orientalists — Turkologists and Ottomans of the nineteenth — beginning of the twentieth century.

Keywords: A.E. Krymsky, Turkology, Ottoman studies, Turkic and Ottoman literature, history, language.

Ramil M. Valeev — D. Sc. (History), Professor at the Department of Atlantic and China Studies, Institute of International Relations, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML).

Oksana D. Vasylyuk — Ph.D. in History, Senior Researcher at the A. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Svetlana A. Kirillina — D. Sc. (History), Professor, Head of Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Alim M. Abidulin — Ph.D. in History, Docent at Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN), Department of Oriental languages and Linguaculturology.

 Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор, кафедра алтаистики и китаеведения, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

 Василюк Оксана Дмитриевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения имени А.Е. Крымского НАН Украины

 Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

 Абидулин Алим Маратович

кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, ФГАОУ ВО Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 18.12.2019 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 29,1 Заказ № 772.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2019

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Эпоха крестовых походов — одна из самых противоречивых и сложных страниц в истории человечества. Именно ей и посвящен следующий том «Исторического Вестника». В номер вошли работы международного авторского коллектива, объединившего медиевистов и востоковедов России, Англии, Шотландии, Франции, Греции, первые переводы и публикации оригинальных, прежде неизданных источников, а также исследования посвященные факторам идентичности, самоидентификации, исторической памяти, материальной культуре этноконфессиональных групп и народов, непосредственным образом вовлеченных в историю крестовых походов.

ВОРОНЦОВО ПОЛЕ

№4/2019

Вестник фонда «История Отечества»

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ
ОБЩЕЙ ПАМЯТИ

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ:
«Для чего существует
разведка»

ВЭФ-2019
Историческое
измерение

«НОБЕЛЕВКА»
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Основано в 1866 г.

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА